

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	7
Editorial preface.....	12

ИЗ ИСТОРИИ ИИМК РАН

<i>С. А. Васильев, М. Н. Желтова.</i> Сектор/Отдел палеолита ЛОИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН и его предшественники в РАИМК — ГАИМК(основные вехи истории).....	16
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Вспоминая Елизавету Григорьевну Кастанаян.....	51

СТАТЬИ

<i>М. В. Аникович.</i> Исследование палеолита Костенковско-Борщевского района на новом этапе: хроностратиграфический аспект.....	65
<i>Г. В. Григорьева.</i> Распределение костяных изделий на верхнепалеолитическом поселении Юдиново (межжилищная площадь).....	80
<i>В. В. Питулько.</i> Загадки Берелеха.....	98
И. В. Верецагина. Структура поселений мезолита — раннего металла на Северо-Западе России (бассейн Северной Двины).....	118
<i>Ю. Е. Вострецов.</i> Три метода исследования раковинных отложений: сравнительный анализ.....	137
Г. Ф. Коробкова. Вопросы общественного строя племен древнейшей культурной общности.....	143
<i>В. М. Массон.</i> Самарканд — центр культурогенеза и политогенеза Центральной Азии.....	154
<i>Ю. Г. Кутимов.</i> Степные и земледельческие культурные компоненты в погребальных комплексах эпохи поздней бронзы Средней Азии.....	159
<i>А. А. Ковалев.</i> Локализация народов VI—III вв. до н. э. на северных границах китайских государств (по археологическим и письменным источникам).....	181
<i>С. В. Белецкий.</i> «Пятно» русских князей: «тамга» или «герб»?.....	203
<i>А. В. Курбатов.</i> О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах.....	210

ХРОНИКА

<i>С. А. Васильев.</i> Расширенное заседание Ученого совета Института истории материальной культуры РАН, посвященное юбилею В. П. Любина.....	234
<i>Ю. А. Виноградов, С. В. Кашаев.</i> Расширенное заседание Ученого совета Института истории материальной культуры РАН, посвященное памяти профессора Ю. В. Андреева.....	236
<i>А. Е. Мусин, А. А. Пескова.</i> Юбилей Марианны Владимировны Малевской.....	239

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

<i>Г. И. Зайцева, П. М. Долуханов.</i> Международный семинар «Формирование Европы: динамика доисторического населения и истоки социально-культурной диверсификации».....	243
<i>А. Е. Мусин, П. Бодуан.</i> Научное сотрудничество ИИМК РАН и университета Нижней Нормандии (Франция).....	247
<i>Н. В. Хвоцинская.</i> Новый этап в развитии археологии Эстонии.....	251
Список сокращений.....	257
Правила оформления рукописей для публикации в «Записках ИИМК РАН».....	258

C O N T E N T S

Editorial preface.....	7
------------------------	---

FROM THE HISTORY OF IHMC

<i>S. A. Vasiliev, M. N. Zheltova.</i> Sector/Department of Paleolithic Archaeology: The main stages of history.....	16
<i>Yu. A. Vinogradov.</i> Thinking of Elizaveta Grigorievna Kastanyan.....	51

RESEARCH PAPERS

<i>M. V. Anikovich.</i> New stage in the study of the Kostenki-Borshchevo sites (with special reference to chronological and stratigraphical issues).....	65
<i>G. V. Grigorieva.</i> Spatial distribution of bone artifacts at the Late Paleolithic site of Yudinovo.....	80
<i>V. V. Pitulko.</i> Berelekh enigmas.....	98
<i>I. V. Vereshchagina.</i> Mesolithic — Early Metal Age settlements in the north-west of Russia (the Northern Dvina basin).....	118
<i>Yu. E. Vostretsov.</i> Three methods of deciphering shell middens: comparative analysis.....	137
<i>G. F. Korobkova.</i> On the social order of the Pit Grave (Yamnaya) cultural community.....	143
<i>V. M. Masson.</i> Samarkand and its role in ancient cultural and political history of Central Asia.....	154
<i>Yu. G. Kutimov.</i> On the blending of funeral traditions of pastoralists and land cultivators in the Late Bronze Age burial assemblages of Middle Asia.....	159
<i>A. A. Kovalev.</i> Localization of some peoples of the VI—III cc. BC on the northern borders of China (on the basis of archaeological and written records).....	181
<i>S. V. Beletsky.</i> «Pyatno» (signet) of Old Russian princes: «tamga» (sign of ownership) or «coat of arms»?.....	203
<i>A. V. Kurbatov.</i> On non-stratigraphic dating of leathers from Russian medieval towns.....	210

CHRONICLE

<i>S. A. Vasiliev.</i> Extended session of the Academic Board of IHMC dedicated to the 90 th jubilee of V.P. Lioubin.....	234
<i>Yu. A. Vinogradov, S. V. Kashaev.</i> Extended session of the Academic Board of IHMC dedicated to the memory of Professor Yu. V. Andreev.....	236
<i>A. E. Musin, A. A. Peskova.</i> Jubilee of Marianna Vladimirovna Malevskaya.....	239

INTERNATIONAL COOPERATION

<i>G. I. Zaitseva and P. M. Dolukhanov.</i> International seminar “The Formation of Europe: Dynamics of prehistoric populations and factors of social and cultural diversification”.....	243
<i>A. E. Musin, P. Bauduin.</i> Cooperation between IHMC and Université de Basse-Normandie (France).....	247
<i>N. V. Khvoshchinskaya.</i> New stage in the development of Estonian archaeology.....	251
List of abbreviations.....	257
Instructions to contributors.....	258

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящее издание продолжает серию «Записки ИИМК РАН». В выпуске № 3 в разделе «Из истории ИИМК РАН» представлены две большие работы, посвященные истории научных подразделений Института, богатым традициям петербургской школы археологических исследований. В обширной статье С. А. Васильева и М. Н. Желтовой «Сектор/Отдел палеолита ЛОИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН и его предшественники в РАИМК — ГАИМК (основные вехи истории)» освещены этапы развития Отдела палеолита — формирование и развитие научной проблематики, основные экспедиционные проекты, применение новаторских для своего времени методов изучения остатков культуры древнего человека. Однако на первый план выступают яркие личности крупнейших ученых — Г. А. Бонч-Осмоловского, П. П. Ефименко, С. Н. Замятнина, А. Н. Рогачева, П. И. Борисковского и другие, внесших неоценимый вклад в развитие отечественного палеолитоведения, лучшие исследовательские традиции которых продолжают нынешние специалисты.

Большим теплым чувством проникнут очерк Ю. А. Виноградова «Вспоминая Елизавету Григорьевну Кастанаян». Особое внимание уделено не только научным исследованиям Е. Г. Кастанаян — одной из лучших специалистов по археологии античного Боспора, но и огромному человеческому влиянию на коллектив, творческой рабочей атмосфере, которую создавала эта скромная и обаятельная женщина в группе античной археологии Института.

В разделе «Статьи» публикуются работы, отражающие новые открытия, исследования и аналитические разработки. В статье М. В. Аниковича «Исследование палеолита Костенковско-Борщевского района на новом этапе: хроностратиграфический аспект» показано, что после проведения комплекса международных совместных работ последнего десятилетия, опиравшихся на предшествующие многолетние полевые исследования в Костенках, достигнуты принципиально новые результаты. Доказано, что древнейшие памятники Костенковско-Борщевского района, скорее всего, являются древнейшими верхнепалеолитическими стоянками Европы.

Детальный анализ планиграфии костяных изделий Юдиново проведен Г. В. Григорьевой в статье «Распределение костяных изделий на верхнепалеолитическом поселении Юдиново (межжилищная площадь)». Автор выделяет орудия охоты, изделия хозяйственного назначения, бытовые предметы, отходы производства и показывает, что обилие костяных поделок в Юдиново свидетельствует о широком распространении и высоком уровне развития костерезного производства. Костяные изделия определяют и подчеркивают своеобразие памятника и находят больше соответствий в европейских мадленских памятниках, чем в материалах стоянок других культур.

В работе В. В. Питулько «Загадки Берелеха» предпринята попытка систематизировать и проанализировать все доступные сведения о берелехском палеон-

тологическом и археологическом феномене на Северо-Востоке Азии. Радиоуглеродный возраст стоянки Берелех исключает предположение об антропогенном происхождении Берелехского костяка, которое эксплуатировалось лишь как источник ценного сырья (бивней и длинных костей мамонта). Костеносный горизонт образовался 14—11 тыс. л. н., а стоянка Берелех принадлежит, скорее всего, к позднему этапу верхнепалеолитической культурной традиции, истоки которой восходят к памятникам типа Янской стоянки.

Статья И. В. Верещагиной «Структура поселений мезолита — раннего металла на Северо-Западе России (бассейн Северной Двины)» посвящена анализу и классификация памятников эпохи мезолита — раннего металла, исследованных под руководством автора в бассейне Северной Двины. Все рассмотренные разновременные группы памятников разнокультурны. Каждый период представлен как базовыми поселениями продолжительного обитания, так и кратковременными сезонными промысловыми стоянками. В целом, независимо от культурной принадлежности, заметна тенденция увеличения площади поселений во времени, усложнение их структуры, а следовательно, и численности коллективов, их оставивших. В домостроительстве прослеживается тенденция развития жилищ от легких наземных или слабоуглубленных к наземным или полужемляночным срубным жилищам большей площади.

Ю. Е. Вострецов в статье «Три метода исследования раковинных отложений: сравнительный анализ» рассматривает специфику и различные варианты формирования структур раковинных отложений и на примере памятников Приморья анализирует реконструктивные возможности методов их исследования. Первый метод предполагает нестратифицированную выборку раковинных отложений. Он дает возможность соотнести состав экофактов с характеристиками зоны хозяйственного использования поселения и сравнить раковинные отложения разных поселений между собой. Второй метод связан с выделением дискретных слоев в стратифицированных раковинных отложениях. В результате была получена усредненная картина жизнеобеспечения одной семьи, вероятно, за один год. Третий метод предполагает выделение единиц отложения по всем дискретным раковинным слоям. Этот метод дает возможность реконструкции мелкомасштабных изменений окружающей среды, годичного цикла жизнеобеспечения, сезонного поведения индивидов отдельного домохозяйства и их взаимной динамики.

Г. Ф. Коробкова в статье «Вопросы общественного строя племен древнеямной культурной общности», обобщая материалы Михайловского поселения, приходит к выводу о функционировании здесь сложной социальной организации, управляемой, скорее всего, советом старейшин во главе с лидером, выполнявшим организационные и военные функции. Михайловское поселение с его укрепленными сооружениями рассматривается как один из центров мощной, исключительно мобильной общности племен ямной культуры, значение которой для исторических судеб многих народов Карпато-Балканского региона, Поднестровья, Северного Причерноморья, Подолия, Поволжья и Приуралья было необычайно велико.

В небольшой работе В. М. Массона «Самарканд — центр культурогенеза и политогенеза Центральной Азии» показано, что долина Зравшана и, позднее, Согдиана играли важную роль в процессах культурогенеза Центральной Азии. В этом регионе на протяжении трех исторических эпох — от древности до средне-

ковья шел активный процесс культурного взаимодействия двух систем — оседло-земледельческой городской и скотоводческой степной.

Ю. Г. Кутимов в статье «Степные и земледельческие культурные компоненты в погребальных комплексах эпохи поздней бронзы Средней Азии» рассматривает опубликованные материалы могильников эпохи поздней бронзы Таджикистана. Смещение двух культурных традиций — пришлой степной и местной оседлой — наиболее показательным проявляется в погребальном обряде могильников Дашти-Кози, Кумсай, Тандырыул, Ранний Тулхар и Тигровая Балка. Основным типом погребального сооружения является подбойно-катакомбная могила, имеющая глубокие корни в земледельческих культурах древней Бактрии. В смешанном обществе степные племена полностью перенимают традицию катакомбных захоронений, однако вносят в погребальный обряд собственные культурные элементы — интенсивное использование камня при сооружении погребальных конструкций и применение в погребальных церемониях ритуальных действий, связанных с культом огня.

В работе А. А. Ковалева «Локализация народов VI—III вв. до н. э. на северных границах китайских государств (по археологическим и письменным источникам)» поднята проблема локализации скотоводческих народов позднескифской эпохи на границах китайских государств. Для определения земель, занимаемых в этот период народами линьху, дунху, лоуфань, сюнху, автор предлагает собственные переводы, интерпретации и датировки древнекитайских текстов, в которых упомянуты эти племена. Локализации на основе нарративных источников уточняются на основе данных о прослеженных археологически «длинных стенах» на северных границах царств Янь, Чжао, Цинь. В материальной культуре скотоводческих народов «северной окраины» выделяются элементы, распространение которых во времени и пространстве совпадает с ареалами расселения племен, определенных по данным письменных источников и локализованных «длинных стен». Предполагается, что такие признаки могут являться «этническими индикаторами» скотоводческих племен.

Статья С. В. Белецкого «“Пятно” русских князей: “тамга” или “герб”?» посвящена анализу так называемых «знаков Рюриковичей». В литературе существуют две точки зрения о древнерусских княжеских знаках X—XIII вв.: 1) хозяйственные знаки (знаки собственности) и 2) изобразительные символы сословного отличия и политической власти (гербы). Выявленные правила наследования «знаков» позволяют считать их не только символом экономической собственности русских князей, но, прежде всего, сословно-престижными символами, обозначающими принадлежность владельца к правящей династии.

А. В. Курбатов в работе «О нестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах» исследует кожаные изделия и обрезки, найденные во Пскове на раскопах Петровский VIII и IX в 2007 г. Этот комплекс предметов, вместе с сопутствующими находками, является эталоном археологических коллекций такого рода, помогающим раскрывать многие вопросы изучения русского города и русской средневековой культуры в целом. Массовость найденных кожаных изделий, а также выделение специализированных мастерских конкретизируют особенности жизнедеятельности древних псковичей и могут служить основой для изучения палеоэтнографии Пскова. В частности, деятельность

мастера-рукавичника можно относить к самым последним годам XV в. и самым первым годам XVI в. Кратковременная работа в той же мастерской сапожника может быть ограничена осенью 1499 г. — весной 1501 г.

В разделе «Хроника» публикуются заметки С. А. Васильева, Ю. А. Виноградова и С. В. Кашаева, а также А. Е. Мусина и А. А. Песковой, в которых представлена краткая информация о трех наиболее значимых юбилейных научных мероприятиях, прошедших в ИИМК РАН в первой половине 2008 г. Первое из них было посвящено 90-летию блестящего палеолитоведа В. П. Любины. Изучение Василием Прокофьевичем Любиным и его учениками древнейшего палеолита Кавказа вносит неоценимый вклад в решение вопроса о ранних этапах расселения человечества. Часть докладов, прочитанных на расширенном заседании Ученого совета и Отдела палеолита, опубликована в сборнике «Кавказ и первоначальное заселение человеком Евразии» (СПб., 2007). В работе расширенного заседания Ученого совета и Отдела истории античной культуры, посвященного памяти выдающегося историка античности, профессора Ю. В. Андреева, приняло участие большое количество специалистов из ряда учреждений Санкт-Петербурга. В докладах были затронуты разные аспекты изучения древних культур, связанных с античной цивилизацией. Материалы заседания в настоящее время готовятся к печати. В праздновании юбилея М. В. Малевской в Отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН принял участие директор Института археологии и этнологии Польской Академии наук профессор А. Буко, подчеркнувший, что исследования М. В. Малевской играют важную роль для средневековой археологии трех стран — Белоруссии, Польши и России. Доклад самой неувыдаемой Марианны Владимировны был посвящен памятникам монументальной архитектуры Юго-Западной Руси конца XIII—начала XIV в., исследованных ею на территории Львовской области. Полностью материалы этого научного заседания будут опубликованы в № 4 Записок ИИМК РАН.

В разделе «Международное сотрудничество» публикуется информация Г. И. Зайцевой и П. М. Долуханова о работе в рамках проекта международных исследований по программе «Формирование Европы: динамика доисторического населения и истоки социально-культурной диверсификации». Основная научная задача проекта — объединение усилий археологов, математиков, палеогеографов и палеодемографов для построения математической модели, адекватно описывающей распространение на территории Европы культур неолита и первоначальное возникновение различий в сфере экономики и материальной культуры. На международном семинаре, который прошел в ИИМК РАН в апреле 2008 г., специалисты из Австрии, Англии, Белоруссии, Испании, Литвы, Молдавии, Польши, России, Украины, Франции и Швеции обменялись информацией о результатах первого года исследований по проекту и уточнили задачи на будущее.

В информации А. Е. Мусина «Научное сотрудничество ИИМК РАН и университета Нижней Нормандии (Франция)» речь идет о совместном проекте в рамках межакадемического обмена. Проект «Две "Нормандии": сравнительный анализ пребывания скандинавов во Франции (Нормандия) и на Руси (Новгородская земля) и их культурно-исторические судьбы» посвящен сравнительному изучению процесса аккультурации скандинавов в различных этнокультурных обстоятельствах и роли исторической памяти в формировании национальной идентичности.

Н. В. Хвоцинская в обзоре «Новый этап в развитии археологии Эстонии» анализирует структуру научных учреждений, систему подготовки и аттестации студентов и специалистов, организацию научно-исследовательского процесса в археологии современной Эстонии. Учитывая, что в настоящее время в этой стране значительно выросло количество публикаций, автор подробно описывает как новые периодические и серийные издания по археологии Эстонии, так и основные монографические исследования, увидевшие свет за последние 15 лет.

EDITORIAL PREFACE

This edition continues the series of Transactions published by the Institute for the History of Material Culture (hereafter IHMC) of the Russian Academy of Sciences. The content of the volume is divided into four sections, the first of which («From the history of IHMC») consists of two big papers devoted to the history of the Institute. S. A. Vasiliev and M. N. Zheltova present an extensive description of the formation and development of the Department of Paleolithic Archaeology of IHMC. They elucidate the main stages of the Department history, paying particular attention to those scholars who made especially important contributions to the study of the Paleolithic period (G. A. Bonch-Osmolovsky, P. P. Efimenko, S. N. Zamiatnin, A. N. Rogachev, P. I. Boriskovsky and others).

Yu. A. Vinogradov shares with the reader his very warm memories of Elizaveta Grigorievna Kastanyan, who was not only one of the leading experts in the archaeology of Ancient Bosphorus, but also a person of rare charm, exerting a great influence on the formation of the creative working atmosphere in the Group of Classical Archaeology of IHMC.

The second section («Research papers») includes articles presenting the most recent results of the field and analytical works conducted by the Institute staff members. M. V. Anikovich provides an outline of the changes that have occurred in the study of the Upper Paleolithic sites of the Kostenki-Borshchevo area in the last ten years. He shows how this study gained from the realization of a number of international and interdisciplinary projects, reviews the most important scientific results obtained in the course of these works, and substantiates the thesis that the earliest Upper Paleolithic sites of the Kostenki-Borshchevo area (lowermost layers of Kostenki 12 and 14) are most probably the oldest Upper Paleolithic sites known in Europe.

The paper by G. V. Grigorieva is devoted to bone artifacts from the Late Paleolithic site of Yudinovo (Bryansk oblast of Russia), with primary attention given to the analysis of their spatial distribution. The author concludes that the richness and diversity of the bone industry of Yudinovo is indicative of a high level of bone-carving skills attained by the local artisans and notes that the industry has much in common with the Magdalenian assemblages.

V. V. Pitulko undertakes an attempt to systematize and analyze all the available information about the paleontological and archaeological assemblages of Berelekh in Yakutia. He demonstrates that while neither the age of the artifacts nor their relation to the bone bed are clear, the claims for the Duktai roots of the Berelekh industry have no real basis. Instead, there are solid grounds to believe that the assemblage belongs to the old cultural tradition going back to the Yana Early Upper Paleolithic culture (named after the Yana RHS site in the Yana-Indighirka Lowland).

The posthumously published paper by I. V. Vereshchagina is devoted to the analysis and classification of the Late Mesolithic – Early Metal Period sites studied by the author in the Northern Dvina basin. All the sites belong to different cultures. Each period

is represented by both long habitation sites and short-term or seasonal camps. There is a general time-trend towards the increase of the site areas and the complication of their structure, which seems to reflect the numerical growth of human groups. Another tendency consists in the gradual transition from light above-ground or slightly deepened dwellings to semi-subterranean log houses.

Yu. E. Vostretsov considers different ways of formation of archaeological shell middens in the littoral sites of the Russian Far East. He describes three methods of studying such objects and shows that when studied properly, they can give valuable information on many aspects of past subsistence behaviors and environments.

G. F. Korobkova in her posthumous paper uses the materials of the Mikhailovskoe settlement as a starting point for discussing the structure of the Pit Grave (Yamnaya) culture communities. She concludes that there existed a complex social organization managed, most probably, by the council of elders headed by a leader fulfilling both administrative and military functions. The Mikhailovskoe settlement with its fortifications is regarded as one of the centers of the powerful and extremely mobile Pit Grave tribal community. This community played a very important role in the political and ethnical history of the vast lands stretching from the Balkans in the west to the southern Ural in the east.

V. M. Masson examines the role played by the Zeravshan valley and later by Sogdiana in the cultural history of Central Asia. During three historical epochs from the ancient time and through the Middle Ages this region was an arena of interaction between sedentary urban cultures of land cultivators and steppe cultures of stock-breeders.

Yu. G. Kutimov uses the published materials from the Late Bronze Age cemeteries of Tajikistan to trace the interaction of indigenous (sedentary) and strange (steppe) cultural traditions. The blending of these traditions is best of all manifested in the mortuary practices of such cemeteries as Dashti-Kozi, Kumsai, Nandyryul, Early Tukhtar, and Tigrovaya Balka. They are characterized by catacomb graves with undercuts, which are typical for the farming cultures of Ancient Bactria. The steppe tribes adopted the tradition of catacomb burials, but enriched the funeral practices with their own cultural elements, including the intensive use of stone in burial structures, and rituals associated with the cult of fire.

A. A. Kovalov focuses on the problem of localization of the stockbreeding peoples of the Late Scythian time on the borders of ancient Chinese states. To identify the lands occupied by Linhu, Donghu, Loufan, and Hsiongnu the author puts forward new translations, interpretations, and dating of the ancient Chinese texts in which these tribes are mentioned. The conclusions made on the basis of written records are then tested against the archaeological data on the location of «long walls» on the northern borders of Yan, Zhao, and Qin kingdoms. Further, the author distinguishes a number of traits characteristic of the material culture of the pastoralist peoples in question and shows, that their distribution in time and space coincides with the tribal areas as defined after written records and «long walls» location. He suggests that such traits can serve as «ethnical indicators».

S. V. Beletsky analyzes so called «tokens of Rurikids». The Old Russian palatine tokens of the X–XIII cc. have been regarded in the literature as either signs of ownership or symbols of social status and political power (coats of arms). The rules of inheritance of these «tokens» testify, that while fulfilling both functions, they were first of all symbols of prestige signifying the affiliation with the ruling dynasty.

A. V. Kurbatov examines the leathers found at Pskov in the excavation areas Petrovsky VIII and IX in 2007. This assemblage together with accompanying finds can shed light on many questions associated with the study of the Russian town and Russian Medieval culture in the whole. The abundance of leathers and the presence of specialized workshops create a possibility to learn more about the ethnography of medieval Pskov. Proceeding from the careful study of one of the workshops the author shows that a glove-maker worked in it at the very end of the XV century and the first years of the XVI century, while the activity of a shoemaker took place during a short period from fall 1499 through spring 1501.

In the third section («Chronicle») S. A. Vasiliev, Yu. A. Vinogradov, S. V. Kashaev, A. E. Musin, and A. A. Peskova publish brief communications about three most important events that took place at IHMC in the first half of 2008. The first of them was the extended session of the Academic Board of IHMC and the Department of Paleolithic Archaeology dedicated to the 90th jubilee of V. P. Lioubin, whose famous works have greatly contributed to our knowledge of the Lower and Middle Paleolithic of Eurasia and Africa. A part of the papers presented to the session has been published in the festschrift «The Caucasus and the Initial peopling of Eurasia» (St.-Petersburg, 2007). Many scholars from different institutions of St. Petersburg took part in the extended session of the Academic Board of IHMC and the Department of Classical Archaeology dedicated to the memory of Professor Yu. V. Andreev, an outstanding researcher of the Ancient World history. The papers presented to this meeting dealt with various questions associated with the study of the Classical Period. These materials are now being prepared for publication. The extended session of the Academic Board of IHMC and the Department of Slavonic and Finnish Archaeology was dedicated to the jubilee of M. V. Malevskaya. Professor A. Buko, the director of the Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences, emphasized that M. V. Malevskaya's works are of great importance for the Medieval archaeology of Byelorussia, Poland, and Russia. The materials of this session will be fully published in the 4th issue of «Transactions of IHMC».

The fourth and last section of this volume («International Cooperation») contains information on a number of current international projects accomplished with the participation of IHMC. G. I. Zaitseva and P. M. Dolukhanov report on the work within the frameworks of the international research program «The Formation of Europe: Dynamics of prehistoric populations and factors of social and cultural diversification». The main purpose of this project is the creation by joint efforts of archaeologists, mathematicians, paleogeographers, and paleodemographers of a mathematical model adequately describing the formation and distribution of Neolithic cultures in Europe. In the course of the International Seminar held at IHMC in April of 2008, the scholars from Austria, Britain, Byelorussia, France, Lithuania, Moldova, Poland, Spain, Sweden, Russia, and Ukraine discussed the first results of their work on the project and perspectives for the future.

A. E. Musin and prof. P. Bauduin presents information about the joint project of IHMC and Université de Basse-Normandie (France) «Of Two "Normandys": interdisciplinary comparative studies on the Scandinavian foundations and theirs historical destinies in France (Normandy) and in Russia (Novgorod region)». The project is aimed at the comparative study of the process of acculturation of the Norsemen in different ethnical

and cultural milieus. One more objective is to assess the role of historical memory for the formation of ethnical identity.

N. V. Khvoschinskaya analyzes the structure of scientific institutions of Estonia, the systems of specialist training and certification, and the organization of archaeological research in this country. She presents a review of both new archaeological periodicals and main monographs that have come out in the last 15 years.

СЕКТОР/ОТДЕЛ ПАЛЕОЛИТА ЛОИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКИ В РАИМК — ГАИМК (ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИИ)¹

С. А. ВАСИЛЬЕВ, М. Н. ЖЕЛТОВА

Изучение палеолита традиционно является одним из основных направлений деятельности ИИМК РАН. Мы опираемся при этом на богатые традиции петербургской школы исследователей древнейшего прошлого человечества. С начала XX в. протягивается непрерывная связь археологов нескольких поколений, среди которых ряд выдающихся ученых. Напомним, что оба крупнейших достижения отечественных археологов, вошедшие в золотой фонд мировой науки о древности, а именно открытие феномена палеолитических жилищ и экспериментально-трассологический метод С. А. Семенова, исторически связаны с нашим коллективом. Гораздо меньшей известностью (причем, увы, не только за рубежом, но и в России) пользуются такие факты, как создание Г. А. Бонч-Осмоловским опередивших свое время методических приемов изучения пещерных памятников, технологического и статистического анализа каменной индустрии, гендерный подход к доистории в работах начала 1930-х гг. у П. П. Ефименко.

Вместе с тем было бы неверно сводить деятельность Отдела палеолита к изучению только памятников древнекаменного века. Ученые нашего коллектива немало потрудились над разработкой проблематики мезолита и неолита различных уголков Евразии, а также внесли большой вклад в исследование более поздних древностей Севера нашей страны. Эта тема заслуживает отдельного очерка.

Зарождение петербургской школы изучения палеолита

Формированием профессиональной школы изучения палеолита в Петербурге мы всецело обязаны Ф. К. Волкову — выдающемуся антропологу, ученику и сотруднику Г. де Мортилье. После возвращения в Россию из эмиграции в 1906 г. он

¹ Публикация подготовлена при поддержке программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» и гранта РФФИ № 07-01-512. Авторы признательны сотрудникам библиотеки и Научного архива ИИМК РАН за содействие в работе.

занимает пост в Русском музее, начинает преподавательскую деятельность в университете и позднее возглавляет Русское антропологическое общество.

Этим событиям предшествовала своеобразная «доистория» изучения палеолита в Петербурге. Еще в конце 70-х гг. XIX в. Академия наук направила И. С. Полякова (1880) в «антропологическую поездку», приведшую к открытию палеолита в Костенках. В это же время студент-естественник Петербургского университета К. С. Мережковский (1880) провел в Крыму успешные разведки, в результате которых были обнаружены верхнепалеолитические и мустьерские комплексы в скальных убежищах. В стенах Музея антропологии и этнографии (МАЭ) работал в начале XX в. над сибирскими коллекциями И. Т. Савенков.

Одной из первых систематических раскопочных кампаний по палеолиту в России стало изучение Мезинской стоянки. Исследование, проведенное в 1909—1916 гг. Ф. К. Волковым (1913) и его учениками, позволило открыть мир «южнорусского мадлена» со своеобразным искусством и орнаментикой. Однако основная заслуга Ф. К. Волкова не только и не столько в собственных полевых работах, но в преподавательской и научно-организационной деятельности. Под его руководством усваивали азы доисторической археологии П. П. Ефименко и Г. А. Бонч-Осмоловский. Статьи П. П. Ефименко (1913; 1915) были первыми в России профессиональными сочинениями по палеолиту в полном современном смысле этого слова. Отметим выдающуюся роль Ф. К. Волкова и П. П. Ефименко в формировании русской терминологии для описания и классификации изделий из камня.

Подобно другим национальным школам исследования палеолита, русская школа формируется под непосредственным воздействием французской доистории. Речь идет о палеоэтнологическом направлении, у истоков которого в России стоял Д. Н. Анучин. Он рассматривал доисторическую археологию (или палеоэтнологию) как составную часть антропологии в широком смысле слова, охватывающую также физическую антропологию, лингвистику и этнографию. При этом для Д. Н. Анучина антропология являлась частью естествознания, приложением принципов естественной истории к изучению человека. Эту точку зрения разделяли как исследователи палеолита 80-х гг. XIX в. (И. С. Поляков, К. С. Мережковский), так и позднее Ф. К. Волков (1915), который выступил против «археологов», стремившихся перевести изучение доисторических древностей в русло гуманитарного знания. Такая постановка вопроса противостояла основной линии официальной русской археологии того времени, ориентированной на изучение «национальных древностей». Недаром попытка обобщить сведения по палеолиту страны со стороны сотрудника Императорской Археологической Комиссии (Спицын 1915) вызвала резко негативную реакцию среди учеников Ф. К. Волкова.

Если Ф. К. Волков до конца дней оставался последовательным представителем классического эволюционизма, то уже в ранних работах П. П. Ефименко (1915) намечается переход от линейного эволюционизма Мортилье к исследованию ареалов палеолитических культур, осознается своеобразие восточноевропейского палеолита.

Эти новаторские разработки находились в стадии формирования, и в обобщающих трудах дореволюционного периода материалы по палеолиту России были представлены в виде списков памятников, организованных по географическому

принципу. Таким образом, несмотря на прогресс в деле аккумуляции фактических данных, русская археология той поры еще не вышла на уровень создания собственных схем периодизации палеолита.

Археология палеолита в РАИМК — ГАИМК

После революции Императорская Археологическая Комиссия стала именоваться Российской, а в 1919 г. была преобразована в Российскую Академию истории материальной культуры (РАИМК). В составе Академии было создано этнологическое отделение, включавшее разряд палеоэтнологии, объединивший видных специалистов по доисторической археологии (С. Н. Замятин, П. П. Ефименко, А. А. Миллер, С. А. Теплоухов). Тем самым был преодолен характерный для до-революционного периода разрыв между изучением первобытных древностей и остальными отраслями археологии. Позднее, в 1925—1926 гг., указанный разряд был преобразован в Секцию генетики культуры, возглавляемую П. П. Ефименко (рис. 1). В 1926 г. Академия была переименована в Государственную Академию истории материальной культуры (ГАИМК).

Интересно, что в РАИМК действовал Институт археологической технологии — одна из первых в мировой практике специализированных лабораторий по применению естественнонаучных методов. Что касается палеолитической тематики, то она сводилась к петрографическому анализу сырья каменных орудий

и определению фаунистических остатков. При этом наряду с изучением археологических материалов и техники изготовления древних вещей в рамках деятельности Института (его «биологического разряда») была поставлена задача исследования взаимоотношения ландшафта и материальной культуры, реконструкции палеоландшафтов. Из числа частных методик естественнонаучного анализа палеолитических материалов заслуживает упоминания необычно раннее появление в России антракологии. С конца 1920-х гг. А. Ф. Гаммерман (1934) определяла по методике, разработанной В. О. Клером, образцы древесного угля из палеолитических стоянок Крыма и Сибири.

В 1920-е гг. разворачивается полевая деятельность, расширившая как географические, так и хронологические рамки российского па-

Рис. 1. П. П. Ефименко

леолита. В это время обозначается интерес к исследованию ранее практически неизвестного среднего палеолита. П. П. Ефименко изучает мустьерское местонахождение Деркул на Северском Донце. В 1923—1926 гг. Г. А. Бонч-Осмоловский провел блестящую кампанию раскопок мустьерского грота Кник-Коба в Крыму, открыв здесь остатки неандертальских погребений. Кроме того, он обследовал ряд других пещерных памятников — Стурень I и II, Шайтан-Кобу, Кош-Кобу, Аджи-Кобу. На Кавказе с 1925 г. С. Н. Замятин раскапывает Ильскую стоянку (см. Щелковский, Кулаков 2005).

Однако центром притяжения исследовательских сил продолжает оставаться верхний палеолит Русской равнины. 1920-е годы — время возобновления работ в Костенках, что было отправным пунктом непрерывного исследования серии стоянок, имеющих ключевое значение для доистории Восточной Европы. Если предпринимавшиеся ранее поездки в Костенки носили характер кратковременных кампаний, то начиная с 1920-х гг. формируется Костенковская экспедиция — старейшая в стране полевая лаборатория изучения древнекаменного века. Именно материалы Костенок послужили базой для формирования нескольких сменявших друг друга на протяжении десятилетий концепций развития верхнепалеолитической культуры.

Интерес к палеолиту Костенок подогревался обнаружением среди материалов из раскопок С. А. Круковского 1915 г. обломка мергелевой статуэтки — первым открытием мобильного искусства костенковской культуры. Нашедший в фондах Воронежского музея эту вещь С. Н. Замятин (рис. 2, 2) предпринимает небольшие работы на Костенках I в 1922 г. Позднее к нему присоединяется П. П. Ефименко, и уже в 1923 г. раскопки в Костенках I доставили великолепный образец статуэтки. В последующие годы П. П. Ефименко и С. Н. Замятин вели исследование Костенок I, II, III и IV.

Из числа других работ по палеолиту Русской равнины особое значение имели раскопки С. Н. Замятина (1935; Zamiatine 1934) в Гагарино в 1927 и 1929 гг., позволившие впервые идентифицировать остатки углубленного палеолитического жилища (рис. 3). Кроме того, С. Н. Замятин участвовал в исследованиях Бердджской стоянки в Белоруссии, вел раскопки стоянки Сучкино, разведки на Северском Донце. П. П. Ефименко раскапывал стоянку Супонево.

В Сибири в 1928—1929 гг. Г. П. Сосновский при участии В. И. Громова проводил раскопки Кокоревских стоянок на Енисее и обследование местонахождений в Бурят-Монголии.

1920-е годы проходят под знаком полного доминирования палеоэтнологической школы, учеников Ф. К. Волкова. Русская палеоэтнология этого времени наметила ряд принципиально новых моментов, во многом опередив развитие мировой науки. К ним относится, прежде всего, совершенствование приемов полевого исследования, нацеленного на реконструкцию облика древних поселений. Г. А. Бонч-Осмоловским (1940) была разработана оригинальная методика изучения пещерных комплексов, сочетающая анализ стратиграфического и планиграфического распределения остатков. Эта методика заметно опережала приемы, практиковавшиеся в то время на Западе, и в ряде моментов была близка методике, разработанной во Франции уже после второй мировой войны Ф. Бордом. Г. А. Бонч-Осмоловским был проведен превосходный современный археозоологические разработки опыт фиксации распределения нарезок на костях жи-

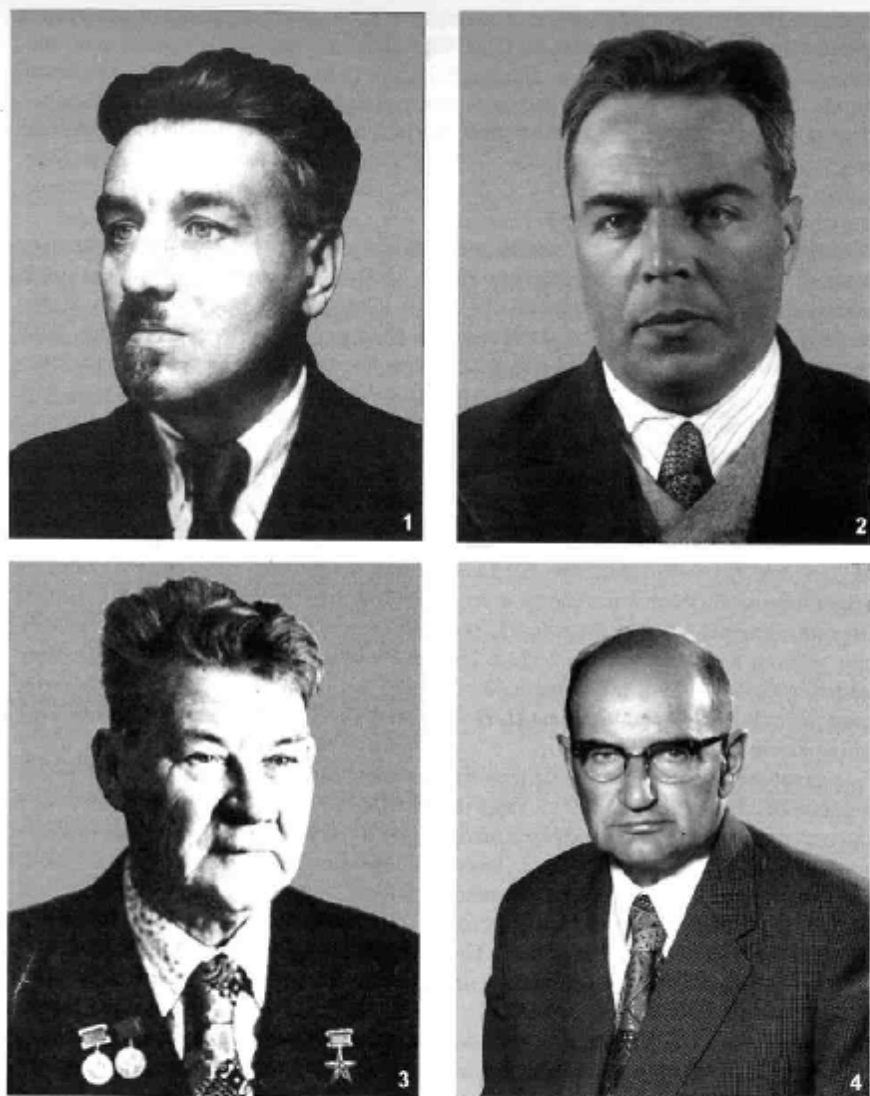

Рис. 2. 1 — В. И. Радловник; 2 — С. Н. Замятина; 3 — А. П. Окладников; 4 — П. И. Борисковский

вотных и реконструкция на этой основе характера разделки охотничьей добычи (Бонч-Осмоловский 1931). Всемирное признание получило открытие С. Н. Замятиной (1935) феномена палеолитических жилищ.

В области изучения изделий из камня задолго до Ф. Борда Г. А. Бонч-Осмоловский (1928; 1940) предложил методiku статистической обработки массового материала и одним из первых рассмотрел в комплексе технологию каменной индустрии.

Рис. 3. Раскопки С. Н. Замятина в Гизарино (1929 г.)

В сфере обобщения данных заслуживает внимания разработка периодизации палеолита Восточной Европы с привязкой к выделенным во Франции фазам развития (Ефименко 1928). Интересно при этом отметить, что П. П. Ефименко почти одновременно с Г. Чайлдом поставил вопрос о возможности выделения археологических культур в верхнем палеолите. Особо отметим труды Г. А. Бонч-Осмоловского (1932), нацеленные на анализ взаимосвязи ранних этапов развития человека с изменениями природной среды.

К сожалению, эти перспективные направления исследования оказались не реализованными в полной мере, а частью были отброшены в сторону последующим ходом развития науки в нашей стране.

С начала 1930-х гг. советская археология вступает в принципиально новую фазу развития. Начиная с этого периода, большевики приступили к решительной «марксистизации» науки. Тоталитарный стиль руководства государством нашел свое отражение и в науке. Руководитель учреждения П. Я. Марр с его «новым учением о языке» стал проводником этих процессов в среде основного центра тогдашней археологии — ГАИМКа. Начало 1930-х гг. — время коренной ломки традиционной структуры археологии.

Волна репрессий 1930-х гг. не обошла стороной археологию палеолита. Происходит форменный разгром палеоэтнологических школ. На долгие годы прерывается исследовательская деятельность такого блестящего археолога, как Г. А. Бонч-Осмоловский. Он получил возможность вернуться в науку в конце 1930-х гг. и только в 1940 г. выпустил в свет первый том «Палеолита Крыма», подготовленный к печати в 1928 г.

Организационные перестройки в 1930-е гг. следовали одна за другой (см. Илларионов 1947). В 1931 г. в рамках Сектора архаической формации ГАИМКа была создана Группа доклассового общества под руководством П. П. Ефименко —

предшественник Сектора палеолита. В 1932 г. Сектор арханческой формации был переименован в Сектор доклассового общества, в составе которого была выделена Бригада дородового общества. В 1934 г. эта бригада в свою очередь была преобразована в кафедру истории дородового общества под руководством того же П. П. Ефименко, входившую в состав Института истории доклассового общества (директор — В. И. Равдоникас). Окончательно Сектор палеолита и неолита получил организационное оформление в 1937 г. при преобразовании ГАИМК в Институт истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР.

При этом над изучением палеолита и неолита в стенах ГАИМК—ЛОИМК в 1930-е—начале 1940-х гг. постоянно работали С. Н. Замятнин, Г. А. Бонч-Осмоловский, П. И. Борисковский, А. П. Окладников, А. Н. Рогачев, В. И. Громов, М. М. Герасимов, С. А. Семенов, С. Н. Бибииков, Б. Ф. Земляков и Н. А. Бергговая. П. П. Ефименко, Г. П. Сосновский и П. Н. Третьяков совмещали изучение памятников каменного века и позднейших культур. В состав исследовательской группы входил антрополог Г. И. Петров, занимавшийся проблемами антропогенеза.

В 1930-е гг. костенковские стоянки по-прежнему находились в центре дискуссий. В 1931—1938 гг. П. П. Ефименко (1958) предпринимает новаторский проект раскопок на широкой площади сложного жилого комплекса Костенок I (рис. 4). Из других заметных событий отметим открытие остатков землянки на Тельманской стоянке. Расширяется круг участников костенковской экспедиции; в работу вовлекаются ученики П. П. Ефименко — П. И. Борисковский раскапывает Боршево II, а А. Н. Рогачев (1955) — Костенки IV. С. Н. Замятнин обследует палеолитические местонахождения бассейна Дона (Шубное, Деркул и др.), а С. Н. Бибииков ведет небольшие работы по палеолиту на Днестре.

Рис. 4. Разборка культурного слоя на первом жилом комплексе Костенок I (1934 г.)

Рис. 5. Раскопки М. М. Герасимова в Мальте (1934 г.)

На Украине П. И. Борисковский, работавший в составе Деснинской экспедиции М. В. Воеводского, в 1937—1939 гг. провел в Пушкарях I блестящую полевою кампанию, открыв остатки длинного жилища. Работы по палеолиту Кавказа в 1930-е гг. связаны с именем С. Н. Замятнина (1937; 1961), обследовавшего ряд нижнепалеолитических местонахождений на черноморских террасах Абхазии. Он же изучил в 1936—1938 гг. мустьерские Ахштырскую и Навилишенскую пещеры в районе Сочи и навес Мгвимеви в Грузии. М. З. Паничкина занималась нижнепалеолитическими местонахождениями на Кубани.

С. Н. Бибииков обследует уральские пещеры. В Сибири в 1932 и 1934 гг. под руководством М. М. Герасимова развернулись широкомасштабные раскопки Мальты (рис. 5), которые привели к открытию эффектных остатков жилых конструкций, получению большой коллекции каменного и костяного инвентаря, украшений, статуэток. В дальнейшем М. М. Герасимов сосредоточивается на изучении стоянки Усть-Белая. А. П. Окладников неподалеку открыл «двойник» Мальты — стоянку Буреть, также доставившую следы искусственных конструкций и серию женских статуэток. Г. П. Сосновский ведет изучение палеолита Алтая.

Вторая половина 1930-х гг. ознаменовалась первыми открытиями в Средней Азии, где А. П. Окладников в 1938—1939 гг. осуществил раскопки грота Тешик-Таш, обнаружив остатки неандертальца (Тешик-Таш... 1949).

Рассмотренная выше деятельность археологов имела результатом многократное увеличение суммы сведений по палеолиту Северной Евразии. Если к началу 1930-х гг. Г. А. Бонч-Осмоловский и В. И. Громов (Bonch-Osmolovsky, Gromov 1936) насчитывали 90 пунктов с палеолитическими остатками для территории

СССР, то в справочнике 1936 г. упомянуто 154 местонахождения (Березин 1936), а уже к 1940 г. их число увеличивается до 252 (Ефименко, Береговая 1941).

Важными рубежами в обобщении сведений по палеолиту в глобальном масштабе явились три издания монографии П. П. Ефименко (1934; 1938; 1953), которая стала настольной книгой для нескольких поколений русских археологов. В 1930-е гг. другой выдающийся исследователь С. Н. Замятин начал работу над своей версией «Палеолита мира», часть текста которой вышла в свет уже после войны (Замятин 1951).

С довоенного времени в основанной по инициативе М. И. Артамонова серии «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА) начинают появляться формируемые в Отделе сборники статей по каменному веку, озаглавленные «Палеолит и неолит» (1941. № 2; 1953. № 39; 1957. № 59; 1960. № 71; 1965. № 131; 1971. № 173; 1972. № 185). Справедливости ради отметим, что первое подобного рода издание вышло в свет еще до начала запуска серии МИА (Палеолит СССР... 1935).

Переломные события начала 1930-х гг. сдвинули акценты в проблематике изучения древнекаменного века. На первый план вышли такие моменты, как реконструкция облика палеолитических жилищ и поселений. В данной области советские исследователи действительно опережали мировую науку того времени, хотя эти успехи имели обратную сторону. Чрезмерное увлечение единовременным вскрытием культурного слоя на широкой площади приводило к игнорированию микростратиграфии, а нацеленность ученых на выявление следов жилищ — к тому, что в ряде случаев естественные структуры интерпретировались как остатки построек.

Была разработана оригинальная стадияльная версия развития палеолитической культуры, в которой особое значение придавалось исследованию проблемы культурных изменений у автохтонного населения под влиянием сдвигов в хозяйственной деятельности и социальной организации (Ефименко 1931; Борисковский 1932). В этом плане советская доистория 1930-х гг. во многом предвосхитила англо-американскую «новую археологию» 1960—1970-х гг. Стадиализм господствовал в отечественной археологии 1930—1950-х гг., когда на его основе были созданы периодизационные схемы расчленения палеолита Восточной Европы (Ефименко 1953; Борисковский 1953), Кавказа (Замятин 1957) и Сибири (Сосновский 1934).

Популярная в свое время оценка стадиализма как «социологического схематизма» выглядит сейчас несколько односторонней. Представление о внутренней структурированности развития палеолитической культуры, поиск причин культурных изменений в сфере социально-экономического развития кажутся вполне актуальными. Вместе с тем пренебрежение ролью природной среды заметно сужало круг объяснительных гипотез и отрицательно сказывалось на прогрессе междисциплинарных исследований.

Правда, проведенная в начале 1930-х гг. структурная перестройка археологической науки, имевшая одним из следствий недооценку роли природного фактора в развитии древних обществ, на практике не привела к разрыву традиционного сотрудничества археологов и других исследователей четвертичного периода. В это время состоялась вторая конференция АИЧПЕ в Ленинграде (1932 г.), сопровождавшаяся уникальной выставкой с обширными палеолитическими материалами

(к сожалению, вопреки решению Академии наук, экспозиция не была сохранена в качестве постоянной).

Одна из острейших проблем, стоявших перед создателями «истории материальной культуры», заключалась в явном противоречии между заявленными целями исследования и отсутствием адекватных методов реконструкции общества прошлого. Без этого смысл гипотезы оставались лишь общими рассуждениями, лишеными подкрепления фактами и наблюдениями. Вторая половина 1930-х гг. ознаменовалась первыми опытами С. А. Семенова по изучению функций каменных орудий. Нужно сказать, что интерес к функционально-технологической стороне индустрии в 1930-е гг. прослеживался довольно отчетливо, хотя попытки подойти к палеолитическим материалам с такой точки зрения до С. А. Семенова сводились к набору догадок и спекулятивных гипотез. В этом плане можно сказать, что открытие С. А. Семенова было открытием долгожданным и необходимым для советской археологии того времени.

Уже в ранних работах С. А. Семенова мы найдем основные методические приемы определения функций орудий и связанные с ними идеи относительно необходимости кардинальной перестройки традиционной археологии, правда, в еще не развернутом виде. По мнению исследователя, типологическое, формальное изучение каменных орудий зашло в тупик. Работая с коллекциями из Костенок I, Тимоновки и Сакажиа, С. А. Семенов (1940) обратил внимание на следы, остающиеся на поверхности кремневых изделий, и применил микроскопическое исследование. Используя бинокулярную лупу, исследователь сумел идентифицировать основные виды следов сработанности — выщербины, заполировку и зашлифовку. Для документации своих наблюдений им была применена техника микрофотографирования с использованием магниевого напыления на изучаемую поверхность. В итоге были установлены двойное использование костенковских наконечников с боковой выемкой в качестве оснащения метательного вооружения и ножей, различные функции, выполнявшиеся скребками, проколками, строгальными ножами, растирателями краски и т. д., равно как и факт широчайшего употребления неретушированных отщепов в хозяйственных целях. Описание функций дополнялось этнографическими примерами, при этом эксперимент лишь указывался в качестве потенциального источника информации, ориентира будущих исследований.

Особенно активно в 1930-е гг. разрабатывалась проблематика палеолитического искусства ввиду значения, придававшегося реконструкции идеологических представлений древности, и под впечатлением открытий богатейших серий мелкой пластики в Костенках и Мальте. Пионерами социологического направления в интерпретации древнейшего искусства выступили П. П. Ефименко и С. Н. Замятин.

П. П. Ефименко посвятил образу женщины в палеолите одну из наиболее интересных своих работ, озаглавленную «Значение женщины в ориньякскую эпоху» (Ефименко 1931). По его мнению, распространение женских статуэток в ориньяке было связано со спецификой жизни древних охотников на мамонта и лошадь. Продуктивность подобной экономики приводила к возникновению прочной оседлости, причем ряд жилищ на стоянке образовывал единое целое, своего рода место обитания первобытной коммуны. В этих условиях домашнехозяйственная деятельность, в которой доминирующую роль играли женщины, приобретала особое значение, которое к тому же связывалось со счетом родства по материнской линии.

Статуэтки, вероятно, изображали женщин-прародительниц. Интересно, что перед нами, вероятно, один из первых опытов в области бурно развивающейся ныне на Западе так называемой «гендерной археологии». Напомним, что в рамках ГАИМК целая группа исследователей работала над проектом «История женщины».

По-иному подходил к данной теме С. Н. Замятнин (*Zamiatnine* 1934), отталкивавшийся от магической версии палеолитического искусства С. Рейнака. Он трактовал женские статуэтки как вещи, использовавшиеся в процессе обрядов, призванных обеспечить удачу на охоте. Именно так он интерпретировал знаменитые рельефы из Лосселя, представлявшие, по его мнению, части некогда единой композиции. Подобный подход к произведениям палеолитического искусства как целостным ансамблям в дальнейшем оказал влияние на сложение концепции М. Рафаэля, а затем А. Ламси-Амперер и А. Леруа-Гурана.

Сектор палеолита ЛОИИМК/ЛОИА

Вторая мировая война привела к практическому прекращению археологической деятельности в СССР. Одним из редких исключений стала экспедиция А. П. Окладникова в Якутии, где он в 1941 г. успешно провел разведку по Лене, открыв ряд пунктов с предположительно плейстоценовыми остатками. В течение непродолжительного времени в 1942 г. в осажденном Ленинграде Сектор палеолита и неолита возглавлял В. И. Равдоникас (рис. 2, 1); в том же году основная часть сотрудников была эвакуирована. Г. П. Сосновский погиб в блокаду. В Ташкентской группе ЛОИИМК оказались С. Н. Замятнин (который в 1943 г. проводил обследование гротов и пещер Таджикистана) и М. З. Паничкина. П. И. Борисковский, преподававший после ранения в военном училище в Ашхабаде, вел сборы палеолитических орудий в Туркмении. В состав Елабужской группы вошли П. П. Ефименко, В. И. Равдоникас и С. И. Руденко. Под руководством С. Н. Бибикова была проведена экспедиция «особого назначения», обследовавшая пещеры с целью их возможного использования для военных нужд. В 1944 г. основная часть сотрудников ЛОИИМК во главе с В. И. Равдоникасом возвращается в Ленинград. Образованную тогда же сборную группу палеолита, неолита и эпохи бронзы временно возглавил С. Н. Замятнин, а с 1945 г. Сектор палеолита и неолита вновь оказывается под руководством П. П. Ефименко. На протяжении 1950-х гг. Сектор возглавлял крупнейший исследователь древностей Сибири, подлинный классик отечественной археологии А. П. Окладников (рис. 2, 3). В 1954 г. Сектор был переименован в Сектор палеолита ЛОИИМК (с 1959 г. Институт носит название Ленинградского отделения Института археологии АН СССР — ЛОИА).

Послевоенные годы стали временем возобновления полевой и публикационной деятельности. С 1948 г. продолжились работы в Костенках, и здесь в 1950-е гг. П. И. Борисовским (1963) были произведены широкомасштабные раскопки таких памятников, как Костенки II с остатками жилища из костей мамонта и погребения, и Костенки XIX. В плане споров о характере развития верхнепалеолитической культуры особое значение имели его исследования многослойной стоянки Костенки XVII. В то же время А. Н. Рогачев (1957; *Paléolithique et Néolithique...* 1956) в серии глубоких шурфов и раскопов изучил целый пласт культурных комплексов, предшествовавших по времени основному объекту Костенок I, а именно нижние

слои стоянок Костенки I, VIII, XII, XIV, XV и др. Эти материалы позволили ему разработать схему культурно-стратиграфического деления палеолита Костенок. На некоторых из перечисленных памятников удалось изучить жилые конструкции, а Костенки XIV и XV доставили остатки палеолитических захоронений.

В конце 1940-х гг. А. Н. Рогачев продолжил начатым М. В. Воеводским раскопки стоянки Авдеево на Сейме. В ходе работ здесь была вскрыта жилая площадка, аналогичная Костенкам I. Исследования по палеолиту охватили Поволжье, где М. З. Паничкина и З. А. Абрамова участвовали в работе повостроечной Куйбышевской экспедиции. На юге Русской равнины разворачивается экспедиционная деятельность П. И. Борисовского. Он ведет работы на Днестре. Интересные результаты принесли раскопки мощного скопления костей бизона и расположенной рядом жилой стоянки в Амвросиевке (Борисковский 1953; *Poriskovskij* 1958). Е. А. Векилова изучает верхнепалеолитические комплексы в навесе Сюрень II в Крыму.

Переломным моментом в изучении древнейшего прошлого Кавказа стало открытие в 1955 г. на территории Южной Осетии пещеры Кударо I с богатыми ашельскими и мустьерскими остатками (рис. 6). На протяжении долгих десятилетий кударские пещерные стоянки стали основным местом полевых работ В. П. Лю-

Рис. 6. Раскопки В. П. Любина в пещере Кударо I (1961 г.)

бина, полигоном для разработки методики комплексного исследования пещерных памятников. Материалы памятников послужили основой построения хронологии и концепций развития ашеля и мустье Кавказа (Любин 1977; 1998; Кударские пещерные палеолитические стоянки... 1980; Любин, Беляева 2004; Liubin, 2002).

В конце 1950—начале 1960-х гг. В. П. Любин предпринимает также поиски палеолита на Армянском нагорье, открыв ряд выразительных пунктов с ашельскими и мустьерскими остатками в районе Джрабера.

В Северной Азии активно изучал палеолит А. П. Окладников (1959; Okladnikov 1959; 1965). Маршруты его экспедиций пролегли в Приморье (Осиновка) и Забайкалье (Ошурково, Санный Мыс). Сотрудники Братской экспедиции исследовали ряд верхнепалеолитических комплексов на Ангаре (Красный Яр I, Федяево, Шамотный Завод). Открытия С. С. Черникова и Э. Р. Рыгдылона в Восточном Казахстане расширили ареал распространения сибирского палеолита в юго-западном направлении.

Основные достижения в археологии палеолита Средней Азии, как и в Сибири, связаны с именем А. П. Окладникова, проводившего сборы на местонахождениях Туркмении и Таджикистана (Литвинский, Окладников, Ранов 1962).

В 1955 г. на территории СССР была известна 831 палеолитическая стоянка (Бергова 1960; Beregova 1966).

После вынужденного перерыва в исследованиях, вызванного войной, С. А. Семенов возобновляет свои опыты. Начиная с 1946 г. круг его интересов расширяется — он начинает микроскопическое изучение поверхностей костяных палеолитических орудий, ретушеров, ступок и т. д. Позднее эти штудии были дополнены экспериментальной работой, и начиная с 1956 г. С. А. Семенов проводит ежегодные экспериментальные экспедиции, где велись серии опытов по раскалыванию камня, обработке дерева, кости и рога. В 1956 г. С. А. Семенов, а позднее и его ученица Г. Ф. Коробкова переходят в состав Лаборатории археологической технологии, возглавляемой С. И. Руденко.

1957 год ознаменовался выходом в свет классического труда С. А. Семенова «Первобытная техника» (Семенов 1957), получившего всемирное признание (Seменов 1964) и положившего начало формированию новой области археологической науки.

Крупные обобщающие работы в 1950-е гг. появлялись в виде соответствующих глав в распространенных тогда монументальных изданиях, носивших название «Всемирная история» (Окладников 1955а; 1955б) и «Очерки истории СССР» (Ефименко 1956). Краткий очерк, преимущественно посвященный нижнему палеолиту в связи с проблематикой происхождения человека, дан в учебном пособии П. И. Борисковского (1950).

Во второй половине 1950-х гг. в ходе ожесточенных споров стадиялизм постепенно уступает место концепции многообразия археологических культур в палеолите, выдвинутой А. Н. Рогачевым. Стоит отметить, что дискуссии между А. Н. Рогачевым и его оппонентами (А. П. Окладниковым, П. П. Ефименко, П. И. Борисковским) разворачивались именно в стенах Сектора палеолита ИИМК, этой творческой лаборатории научной мысли.

1960—1970-е годы — время расцвета Сектора палеолита ЛОИА, возглавлявшегося на протяжении более 15 лет П. И. Борисковским (рис. 2, 4). Сектор находился в центре неформального содружества исследователей первобытности.

Все мы помним то время, когда археологи из самых разных городов стремились представить результаты своих работ на Секторе, принять активное участие в проводимых ЛОИА конференциях. Немалую роль в этом сыграли личные качества П. И. Борисковского, его исключительный такт и умение находить общий язык с разными по научному уровню и сложности характера коллегами (при этом ни на йоту не поступаясь принципами строгой научности). Кроме того, чтение П. И. Борисковским курса археологии палеолита в ЛГУ обеспечивало момент преемственности и во многом способствовало формированию исследовательского стиля. Жаль, что сотрясавшие Сектор в 1960—1980-е гг. бурные дебаты практически не нашли отражения в публикациях, кроме тезисов и заметок на страницах «Советской археологии». После П. И. Борисковского пост заведующего Сектором в 1979—1988 гг. занимал В. П. Любин (рис. 7, 1).

Особая страница в истории Отдела — взаимоотношения с лабораторией первобытной техники, возглавляемой С. А. Семеновым. Возвещая при очередной реорганизации ЛОИА в 1964 г. снова в состав Сектора палеолита, эта исследовательская группа приобретает в 1973 г. статус самостоятельного структурного подразделения Института. С 1963 г. в составе Сектора были выделены палеолитическая (во главе с П. И. Борисковским) и неолитическая (во главе с Н. Н. Гуриной) группы.

Начиная с 1960-х гг. постепенно образуется современная система региональных археологических центров; происходит закономерная реакция на сверхцентрализованный характер нашей археологии предшествующих десятилетий. Немалую роль в этом процессе сыграл Ленинград. Напомним, что академик А. П. Окладников в 1961 г. покинул наш город и основал столь активную в наше время новосибирскую археологическую школу. Тем самым традиции петербургского палеолитоведения были успешно перенесены на сибирскую почву.

Ряд исследователей, оставивших заметный след в изучении палеолита различных регионов России и республик бывшего СССР, являлись сотрудниками, стажерами или аспирантами ЛОИА, обсуждали в Секторе и защищали в ЛОИА свои диссертационные работы. Среди них назовем имена Х. А. Амирханова (Москва), В. В. Попова (Воронеж), П. Ю. Павлова (Сыктывкар), Л. В. Кузнецовой (Самара), В. Е. Ларичева, Р. С. Васильевского, М. В. Шунькова (Новосибирск), М. В. Константинова (Чита), А. Н. Алексеева (Якутск), Н. Н. Дикова (Магадан), А. М. Кузнецова (Владивосток), В. Д. Будько, В. П. Ксензова (Минск), Л. А. Яковлевой, М. И. Гладких, Л. В. Кулаковской (Солдатенко), В. Н. Степанчука (Киев), И. В. Сапожникова (Одесса), Н. А. Кетрару, И. А. Борзияка (Кишинев), А. К. Джафарова, М. М. Мансурова (Баку), М. Х. Хварцкия (Сухуми), Э. К. Кикодзе, Л. М. Челидзе (Литовченко) (Тбилиси), Б. Г. Ерицян (Ереван), Х. А. Алпысбаева (Алма-Ата), Т. Мирсаатова, М. Р. Касьмова (Ташкент) и др. Без преувеличения можно сказать, что абсолютное большинство современных центров изучения каменного века на пространстве Северной Евразии возникло при непосредственном участии Сектора палеолита ЛОИА.

Важнейшим событием в деле координации исследовательских усилий стало прошедшее в 1965 г. расширенное заседание Сектора, объединившее абсолютное большинство специалистов по палеолиту в масштабах страны (рис. 8).

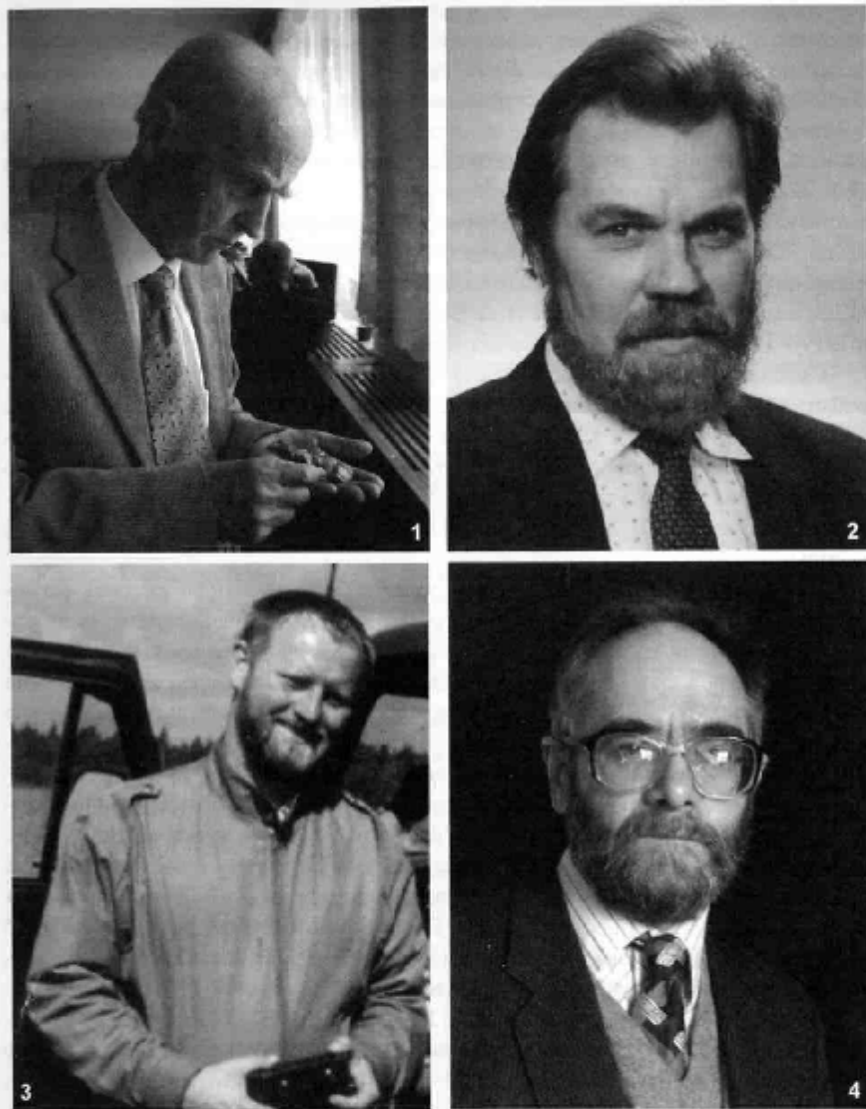

Рис. 7. 1 — В. П. Любин; 2 — Н. Д. Праслов; 3 — В. И. Тимофеев; 4 — С. А. Васильев

Сектор объединял археологов, занимавшихся палеолитом различных регионов СССР. Что касается Восточной Европы, то следует начать с характеристики деятельности костенковской экспедиции. В 1960-е гг. основные усилия концентрировались на раскопках и музеефикации жилища из костей мамонта на Костенках XI. Небольшие по объему работы велись на Костенках VIII, XII, XVII, XXI. С 1971 г. была начата кампания по сплошному вскрытию второго жилого комплекса Костенок I, что в принципе могло бы дать возможность подойти к решению во-

Рис. 8. Участники расширенного заседания Сектора палеолита ЛОИА (1965 г.)

просов реконструкции этих наиболее сложных из числа встреченных в палеолите структур обитания. Одновременно шло изучение глубоких разрезов стоянок Костенки XII, XIV, XVII и др. Итоги работ в Костенках на протяжении 100 лет подвели состоявшееся в 1979 г. Всесоюзное совещание «Верхний плейстоцен и развитие верхнепалеолитической культуры в центре Русской равнины» и вышедший позднее сводный том (Палеолит Костенковско-Боршевского района... 1982). Институт антропологии МГУ совместно с ЛОИА (М. Д. Гвоздовер при участии Г. П. Григорьева) длительное время исследовал второй комплекс стоянки Авдеево.

Из числа других работ по древнему каменному веку Центральной России отметим завершение Л. М. Тарасовым (1979) раскопок в Гагарино, исследование этим же автором ряда мустьерских и позднепалеолитических памятников в бассейне средней Десны. Начиная с 1980 г. З. А. Абрамова возобновила исследование крупного верхнепалеолитического поселения охотников на мамонтов в Юдиново. Под ее руководством были обнаружены остатки двух жилищ из костей мамонтов (рис. 9). В 1984 г. над остатками жилищ был построен павильон. В ходе многолетних раскопочных работ в Юдиново были собраны обширные коллекции каменных и костяных изделий. Богатством и разнообразием форм выделяются бусы-нашивки из бивней мамонта, наконечники копий и дротиков, стержни и др. (Абрамова 1995; Абрамова, Григорьева, Кристенсен 1997; Абрамова, Григорьева 1997). С 1981 г. В. И. Беляева возобновляет раскопки в Пушкарях, затем экспедиция переходит к кафедре археологии ЛГУ.

Работы сотрудников ЛОИА охватили юг России, где Н. Д. Праслов открыл и изучил серию нижне- и среднепалеолитических местонахождений на Нижнем Дону и в Приазовье (Борисковский, Праслов 1964; Праслов 1968). Кроме того,

Рис. 9. Остатки первого жилища из костей мамонта на стоянке Юдиново (1984 г.).

он раскапывал верхнепалеолитические стоянки Мураловка и Золотовка (Праслов, Щелинский 1996).

На юго-западе Восточной Европы, в бассейне Днестра, Н. К. Анисюткин в сотрудничестве с молдавскими коллегами (Кетрару, Анисюткин 1967; Кетросы... 1981; Анисюткин, Борзняк, Кетрару 1986; Анисюткин 2001; 2005) открыл и обследовал большое число ашельских и мустьерских памятников (Стинка I, Кетросы, гроты Тришка и др.). Г. В. Григорьева занималась поздним палеолитом региона (Борзняк, Григорьева, Кетрару 1981; Кетрару, Григорьева, Коваленко 2007). Помимо этого, петербургские исследователи активно участвовали в обработке материалов по древнекаменному веку Северо-западного Причерноморья (Станко, Григорьева, Швайко 1989).

В 1980-е гг. Л. М. Тарасов провел небольшие разведочные работы в Крыму.

На Северном Кавказе Н. Д. Праслов возобновил работы на Ильской стоянке. Что касается Причерноморья, то в 1960-е гг. нижний палеолит здесь исследовался И. И. Коробковым, а Е. А. Векилова продолжила раскопки Ахштырской пещеры.

Особенно важную роль для разработки кавказской тематики имело изучение группы пещерных памятников в Борисовском ущелье (Любин 1977; Неандертальцы Гупского ущелья... 1994; Беляева 1999). Работы здесь с 1974 г. велись В. П. Любиным в сотрудничестве с адыгейским коллегой П. У. Аутлевым. Среди достижений экспедиции — открытие выразительных мустьерских комплексов в Монашенской и Баракаевской пещерах (в последнем памятнике были обнаружены скелетные остатки палеоантропа), верхнего палеолита в Губском навесе I и Руслановой пещере, разрушенного погребения финала палеолита в навесе Сатанай. Помимо этого, В. П. Любин в разные годы успешно предпринимал разведки в Краснодарском и Ставропольском краях, Адыгее, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии, вел в 1960-е гг. раскопки в пещерах Сочинского Причерноморья. Фактически маршруты В. П. Любина охватывали всю территорию Северного Кавказа.

Позднее работы в пещерах Сочинского Причерноморья были возобновлены Д. А. Чистяковым (1996), а Л. В. Голованова (1994) вела небольшие работы на северо-западном Кавказе. В Закавказье В. П. Любин продолжил изучение кударских пещер (см. выше).

В 1980-е гг. расширяется география полевых изысканий В. П. Любина. По приглашению возглавлявшего тогда Институт В. М. Массона начинается изучение палеолита Туркмении. Всего несколько сезонов разведок (1980—1981, 1983, 1984 гг.) приносят неожиданно обильные результаты. На обширной малоизученной дотеле территории были открыты многочисленные местонахождения ашельского и мустьерского возраста. Фактически вся плейстоценовая доистория республики строится на находках В. П. Любина и его учеников (Вишняцкий 1996).

На Урале активность сотрудников Отдела сводилась к кратковременной работе В. П. Любина в Кановой пещере и небольшим раскопкам П. Е. Нехорошева в гроте Кульюрт-Тамак.

В Сибири интересы петербургских археологов традиционно были сосредоточены в бассейне Енисея, где последовательно осуществлялся ряд крупномасштабных археологических кампаний, связанных со строительством каскада ГЭС — вначале Красноярской, позже Саяно-Шушенской и Майнской. Начиная с 1960 г. З. А. Абрамова возглавила палеолитический отряд Красноярской экспедиции,

Рис. 10. Раскопки З. А. Абрамовой стоянки Кокорево I на Енисее (1963 г.)

которой руководил М. П. Грязнов. Здесь были раскопаны на широкой площади многослойные позднепалеолитические стоянки в районе Кокорско и Таштыка (рис. 10). Из числа находок всемирную известность приобрело уникальное свидетельство охоты древнего человека — лопатка бизона с застрявшим в ней роговым наконечником из Кокорево I. Кроме того, З. А. Абрамова проведена в бассейне Енисея большая серия разведок от района севернее Красноярска до долины Абакана на юге. Позднее З. А. Абрамова впервые на Енисее открыла мустьерские остатки в гроте Двуглазка.

Итогом этой деятельности стал капитальный двухтомный труд (Абрамова 1979а; 1979б) с подробным описанием кокоревской и афонтовской палеолитических культур и коллективный свод памятников региона (Абрамова и др. 1991). Работы были продолжены Н. Ф. Лисицыным (1997; 2000; Лисицын, Худяков 1997), открывшим стоянки в покровных отложениях высоких террас Енисея, размываемых водохранилищем Красноярской ГЭС.

На Верхнем Енисее С. Н. Астахов открыл и обследовал многочисленные местонахождения (включая ашельские и мустьерские) в Туве, а также раскопал несколько верхнепалеолитических поселений в горах Западного Саяна (Астахов 1986). Позже к исследованиям в последнем районе подключился С. А. Васильев, сосредоточившийся на раскопках грунты многослойных памятников близ Майны, которые среди прочего доставили уникальный образец палеолитической глиняной статуэтки (Васильев 1996; см. также Холмошкин и др. 2005). Важным дополнением к новым данным по палеолиту Енисея стало введение в научный оборот рассеянных по хранилищам материалов знаменитых стоянок Афонтовой Горы (Астахов 1999а).

В итоге этой деятельности информационный фонд по палеолиту Северной Евразии многократно возрос. По далеко не полной сводке Н. А. Береговой (1984), к

1970 г. на всей территории бывшего Советского Союза было известно более 1500 стоянок.

Помимо упоминавшейся выше серии МИА Отдел палеолита с начала 1960-х гг. начинает формировать собрания небольших по объему статей публично-научного и проблемного характера в серии «Краткие сообщения Института археологии» (КСИА). Среди выпусков КСИА отметим номера, озаглавленные «Палеолит и неолит», «Каменный век» и «Исследование памятников каменного века» (1962. № 92; 1967. № 111; 1971. № 126; 1972. № 131, № 137; 1975. № 141; 1981. № 165; 1983. № 173; 1985. № 181; 1987. № 189; палеолиту посвящены также 1961. № 82; 1990. № 202; 1992. № 206).

Вместе с тем сложившаяся в советское время система постоянного ежегодного финансирования раскопочных работ при крайне ограниченной возможности публикаций приводила к накоплению материала, не вводимого в научный оборот, и не способствовала развитию новых направлений исследовательского поиска, особенно на междисциплинарной основе.

Сектор уделял большое внимание вопросам совершенствования методики полевого исследования палеолитических памятников различных типов (Коробков 1971). Этой тематике была посвящена специальная конференция, проведенная в 1984 г. (Полевая археология... 1990).

В области анализа каменных индустрий основным событием 1960-х гг. стало освоение бордовской статистической типологии. Выход в свет обширной статьи В. П. Любина «К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий» (Любин 1965), содержавшей как подробное критическое изложение итогов работы Ф. Борда, так и предложения автора по ее усовершенствованию, стал этапом в развитии нашей археологии. Если применить к отечественной литературе по палеолиту индекс цитируемости, то, вероятно, упомянутый труд является лидером.

Много споров велось вокруг определения понятия «леваллу» и значения данной техники в плане развития обработки камня в палеолите. Особое, подчас гипертрофированное, внимание уделялось поиску оптимальных таксономических схем классификации индустрий, попыткам усовершенствования типологического метода. Эти сюжеты живо обсуждались на проведенных в 1974 и 1976 гг. двух рабочих совещаниях, посвященных проблемам изучения зубчато-выемчатых орудий нижнего палеолита и методике и технике исследования каменных орудий (см. Аникович, 1978; Сивинцын 1978).

1960—1980-е годы — время почти полного господства локально-культурной версии развития палеолитической культуры, страстно пропагандируемой А. Н. Рогачевым и его учениками (Григорьев 1968). За это время десятки локальных культур были выделены вначале для верхнего палеолита Восточной Европы, а затем и Сибири. Позднее сходные явления были выявлены в среднем и даже нижнем палеолите. В области интерпретации выделяемых культурных явлений доминировала этническая версия археологической культуры, хотя были попытки соотносить культуру с другими понятиями (хозяйственно-культурный тип, историко-этнографическая область и др.). Такая ориентация приводила порой к утрате представления об общих чертах развития палеолитической культуры, непомерной концентрации на сравнительном анализе наборов формальных орудий в ущерб иным, не менее важным сторонам изучения древнейшего прошлого.

Сектор принимал активное участие в разработке общих проблем изучения первобытности, корреляции археологических и антропологических данных, вопросов антропогенеза. Этой тематике была посвящена состоявшаяся в 1975 г. развернутая дискуссия с участием ряда ведущих философов, этнографов и антропологов. Обсуждение продолжилось в 1987 г. после выхода в свет трехтомной «Истории первобытного общества» (см. Аникович 1990).

При вынужденной в советское время территориальной ограниченности полевых исследований в нашей археологии никогда не угасал интерес к палеолитической культуре различных уголков мира. С начала 1960-х гг. П. И. Борисковский после длительной поездки во Вьетнам (Борисковский 1966) приступает к сравнительному изучению древнейшего прошлого Восточной, Южной, Юго-Восточной Азии и примыкающих районов Новой Гвинеи, Австралии, Тасмании (Борисковский 1971). Наряду с Вьетнамом П. И. Борисковский посетил Китай, Индию, Японию, Австралию, где он, один из немногих в ту пору отечественных археологов, имел возможность непосредственно знакомиться с коллекциями. Позднее небольшие работы во Вьетнаме были продолжены Н. К. Анисюткиным, В. И. Тимофеевым и А. Е. Матюхиным.

В середине 1960-х гг. П. И. Борисовским была начата работа над монументальным «Палеолитом мира». К сожалению, реальные отечественные издательские возможности оказались не соответствующими задаче выпуска многотомного труда в течение нескольких лет. Выросшее до объема шести томов издание растянулось на десятилетия, рукописи многократно переделывались авторами с учетом новейших данных. Всего появилось четыре тома, охватывающие палеолит Африки, Ближнего и Среднего Востока, Кавказа, Северной, Центральной и Восточной Азии (Палеолит мира... 1977; 1978; 1989; 1994).

В результате вместо единого среза знаний о палеолите на определенном рубеже развития науки получилось достаточно разномастное собрание очерков, к тому же написанных без согласования между авторами хотя бы манеры подачи материала, не говоря уже о концептуальной трактовке. В итоге в серии оказались работы различного жанра. Одни части «Палеолита мира» написаны в свободном стиле с заметной долей субъективного авторского видения материала (таковы разделы Г. П. Григорьева о палеолите Африки). Другие представляют собой жестко построенные сводки памятников с изложением вначале фактической базы, затем сравнительного анализа концепций различных исследователей, и под конец уже авторской оценки (работы И. И. Коробкова о палеолите Ближнего Востока, В. П. Любина о Кавказе). Основная часть издания представляет собой среднее между этими крайностями (главы В. А. Ранова, А. П. Окладникова, З. А. Абрамовой, П. И. Борисовского).

1970—1990-е годы были ознаменованы рядом крупных международных научных форумов. С большим успехом прошли в 1977, 1978, 1981 и 1988 гг. советско-французские, в 1989 и 1991 гг. — советско-американские полевые семинары с посещением памятников и обсуждением проблем развития палеолитической культуры в Восточной Европе по сравнению с западом континента и Новым Светом (Археология и палеогеография... 1978; 1981; Закономерности... 1988; Проблемы культурной адаптации... 1989; From Kostenki to Clovis... 1993).

Сотрудниками Сектора были изданы итоговые труды по древнекаменному веку в масштабе страны, из которых стоит отметить сборник «Каменный век на

территории СССР» (1970) и том «Палеолит СССР» (1984) из фундаментальной серии «Археология СССР».

Особо отметим многолетний титанический труд З. А. Абрамовой по сведению воедино данных по памятникам палеолитического творчества на территории СССР. В ее работах дано предельно точное и строго документированное описание найденных на памятниках Восточной Европы и Сибири статуэток человека и животных, орнаментированных предметов, украшений, с указанием контекста находок. Эти труды получили высокую оценку и заслуженное международное признание (Абрамова 1962; Абрамова 1967; 1995). Особую монографию З. А. Абрамова посвятила изображениям человека в палеолитическом искусстве Евразии (Абрамова 1966).

Отдел палеолита ИИМК РАН

С 1986 г. Сектор был преобразован в Отдел палеолита ЛОИА, а с 1991 г. после приобретения Институтом самостоятельного статуса именуется Отделом палеолита ИИМК РАН. После В. П. Любина Отдел возглавлял лидер Костенковской экспедиции Н. Д. Праслов (1988—1997 гг.; рис. 7, 2), который также принял от П. И. Борисовского эстафету в преподавании основ археологии палеолита на кафедре археологии ЛГУ. Затем руководство Отделом перешло к специалисту по мезолиту и неолиту В. И. Тимофееву (1997—2003 гг.; рис. 7, 3). На его долю выпала нелегкая ноша руководства Отделом в эпоху максимального сокращения ассигнований на полевые и публикационные работы, разрыва традиционных научных связей, прекращения притока в археологию новых кадров. В 2003 г. на должность заведующего отделом избран С. А. Васильев (рис. 7, 4).

Ныне Отдел продолжает полевое исследование памятников древнекаменного века, но уже в заметно меньших объемах и преимущественно на Русской равнине и Кавказе.

После вынужденного перерыва в работе Костенковской экспедиции раскопки здесь были возобновлены тремя самостоятельными группами. А. А. Синицын сосредоточил свои усилия на изучении древнейших культурных горизонтов многослойной стоянки Костенки XIV. Здесь был открыт наиболее ранних в Восточной Европе верхнепалеолитический комплекс. М. В. Анисюткин совместно с В. В. Поповым, А. Е. Дудиным и Д. Хоффекером изучает глубокие разрезы стоянок Костенки I, VIII и XII. С. Н. Лисицын раскапывает многослойную стоянку Борщево V. Если исследователи Костенок в основном концентрируются на вскрытии ранних верхнепалеолитических комплексов, то другие ученые продолжают изучение средней поры верхнего палеолита — восточного граветта. Совместно с МГУ ведутся многолетние раскопки такого важнейшего памятника, как Авдеево. Что касается поздней поры верхнего палеолита, мадленского времени, то отметим совместную с МАЭ экспедицию в Юдиново (Григорьева 1995; 1997). Наконец, пункты, относящиеся к финалу палеолита, времени распространения культур с черепковыми наконечниками, изучаются Г. В. Синицыной на Верхней Волге и Верхнем Днепре (Синицына 1996; см. Васильев и др. 2005). Таким образом, экспедиции Отдела изучают памятники, относящиеся ко всем основным этапам развития верхнепалеолитической культуры на территории Восточной Европы.

А. К. Очередным в последние годы возобновлено изучение нижнепалеолитического местонахождения Хотылево на Десне. На юге Русской равнины, в Ростовской области, А. Е. Матюхин раскапывает группу разновременных мастерских близ Калитвенки и стоянок в Бирючьей Балке. Отметим исследование П. Е. Нехорошевым (1999; Археология Нижнего Поволжья... 2006) многослойного памятника Шлях в Волгоградской области.

С. А. Кулаковым продолжено изучение пещерных комплексов Сочинского Причерноморья, кроме того, он совместно с В. Е. Щелинским приступил к раскопкам нижнепалеолитических местонахождений Богатыри и Родники на Тамани, связанных с эоплейстоценовой фауной. А. К. Очередной с соавторами ввел в научный оборот материалы по палеолиту Абхазии (Хварцкия, Полякова, Очередной 2005). После длительного перерыва В. П. Любин и Е. В. Беляева начали ряд разновременных проектов полевых работ на территории Северного Кавказа и Армении. Проведены успешные разведки на Ставрополье, в Ингушетии и Северной Осетии, раскопки ашельского местонахождения на горе Кинжал в Пятигорье. Изыскания в северной Армении были возобновлены с 2003 г. в составе российско-армянской экспедиции. Здесь несколькими отрядами исследуется Грот Печка, ашельские стоянки Даштадем 3 и Мурадово, серия открытых местонахождений.

В Средней Азии Н. К. Анисюткин вместе с узбекскими коллегами вел раскопки на Кульбулаке (Анисюткин и др. 1995).

В Сибири П. Е. Нехорошев возглавил кампанию спасательных раскопок палеолитических стоянок в Березовском карьере (Красноярский край). Подлинной сенсацией стало открытие В. В. Питулько неожиданно древнего памятника в Заполярье, в нижнем течении р. Яны (Якутия). Это открытие, несомненно, приведет к смене наших представлений о первоначальном расселении и адаптациях древнего человека в высоких широтах.

В полевые работы все активнее вовлекаются зарубежные археологи; изыскания на Яне, в Костенках и на Кавказе ведутся в рамках международных проектов. С другой стороны, открылись возможности проведения экспедиционных работ за пределами страны, в первую очередь на территории распространения памятников древнейшего палеолита, в Африке. Совместно со своим учеником, Ф. Й. Геде, и Е. В. Беляевой В. П. Любин работал в Республике Кот-д'Ивуар (Западная Африка). В неимоверно трудных условиях влажных тропиков в 1991 и 1993 гг. были проведены раскопки стоянок Бете I и Гуабуо I. В итоговой монографии (Любин, Геде 2000) помимо описания полученных материалов мы найдем развернутый критический анализ типологии африканского палеолита и обсуждение проблем одной из основных культур древнекаменного века Африки, санго. Г. П. Григорьев принимал участие в полевых работах в Эфиопии.

С. Н. Астаховым (1999б) обобщены сведения по древнейшим памятникам Японских островов, а С. А. Васильевым — по Северной Америке (Васильев 2004).

Продолжается успешное научное сотрудничество с многочисленными исследовательскими центрами нашей страны, ближнего и дальнего зарубежья. За последнее время в ИИМК РАН защитили диссертационные работы по палеолитической тематике Ю. Б. Сериков (Нижний Тагил) и А. В. Константинов (Чита).

Учеными Отдела накоплен огромный объем коллекций, лишь в малой степени введенный в научный оборот. Такие богатейшие опорные памятники, как Авдеево,

многослойное поселение Бирюса на Енисее, значительная часть материалов Ильской стоянки, Ахштырская пещера, серия Яштухских местонахождений на Кавказе и другие известны лишь по кратким неполным публикациям. Правда, в последние годы, наряду с регулярной активной публикационной деятельностью по древнекаменному веку Кавказа (Неандертальцы Гупсского ущелья... 1994; Любин 1998; Беляева 1999; Любин, Беляева 2004; 2006), начали появляться в свет сборники, посвященные костенковским материалам (Особенности развития... 2002; Проблемы ранней поры... 2004; Поздний палеолит... 2005; Ранняя пора... 2006). Впрочем, они не могут заменить давно ожидаемых монографий по опорным стоянкам Костенок, а материалы здесь за прошедшие десятилетия скопилось немало.

Помимо традиционных изданий активно используются новые формы публикационной деятельности. Особо отметим издаваемый ныне в Кишиневе при активном участии сотрудников Отдела объемистый журнал «Stratum Plus», один из ежегодных номеров которого посвящен палеолиту.

Немалый вклад внес Отдел в разработку теоретических и методических аспектов нашей науки, создание справочно-информационных изданий и учебных пособий. Так, совместно с новосибирскими коллегами удалось издать первый современный учебник по археологии палеолита на русском языке (Деревянко, Маркин, Васильев 1994). Сотрудниками Отдела и радиоуглеродной лаборатории ИИМК создана база данных по датировкам палеолита Восточной Европы и Сибири (Радиоуглеродная хронология палеолита... 1997). Выпущен в свет полный свод антропологических находок плейстоценового возраста на территории нашей страны (Герасимова, Астахов, Величко 2007). Общие вопросы антропогенеза, корреляция эволюции физического типа человека и его культуры стали темой книг Л. Б. Вишняцкого (2003; 2005а; 2005б). Недавно вышел не имеющий аналогов в мировой археологической литературе многоязычный словарь-справочник по археологии палеолита (Васильев и др. 2007).

Одна из основных проблем палеолитоведения — процесс перехода от среднего к верхнему палеолиту и связанные с этим вопросы распространения человека современного физического типа — стала предметом углубленных исследований. Наряду с широким сопоставлением поздних среднепалеолитических, переходных и ранних верхнепалеолитических индустрий в глобальном масштабе, авторы обсуждают различные версии причин так называемой «верхнепалеолитической революции» (Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007; Вишняцкий 2008).

В области изучения каменных индустрий отметим исследовательский интерес к реконструкции способов обработки камня на основании изучения морфологии ядриц и сколов в сочетании с экспериментом. Упор при этом делается на выявление приемов расщепления и построение моделей технологии (Нехорошев 1999).

Что касается исследования древнейших памятников изобразительного творчества, то З. А. Абрамова неутомимо продолжает свой многолетний поиск, выпустив монументальный свод изображений животных и человека в мобильном искусстве палеолита Европы (Абрамова 2005). Л. Б. Вишняцкий с соавторами рассматривает сложнейшую проблему генезиса изобразительной деятельности, в контексте эволюции физического типа и культуры человека в палеолите (Первобытное искусство... 1998; Шер, Вишняцкий, Бледнова 2004).

Несмотря на ряд новых моментов, наше палеолитоведение в целом продолжает оставаться на позициях традиционной культурно-исторической археологии,

прием в ее «дробительном» варианте, нацеленном на выделение в первую очередь локальных вариаций культуры. По-прежнему заметная часть исследователей трактует комплексы каменного инвентаря как статичные хранилища культурной информации, влияние же на их состав технологических процессов, характера сырья, функциональных особенностей памятников и т. д. неизменно преуменьшается или игнорируется. Тот «типологический формализм», который Г. П. Григорьев (1998) рассматривает как одну из основных особенностей петербургской школы изучения палеолита, давно стал тормозом на пути внедрения иного, динамического подхода к изучению нашего основного источника — каменных орудий.

В целом невозможность адекватного описания варибельности культуры с помощью базового понятия локальной культуры и его производных, как и упрощенность представления о палеолите как сумме разграниченных в пространстве-времени культурных общностей, вырисовывается сейчас все более отчетливо. Можно констатировать, что в современной археологии локально-культурные схемы сдают позиции, вытесняясь более сложным пониманием многофакторного характера вариации наборов каменного инвентаря. Идет постепенный отказ от использования понятия «археологическая культура» применительно к нижнему и среднему палеолиту. Да и при анализе верхнепалеолитических индустрий Восточной Европы все большее число исследователей предпочитает пользоваться принятыми в европейской археологии терминами широкого культурно-хронологического плана (ориньяк, траветт, мадлен и др.) и их производными. Своеобразие культурных проявлений на территории Восточной Европы, да и Сибири, явно было преувеличено.

В области полевой археологии восприятие современных приемов сдерживается экономическими факторами, препятствующими внедрению в практику работ технических средств (компьютеры, новейшие геодезические приборы, ГИС-технологии и т. д.). В итоге наблюдается растущий с каждым годом разрыв в уровне методики исследования между отечественными и зарубежными археологами, частично компенсируемый при помощи организации совместных экспедиций.

Новые направления научного поиска с большим трудом пробивают себе дорогу, что связано как с последствиями долговременной изоляции отечественной науки, так и с огромными еще возможностями «экстенсивного» развития, изучения новых эпох и территорий, подменяющего более глубокий анализ уже полученных материалов. Тормозит дело и давняя нерасположенность нашей археологии к экологическому подходу, подкрепляемая официальным гуманитарным статусом дисциплины как составной части истории.

Так, очень слабо развита геоархеология — вопросы тафономии, изучение процессов формирования и разрушения культуросодержащих отложений, палеоэкологический анализ расположения памятников на местности в синхронном и диахронном аспектах. Совершенно недостаточное внимание уделяется такому некогда приоритетному для нашей науки направлению, как изучение палеолитических жилищ и поселений. Из поля зрения Отдела почти выпали вопросы планиграфического анализа распределения находок, функциональной интерпретации участков стоянок. Крайне малочисленны работы по археозоологии, включающие изучение костных остатков в плане их распределения по частям скелета, фиксацию следов утилизации, воссоздание половозрастного состава добытых животных и реконструкцию на этой основе сезонности обитания и характера охотничьей

деятельности древнего человека. В итоге материалы по палеолиту России мало используются в мировой науке уже не из-за их недоступности и языкового барьера, а в силу того, что они должным образом не проанализированы. Продвижение по новым направлениям научного поиска невозможно без обновления кадрового состава Отдела, привлечения молодых сил.

Очевидно, что в современных условиях, когда большинство конкретных исследовательских проектов успешно осуществляется учеными региональных центров, роль собственных полевых работ сотрудников Отдела будет только сокращаться. Вместе с тем, мне кажется, что Отдел не в полной мере использует свой научный потенциал. Я имею в виду задачу создания обобщающих трудов и учебно-методических пособий по различным аспектам археологии древнекаменного века (полевые работы, комплексный анализ палеосреды). Более полувека назад П. И. Борисковский (1953: 181) впервые заговорил о необходимости разработки специального пособия по полевой археологии палеолита. Осталась нереализованной и многократно высказанная тем же П. И. Борисковским (1971: 32) идея создания «нормативного терминологического справочника» по изучению каменных орудий. Такие работы имеются на всех основных европейских языках. Корпус отечественной археологической литературы до сих пор страдает от отсутствия специального издания подобного плана. После кончины Н. А. Береговой прервана столь важная работа, как регистрация палеолитических памятников в масштабе страны, которая ныне могла бы осуществляться на основе электронных карт.

Прошло уже почти 25 лет с момента выпуска в свет последней сводки по древнекаменному веку нашей страны (Палеолит СССР... 1984), а нового издания подобного типа пока не видно. Да и поставленная инициатором создания «Палеолита мира» задача написания на русском языке сводки данных по древнекаменному веку в глобальном масштабе не утратила своей актуальности. При этом следует иметь в виду, что темпы прироста фактического материала ныне таковы, что любая обобщающая работа в течение десяти лет практически полностью устаревает и представляет уже исторический интерес. Время многотомных руководств, служивших не одному поколению исследователей и студентов, давно минуло.

Представляется, что именно посредством публикаций методических руководств такого типа наш коллектив сможет реально влиять на развитие науки о палеолите в нашей стране и сопредельных государствах, продолжая славные традиции, заложенные П. П. Ефименко, А. П. Окладниковым и П. И. Борисковским.

Абрамова 1962 — Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР. САН. М.; Л., 1962. Вып. А4-3.

Абрамова 1966 — Абрамова З. А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л., 1966.

Абрамова 1979а — Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск, 1979.

Абрамова 1979б — Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Коваревская культура. Новосибирск, 1979.

Абрамова 1995 — Абрамова З. А. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб., 1995. Вып. 1.

Абрамова 2005 — Абрамова З. А. Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы. СПб., 2005.

- Абрамова и др. 1991 — *Абрамова З. А., Астахов С. Н., Васильев С. А., Ермолова Н. М., Лисицын П. Ф.* Палеолит Енисея. Л., 1991.
- Абрамова, Григорьева 1997 — *Абрамова З. А., Григорьева Г. В.* Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб., 1997. Вып. 3.
- Абрамова, Григорьева, Кристенсен 1997 — *Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Кристенсен М.* Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб., 1997. Вып. 2.
- Аникович 1978 — *Аникович М. В.* Сообщение по вопросам классификации и номенклатуры зубчато-выемчатых орудий нижнего палеолита // СА. 1978. № 3. С. 303—307.
- Аникович 1990 — *Аникович М. В.* Дискуссия об узлах проблемх первобытной истории в связи с выходом в свет «Истории первобытного общества». Т. 1, 2 // СА. 1990. № 1. С. 308—314.
- Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007 — *Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б.* Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб., 2007.
- Анисюткин 2001 — *Анисюткин Н. К.* Мустьерская эпоха на юго-западе Русской равнины. СПб., 2001.
- Анисюткин 2005 — *Анисюткин Н. К.* Палеолитическая стоянка Стинка I и проблема перехода от среднего палеолита к верхнему на юго-западе Восточной Европы. СПб., 2005.
- Анисюткин, Борзник, Кетрару 1986 — *Анисюткин Н. К., Борзник И. А., Кетрару Н. А.* Первобытный человек в гrotтах Тринка I—III. Кишинев, 1986.
- Анисюткин и др. 1995 — *Анисюткин Н. К., Исхаков У. И., Крашinsky К. А., Сайфуллаев Б., Хуликов Н. О.* Новые исследования палеолита в Ахангароне. СПб., 1995.
- Археология и палеогеография... 1978 — Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа. М., 1978.
- Археология и палеогеография... 1981 — Археология и палеогеография позднего палеолита Русской равнины. М., 1981.
- Археология Нижнего Поволжья... 2006 — Археология Нижнего Поволжья. Т. 1. Каменный век. Волгоград, 2006.
- Астахов 1986 — *Астахов С. Н.* Палеолит Тувы. Новосибирск, 1986.
- Астахов 1999a — *Астахов С. Н.* Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой Горе в г. Красноярске. СПб., 1999.
- Астахов 1999b — *Астахов С. Н.* Древний палеолит Японии. СПб., 1999.
- Белюва 1999 — *Белюва Е. В.* Мустьерский мир Губского ущелья (Северный Кавказ). СПб., 1999.
- Береговая 1960 — *Береговая Н. А.* Палеолитические местонахождения СССР // МИА. 1960. № 81.
- Береговая 1984 — *Береговая Н. А.* Палеолитические местонахождения СССР (1958—1970). Л., 1984.
- Березин 1936 — *Березин Н. И.* Справочник по палеолиту СССР. Л., 1936.
- Бонч-Осмоловский 1928 — *Бонч-Осмоловский Г. А.* К вопросу об эволюции древнепалеолитических индустрий // Человек. 1928. № 2—4. С. 147—186.
- Бонч-Осмоловский 1931 — *Бонч-Осмоловский Г. А.* О нарезках на палеолитических костях // Сообщения ГАИМК. Л., 1931. № 8. С. 25—27.
- Бонч-Осмоловский 1932 — *Бонч-Осмоловский Г. А.* О комплексном изучении четвертичного периода // Сообщения ГАИМК. 1932. № 3—4. С. 44—49.
- Бонч-Осмоловский 1940 — *Бонч-Осмоловский Г. А.* Палеолит Крыма. Вып. 1. Грот Кник-Коба. М.; Л., 1940.
- Борзник, Григорьева, Кетрару 1981 — *Борзник И. А., Григорьева Г. В., Кетрару Н. А.* Поселения древнекаменного века на северо-западе Молдавии. Кишинев, 1981.
- Борисковский 1932 — *Борисковский П. И.* К вопросу о стабильности в развитии верхнего палеолита // Известия ГАИМК. Л., 1932. Т. 14, вып. 4.
- Борисковский 1950 — *Борисковский П. И.* Начальный этап первобытного общества. Л., 1950.
- Борисковский 1953 — *Борисковский П. И.* Палеолит Украины // МИА. № 40. 1953.
- Борисковский 1963 — *Борисковский П. И.* Очерки по палеолиту бассейна Дона // МИА. 1963. № 121.
- Борисковский 1966 — *Борисковский П. И.* Первобытное прошлое Вьетнама. М.; Л., 1966.
- Борисковский 1971 — *Борисковский П. И.* Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л., 1971.
- Борисковский, Праслова 1964 — *Борисковский П. И., Праслова Н. Д.* Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. САИ. 1964. Вып. А1-5.
- Васильев 1996 — *Васильев С. А.* Поздний палеолит Верхнего Енисея. СПб., 1996.

- Васильев 2004 — *Васильев С. А.* Древнейшие культуры Северной Америки. СПб., 2004.
- Васильев и др. 2005 — *Васильев С. А., Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Сивацкая Г. В., Лисицын С. Н.* Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура населения. СПб., 2005.
- Васильев и др. 2007 — *Васильев С. А., Базински Г., Бредли Б., Вишняцкий Л. Б., Гиж Е. Ю., Грибченко Ю. Н., Желтова М. Н., Ткачев А. Н.* Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб., 2007.
- Вишняцкий 1996 — *Вишняцкий Л. Б.* Палеолит Средней Азии и Казахстана. СПб., 1996.
- Вишняцкий 2003 — *Вишняцкий Л. Б.* Человек в лабиринте эволюции. М., 2003.
- Вишняцкий 2005a — *Вишняцкий Л. Б.* История одной случайности или происхождения человека. Фрязино, 2005.
- Вишняцкий 2005b — *Вишняцкий Л. Б.* Введение в преисторию. 2-е изд. Кишинев, 2005.
- Вишняцкий 2008 — *Вишняцкий Л. Б.* Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб., 2008.
- Волков 1913 — *Волков Ф. К.* Палеолит в Европейской России и стоянка в селе Мезине Черниговской губ. // Записки Отделения русской и славянской археологии ИАО. 1913. Т. 9. С. 295—306.
- Волков 1915 — *Волков Ф. К.* Антропология и ее университетское преподавание // Ежегодник Русского антропологического общества. 1915. Т. 5. С. 99—107.
- Гаммерман 1934 — *Гаммерман А. Ф.* Результаты исследования четвертичной флоры по остаткам древесного угля // Труды II Международной конференции АИЧПЕ. Л.; М., 1934. Вып. 5. С. 60—74.
- Герасимова, Астахов, Величко 2007 — *Герасимова М. М., Астахов С. Н., Величко А. А.* Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания (Иллюстрированный каталог палеоантропологических находок эпохи палеолита в России и на смежных территориях). СПб., 2007.
- Голованова 1994 — *Голованова Л. В.* Проблема перехода от раннего к среднему палеолиту на Северо-западном Кавказе. СПб., 1994.
- Григорьев 1968 — *Григорьев Г. П.* Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. М.; Л., 1968.
- Григорьев 1998 — *Григорьев Г. П.* Петербургская школа изучения палеолита. Прерывистость и незавершенность // Академические научные школы Санкт-Петербурга. СПб., 1998. С. 43—52.
- Григорьева 1995 — *Григорьева Г. В.* Работы на верхнепалеолитической стоянке Юдиново в 1995 г. СПб., 1995.
- Григорьева 1997 — *Григорьева Г. В.* Исследования верхнепалеолитического поселения Юдиново в 1996 и 1997 гг. СПб., 1997.
- Деревякин, Маркин, Васильев 1994 — *Деревякин А. П., Маркин С. В., Васильев С. А.* Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск, 1994.
- Ефименко 1913 — *Ефименко П. П.* Каменные орудия стоянки в с. Мезине, Черниговской губ. // Ежегодник Русского антропологического общества. 1913. Т. 4. С. 67—102.
- Ефименко 1915 — *Ефименко П. П.* Костяноскова палеолитическая стоянка // Ежегодник Русского антропологического общества. 1915. Т. 5. С. 13—26.
- Ефименко 1928 — *Ефименко П. П.* Некоторые итоги изучения палеолита СССР // Человек. 1928. № 1. С. 45—59.
- Ефименко 1931 — *Ефименко П. П.* Значение женщины в ориньякскую эпоху // Известия ГАИМК. Л., 1931. Т. 11, вып. 3—4.
- Ефименко 1934 — *Ефименко П. П.* Дордовое общество // Известия ГАИМК. Л., 1934. Вып. 79.
- Ефименко 1938 — *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Л., 1938.
- Ефименко 1953 — *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Киев, 1953.
- Ефименко 1956 — *Ефименко П. П.* Глава 1. Древнекаменный век (палеолит) // Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства. М., 1956. С. 15—46.
- Ефименко 1958 — *Ефименко П. П., Костенки И. М.; Л., 1958.*
- Ефименко, Береговая 1941 — *Ефименко П. П., Береговая Н. А.* Палеолитические местонахождения СССР // МИА. 1941. № 2. С. 254—292.
- Закономерности... 1988 — Закономерности в развитии палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л., 1988.
- Замятин 1935 — *Замятин С. Н.* Раскопки у с. Гагарино (верховья Дона) // Известия ГАИМК. Л., 1935. Вып. 118. С. 26—77.
- Замятин 1937 — *Замятин С. Н.* Палеолит Абхазии // Труды Института абхазской культуры. Сухуми, 1937. Вып. 10 (1).
- Замятин 1951 — *Замятин С. Н.* О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Труды Института этнографии АН СССР. М.; Л., 1951. Новая серия. Т. 16. С. 88—152.

- Замятин 1957 — *Замятин С. Н.* Палеолит Западного Закавказья // Сборник МАЭ. 1957. Т. 17. С. 432—499.
- Замятин 1961 — *Замятин С. Н.* Очерки по палеолиту. М.: Л., 1961.
- Илларионов 1947 — *Илларионов В. Т.* Опыт историографии палеолита СССР. Горький, 1947.
- Каменный век... 1970 — Каменный век на территории СССР // МИА. 1970. № 166.
- Кетрару, Анисюткин 1967 — *Кетрару Н. А., Анисюткин Н. К.* Мерсына. Новое нижнепалеолитическое местонахождение в Молдавии. Кишинев, 1967.
- Кетрару, Григорьева, Коваленко 2007 — *Кетрару Н. А., Григорьева Г. В., Коваленко С. Н.* Верхнепалеолитическая стоянка Рипков VII. Кишинев, 2007.
- Кетросы... 1981 — Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М., 1981.
- Коробков 1971 — *Коробков И. И.* К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем // МИА. 1971. № 173. С. 61—99.
- Кударские пещерные палеолитические стоянки... 1980 — Кударские пещерные палеолитические стоянки в Юго-Осетии. М., 1980.
- Лисицын 1997 — *Лисицын Н. Ф.* Относительная и абсолютная хронология позднего палеолита юга Средней Сибири. СПб., 1997.
- Лисицын 2000 — *Лисицын Н. Ф.* Поздний палеолит Чулымско-Енисейского междуречья. СПб., 2000.
- Лисицын, Худяков 1997 — *Лисицын Н. Ф., Худяков Ю. С.* Двойные стоянки Хажжини. СПб., 1997.
- Литвинский, Окладников, Рапов 1962 — *Литвинский Е. А., Окладников А. П., Рапов В. А.* Древности Кайрак-Кумов. Душанба, 1962.
- Любин 1965 — *Любин В. П.* К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // МИА. 1965. № 131. С. 7—75.
- Любин 1977 — *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977.
- Любин 1998 — *Любин В. П.* Ашельская эпоха на Кавказе. СПб., 1998.
- Любин, Беллева 2004 — *Любин В. П., Беллева Е. В.* Стоянка Homo erectus на Центральном Кавказе (пещера Кударо I). СПб., 2004.
- Любин, Беллева 2006 — *Любин В. П., Беллева Е. В.* Ранняя преестория Кавказа. СПб., 2006.
- Любин, Геде 2000 — *Любин В. П., Геде Ф. Й.* Палеолит Республики Кот-д'Ивуар. СПб., 2000.
- Мережковский 1880 — *Мережковский К. С.* Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму // Известия Русского географического общества. СПб., 1880. Т. 16. № 2. С. 106—146.
- Неандертальцы Гупского ущелья... 1994 — Неандертальцы Гупского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп, 1994.
- Нехорошев 1999 — *Нехорошев П. Е.* Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.
- Окладников 1955a — *Окладников А. П.* Глава I. Возникновение человеческого общества. Ранний древнекаменный век // Всемирная история. М., 1955. Т. 1. С. 17—49.
- Окладников 1955b — *Окладников А. П.* Глава II. Развитие первобытнообщинного строя. Поздний древнекаменный век // Там же. С. 50—88.
- Окладников 1959 — *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959.
- Особенности развития... 2002 — Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2002.
- Палеолит Костенковско-Боршевского района... 1982 — Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону. 1879—1979. Л., 1982.
- Палеолит мира... 1977 — Палеолит мира. Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Л., 1977.
- Палеолит мира... 1978 — Палеолит мира. Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л., 1978.
- Палеолит мира... 1989 — Палеолит мира. Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л., 1989.
- Палеолит мира... 1994 — Палеолит мира. Палеолит Центральной и Восточной Азии. СПб., 1994.
- Палеолит СССР... 1935 — Палеолит СССР // Известия ГАИМК. Л., 1935. Вып. 118.
- Палеолит СССР... 1984 — Палеолит СССР // Археология СССР. М., 1984.
- Первобытное искусство... 1998 — Первобытное искусство (проблема происхождения). Кемерово, 1998.
- Поздний палеолит... 2005 — Поздний палеолит Десны и Среднего Дона: хронология, культура, антропология. Воронеж, 2005.
- Полевая археология... 1990 — Полевая археология древнекаменного века // КСИА. 1990. № 202.

- Поляков 1880 — *Поляков И. С.* Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию, исполненная по поручению Императорской Академии наук. Приложение к XXXVII т. Записок Императорской АН. 1880. № 1.
- Праслов 1968 — *Праслов Н. Д.* Ранний палеолит северо-восточного Приазовья и Нижнего Дона // МИА. 1968. № 157.
- Праслов, Щелинский 1996 — *Праслов Н. Д., Щелинский В. Е.* Верхнепалеолитическое поселение Злотовка I на Нижнем Дону. СПб., 1996.
- Проблемы культурной адаптации... 1989 — Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. Л., 1989.
- Проблемы ранней поры... 2004 — Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Боршевского района и сопредельных территорий. СПб., 2004.
- Радиоуглеродная хронология палеолита... 1997 — Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: Проблемы и перспективы. СПб., 1997.
- Ранняя пора... 2006 — Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. СПб., 2006.
- Рогачев 1955 — *Рогачев А. Н.* Александровское поселение древнекаменного века у с. Костенки на Дону // МИА. 1955. № 45.
- Рогачев 1957 — *Рогачев А. Н.* Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. 1957. № 59. С. 9—134.
- Семенов 1940 — *Семенов С. А.* Изучение следов работы на каменных орудиях // КСИИМК. 1940. № 4. С. 21—26.
- Семенов 1957 — *Семенов С. А.* Первобытная техника // МИА. 1957. № 54.
- Сивяцкая 1978 — *Сивяцкая А. А.* Вопросы методики и техники исследования каменных орудий палеолита // СА. 1978. № 3. С. 307—313.
- Сивяцкая 1996 — *Сивяцкая Г. В.* Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб., 1996.
- Сосновский 1934 — *Сосновский Г. П.* Палеолитические стоянки Северной Азии // Труды II Международной конференции АИЧПЕ. Л.; М., 1934. Вып. 5. С. 246—292.
- Спицын 1915 — *Спицын А. А.* Русский палеолит // Записки Отделения русской и славянской археологии РАО. 1915. Т. 11. С. 133—172.
- Станко, Григорьева, Швайко 1989 — *Станко В. Н., Григорьева Г. В., Швайко Т. Н.* Позднепалеолитическое поселение Аметовка II. Киев, 1989.
- Тарасов 1979 — *Тарасов Л. М.* Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л., 1979.
- Тешик-Таш... 1949 — Тешик-Таш. Палеолитический человек. М., 1949.
- Хварцкая, Полякова, Очередной 2005 — *Хварцкая М. Х., Полякова Н. Е., Очередной А. К.* Мачуга — памятник среднего каменного века в Абхазии. СПб., 2005.
- Холошкин и др. 2005 — *Холошкин Ю. П., Вихляев С. А., Воронин В. Т., Кослин В. С., Нуртдинов А. Н.* Динамика развития позднепалеолитической культуры на Верхнем Енисее: опыт статистического исследования. Новосибирск, 2005.
- Чистяков 1996 — *Чистяков Д. А.* Мустьерские памятники Северо-Восточного Причерноморья. СПб., 1996.
- Шер, Вышняцкий, Бледнова 2004 — *Шер Я. А., Вышняцкий Л. Б., Бледнова Н. С.* Происхождение знакового поведения. М., 2004.
- Щелинский, Юлаев 2005 — *Щелинский В. Е., Юлаев С. А.* Ильская мустьерская стоянка. СПб., 2005.
- Abramova 1967 — *Abramova Z. A.* Paleolithic art in the USSR. Arctic Anthropology. 1967. Vol. 4, N 1.
- Abramova 1995 — *Abramova Z. A.* L'art paléolithique d'Europe orientale et de Sibirie. Grenoble, 1995.
- Beregovaya 1966 — *Beregovaya N. N.* Paleolithic sites in the USSR. Russian translation series of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. 1966. Vol. 3, N 1.
- Bonch-Osmolovsky, Gromov 1936 — *Bonch-Osmolovsky G., Gromov V.* The Paleolithic in the Union of Soviet Socialist Republics // Report of the XVI Session of the International Geological Congress. Washington, 1936. Vol. 2. P. 1291—1324.
- Boriskovskii 1958 — *Boriskovskii P. I.* Le paléolithique de l'Ukraine. Paris, 1958.
- From Kostenki to Clovis... 1993 — From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleo-Indian adaptations. New York; London, 1993.
- Liubin 2002 — *Liubin V. P.* L'Acheuléen du Caucase. Etudes et recherches archéologiques de l'Université de Liège. Liège, 2002. N 93.
- Okladnikov 1959 — *Okladnikov A. P.* Ancient population of Siberia and its cultures. Cambridge, 1959.
- Okladnikov 1965 — *Okladnikov A. P.* The Soviet Far East in antiquity. Toronto, 1965.

Paléolithique et Néolithique... 1956 — Paléolithique et Néolithique de l'U.R.S.S. Paris, 1956.

Semenov 1964 — *Semenov S. A. Prehistoric technology*. London, 1964.

Zamiatine 1934 — *Zamiatine S. La station aurignacienne de Gagarino et les données nouvelles qu'elle fournit sur les rites magiques des chasseurs quaternaires*. Bulletin de l'Académie de l'Histoire de la Culture Matérielle. Leningrad, 1934. Fasc. 88.

НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, оп. 3, д. 165; оп. 5, д. 118, 242; оп. 6, 1937 г., д. 2; 1928 г., д. 20; 1929 г., д. 27; 1932 г., д. 48; 1933 г., д. 61; 1934 г., д. 67; 1935 г., д. 72; 1936 г., д. 81; ф. 35, оп. 4, д. 21; оп. 5, д. 21, 25, 33, 34, 35, 37, 64, 81, 181, 221, 252, 255, 262, 294, 362, 375, 381, 389, 399, 406, 409, 422, 429, 461, 480, 493, 497, 517, 519, 520, 586, 588, 613, 762; оп. 6, 1938 г., д. 6; 1939 г., д. 11; 1941 г., д. 22; 1943 г., д. 39; 1944 г., д. 48; 1945 г., д. 59.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Научные сотрудники Сектора/Отдела палеолита ЛОИИМК—ЛОИА—ИИМК и его предшественников в РАИМК—ГАИМК (1919—2008 гг.)²

АБРАМОВА Зоя Александровна (1925 г. рожд.) — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник-консультант. Ученица А. П. Окладникова. В ЛОИИМК—ЛОИА—ИИМК с 1952 г., в Секторе палеолита с 1956 г. Крупнейший в России специалист по палеолитическому искусству, автор многочисленных трудов по позднему палеолиту Южной Сибири и Восточной Европы, корреляции древнейших культур востока Азии и Америки.

АНИКОВИЧ Михаил Васильевич (1947 г. рожд.) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. Ученик А. Н. Рогачева. В Секторе палеолита ЛОИА—ИИМК с 1976 г. В центре его внимания — палеолит Костенок и Восточной Европы, происхождение верхнего палеолита, человек и мамонт в позднем палеолите, общие вопросы палеолитоведения.

АНИСЮТКИН Николай Кузьмич (1934 г. рожд.) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник-консультант. Ученик В. П. Любина. В ЛОИА—ИИМК и Секторе палеолита с 1975 г. (перешел из Гос. Эрмитажа). Разрабатывает проблемы раннего и среднего палеолита юго-запада Восточной Европы, вопросы классификации и хронологии мустьерских индустрий, реконструкции охотничьей деятельности и хозяйства в среднем палеолите. Занимался также палеолитом Костенок, Средней Азии и Вьетнама.

АСТАХОВ Сергей Никитич (1933 г. рожд.) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник-консультант. Ученик А. П. Окладникова. В ЛОИА—ИИМК с 1960 г., в Секторе палеолита с 1966 г. Длительное время руководил работами крупной новоострочной Саяно-Тувинской экспедиции, зам. директора института. Работает над изучением палеолита Сибири, Центральной Азии и Японии.

БЕЛЯЕВА Валентина Ивановна (1943 г. рожд.) — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета. Ученица П. И. Борисяковского. В ЛОИА работала с 1972 г., в Секторе палеолита с 1976 г. В 1982 г. перешла на работу в Ленинградский государственный университет (ныне СПбГУ). Специалист по верхнему палеолиту центра Русской равнины.

БЕЛЯЕВА Елена Владимировна (1960 г. рожд.) — кандидат исторических наук, научный сотрудник. Ученица В. П. Любина. В ЛОИА—ИИМК с 1991 г., в Секторе палеолита с 1995 г. Изучает средний палеолит Кавказа, вопросы взаимосвязности мустьерских индустрий.

БЕРЕГОВАЯ Нина Александровна (1895—1987). Ученица П. П. Ефименко. В ГАИМК—ЛОИИМК—ЛОИА с 1934 г., в Секторе палеолита и неолита с 1944 г. Автор сводов палеолитических памятников на территории СССР, исследователь древностей Дальнего Востока и проблемы заселения человеком Америки.

БИБИКОВ Сергей Николаевич (1908—1988) — член-корреспондент АН УССР, Заслуженный деятель науки УССР, доктор исторических наук. Ученик Г. А. Бонч-Осмоловского. В ГАИМК—ЛОИИМК работал в 1934—1955 гг., в 1942—1943 гг. был зам. директора НИМК, в коллективе исследователей

² При указании сроков работы в Секторе/Отделе учитывается только работа в должности научного сотрудника; стажеры, лаборанты и аспиранты в список не внесены.

палеолита и неолита с 1937 г. Позднее переехал в Киев, где возглавил Институт археологии АН УССР. Исследователь пещер Крыма и Урала, специалист по трипольской культуре.

БОГДАНОВ Дмитрий Николаевич (1977 г. рожд.). Ученик А. А. Сивидана. Участник Костенковской экспедиции, в Отделе палеолита ИИМК работал в 2005—2006 гг.

БОНЧ-ОСМОЛОВСКИЙ Глеб Анатольевич (1890—1943) — доктор исторических наук, археолог и антрополог. Ученик Ф. К. Волкова. В коллективе исследователей палеолита и неолита ГАИМК работал в 1930—1933 (совмещая с работой в Геологическом институте АН СССР) и 1941—1943 гг. Блестящий представитель русской палеолитологической школы. Исследователь пещерного палеолита Крыма, автор опередившей свое время методики раскопок стоянок в скальных убежищах, один из пионеров типолого-стилистического подхода к последованию каменного инвентаря.

БОРИСКОВСКИЙ Павел Исидорович (1911—1991) — доктор исторических наук, профессор. Ученик П. П. Ефименко. В ГАИМК—ЛОИИМК—ЛОИА работал в 1930—1941 и с 1946 г., в коллективе исследователей палеолита и неолита с 1934 г. Заведующий Отделом палеолита в 1962—1979 гг. На протяжении ряда десятилетий был признанным лидером науки о палеолите в нашей стране. Исследователь палеолита Костенок, Украины, древностей северного Причерноморья, культур Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии и Австралии. Автор ряда обобщающих трудов по древнекаменному веку. Имел много учеников в нашей стране и за рубежом.

ВАСИЛЬЕВ Сергей Александрович (1956 г. рожд.) — доктор исторических наук. В ЛОИА—ИИМК с 1978 г., в Секторе палеолита с 1988 г. Заведующий Отделом палеолита с 2003 г. Ученик С. Н. Астахова. Основные области научных интересов — палеолит Сибири, жилищи и поселения в позднем палеолите, проблемы заселения человеком Нового Света, история археологии.

ВЕКИЛОВА Елена Алексеевна (1915—1989) — кандидат исторических наук. Ученица С. Н. Библикова. В ЛОИИМК—ЛОИА и Секторе палеолита работала в 1939—1985 гг. Специалист по палеолиту Крыма, Кавказа и Костенок.

ВЕРЕЩАГИНА Ирина Викентьевна (1947—2006) — кандидат исторических наук. Ученица Н. Н. Гуриной. В ЛОИА—ИИМК с 1975 г., в Секторе палеолита работала в 1978—2003 гг. Занималась мезолитом и неолитом европейского Северо-Востока.

ВИШНЯЦКИЙ Леонид Борисович (1960 г. рожд.) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. Ученик В. П. Любина. В ЛОИА—ИИМК с 1984 г. и в Секторе палеолита с 1987 г. Автор многочисленных трудов и учебных пособий по древнекаменному веку Средней Азии, Казахстана, Ближнего и Среднего Востока, вопросам антропогенеза, происхождению верхнего палеолита, возникновению языка и искусства, теоретическим аспектам палеолитоведения.

ВОРОБЬЕВ Михаил Васильевич (1922—1995) — доктор исторических наук, профессор. Ученик А. П. Окладникова. В ЛОИИМК—ЛОИА с 1950 г., в Секторе палеолита работал в 1954—1963 гг., позднее перешел в ЛО Института востоковедения АН СССР. Специалист по древним культурам Дальнего Востока, Японии, Кореи и Китая.

ГАВРИЛОВА Ия Васильевна (1931—2000) — кандидат исторических наук. Ученица Н. Н. Гуриной. В ЛОИИМК—ЛОИА с 1958 г., в Секторе палеолита работала в 1969—1998 гг. Занималась культурами мезолита и неолита Верхнего Поволжья.

ГЕРАСИМОВ Михаил Михайлович (1907—1970) — доктор исторических наук. Ученик Б. Э. Петра. В ГАИМК—ЛОИИМК с 1932 г., в коллективе исследователей палеолита и неолита в 1937—1941 гг. Выдающийся антрополог и археолог, исследователь Мальты, создатель метода инвентарной реконструкции.

ГОЛОВАНОВА Любовь Витальевна (1957 г. рожд.) — кандидат исторических наук. Ученица В. П. Любина. В ЛОИА—ИИМК работала в 1981—1998 гг., в Секторе палеолита с 1986 г. Изучала палеолит Кавказа.

ГРИГОРЬЕВ Геннадий Павлович (1937 г. рожд.) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник-консультант. Ученик А. Н. Рогачева. В ЛОИА—ИИМК с 1960 г., в Секторе палеолита с 1965 г. Обладает необычайно широким кругом исследовательских интересов, охватывающим поздний палеолит Восточной и Средней Европы, классификацию каменных индустрий и произведений искусства, палеолит Африки, глобальный анализ развития древнейших культур, общие вопросы первобытной археологии и др.

ГРИГОРЬЕВА Галина Васильевна (1934 г. рожд.) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник-консультант. Ученица П. И. Борисяковского. В ЛОИА—ИИМК с 1959 г., в Секторе палеолита с 1969 г. Изучает поздний палеолит Юго-Запада Восточной Европы и центра Русской равнины, костяные изделия и украшения в палеолите.

ГРОМОВ Валерий Иванович (1896—1978) — доктор геолого-минералогических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Государственной премии, профессор. В коллективе исследователей палеолита и неолита ГАИМК работал в 1925—1937 гг., позднее переехал в Москву. Крупнейший специалист по геологии, палеогеографии и палеонтологии четвертичного периода, знаток геологии палеолита.

ГУРИНА Нина Николаевна (1909—1990) — доктор исторических наук. Ученица В. И. Радожицка. В ГАИМК—ЛОИИМК—ЛОИА с 1935 г., в Секторе палеолита и неолита с 1937 г. В 1976—1982 гг. — заведующая ЛОИА. Ведущий специалист по мезолиту и неолиту севера Восточной Европы; занималась также каменным веком Южной Сибири.

ЕФИМЕНКО Петр Петрович (1884—1969) — академик АН УССР, доктор археологии, профессор. Ученик Ф. К. Волкова. В ГАИМК—ЛОИИМК—ЛОИА работал с 1919 г. Руководил работой Группы доклассового общества в 1931—1932 гг., кафедры истории доисторического общества в 1934—1937 гг., был заведующим Сектором палеолита и неолита в 1937—1941 и 1945—1951 гг. В 1946—1950 гг. совмещал руководство Институтом археологии АН УССР в Кисеве и Сектором в Ленинграде, позднее переехал в Киев. Подлинный «патриарх» советского палеолитоведения, основатель сектора палеолита, исследователь жилого комплекса Костенок I, автор монументальных обобщающих трудов по древнекаменному веку.

ЖЕЛТОВА Мария Николаевна (1966 г. рожд.). Младший научный сотрудник. Ученица А. М. Михалева и А. К. Филиппова. В ЛОИА—ИИМК с 1988 г., в Секторе палеолита с 1998 г. (с 2006 г. — ученый секретарь Отдела). Область научных интересов — финальный палеолит и мезолит Северо-Запада Русской равнины, планиграфия палеолитических стоянок Костенок, кремневое сырье, функциональный анализ.

ЗАМЯТНИН Сергей Николаевич (1899—1958) — кандидат исторических наук. Ученик А. А. Миллера. Работал в коллективе исследователей палеолита и неолита РАИМК—ГАИМК—ЛОИИМК в 1924—1946 гг., сомневая с работой в МАЭ. В 1944—1945 гг. руководил группой палеолита, неолита и эпохи бронзы ЛОИИМК. Одна из наиболее ярких фигур советского палеолитоведения, первооткрыватель палеолитических жилищ, исследователь древнекаменного века Кавказа, специалист по древнейшему искусству и общим вопросам изучения палеолита.

ЗЕМЛЯКОВ Борис Федорович (1898—1945?) — кандидат наук, геолог по образованию. Работал в коллективе исследователей палеолита и неолита ГАИМК в 1934—1938 гг. Занимался древнейшими культурами Кольского полуострова и Северо-Запада России.

ИВАНОВА Марина Александровна (1954—1987) — кандидат исторических наук. Ученица Н. Д. Праслова. В ЛОИА с 1974 г., в Секторе палеолита с 1986 г. Исследовала палеолит Костенок.

КОЗЫРЬЕВА (ЧУБАРОВА) Римма Васильевна (1928—1983) — кандидат исторических наук. Ученица А. П. Окладникова. В ЛОИИМК—ЛОИА с 1953 г., в Секторе палеолита с 1956 г. Специалист по древним культурам Дальнего Востока.

КОРОБКОВ Игорь Ильич (1934—1993) — кандидат исторических наук. Ученик В. П. Любина. В ЛОИИМК—ЛОИА—ИИМК с 1959 г., в Секторе палеолита с 1962 г. Исследователь палеолита Кавказа, Ближнего и Среднего Востока.

КОРОБКОВА Галина Федоровна (1933—2007) — доктор исторических наук, профессор. Ученица С. А. Семенова. В ЛОИИМК—ЛОИА—ИИМК с 1957 г., в составе Отдела палеолита работала в 1961—1973 гг. С 1978 г. возглавляла экспериментально-траасологическую лабораторию. Специалист по реконструкции функций орудий и хозяйства в мезолите—неолите, энеолите и бронзовом веке. Имела много учеников в России, ближнем и дальнем зарубежье.

КРИЖЕВСКАЯ Лия Яковлевна (1916—1995) — доктор исторических наук. Ученица П. П. Ефименко. В ЛОИИМК—ЛОИА—ИИМК в 1938—1941 и 1945—1994 гг., в коллективе исследователей палеолита и неолита с 1946 г. Крупный специалист по культурам мезолита, неолита и эпохи бронзы Урала, Сибири и юга Русской равнины.

КУЛАКОВ Сергей Александрович (1959 г. рожд.) — кандидат исторических наук. Ученик В. П. Любина. В ЛОИА—ИИМК с 1987 г., в Секторе палеолита работал с 1991 г. С 1995 г. — ученый секретарь ИИМК РАН. В круг исследовательских интересов входят проблемы нижнего и среднего палеолита Кавказа, изучение палеолитических мастерских, технологический анализ каменных индустрий.

ЛАРИЧЕВ Виталий Елифанович (1932 г. рожд.) — доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Ученик А. П. Окладникова. В ЛОИИМК—ЛОИА с 1956 г., в Секторе палеолита работал в 1960—1962 гг., позднее переехал в Новосибирск. Специалист по культурам каменного века востока Азии, древностям Сибири и Монголии.

ЛЕВЕНЮК Всеволод Протасович (1906—1985) — кандидат исторических наук. Ученик М. В. Воеводского и П. И. Борисовского. В ЛОИИМК—ЛОИА работал в 1950—1951 и 1962—1973 гг., в Секторе палеолита с 1962 г. Занимался неолитом центра Русской равнины.

ЛИСИЦЫН Николай Федорович (1945—1997) — доктор исторических наук. Ученик З. А. Абрамовой. В ЛОИА—ИИМК с 1974 г., в Секторе палеолита с 1980 г. Длительное время руководил работами крупной постоисторической Средне-Европейской экспедиции. Специалист по каменному веку Енисея.

ЛИСИЦЫН Сергей Николаевич (1975 г. рожд.) — кандидат исторических наук, научный сотрудник. Ученик А. А. Спицына. В Секторе палеолита ИИМК с 1998 г. Занимается палеолитом Костенок и изучением каменного века Северо-Запада европейской части России.

ЛЮБИН Василий Прокофьевич (1918 г. рожд.) — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник-консультант. Ученик П. И. Борисовского. В ЛОИИМК—ЛОИА—ИИМК с 1950 г., в Секторе палеолита с 1954 г. Заведующий Отделом палеолита в 1979—1988 гг. И. о. заведующего ЛОИА в 1976 г. Ведущий в России специалист по нижнему и среднему палеолиту, исследователь древнекаменного века Кавказа, Средней Азии и Африки. Автор трудов по методике изучения пещерных комплексов и классификации каменных индустрий.

МАТЮХИН Александр Ефимович (1940 г. рожд.) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник-консультант. Ученик В. П. Любина. В ЛОИА—ИИМК с 1974 г., в Секторе палеолита с 1999 г. (перешел из Экспериментально-траасологической лаборатории). Занимается исследованием палеолита юга Европейской части России, изучением палеолитических мастерских. Провел большую серию экспериментальных и технологических опытов, связанных с древнейшими орудиями труда человека.

НЕХОРОШЕВ Павел Евгеньевич (1958 г. рожд.) — кандидат исторических наук, научный сотрудник. Ученик В. Е. Щелинского. В ЛОИА—ИИМК с 1983 г., в Секторе палеолита с 1993 г. С 1997 г. ученый секретарь диссертационного совета ИИМК. Основные направления исследований включают палеолит юга европейской части России, Урала и Красноярского края, вопросы перехода от среднего к верхнему палеолиту, технологический анализ каменных индустрий.

ОКЛАДНИКОВ Алексей Павлович (1908—1981) — академик АН СССР, Герой Социалистического труда, лауреат Государственных премий, доктор исторических наук, профессор. Ученик Б. Э. Петра. В коллективе исследователей палеолита и неолита ГАИМК—ЛОИИМК—ЛОИА с 1934 г. Заведующий ЛОИИМК в 1949—1951 гг., заведующий Сектором палеолита в 1952—1961 гг. В 1961 г. покидает Ленинград. Основатель новосибирской археологической школы, один из крупнейших специалистов по археологии Сибири. Внес фундаментальный вклад в изучение палеолита и неолита Северной и Центральной Азии, много занимался общими вопросами развития палеолитической культуры, происхождением человека, генезисом изобразительного искусства.

ОЧЕРЕДНОЙ Александр Константинович (1975 г. рожд.). Младший научный сотрудник. Ученик В. П. Любина и Н. Д. Праслова. В ИИМК и Отделе палеолита с 2005 г. Специализируется в области изучения среднего палеолита Кавказа и Русской равнины.

ПАНИЧКИНА Мария Захаровна (1904—1977) — кандидат исторических наук. Ученица С. Н. Замятнича и П. П. Ефименко. В 1937—1946 гг. в Секторе палеолита и неолита ЛОИИМК, позднее перешла на работу в Гос. Эрмитаж. Специалист по нижнему палеолиту Кавказа, автор работ по технологии расщепления камня.

ПЕТРОВ Григорий Иванович (1903—1942) — кандидат биологических наук, антрополог. В ГАИМК с 1932 г., в Секторе доклассового общества работал в 1933—1937 гг. Позднее перешел на работу в ЛГУ. Занимался вопросами антропогенеза.

ПИТУЛЬКО Владимир Викторович (1960 г. рожд.) — кандидат исторических наук, научный сотрудник. Ученик Л. П. Хлобыстина. В ЛОИА—ИИМК с 1985 г., в Секторе палеолита с 1995 г. Занимается изучением палеолитических и мезолитических памятников Арктики, проблемами освоения древним человеком Заполярья, корреляцией культур каменного века Северо-Восточной Азии.

ПРАСЛОВ Николай Дмитриевич (1937 г. рожд.) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник-консультант. Ученик П. И. Борисовского. В ЛОИА—ИИМК с 1962 г., в Секторе палеолита с 1965 г. Заведующий Отделом палеолита в 1988—1997 гг. Много лет руководил Костенковской экспедицией. В круг интересов входят палеолит Костенок, Нижнего Дона и Северного Кавказа, палеолитическое искусство и краски, происхождение лука и стрел, хронология и палеогеография палеолита.

РАВДОНИКАС Владислав Иосифович (1894—1976) — член-корреспондент АН СССР, доктор археологии, профессор. Ученик А. А. Спицына. В ГАИМК—ЛОИИМК работал в 1931—1949 гг., совмещая с работой в Ленинградском университете. Руководил Отделом палеолита и неолита ЛОИИМК в 1942 г.; в 1944—1946 и 1947—1949 гг. временный руководитель, затем заведующий ЛОИИМК. Один из видных советских археологов, специалист в области древностей Северо-Запада России, выдающийся теоретик иркутской археологии.

РОГАЧЕВ Александр Николаевич (1912—1984) — доктор исторических наук. Ученик П. П. Ефименко. В ГАИМК—ЛОИИМК—ЛОИА работал в 1933—1939 и с 1947 г., в коллективе исследователей палеолита и неолита с 1937 г. Много лет руководил Костенковской экспедицией, автор концепции до-

кальных культур в позднем палеолите. Создал многочисленные группы по палеолиту Восточной Европы, вопросам теории и методики археологии.

РУДЕНКО Сергей Иванович (1885—1969) — доктор исторических наук. Ученик Ф. К. Волкова. В ЛОИИМК—ЛОИА с 1942 г., в Отделе палеолита и неолита работал в 1946—1953 гг., позднее возглавил Лабораторию археологической технологии. Специалист широкого профиля, автор трудов по археологии, этнографии и антропологии.

РЫГДЫЛОН Эрдэмто Ринчинович (1906—1957). В 1934—1941 гг. работал в ГАИМК—ЛОИИМК. Занимался изучением каменного века Сибири и Казахстана, помогал С. Н. Замятинину при раскопках Сухой Мечетки.

СЕМЕНОВ Сергей Аристархович (1898—1978) — доктор исторических наук, лауреат Государственной премии, профессор. В ГАИМК—ЛОИИМК—ЛОИА с 1931 г., в коллективе исследователей палеолита и неолита работал в 1934—1941, 1951—1956 и 1964—1973 гг., позднее возглавил самостоятельную исследовательскую группу. Один из величайших археологов XX в., основоположник триасологического метода.

СИНИЦЫН Андрей Александрович (1951 г. рожд.) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Ученик А. Н. Рогачева. В ЛОИА—ИИМК с 1972 г., в Секторе палеолита с 1981 г. Специалист по палеолиту Костенок, вопросам хронологии древнекаменного века, происхождения верхнего палеолита, корреляции верхнепалеолитических культур Европы, классификации каменного инвентаря.

СИНИЦЫНА Галина Васильевна (1948 г. рожд.) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Ученица Н. Н. Гуриной. В ЛОИА—ИИМК с 1973 г., в Секторе палеолита с 1977 г. Занимается изучением финляндского палеолита и мезолита Северо-Запада и Центра европейской части России, автор работ по неолиту Восточной Европы и Южной Сибири.

СОСНОВСКИЙ Георгий Петрович (1899—1941) — кандидат исторических наук. Ученик Н. К. Ауэрбаха. В коллективе исследователей палеолита и неолита ГАИМК—ЛОИИМК работал в 1927—1941 гг. Специалист по первобытной археологии Сибири.

ТАРАСОВ Лев Михайлович (1925 г. рожд.) — доктор исторических наук. Ученик А. Н. Рогачева. В ЛОИИМК—ЛОИА—ИИМК работал в 1957—2005 гг., в Секторе палеолита с 1968 г. Занимался палеолитом Костенок, изучением стоянки Гагарино, памятников Десны и Крыма.

ТИМОФЕЕВ Владимир Иванович (1947—2004) — кандидат исторических наук. Ученик Н. Н. Гуриной. В ЛОИА—ИИМК с 1968 г., в Секторе палеолита с 1974 г. Заведующий Отделом палеолита в 1997—2003 гг. Многолетний лидер неолитической группы Отдела. Крупный специалист по культурам мезолита—неолита бассейна Балтийского моря, занимался также древностями Средней Азии и Вьетнама.

ТРЕТЬЯКОВ Виктор Петрович (1940—1985) — кандидат исторических наук. Ученик Н. Н. Гуриной. В ЛОИА с 1963 г., в Секторе палеолита с 1966 г. Специалист по неолиту и бронзовому веку Восточной Европы.

ТРЕТЬЯКОВ Петр Николаевич (1909—1975) — член-корреспондент АН СССР, лауреат Государственной премии, доктор исторических наук, профессор. Ученик П. П. Ефименко. В ГАИМК—ЛОИИМК работал в 1927—1946 гг., в коллективе исследователей палеолита и неолита с 1930 г. В 1945—1946 гг. был заведующим ЛОИИМК. В 1946 г. переехал в Москву, где позднее возглавил Институт славяноведения АН СССР. Вернулся в ЛОИА в 1959 г. и до смерти работал в Группе славяно-русской археологии, преобразованной позднее в Отдел славяно-финской археологии. Крупный специалист по первобытным культурам Восточной Европы в широком хронологическом диапазоне от мезолита до средневековья. Автор трудов по вопросам происхождения славян.

ФИЛИППОВ Анатолий Кузьмич (1929 г. рожд.) — доктор исторических наук. Ученик С. А. Семенова. В ЛОИА—ИИМК работал в 1962—2007 гг., в составе Сектора палеолита в 1972—1973 гг., позднее — в лаборатории первобытной техники. Специалист по технике обработки камня, кости и рога в палеолите. Автор трудов по происхождению изобразительного искусства.

ХЛОБЫСТИН Леонид Павлович (1931—1988) — доктор исторических наук. Ученик А. П. Окладникова. В ЛОИИМК—ЛОИА с 1958 г., в Секторе палеолита с 1961 г., был заместителем заведующего ЛОИА, руководил неолитической группой Сектора. Один из пионеров арктической археологии. Исследователь культур Севера, древностей Южного Урала и Сибири.

ЧИСТЯКОВ Дмитрий Аркадьевич (1957—1986) — кандидат исторических наук. Ученик В. П. Любина. В ЛОИА с 1980 г., в Секторе палеолита с 1986 г. Вед изучение мусьеерских пещерных памятников Северо-Западного Кавказа.

ШАЯХМЕТОВА Далия Гафисовна (1956 г. рожд.). Ученица Н. Н. Гуриной. В ЛОИА—ИИМК с 1980 г., в Секторе палеолита работала в 1981—2003 гг. Занималась древностями Кольского полуострова.

ШУМКИН Владимир Яковлевич (1947 г. рожд.) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Ученик Н. Н. Гуриной. В ЛОИА—ИИМК с 1970 г., в Секторе палеолита с 1985 г. Специалист по древним культурам Кольского полуострова, памятникам наскального искусства Феноскандии.

ВСПОМИНАЯ ЕЛИЗАВЕТУ ГРИГОРЬЕВНУ КАСТАНАЯН

Ю. А. ВИНОГРАДОВ

В жизни любого человека есть встречи с людьми, которые на первый взгляд кажутся ничем не примечательными, но постепенно приобретают все больший и больший смысл, становясь почти судьбоносными. Смерть таких людей, также чаще всего вполне обыденная, тянет за собой цепочку воспоминаний, вызывает желание поделиться с другими тем, что стало для тебя столь важным и близким, как-то противостоять слишком быстрому забвению.

Именно таким человеком для многих была Елизавета Григорьевна Кастанаян. Написать о ней меня заставляют не только многие годы работы рядом с ней, но и еще одно обстоятельство: после смерти Елизаветы Григорьевны никто из ее многочисленных друзей не составил некролога, возможно, каждый думал, что это непременно сделает кто-то другой, более достойный. В общем, произошло то, что произошло... С таким положением, разумеется, мириться никак нельзя, и дань уважения представительнице старшего поколения археологов, женщине очень не легкой судьбы и очень доброго сердца, необходимо выразить, пусть с большим опозданием, но это лучше, чем никогда. Мой рассказ основан на материалах личного дела Е. Г. Кастанаян, хранящихся в Рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН, воспоминаниях ее близких друзей и некоторых личных впечатлениях.¹

Будущая исследовательница древностей Боспора Киммерийского родилась 29 декабря 1910 г., во всяком случае, так она сама писала во всех документах (дата, скорее всего, нуждается в уточнении — см. ниже), в Нахичевани, сейчас это район Ростова-на-Дону, в армянской семье. Ее отец, Кастанаев Г. М., имел врачебную практику, являясь прекрасным гинекологом; мать, Шапошникова Е. И., была домохозяйкой. Достаточно долго Елизавета Григорьевна носила русифицированную фамилию отца — Кастанаева, изменив ее на привычную для всех только в марте 1938 г. (НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 5, д. 424, л. 9).

Время переезда семьи в Петербург Е. Г. Кастанаян определяла по-разному: «с младенческого возраста проживаю в Ленинграде» (л. 40),² «с этого же года (т. е. с года рождения, 1910. — Ю. В.) проживаю в Ленинграде» (л. 62). В последнее абсолютно не верится, ибо для того, чтобы успеть на новое место жительства до наступления нового 1911 г., выезжать бы пришлось прямо в день рождения девочки, т. е. 29 декабря. Объяснение этой странной описке, вероятнее всего, надо искать в том, что Елизавета Григорьевна дату своего рождения указывала по старому (юлианскому) стилю, а праздновала его по новому (григорианскому), т. е. 11 января. В таком случае можно считать, что Кастанаевы переехали в Петербург действительно в год рождения своей дочери, но не в 1910, а в 1911 г.

¹ Выражаю мою сердечную благодарность за консультации М. Ю. Вахитовой, Э. С. Доманской, В. А. Геренчаровскому, К. К. Марченко, И. Ю. Шаубу.

² Здесь и далее указание листа означает, что оно относится к личному делу Е. Г. Кастанаян (НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 5, д. 424). Ссылки на другие архивные документы даны полностью.

Эта маленькая мистификация привела, в частности, к тому, что 11 января 1985 г. Е. Г. Кастанаян поздравили с 75-летием. По этому поводу в ЛОИА АН СССР был издан специальный приказ, подписанный В. М. Массоном (л. 152). Лишь немногие, как мне представляется, догадывались, что до настоящего юбилея необходимо было подождать еще один годик.

Самое раннее впечатление детства, которым Е. Г. Кастанаян иногда с нами делилась, было связано с гражданской войной, когда она находилась в Ростов-на-Дону у родственников, вероятнее всего, с материнской стороны, т. е. у Шапошниковых. Однажды к ним на квартиру пришла группа белогвардейцев, которые хотели устроить прощальный вечер. Такая возможность была предоставлена, молодые люди пили вино, играли на фортепьяно, что-то пели, потом распрощались, поскольку утром покидали город. У меня почему-то нет сомнения, что девочка врезалась в память эпизод, связанный с уходом с Дона войск генерала Л. Г. Корнилова, началом их так называемого «Ледяного» похода на Екатеринбург (Краснодар). Этот поход начался 9 (22) февраля 1918 г. (Иоффе 1989: 254—255), а на квартиру к Шапошниковым (?) группа корниловцев могла зайти 8 (21) февраля.

Впоследствии ее родственники с материнской стороны (три дяди и две тетушки) оказались в эмиграции, некоторые из них переехали в Париж в 1919 г., очевидно, после поражения армии А. И. Деникина, другие позднее — в 1924 г. Один дядя работал инженером, другой имел комиссионный магазин, тетушка служила продавщицей. Информация о родственниках, выехавших за границу, указывалась во всех советских анкетах и, естественно, ложилась «темным пятном» на биографию. Елизавета Григорьевна, правда, подчеркивала, что связи с ними не поддерживает, а в 1952 г. даже отметила, что ей неизвестно, живы ли ее парижские дяди и тети или уже нет (л. 61).

Бывшие граждане Советского Союза, конечно, помнят, что в анкетах также имелись пункты о привлечении к суду и о пребывании на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны, при этом надо было писать не только о себе, но и о близких родственниках. По этим пунктам у Е. Г. Кастанаян тоже не все было в порядке. Ее отец предстал перед советским судом в 1938 г., что было связано не с политическими репрессиями, а с незаконным абортom, который он сделал как врач-гинеколог. (Вспомним упомянутый в одной из песен Владимира Высоцкого указ от 38-го, по которому он первый раз получил «свободу», т. е. родился.) По всей видимости, после этого Г. М. Кастанаян было запрещено проживание в Ленинграде, во всяком случае, перед войной он жил в Старой Руссе и, естественно, оказался на оккупированной немцами территории (л. 60).

В Ленинграде в 1927 г. Е. Г. Кастанаян закончила среднюю школу-девятилетку и в следующем году поступила на Высшие государственные курсы искусствоведения при Институте истории искусств. В 1929 г. она была переведена на Историко-лингвистический факультет Ленинградского государственного университета, где занималась на Отделении истории материальной культуры. Этот факультет в 1930 г. был преобразован в Ленинградский историко-лингвистический институт (ЛИЛИ),³ в котором Елизавета Григорьевна проходила обучение по Музейно-краеведческому отделу, специализируясь по античной археологии (л. 4, 62). Не-

³ О преобразованиях этого времени в системе археологического образования в Советском Союзе см. Тихонов 2004.

Рис. 1. Елизавета Григорьевна Кастанаян

простое материальное положение заставляло студентку подрабатывать сначала учетчиком в Институте прикладной ботаники, а затем ручницей на фабрике головных уборов им. Самойловой (л. 5). Несмотря на большую загруженность, она, как и многие ее сверстники, вынуждена была принимать участие в кампании по ликвидации неграмотности в СССР (л. 8). Обучение в ЛИЛИ было закончено в марте 1932 г., выпускница получила специальность «преподавателя ВУЗа и ВТУЗа в области истории» (л. 89). В апреле этого года Е. Г. Кастанаян была принята в ГАИМК на должность научно-технического сотрудника, а в сентябре 1935 г. поступила в аспирантуру. Обучение в аспирантуре закончилось довольно быстро и неожиданно; в 1937 г. ГАИМК был реорганизован в ИИМК АН СССР, в связи с чем все аспиранты были отчислены с 1 января 1938 г., и Елизавету Григорьевну приняли в Институт в Сектор Древнего Причерноморья на уже знакомую ей должность научно-технического сотрудника.

К тому времени Е. Г. Кастанаян уже была замужней женщиной. Мужем ее стал Григорий Иванович Петров, происходивший из духовного сословия. Одно время он был доцентом Ленинградского университета, а затем работал в Институте этнографии АН СССР (л. 8, 60). Молодая семья проживала на улице Желябова (ныне Большая Конюшенная), д. 14, кв. 39.

Елизавета Григорьевна любила свое дело и в автобиографии, датированной 19 марта 1938 г., даже отметила: «Состояние здоровья удовлетворительное. Считаю целесообразным использовать меня на археологической работе в ИИМК» (л. 8). Ее активная работа на раскопках античных памятников Северного Причерноморья началась с 1934 г., когда в руководстве Боспорской экспедиции ГАИМК стал выделяться В. Ф. Гайдукевич, вставший во главе ее в следующем, 1935 г. (Виноградов 2005б: 325; 2006б: 6—7). Иногда его называют учителем Елизаветы Григорьевны, хотя это не совсем так, поскольку Виктор Францевич был всего на

шесть лет старше своей «ученицы». С другой стороны, не вызывает никаких сомнений, что для Е. Г. Кастанаян этот человек значил очень многое, она стала его верной соратницей, сохранив самые теплые чувства к мэтру до конца своей жизни. О В. Ф. Гайдукевиче она всегда отзывалась с огромным пиететом, но из его шуток чаще всего вспоминала не очень веселую: «История как дышло, куда повернешь, туда и вышло».

В январе 1939 г. на Е. Г. Кастанаян были возложены обязанности ученого секретаря Сектора Древнего Причерноморья (л. 10); она их исполняла более четверти века — менялись названия Института и его научных подразделений, а Елизавета Григорьевна для античников все это долгое и очень нелегкое время оставалась ученым секретарем. С 1 июня 1940 г. она была переведена на должность старшего лаборанта (л. 11). В марте 1941 г. в связи с Международным Коммунистическим Женским днем 8 Марта (тогда этот праздник назывался именно так!) сй была объявлена благодарность «за высококачественную работу, выполненную сверх плана» (л. 12). Следующий документ в личном деле — лист № 13 — приказ по Институту: «Старшего лаборанта Кастанаян Е. Г. с 23.10 считать в декретном отпуске». Такому повороту дел можно было бы только порадоваться, но у любого нормального человека, хотя бы немного знающего историю России XX в., от него должна застыть кровь в жилах. К тому времени по стране вовсю грохотала страшная война, а Ленинград уже второй месяц находился в кольце вражеской блокады.

Первая блокадная зима унесла у Елизаветы Григорьевны и дитя, и мужа. Одинокая женщина, несмотря на эти страшные потери и лишения, нашла в себе

Рис. 2. Е. Г. Кастанаян и В. Ф. Гайдукевич на раскопках Мирмекия в 1936 г. (в верхнем ряду вторая и третья слева)

силы продолжать жить и работать. С 15 апреля 1942 г. она была переведена на должность младшего научного сотрудника, а с 18 апреля на нее были возложены обязанности заведующего Камеральной мастерской Института (л. 14—15). О войне и блокаде Елизавета Григорьевна никогда не рассказывала, хотя ее об этом неоднократно просили. По этой причине приведу характеристику, выданную Е. Г. Кастанаян 17 июня 1944 г. почти полностью, она того стоит (л. 19):

«В течение войны продолжала научную работу, входившую в план ее институтских работ довоенного времени, изучение военного дела в Древней Греции для написания соответствующей главы в издаваемой Институтом «История античной культуры»».

Несет техническую работу в Институте (перепоска и расстановка книг, подготовка архивного материала для передачи в Архив Академии Наук, проверка и составление описей, приведение в порядок помещений, персписка и т. д.). Проявила себя как самоотверженный работник.

Неоднократно мобилизовывалась на работы оборонного характера:

6.6.42—1.8.42 — на земляные работы;

4.12.42—19.12.42 — на расчистку аэродромных площадок;

1.5.43—3.6.43 — на заготовку топлива для Ленинграда.

С 1942 г. исполняла обязанности ответственного дежурного, а затем заместителя ответственного дежурного по объекту ЛАХУ. В настоящее время состоит бойцом в группе самозащиты по главному зданию Академии Наук в качестве бойца пожарного звена.

Несет обязанности профорганизатора Института, кроме того, выполняет ряд поручений месткома, обследует квартиры эвакуированных сотрудников Института.

Одна из первых была награждена медалью «За оборону Ленинграда». В 1942 г. была премирована Президиумом Академии Наук СССР.

В мае 1944 г. президиумом Верховного Совета СССР награждена медалью «За трудовую доблесть».

Уполномоченная Ленинградской группой
Института археологии АН СССР О. И. Бич».

За этими скупыми строчками канцелярского текста стоит чрезвычайно многое: боль, горе, голод и холод, весь тот ад, который обрушился на ленинградцев в дни блокады. Елизавета Григорьевна вынесла все! Что касается наград, то медаль «За оборону Ленинграда» она получила в августе 1943 г., затем были «За трудовую доблесть» (май 1944 г.), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1946 г.), «250-летие Ленинграда» (1953 г.), еще одна медаль «За трудовую доблесть» (1954 г.) и «Ветеран труда» (1978 г.).

К декабрю 1943 г. Е. Г. Кастанаян переехала на новое место жительства — улицу Восстания, д. 20/16, кв. 11 (л. 18). Правильнее было бы сказать не на новое, а на старое место жительства, поскольку эта квартира когда-то принадлежала Кастанаевым, именно здесь прошли детские и юношеские годы Елизаветы Григорьевны. До конца своих дней она занимала в ней всего одну комнату, но большую и светлую, выходящую окнами на улицу Восстания (бывшую Знаменскую).

В январе 1945 г., когда до победы оставалось совсем немного, Е. Г. Кастанаян и В. А. Петрову (ст. науч. сотр. ИИМК) было поручено «привести в известность и собрать рукописи подготовленных к печати работ, а также принять работы, законченные по плану 1944 г., оформить соответствующую регистрацию всех поступ-

лений и надлежащее ее хранение» (л. 27). Простим автору приказа канцелярскую корявость языка, но этот документ хорошо демонстрирует, что научная жизнь постепенно стала возвращаться в обычную колею. Уже в июле 1945 г. Елизавета Григорьевна выехала в первую послевоенную экспедицию, но не в Боспорскую, а Старо-Ладожскую (л. 28). Работы Боспорской экспедиции были возобновлены в следующем, 1946 г. (Виноградов 2005б: 327; 2006б: 11).

В мае 1947 г. Е. Г. Кастанаян была принята в Коммунистическую партию, тогда носившую название ВКП(б); затем по ходу времени она неоднократно избиралась в партбюро Института. Нет, Елизавета Григорьевна совсем не была пламенной революционеркой, ей был чужд также всякий намек на коммунистическое чванство, столь свойственное некоторым ее ровесникам, да и людям более молодого поколения. Абсолютно невозможно даже представить эту женщину произносящей громовые речи с высокой трибуны, разоблачающей чьи-то ошибки или, напротив, прославляющей выдающиеся достижения. Тем не менее в партию она вступила, и в этом поступке совсем не обязательно видеть стремление к карьерному росту или более комфортной жизни. Я думаю, что кому-то из начальства просто показалось, что в парторганизации надо иметь одного из самых заслуженных и уважаемых сотрудников Института. В подтверждение сказанного приведу часть характеристики Е. Г. Кастанаян того времени, подписанной В. И. Равдоникасом:

«Е. Г. Кастанаян является не только хорошо знающим свое дело и чрезвычайно добросовестным научным сотрудником ИИМК, но также исключительно самоотверженным работником, отдающим все свои силы и знания искренне любимому делу» (л. 41).

Такие люди, конечно, были нужны парторганизации, а Елизавета Григорьевна на предложение вступить в партию не могла ответить отказом в силу свойств характера. Таковы тогда были правила поведения, и им следовали многие, очень многие советские люди! Для того, чтобы завершить послужной список Е. Г. Кастанаян на общественном поприще, следует сказать, что она два раза, в 1954/56 и 1957/58 гг., избиралась депутатом Дзержинского районного совета депутатов трудящихся г. Ленинграда (РА, ф. 35, оп. 3, д. 41, л. 5).

В 1950-х гг. начинают выходить из печати ее первые научные труды, сразу ставшие в своем роде классическими (Кастанаян 1950; 1951; 1952). Все они так или иначе были связаны с фундаментальной проблемой взаимодействия греческих и варварских элементов в культуре Боспора. За большую статью «Грунтовые некрополи Боспорских городов VI—IV вв. до н. э.» (Кастанаян 1959а) она даже получила крупную премию (л. 103).⁴

В то же время Е. Г. Кастанаян продолжала активно работать в Боспорской экспедиции, но также принимала участие в раскопках Волго-Донской археологической экспедиции (л. 53), Фанагорийской (л. 74) и ряда других. В 1957 г. она была начальником отряда Советско-Польской Боспорской экспедиции (л. 90), и польские коллеги сохранили о ней самые теплые воспоминания. Через два года она отправляется на раскопки в Албанию (л. 96), где проработала два сезона в составе Советско-Албанской археологической экспедиции (РА, ф. 35, оп. 3, д. 41, л. 5).⁵ Странно, но о своем пребывании в этой весьма специфической стране и

⁴ Немного забавно, что в тексте приказа с прописыванием слово «некрополи» заменено на «некрополи».

⁵ Руководителем экспедиции с советской стороны был В. Д. Блаватский, с албанской — С. Ислами.

связанных с этим впечатлений она опять же никогда ничего не говорила. Если бы не ее публикации некоторых памятников классической древности Албании (Кастанаян 1966; 1967), в самом факте участия Елизаветы Григорьевны в заграничной экспедиции можно было бы усомниться. Она не рассказывала нам даже о научно-туристической поездке в Грецию, состоявшейся в апреле 1960 г. (РА, ф. 35, оп. 3, д. 41, л. 5), хотя вполне очевидно, что осмотр памятников великого наследия Древней Греции оставил в ее душе глубочайший след.

Е. Г. Кастанаян вообще не любила говорить о себе, если это не касалось каких-то повседневных дел, а о своей жизни рассказывала только в редчайших случаях. С другой стороны, зарисовки кратких сюжетов из жизни других, хорошо знакомых Елизавете Григорьевне личностей получались у нее просто великолепно. Вспоминаются некоторые из таких рассказов: как отреагировал В. Ф. Гайдукевич, узнав, что на раскопки Илурата приехал Б. А. Рыбаков; как П. Н. Шульц разволновался, увидев в степи зайчишку; как С. И. Капошина избежала обвинений в марризме и т. д.

В мае 1953 г. Е. Г. Кастанаян стала соискателем (л. 69), тема ее кандидатской диссертации была сформулирована следующим образом: «Лепная керамика боспорских городов (Этнические и культурные связи Боспорского царства по керамическим данным)». В этой области знания у Елизаветы Григорьевны к тому времени имелись очень хорошие наработки, уже вышли из печати ее крупные статьи о находках лепной керамики из Мирмекия, Тиритак и Илурата (Кастанаян 1951; 1952), вскоре появились другие, очень важные исследования (Кастанаян 1955; 1958а). Кандидатские экзамены были сданы достаточно быстро, но защита состоялась лишь 15 марта 1967 г., уже после смерти В. Ф. Гайдукевича. Официальными оппонентами были назначены Т. Н. Книпович и А. П. Манцевич (РА, ф. 35, оп. 3, д. 41), отзывы на работу подготовили также К. С. Горбунова (зав. Отделом античного мира Государственного Эрмитажа), М. М. Кобылина (зав. античным сектором Института археологии) и др. В этих отзывах, как и в выступлениях оппонентов, содержались весьма высокие оценки диссертационной работы, острая дискуссия разгорелась лишь по поводу отзыва на автореферат, присланного из Кисва известным археологом-антиковедом В. В. Лапиным.

По поводу этой дискуссии следует сказать особо, ибо она отнюдь не потеряла злободневности до сих пор. Е. Г. Кастанаян считала, что лепная керамика принадлежит культуре варварских племен, в греческие колонии она могла попадать только с выходцами из этой среды и, соответственно, ее наличие в культурных слоях греческих городов позволяет изучить своеобразие варварского компонента в составе населения апоний. В. В. Лапин усмотрел в этой точке зрения противоречие, указав, что, по мнению диссертантки, «лепная керамика является элементом греческой культуры, хотя и механически заимствованным у негреческих народов» (РА, ф. 35, оп. 3, д. 41, л. 59). Вообще же его точка зрения в этом отзыве сформулирована гораздо четче и заостреннее, нежели в известной книге, вышедшей из печати годом раньше (Лапин 1966: 142, 167—168). В нем В. В. Лапин, в частности, особо подчеркнул, что коль лепную керамику находят в слоях греческих поселений, то она является органичным элементом греческой культуры, генетически связанным с последней. По этой причине, как ему представлялось, схожие, зачастую тождественные типы лепной посуды археологи открывают на обширных территориях юга Европы, выходящих за пределы «так называемой Скифии» (РА, ф. 35, оп. 3, д. 41, л. 64). Еще раз указав на противоречие концепции диссертантки,

В. В. Лапин заключил: «Лепная керамика античных поселений, греческая по происхождению, не может рассматриваться в качестве источника для изучения этнических и культурных связей греческого населения этого района с окружающим его негреческим варварским миром» (РА, ф. 35, оп. 3, д. 41, л. 65).

Е. Г. Кастанаян с такой критикой, естественно, никак не могла согласиться. Прежде всего, она указывала, что никаких противоречий в ее концепции нет, поскольку она считает лепную керамику элементом варварской, а не греческой культуры. С формально-типологической и технической стороны эта посуда принадлежит варварскому миру, наличие ее в греческих городах Северо-Западного Понта объясняется близостью фракийского и скифского миров. Постановка вопроса о том, что «греки разнесли лепную керамику от Сиракуз до Тиритаки» (РА, ф. 35, оп. 3, д. 41, л. 64), представлялась ей почти абсурдной. Ученый совет полностью поддержал концепцию Е. Г. Кастанаян, единогласно высказавшись за присуждение ученой степени кандидата исторических наук (РА, ф. 35, оп. 3, д. 41, л. 71).

Надо признать, что в споре двух маститых советских ученых истина, скорее всего, была действительно на стороне Е. Г. Кастанаян. Раскопки в Милете, метрополии большинства северо-причерноморских апоекий, до сих пор не дали сколько-либо показательных находок лепной керамики. В колониях Сицилии и Великой Греции также не обнаружено керамических форм, которые хотя бы отдаленно подошли на лепные скифские горшки. С другой стороны, близость лепной посуды, происходящей из греческих поселений Северного Причерноморья, к варварским образцам несомненна. Более того, при внимательном изучении этой посуды она не представляется такой уж однородной, как это казалось В. В. Лапину. В ряде случаев материалы лепной керамики позволяют проследить их близость к культуре отдельных массивов варварского мира: фракийскому, скифскому степному, скифскому лесостепному, меотскому и т. д. (см. Марченко 1988: 109 след.; 2005: 85—88; Рогов 2005: 196—199; Виноградов 2005а: 230—233; 2006а; Сенаторов 2005).

В 1953 г. Е. Г. Кастанаян начинает раскопки городища Порфмий, расположенного недалеко от переправы из Восточного Крыма на Тамань. Переправа здесь, в самом узком месте Керченского пролива, несомненно, существовала и в древности. В результате многолетних целенаправленных работ были получены бесценные материалы, характеризующие жизнь небольшого боспорского города в этой стратегически важной для государства точке (Кастанаян 1958б; 1970; 1971а; 1971б; 1975; 1976; 1983; 1987; Вахтина, Кастанаян 1987). Важным фактом боспорской истории является возведение здесь крепости во второй половине III в. до н. э. по единому плану, с четкой сетью прямоугольных кварталов, разделенных широкими улицами. Е. Г. Кастанаян год за годом упорно исследовала одну часть этой крепости за другой. На обсуждениях ее отчетов И. Б. Брашинский и А. Н. Щеплов неоднократно указывали на необходимость изучения и более ранних напластований, для чего надо было бы выбрать крупную площадь памятника, эллинистическая застройка на которой пострадала в наибольшей степени, и довести здесь раскопки до материка. Елизавета Григорьевна внимательно их выслушивала, но продолжала все делать по-своему. В результате этого о раннем Порфмий мы тогда знали только по материалам из немногочисленных шурфов, заложенных внутри стен эллинистических построек. Такое поведение исследовательницы может показаться несколько странным, но ведь именно этим способом В. Ф. Гайдукевич изучал архаический Мирмекий (Виноградов 1987: 174).

Мне кажется также, что сердцу Елизаветы Григорьевны ближе всего была эллинистическая культура. Яркость архаики и изысканность классики ее как будто привлекали в меньшей степени. К примеру, она ничего не написала по фундаментальной проблеме греческой колонизации или по вопросу создания греко-варварского Боспорского государства. Ее обобщения, если не считать изучения лепной керамики, чаще касались именно эллинистической проблематики (Кастанаян 1969). Самой показательной среди таких обобщающих работ является доклад «Период позднего эллинизма в истории городов Боспора», с которым она выступила в мае 1956 г. на конференции, посвященной процессу исторического развития античных государств Северного Причерноморья (Кастанаян 1959б). Данный доклад посвящен не просто пересказу теоретических положений, характерных для школы С. А. Жебелева—В. Ф. Гайдукевича, он содержит ряд очень ценных наблюдений автора об особенностях развития боспорских городов в это время, прежде всего Пантикалея, Мирмекия, Тиритаки и Порфмия.

Вновь возвращаясь к раскопкам Порфмий, скажу, что на данном городище мне пришлось поработать три сезона: 1973, 1975 и 1979 гг. Особенно памятен первый из них, когда на археологическую практику сюда приехала группа студентов-искусствоведов из Академии художеств и два археолога — Володя Горончаровский и Юра Виноградов. Руководство работами осуществляли три немолодые дамы: Елизавета Григорьевна (начальник отряда), Наталья Сергеевна Белова и Серафима Ивановна Капошина. О Наталье Сергеевне, ее нелегкой судьбе следовало бы написать особо. Без всякого преувеличения можно сказать, что она оставила о себе самые теплые воспоминания. Другое дело Серафима Ивановна, эта «крупная фигура» обладала весьма крутым нравом. Доброго слова от нее, как представляется, не был удостоен никто, а вот всякого рода нотаций, грубых окриков, солдафонских наставлений наслушались все. С. И. Капошина не стеснялась распекать начальника отряда в присутствии студентов, и Елизавета Григорьевна все это как-то безропотно сносила. Студенческие симпатии, естественно, были полностью на ее стороне.

В марте 1975 г. с поста заведующего Группой античной археологии ЛОИА АН СССР был освобожден И. Г. Шургая (Виноградов, Горончаровский 2004: 392), основанием для чего стала докладная записка И. Т. Кругликовой с резолюцией Б. А. Рыбакова (л. 127). На его место была назначена Е. Г. Кастанаян. Удивительно, но эта скромная и, в общем, абсолютно нечестолюбивая женщина заняла пост, к обладанию которым, в отличие от некоторых других, совсем не стремилась.

Свою работу в ЛОИА я начал в сентябре 1976 г. и могу с полным знанием обстоятельств констатировать, что Елизавета Григорьевна была спокойным и доброжелательным руководителем Группы. Да, она не пыталась организовать сотрудников на решение суперсовременных научных задач, но зато позволяла всем заниматься тем, что было в переделах их интересов и научной компетенции. Под ее мудрой и доброй рукой в сложном коллективе античных археологов, который после смерти В. Ф. Гайдукевича потрясали настоящие войны, постепенно стал утверждаться мир.

В ноябре 1979 г. Е. Г. Кастанаян освободили от исполнения обязанностей заведующего Группой, при этом объявив ей благодарность за хорошую работу. Эту должность вновь занял И. Г. Шургая (л. 137). Огорчилась ли Елизавета Григорьевна такому повороту дел? Думаю, что нет. Злые языки, правда, говорили, что па-

чальство «подкрасило пиллолю», дав добро на публикацию ее монографии «Лепная керамика боспорских городов», которая вышла в свет в 1981 г. (Кастанаян 1981). Однако, когда в феврале 1982 г. И. Г. Шургая неожиданно скончался, на его место не нашлось более подходящей кандидатуры, чем Елизавета Григорьевна.

В 1982 г. еще при жизни И. Г. Шургая в археологических кругах стал активно обсуждаться вопрос о возобновлении исследований Мирмекия, остановленных в 1966 г. после смерти В. Ф. Гайдукевича. Для этого выделялись немалые новостроечные деньги, появившиеся в связи с планом возведения к западу от городища пансионата «Киев». В апреле 1982 г. мы с Елизаветой Григорьевной приехали в Керчь, провели необходимые встречи, переговоры с различными лицами и, в конце концов, пришли к заключению, что Мирмекий надо копать. Эти раскопки были поручены мне, тогда, в общем, еще вполне молодому человеку. Никогда не забуду ту неоценимую помощь, которую Е. Г. Кастанаян оказала при подготовке экспедиции. Когда же раскопки на городище начались, она поначалу приняла в них самое живое участие: давала рекомендации при выборе участков раскопок, учила наших неопытных сотрудников правилам классификации археологического материала и т. д. В общем, первые 10 дней первого сезона Мирмекийского отряда Боспорской экспедиции мы трудились вместе!

В том же 1982 г. Е. Г. Кастанаян спасла наш отряд, так сказать, от финансового краха. Выше было сказано, что мы работали на новостроечные деньги, причем платежи должны были поступать в Институт в два приема. Первый из них поступил, и работы были начаты, а вот со вторым возникли большие проблемы (в общем, мы его так и не получили!). К сентябрю месяцу экспедиционные средства кончились, для оставшихся пяти-шести сотрудников денег не было даже на покупку железнодорожных билетов до Ленинграда. Что можно было подделать в такой ситуации? К кому обратиться за помощью? Ну, конечно, только к Е. Г. Кастанаян! На общем собрании Мирмекийского отряда было решено, что нас может спасти сумма в 150 рублей. С надеждой на ее получение я приехал в Порфмий, там в археологическом лагере узнал, что Елизавета Григорьевна ушла отдохнуть на пляж. Все археологи, работавшие в Порфмии, прекрасно знают эту узкую полоску песка на берегу Керченского пролива около деревни Жуковка, где местные жители любили купать собак и где разували стаи уток. Свою спасительницу мне не пришлось долго искать, она одиноко сидела в великолепной широкополой шляпе на голове и с каким-то французским романом в руках. О помощи ее также не пришлось упрашивать, Елизавета Григорьевна лишь заметила, что суммы в 150 рублей, вероятно, будет мало, и выдала две сотни. Это действительно было спасением!

В июне 1986 г. Е. Г. Кастанаян была освобождена от должности заведующего Группой и уволена из Института в связи с уходом на пенсию. Новым заведующим стал профессор Ю. В. Андреев, перешедший к нам с исторического факультета ЛГУ. Вступив в должность, он обратился к сотрудникам Группы с небольшой речью, закончив ее хорошо известными в российской истории словами: «Все будет как при бабушке», и, надо сказать, свое обещание Юрий Викторович сдержал.

У меня нет сомнений в том, что до этого события Елизавета Григорьевна подумывала об уходе на пенсию и о возможных занятиях в новом положении. В связи с этим она даже рассказывала о своей знакомой, которая, уйдя на пенсию, стала подрабатывать статистом в каком-то театре, получая приличные деньги. Больше

всего ее, однако, привлекала работа смотрительницы в залах Государственного Эрмитажа. Об этих замечательных женщинах хорошо сказал, если не ошибаюсь, актер Питер Устинов. Его сентенция сводится к тому, что если бы в Зимнем дворце 25 октября 1917 г. дежурили такие дамы, то никакие революционные войска не сумели бы туда проникнуть, их бы просто не пустили. Дежурной по эрмитажным залам Е. Г. Кастанаян не стала и, пока была в силах, продолжала приходить в Институт, сохраняя верность единственно любимому делу. Она упорно трудилась над своими рукописями, которые, к сожалению, так и остались неопубликованными. Среди этих крупных обобщающих работ Елизаветы Григорьевны назову некоторые: «Города Боспора», «Малые города Боспора: Мирмекий, Порфмий, Тиритака (Итоги археологического исследования)», «Порфмий».

Необходимо отметить еще одно замечательное качество Е. Г. Кастанаян. Она была на редкость честным, бескорыстным человеком, и люди чувствовали это, доверяя ей на хранение свои сбережения, выбирая казначесом кассы взаимопомощи и т. п. Еще в годы учебы в Ленинградском университете Елизавета Григорьевна выполняла общественную работу, связанную со сбором средств в МОПР,⁶ в ГАИМКе стала казначеем коопбюро, а также принимала участие в программах социального страхования жизни (л. 8). Частично уже было сказано, что в годы войны именно ее оставили в Ленинграде для охраны имущества Института (л. 17). В личном деле Елизаветы Григорьевны сохранился любопытный документ, датированный концом 1944 г. и хорошо характеризующий это трудное время (л. 22):

«Институт доверяет м. н. с. Кастанаян Е. Г. получить на складе АН СССР четыре отреза (бостон с подкладкой, драп с подкладкой, жорд с подкладкой и летняя ткань), выделенные Институту по разверстке.

Зам. директора В. И. Равдоникас».

Часто бывает так, что человек, проявляющий большую заботу об имуществе других, легко теряет что-то свое. У Е. Г. Кастанаян 2 ноября 1945 г. были украдены продовольственные карточки, и руководство Института просило соответствующие инстанции восстановить их (л. 29). Никаких разъясняющих документов по поводу дальнейшего развития событий в архиве не имеется, но почему-то хочется верить, что Елизавете Григорьевне удалось получить эти злополучные, но жизненно важные карточки.

По материалам личного дела я попытался подсчитать, сколько раз Е. Г. Кастанаян была поощрена. Вполне можно допустить, что какие-то бумаги в архив не попали, но все равно здесь имеются выписки из приказов по Институту о нескольких похвальных грамотах, 17 благодарностях и 23 денежных премиях.

Елизавету Григорьевну нельзя было не любить, и, как представляется, ее любили все. Даже И. Б. Брашинский, не отличавшийся особой душевной теплотой, порой ласково смотрел на нее, напевая:

«Лиза — Лиза — Лизавста,

Я люблю тебя за это».

Сама же Елизавета порой тоже любила напевать себе под нос какую-нибудь песенку Вертинского или арию из оперетты Кальмана. На экспедиционных за-

⁶ В наши дни, по всей видимости, мало кто помнит, что МОПР — это Международная организация помощи борцам революции, созданная в конце 1922 г. на IV Конгрессе Коминтерна. Она была призвана оказывать материальную, юридическую и моральную помощь рабочему движению и народным фронтам в борьбе против империализма.

стольницах она иногда просила исполнить «Из-за острова на стрежень» (эту песню любил сам Гайдукевич!), но молодое поколение предпочитало совсем другой репертуар. Из классиков отечественной литературы она чаще всего цитировала Н. В. Гоголя.

Елизавету Григорьевну ни в коем случае нельзя считать «Божьим одуванчиком», ее суждения порой, правда, чрезвычайно редко, могли быть достаточно резкими. Людям, которые ей по каким-то причинам не нравились, она могла дать нелицезнующую характеристику или меткое прозвище, выставляющее их в весьма карикатурном облике: Байбак, Напыщенный Гусь и т. д. И мы видели, что характеризуемые таким образом действительно являются Байбаками или Напыщенными Гусями.

Для меня очень памятными остаются дни рождения Елизаветы Григорьевны, которые отмечались на «Старый» Новый год. Напомню, что она родилась не 29 декабря, как писала во всех документах, а 11 января. За гостеприимным столом в доме на ул. Восстания тогда собиралась большая и веселая компания: И. Б. Брашинский, А. М. Гилевич, Н. Л. и А. Д. Грачи, Э. С. и Я. В. Доманские, К. К. Марченко, А. Н. Мелентьев, Э. С. Шарафутдинова, Н. В. Шебалин, А. Н. Щеглов, из более молодых — В. А. Горончаровский и автор этих строк. Старожилы вечера утверждали, что раньше все заканчивалось танцами «до упаду», но я их уже не застал. В лучшие времена на стол в качестве главного блюда подавалась телячья нога, ее хозяйка покупала на рынке и запекала в духовке; потом, когда положение с продуктами в стране стало критическим, угощения приносили гости, кто что мог, по общей веселой настрой от этого не уменьшался. Вспоминается новогодняя елочка, всегда стоявшая в комнате Елизаветы Григорьевны на роде. Деревце, украшенное старинными игрушками и неприметными церковными свечками в специальных подсвечничках, к «Старому» Новому году, естественно, выглядело не самым лучшим образом — иголки с веток почти осыпались, клочки ваты свисали не очень эстетично, а скорей даже наоборот, но это опять же никого не смущало. Свечи зажигались, и от них порой как порох загорались высушенные сучки. Тогда вся компания устремлялась тушить огонь — кто с чашкой чая, кто с бокалом вина, а кто с рюмкой водки. Тушили очень старательно, так что до сколь-либо опасного пожара дело ни разу не дошло.

На днях рождения никто не видел хотя бы одного из родственников Елизаветы Григорьевны, да и она сама о них никогда не говорила. Все эти обстоятельства окончательно убедили меня, что Е. Г. Кастанаян абсолютно одинока, во всяком случае, близких родственников у нее нет. Мнение это, однако, оказалось ошибочным, и родственников у Елизаветы Григорьевны было немало. В этом все смогли убедиться после ее смерти, когда на поминках их появилось столько, что за столом просто не хватало мест. Родственники вставали и по очереди произносили речи о том, как любили свою Елизавету, как были к ней привязаны, как много она значила в их жизни и т. д., и т. п.

Причина их повышенной активности в этой ситуации вполне понятна, поскольку речь шла о наследовании имущества, прежде всего великолепной старинной мебели из карельской березы, стоявшей в комнате Е. Г. Кастанаян. Археологам родственники великодушно позволили забрать собранную Елизаветой Григорьевной библиотечку специальной литературы, так что некоторые важные издания, пропавшие к тому времени из библиотеки ИИМК, удалось восстановить.

Другие книги попали к петербургским и не только петербургским археологам, у которых, я уверен, они хранятся как своего рода «золотой фонд».

Последний раз поздравить Е. Г. Кастанаян с днем рождения мы пошли с В. А. Горончаровским и К. К. Марченко в январе 1991 г., ей тогда исполнилось 80 лет. Елизавета Григорьевна к тому времени уже тяжело болела и находилась в больнице. Пройдя в палату, мы нашли ее бодрой и даже несколько веселой, никаких обычных в таких случаях жалоб старая женщина себе не позволяла. Елизавета Григорьевна даже прогулялась с нами по больничному коридору и завела в зал, где большие, в том числе и она сама, занимались физическими упражнениями. Мне показалось, что при такой бодрости духа можно надеяться если не на исцеление, то, по крайней мере, на улучшение здоровья. Жизнь, однако, распорядилась совсем иначе.

Е. Г. Кастанаян умерла 16 февраля 1991 г. Смерть меняет облик каждого человека, иногда почти до неузнаваемости. Это правило не обошло и Елизавету Григорьевну: в гробу она лежала сильно помолодевшей, черты бледного лица немного заострились; в своем белом кружевном платочке покойная казалась невестой.

- Вахтис, Кастанаян 1987 — Вахтис М. Ю., Кастанаян Е. Г. Исследования Порфмий. Некоторые итоги и перспективы // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М., 1987. С. 60—61.
- Виноградов 1987 — Виноградов Ю. А. В. Ф. Гайдукевич и исследования Мирмекия // Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987. С. 172—177.
- Виноградов 2005а — Виноградов Ю. А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. Л., 2005. С. 211—296.
- Виноградов 2005б — Виноградов Ю. А. К 100-летию со дня рождения В. Ф. Гайдукевича // АВ. 2005. № 12. С. 323—330.
- Виноградов 2006а — Виноградов Ю. А. Лепная керамика архаического времени с поселения Артошенко I на Таманском полуострове // Записки ИИМК РАН. 2006. № 1. С. 69—76.
- Виноградов 2006б — Виноградов Ю. А. Памяти В. Ф. Гайдукевича // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. 13. С. 3—15.
- Виноградов, Горончаровский 2004 — Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А. Слово об учителе! // АВ. 2004. № 11. С. 391—393.
- Июффе 1989 — Юффе Г. З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989.
- Кастанаян 1950 — Кастанаян Е. Г. Обряд тризны в боспорских курганах // СА. 1950. № 14. С. 124—133.
- Кастанаян 1951 — Кастанаян Е. Г. Сарматские сосуды из Тиритакки с ручками в виде животных // СА. 1951. № 15. С. 247—255.
- Кастанаян 1952 — Кастанаян Е. Г. Лепная керамика Мирмекия и Тиритакки // МИА. 1952. № 25. С. 249—288.
- Кастанаян 1955 — Кастанаян Е. Г. Художественные элементы в лепной керамике Боспора // Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. М.; Л., 1955. Т. 1. С. 392—405.
- Кастанаян 1958а — Кастанаян Е. Г. Лепная керамика Илуриата // МИА. 1958. № 85. С. 266—282.
- Кастанаян 1958б — Кастанаян Е. Г. Раскопки Порфмий в 1953 г. // СА. 1958. № 3. С. 203—207.
- Кастанаян 1959а — Кастанаян Е. Г. Грунтовые некрополи боспорских городов VI—IV вв. до н. э. и местные их особенности // МИА. 1959. № 69. С. 257—295.
- Кастанаян 1959б — Кастанаян Е. Г. Период позднего эллинизма в истории городов Боспора // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 205—219.
- Кастанаян 1966 — Кастанаян Е. Г. Амазономания на мозаике Аполлонии Иллирийской // Культура античного мира. М., 1966. С. 83—91.

- Кастанаян 1967 — *Кастанаян Е. Г.* О мозаичных полах Аполлонии Иллирийской // СА. 1967. № 4. С. 248—259.
- Кастанаян 1969 — *Кастанаян Е. Г.* Стенная роспись сельской усадьбы эллинистического времени близ Пантиклея // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 45—48.
- Кастанаян 1970 — *Кастанаян Е. Г.* Терракоты из Порфмья // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1-11. М., 1970. С. 118—119.
- Кастанаян 1971а — *Кастанаян Е. Г.* Раскопки Порфмья // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев, 1971. Вып. 3. С. 187—191.
- Кастанаян 1971б — *Кастанаян Е. Г.* Раскопки Порфмья в 1968 г. // КСИА. 1971. Вып. 130. С. 77—82.
- Кастанаян 1975 — *Кастанаян Е. Г.* Итоги раскопок Порфмья эллинистической эпохи // Повесть о советских археологах: Тезисы докладов. Киев, 1975. Ч. 2. С. 103—104.
- Кастанаян 1976 — *Кастанаян Е. Г.* Итоги исследования Порфмья // 14-я Международная конференция антиковедов социалистических стран: Тезисы докладов. Фрези, 1976. С. 180—182.
- Кастанаян 1981 — *Кастанаян Е. Г.* Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981.
- Кастанаян 1983 — *Кастанаян Е. Г.* Порфмий // *Etudes et travaux*. Warszawa, 1983. T. 13. P. 162—168.
- Кастанаян 1987 — *Кастанаян Е. Г.* Надробная надпись из Порфмья // Вестник древней истории. 1987. № 2. С. 85—87.
- Лавин 1966 — *Лавин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.
- Марченко 1988 — *Марченко К. К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII—первой половине I в. до н. э. Л., 1988.
- Марченко 2005 — *Марченко К. К.* Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья скифской эпохи // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. Л., 2005. С. 42—136.
- Рогов 2005 — *Рогов Е. Я.* Греки и варвары в Западном Крыму // Там же. С. 137—210.
- Сенаторов 2005 — *Сенаторов С. Н.* Лепная керамика поселения на острове Березани: из раскопок Государственного Эрмитажа 1963—1991 гг. // Борисфен — Березани. Археологическая коллекция Эрмитажа. СПб., 2005. Т. 1. С. 174—351.
- Тихонов 2004 — *Тихонов И. Л.* Специальность или специализация: кафедра или отделение? (Из истории археологического образования в Санкт-Петербургском университете) // Мавродиные чтения-2004. СПб., 2004. С. 226—228.
- ИА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 3, л. 41; оп. 5, л. 424.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАЛЕОЛИТА КОСТЕНКОВСКО-БОРЩЕВСКОГО РАЙОНА НА НОВОМ ЭТАПЕ: ХРОНОСТРАТИГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

М. В. АНИКОВИЧ

1. Общие замечания

Не секрет, что приблизительно с конца 1980-х—начала 1990-х гг. полевые исследования в Костенках велись отрывочно, не целенаправленно и, в конце концов, оказались свернуты. Для этого нашлись и объективные, и субъективные причины. К первым относится социально-экономическая ситуация, сложившаяся в России в указанный период. В силу ее нужды российской академической науки долгие годы фактически игнорировались. Что касается субъективного фактора, то оценить его сполна я предоставляю тем, кто придет нам на смену.

Полевые исследования в Костенках возобновились в 1998—1999 гг. и с тех пор не прерываются. Во многих отношениях они заметно отличаются от полевых работ предшествующего периода. Отличия настолько существенны, что позволяют говорить о принципиально новом этапе изучения данного региона. Уже первые результаты наших работ не только дополнили, но существенно изменили прежние представления о костенковском палеолите. Новые освещение получили и такие проблемы, как хронология и сценарии перехода от среднего к верхнему палеолиту в Восточной Европе, время появления на континенте первых *Homo sapiens* и т. д.

Исследования последнего десятилетия проводились ИИМК РАН в тесном контакте с Государственным археологическим музеем-заповедником «Костенки», а также с коллегами-естественниками не только из России, но и из США, Великобритании, Норвегии и других стран. Среди последних особо следует отметить плодотворную деятельность палеозоолога-тафономиста и организатора аналитических исследований Костенок за рубежом д-ра Дж. Ф. Хоффекера (Институт изучения Арктики и Альп университета штата Колорадо, США), геолога проф.

¹ Подготовлено при поддержке РФФИ, проект № 08-06-00161а и Программы Президиума РАН № П-21, проект «Адаптация культур среднего/верхнего палеолита Восточной Европы к изменениям природно-климатических условий (в контексте среднего/верхнего палеолита Евразии)» (руководитель М. В. Анникович).

В. Холлидея (Университет штата Аризона, США), специалиста по радиометрическому датированию проф. С. Формана (Университет штата Иллинойс, США). Основные итоги первых семи лет полевых работ в Костенках были отражены в статье, опубликованной в журнале *Science* (Anikovich, Sinitsyn, Hoffecker, Holliday, Popov et al. 2007). Эта статья вызвала заметный резонанс в мировом палеолитоведении. Отклики на нее последовали со всех континентов, включая Африку, Австралию и Южную Америку.

Цель настоящей работы — познакомить читателя с различными аспектами нового этапа изучения палеолита Костенковско-Борщевского района: организационными особенностями, первыми итогами, новыми целями и задачами. Основное внимание при этом уделяется хроностратиграфии палеолита Костенковско-Борщевского района, а также ряду организационных моментов. Собственно археологический аспект исследований будет освещен в отдельной статье.

2. Особенности организации полевых работ в Костенках на новом этапе

С 1923 по 1994 г. в Костенках действовала одна большая Костенковская палеолитическая экспедиция РАИМК—ГАИМК—ИИМК—ЛОИИМК/ЛОИА АН СССР—ИИМК РАН, централизованно финансируемая и возглавлявшаяся последовательно П. П. Ефименко, А. Н. Рогачевым, Н. Д. Прасловым. Только в начале 1950-х гг. параллельно с ней в течение нескольких лет работал отряд, возглавлявшийся П. И. Борисовским. В настоящее время картина заметно изменилась.

2.1. Организационная структура

С 1999 г. в Костенках работают две самостоятельные экспедиции ИИМК РАН: Костенковская палеолитическая, возглавляемая А. А. Синицыным, и Костенковско-Борщевская археологическая, возглавляемая М. В. Аниковичем. В состав последней входит Борщевский отряд, возглавляемый С. Н. Лисицыным. Работы Костенковской палеолитической экспедиции ведутся на двух памятниках: Костенки 14 и Костенки 16. Костенковско-Борщевская археологическая экспедиция работает в тесном сотрудничестве с археологическим музеем-заповедником «Костенки», возглавляемым В. В. Поповым. Раскопки велись и ведутся на Костенках 1, Костенках 8, Костенках 9, Костенках 11 и Костенках 12. Борщевский отряд сосредоточил свои усилия на раскопках недавно открытой многослойной стоянки Борщево 5 и разведке новых памятников в районе дер. Борщево.

2.2. Финансирование

В отличие от предшествующего этапа, финансирование полевых работ осуществляется не централизованно и зависит в первую очередь от расторопности начальника. Главный источник его — различного рода гранты, как российские, так и зарубежные. Следует отметить, что материальная база экспедиции заметно возросла: компьютерная оснащенность, цифровые камеры, новые теодолиты и

нивелиры, не говоря уже о более простом снаряжении, вошли в Костенках в обычную практику. Сейчас на повестке дня стоит покупка более сложных систем, в первую очередь лазерного теодолита.

2.3. Сотрудничество

Перемены, происшедшие в социально-политической обстановке России, позволили значительно расширить и укрепить связи с зарубежными коллегами. На протяжении последних лет наша экспедиция особенно тесно сотрудничает с Институтом изучения Арктики и Альп университета штата Колорадо (в лице Дж. Ф. Хоффекера) и рядом других университетов США. Укрепляются связи с исследователями из Великобритании, Франции, Норвегии, Италии, Бельгии, Белоруссии и др.

2.4. Комплексность, кооперация

Комплексный характер исследований Костенковско-Борщевского палеолита является давней традицией, но особенно широко развернуть этот принцип удалось именно в последние годы. В ходе современных раскопок в Костенках широко применяются все новейшие естественнонаучные методы: палинологический, палеомагнитный, палеозоологический, включая тафономию, а также различные виды геoarхеологических методов анализа, радиометрического датирования и т. п. В работах такого рода участвуют специалисты различных научных учреждений России, в первую очередь — Санкт-Петербурга и Москвы, а также ближнего и дальнего зарубежья. Изучение археологических материалов производится как на типологической основе, так и на базе технологического и трасологического методов, применение которых осуществляется специалистами из трасологической лаборатории ИИМК РАН.

Таким образом, за последнее десятилетие во многом изменились сами принципы организации археологических работ. Эти изменения в довольно короткий срок (фактически меньше десятилетия) привели к качественному скачку в осмыслении проблематики костенковского палеолита.

3. Эволюция представлений о хроностратиграфии костенковского палеолита

Проблемы хроностратиграфии костенковского палеолита на новом этапе были недавно рассмотрены мной довольно подробно (Аникович 2005). Поэтому здесь остановимся только на узловых моментах.

3.1. Стратиграфия: от перерожденных гумусов к погребенным почвам

Как известно, относительная хронология палеолита Костенковско-Борщевского района определялась приуроченностью памятников к основным стратиграфическим единицам:

- нижняя гумусированная толща (наиболее ранняя, I хронологическая группа);
- верхняя гумусированная толща (II хронологическая группа);

в) памятники, залегающие в лессовидном суглинке, перекрывающем гумусированные отложения (наиболее молодая, III хронологическая группа).²

Важнейшим стратиграфическим репером, разделяющим верхнюю и нижнюю гумусированную толщу, служили линзы вулканического пепла, включенные, как правило, в пакку слоистых негумусированных или слабо гумусированных отложений.

На протяжении десятилетий гумусированные отложения, составляющие верхнюю и нижнюю толщи, подавляющим большинством геологов и археологов интерпретировались как результат переотложения какой-то одной погребенной почвы — микулинской, молодого-шекснинской или брянской (Величко 1961; 1973; Грищенко 1950; 1976; Лазуков 1957). Наиболее устойчивыми являлись представления о связи костенковских гумусированных отложений с брянской погребенной почвой, образовавшейся в течение так называемого брянского интерстадиала. До самого последнего времени эти представления ярко отражались в работах А. А. Величко и его сотрудников. В этом отношении показательны выводы, сделанные группой А. А. Величко в итоговой работе, опубликованной в 1999 г.: «Основываясь на данных, полученных радиоуглеродным методом, можно считать, что памятники первой и второй возрастных групп укладываются в хронологический диапазон брянского интервала. В пользу такого вывода свидетельствуют и результаты палеоботанических исследований...» (Величко, Грищенко, Куренкова и др. 1999: 44). Напомню, что «диапазон брянского интервала», по А. А. Величко, определяется в пределах 32—25 тыс. л. н. Это подтверждается и в цитированной выше статье: самые древние памятники I хронологической группы имеют возраст «в диапазоне 32(33)—27 тыс. л. н.». Памятники II хронологической группы имеют «хронологический диапазон 27—25 тыс. л. н.» (Там же).

Из этого следовало, что древнейшие памятники Костенковско-Борщевского района имеют сравнительно «молодой» возраст, не ранее 32 тыс. л. н. Такое заключение принимали многие палеолитоведы (Борисковский 1963; Григорьев 1970; Debrosse, Kozlovski 1988; Soffer 1992 и др.). Решительно не соглашались с такой интерпретацией только научные сотрудники Костенковской палеолитической экспедиции (А. Н. Рогачев, Н. Д. Праслов, М. В. Аникивич, А. А. Сеницын, В. В. Попов). Однако это воспринималось коллегами как распространенное стремление археологов максимально удреждать «свои» памятники.

Точку в споре поставили возобновившиеся в 1998—1999 гг. полевые исследования в Костенках. Итоги шестилетних работ на Костенках 12 и 14, доложенные на международном полевом семинаре 2004 г. «Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное», оказались настолько убедительными, что заставили приверженцев брянского возраста костенковских гумусированных отложений отказаться от этой точки зрения. Гумусированные суглинки больше не рассматриваются как результат ширококомасштабных переотложений какой-то погребенной почвы. Теперь речь идет об ограниченных склоновых смещениях це-

² Ранее выделялась еще одна, IV хронологическая группа (Рогачев 1957). В нее включались памятники, залегающие в отложениях 1-й надпойменной террасы, их считали более молодыми по отношению к памятникам, приуроченным к лессовидным суглинкам 2-й надпойменной и балочных террас. Однако впоследствии было установлено, что лессовидные отложения 1-й и 2-й террас представляют собой, в сущности, единый деловальный рельеф. IV хронологическая группа выпала из номенклатуры (Палеолит... 1982).

лой серии горизонтов почвообразования. Показательны в этом плане выводы, сделанные в работе, опубликованной уже в 2005 г.: «...новые данные не согласуются с высказывавшимися ранее рядом исследователей, включая одного из авторов (А. А. Величко) и в недавней публикации П. Хазартцем и др. о солифлюкционном процессе как основном механизме деформаций в комплексе рассматриваемых отложений. Характер текстурных и структурных нарушений, скорее всего, указывает на иной процесс, а именно процесс смещения всего массива по склону на расстояние 1—1,5 м...» (Величко, Писарева, Тимирева 2005: 37). При этом «комплексы гумусированных толщ, разделенные толщей с уровнем вулканического пепла», тракуются как результат сложной системы «крупных по масштабу колебаний климата и трансформаций ландшафтных обстановок... охватывающих, судя по датировкам абсолютного возраста, пятнадцати-двадцатитысячелетний интервал (~22/24—44 тыс. л. н.), относящийся к эпохе среднего валдая, сопоставляемого с морской изотопной стадией 3 (MIS 3)» (Там же).

Таким образом, к середине первого десятилетия нашего века археологи, изучающие костенковский палеолит, и группа А. А. Величко, в общем и целом, пришли к согласию в вопросах о формировании костенковских гумусов и хронологических рамках палеолита Костенковско-Борщевского района. Разумеется, из этого не следует, что все проблемы хроностратиграфии разрешены, достигнута некая истина в последней инстанции, и между нами отныне не будет никаких споров. Напротив, на новом этапе ситуация усложняется. Количество вопросов не уменьшается, а увеличивается и требует организации новых комплексных исследований по всем направлениям.

Пересмотр прежних представлений о морфологии и условиях формирования гумусированных толщ радикально изменил прежние представления о «подпепловых» гумусированных отложениях. Так называемая нижняя гумусированная толща оказалась особенно сложно построенной по сравнению с верхней. Так, на Волковской стоянке (Костенки 12) ниже вулканического пепла выделено 4 горизонта почвообразования (сверху вниз): А, В, С и D. Они различны в морфологическом отношении и в разной степени деформированы склоновыми и мерзлотными процессами. Горизонт А включает культурный слой III; В (почва *in situ*) — культурный слой IV; D — культурный слой V. Горизонт С культурных остатков не содержит (Аникивич 2003: 17—18; Аникивич и др. 2004: 21). Эти горизонты я рассматриваю как предварительную основу относительной хронологии нижней гумусированной толщи.

На Маркиной горе (Костенки 14) А. А. Сеницын выделяет три погребенных почвы, а ниже их — «черный интенсивно гумусированный суглинок». Верхняя почва включает культурный слой IVa, нижняя («черный гумусированный суглинок») — так называемый горизонт очагов (Сеницын 2002; Сеницын, Хоффекер, Сеницын и др. 2004: 43, 52). Характеристика погребенных почв на Борщеве 5 еще нуждается в уточнении (Сеницын 2004: 74—75). Новые раскопки на Костенках I выявили серию погребенных почв (по меньшей мере — 4), однако их положение по отношению к вулканическому пеплу остается спорным (см. ниже). Таким образом, основной комплекс возникших проблем в первую очередь касается так называемой нижней гумусированной толщи, а точнее серии палеопочв, залегающих ниже горизонта с линзами вулканического пепла. С уточнением стратиграфии выщелчающих отложений дело обстоит проще.

В рамках верхней гумусированной толщи, как правило, стратиграфически хорошо выделяется ее основание — более темное, с признаками интенсивной гумусированности. Культурные слои, связанные с этим горизонтом, имеют ^{14}C возраст ~32—28 тыс. л. н. Для материалов, связанных со средней и верхней частями верхней гумусированной толщи, получены более молодые даты. Исходя из этого, я разбиваю II хронологическую группу на 2 подгруппы — IIА и IIВ (Аникович 2005: 78—79). Это согласуется с выводами А. А. Величко: «Новые наблюдения на стоянке Костенки 14 позволяют по-иному, чем ранее, рассматривать образование верхней гумусированной толщи <...> она содержит четкие признаки двух сложно построенных почвенных комплексов. Каждый из них отражает две фазы почвообразования: раннюю, представленную сильно гумусированным суглинком, сменяющимся ниже сильно отбеленным суглинком (бореально-луговое почвообразование?), и верхнюю фазу, представленную желтовато-серым суглинком и связанными с ним многочисленными кротовинами (более аридная фаза почвообразования в холодных условиях?)» (Величко, Писарева, Тимирева 2005: 36).

Внутреннее членение памятников III хронологической группы было предложено автором этой статьи еще в начале 1990-х гг. (Аникович 1993). В основу легли представления о так называемой гмелинской почве, впервые выделенной Н. Д. Прасловым в отложениях I-й надпойменной террасы Дона (Палеолит... 1982). Было предложено разделить III хронологическую группу на три подгруппы: IIIА — памятники, залегающие между кровлей верхней гумусированной толщи и основанием гмелинской почвы; IIIВ — памятники, приуроченные к гмелинской почве; IIIС — памятники, залегающие выше этой почвы. Впоследствии эта схема, несомненно, будет детализирована — прежде всего, в подгруппе IIIС, где уже сейчас зафиксирована серия погребенных почв (Костенки 14, Костенки 21). В попытках дифференцировать памятники III хронологической группы я опираюсь в первую очередь на стратиграфию. Серьезную помощь здесь оказывают и радиоуглеродные даты, хотя накопленного материала еще недостаточно — особенно в том, что касается хронологической подгруппы IIIА. В хронологическом распределении учитываются и археологические показатели конкретных памятников, но отнюдь не в первую очередь (подробнее см.: Аникович 2005).

Итак, в хроностратиграфических построениях палеолита Костенковско-Борщевского района, основанных на радикальных изменениях представлений о генезисе гумусированных отложений, новшества коснулись в первую очередь памятников I хронологической группы. Однако здесь сделаны только первые шаги. Во взаимной корреляции памятников I хронологической группы трудностей оказывается значительно больше, чем представлялось в начале нашей работы. В этой связи особого рассмотрения заслуживает проблема вулканического пепла как основного стратиграфического репера костенковских гумусированных отложений. Ситуация осложнилась и здесь.

3.2. Вулканический пепел

В середине 1980-х гг. образцы костенковских пеплов были впервые проанализированы в Институте вулканологии (г. Петропавловск-Камчатский) и определены как итальянские, связанные с одним из катастрофических извержений в районе Флегрейских полей (Мелекесцев, Кириянов, Праслов 1984).

В 2003 г. происхождение костенковского пепла было уточнено Д. Пайлом (Кембридж, Великобритания). Он связывается с флегрейским пеплом Y5 (C1), который в настоящий момент датируется 41—38 тыс. л. н. по шкале $^{40}\text{Ar}/^{39}\text{Ar}$ (Pyle, Ricketts, Sinitsyn et al. 2003; Pyle, Ricketts, Margari et al. 2005; Ton-That, Singer, Patelle 2001). Разумеется, оценивая эти даты, следует учитывать несоответствие хронологических шкал, полученных разными радиометрическими методами.

Однако можем ли мы жестко связывать стратиграфическое положение костенковских пеплов с данным отрезком времени? Довольно долго это не вызывало сомнения. Обнаружение линз пепла на памятниках отождествлялось с фиксацией краткого, по сути, одномоментного периода в геологической истории региона. Противоположное мнение впервые озвучил В. В. Попов в ходе дискуссии на Международной конференции в Костенках в 2004 г. С его точки зрения, в подавляющем большинстве случаев на костенковских памятниках мы имеем дело с *перетолженным* пеплом. Момент его выпадения вовсе не обязательно должен точно совпадать со временем отложения в данном слое. Автор этой статьи вполне согласен с данной точкой зрения. Я также считаю, что формирование литологических горизонтов, содержащих вулканический пепел, на костенковских памятниках не являлось одномоментным процессом. Оно должно было занять более или менее продолжительный отрезок времени. Исходя из этого, я считал возможным выделить памятники, как непосредственно связанные с вулканическим пеплом, так и залегающие несколько выше или ниже его уровня, в отдельную хронологическую группу, промежуточную между I и II. Во избежание номенклатурной путаницы она названа «хронологическая группа I/II» (Аникович 2005: 77). Сейчас на эту тему ведется дискуссия (ср., напр.: Аникович 2005; Лисицын 2006).

Заметим следующее: на разных стоянках вулканический пепел имеет различный характер залегания. В отдельных случаях его позиция *in situ* не вызывает никаких сомнений (Рудкино, возможно, Боршево 5). Однако гораздо чаще литологические горизонты, в которых присутствует пепел, оказываются уже в той или иной мере *перетолженными*. Более того, сейчас аналитически установлено, что частицы пепла могут фиксироваться в *нескольких* литологических горизонтах одного и того же разреза.

Такая ситуация, в частности, была выявлена Б. Картером (лаборатория Государственного университета штата Оклахома, США) для разреза западной части стоянки Костенки 1. По его данным, в колонке образцов, взятых в 2004 г., «наиболее значительное присутствие» вулканического пепла наблюдалось в литологических горизонтах 7 и 8, последний из которых вмещает культурный слой Костенки I/IV (зап.). Однако «незначительное» присутствие пепла было зафиксировано в разрезе и выше, и ниже (Аникович, Попов, Хоффекер и др. 2005: 9; Аникович, Попов, Анисюткин и др. 2006: 85—86). Дать объяснение указанному феномену «рассеяния» частиц пепла по разрезу Б. Картер затруднился.

Так или иначе, в 2005 г. на базе полученных данных был сделан вывод, что в хроностратиграфическом отношении культурный слой Костенки I/IV (зап.), содержащий наиболее значительное количество пепла, соответствует культурным слоям Костенки 12/II, Костенки 14/IVП, Боршево 5/III. В свою очередь стрелецкий культурный слой Костенки I/V (зап.), залегающий ниже литологических горизонтов 7—8, стал определяться как достоверно входящий в состав нижней гумусированной толщи (Аникович 2005: 77).

В 2006—2007 гг. положение еще усложнилось. По результатам анализа магнитных свойств образцов, взятых из нижней части разреза Костенок 1, присутствие вулканического пепла было выявлено Г. А. Пospelовой (Институт физики Земли, Москва) не только в тех горизонтах, где он фиксировался ранее, но и в погребенной почве лит. гор. 13. Этот горизонт залегает в разрезе заметно ниже стрелецкого слоя Костенки I/V(зап.), уже причисленного по предыдущим результатам к пачке «подпепловых» отложений.

Данные аналитики 2006 г. заново ставят нас перед проблемой положения вулканического пепла в разрезах костенковских стоянок вообще и соотношения его с культурными слоями Костенки I/IV—V, в частности. В настоящее время частицы пепла выявлены как выше, так и ниже уровня культурного слоя Костенки I/V(зап.). Исходя из этого, принадлежность упомянутого слоя к нижней гумусированной толще вновь вызывает сомнения. Кроме того, необходимо уже не отвлеченно, а вполне конкретно поставить вопрос: имеем ли мы дело с *разными* (т. е. разновременными) прослойками пепла или с остатками единой прослойки, длительное время смывавшейся вниз по склону (т. е. с *перемещенным* пеплом)? Учитывая предварительный характер полученных данных, делать далеко идущие выводы еще рано. Внести ясность в этот вопрос помогут лишь дальнейшие аналитические и полевые исследования (Аникович 2007: 15, 22—23).

При определении геологического возраста соответствующих подразделений относительной хронологии необходимо учитывать весь комплекс естественнонаучных данных: радиометрические датировки, данные палеомагнитного и палинологического анализов и пр. Остановимся только на важнейших результатах.

3.3. Радиометрические датировки

В определении «абсолютного» возраста верхнепалеолитических памятников ведущая роль до сих пор отводится радиоуглеродным датировкам. Однако в последнее время все чаще указывается на несовершенство этого метода датирования (подробнее см.: Аникович 2005; Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007). Здесь лишь отметим, что:

- радиоуглеродная шкала не соответствует календарному времени;
- она дает особенно заметные «сбои» в датировках древнее 32 тыс. л. н.;
- различные радиометрические шкалы между собой не совпадают.

У меня большие надежды на упорядочение датировок древнейших верхнепалеолитических памятников вызывает оптико-светостимулирующий метод датирования, разработанный Ст. Форманом. Серия ОСЛ-ИРСЛ датировок, полученная для костенковских памятников, непротиворечива (в отличие от ТЛ-датировок) и обнаруживает явную тенденцию сближения с ^{14}C датами для более молодых стоянок (моложе 30 тыс. л. н.) и отрыва от последних в сторону удреждения для памятников древнее 32 тыс. л. н. (подробно см.: Аникович 2005; Аникович, Попов, Платонова 2008). Учитывая сказанное, «абсолютная» хронология костенковского палеолита выглядит следующим образом.

Для оценки «абсолютного» возраста I хронологической группы данные по ^{14}C представляются наименее надежными. Они указывают лишь на то, что соответствующие памятники не моложе 36 тыс. л. н. Поэтому исключительную важность

имеют здесь ОСЛ-ИРСЛ-датировки с одной стороны и данные других естественнонаучных методов анализа — с другой. Согласно им, нижняя хронологическая граница указанного периода устанавливается в пределах 50—43 тыс. л. н. (Аникович 2005). Полученные недавно новые $^{14}\text{C}_{\text{AMS}}$ даты по нижнему (V) слою Костенок 12, с учетом расхождения радиометрических шкал, в общем, подтверждают эту хронологию (Housley, Higham, Anikovich 2006). Древнейшая из них имеет значение 41.300 ± 450 (EFD5C516, N12). Такой вывод подтверждается и другими естественнонаучными данными (см. ниже).

Исходя из одних лишь стратиграфических данных и радиометрических дат, можно предложить несколько вариантов корреляции памятников I хронологической группы. Необходимо привлечение данных, полученных другими естественнонаучными методами. Здесь вкратце остановимся на двух из них: палеомагнитном и палинологическом.

3.4. Данные палеомагнитного анализа

Согласно этим данным, в разные годы разными исследователями на трех памятниках: Костенки 12/III, IV, Костенки 14/ГП, Костенки 17/II — были зафиксированы следы палеомагнитного экскурса Каргаполово-Лашамп (Аникович, Хоффенкер, Попов и др., 2004: 35; Пospelова, 2005; Синицын 2005: 398—399). Средний возраст этого экскурса сейчас определяется как ~42 000 л. н. Однако следует иметь в виду, что реальная протяженность экскурса во времени была значительно больше. На самом деле «кратковременное» изменение направления геомагнитного поля Земли в этом случае (как и в большинстве других) заняло не одну тысячу лет (~45 000—39 000 л. н.).

Фиксация этого экскурса, конечно, облегчает хронологическую корреляцию древнейших многослойных стоянок Костенковско-Боршевского района. Однако следует иметь в виду, что само наличие экскурса в трех упомянутых памятниках и привязка его к отложениям, вмещающим вышеуказанные культурные слои, нуждается в проверке.

3.5. Палинологические данные

При взаимной корреляции нижних литологических горизонтов многослойных стоянок Костенковско-Боршевского района чрезвычайно важны палинологические данные. Однако здесь мы сталкиваемся с серьезными затруднениями, суть которых палинолог Г. М. Левковская излагает следующим образом:

«Для отложений, залегающих под пеплом, в Костенковско-Боршевском районе опубликованы два различных типа спорово-пыльцевых диаграмм, что пока не нашло объяснения. На диаграммах первого типа на всех уровнях доминирует среди древесных лишь пыльца хвойных пород — ели и сосны. Характерна также слабая выраженность максимумов пыльцы широколиственных древесных пород, отсутствие находок экзота — пыльцы граба. К этому типу относятся диаграммы, опубликованные Е. А. Спиридоновой для разрезов стоянок Костенки 1, Костенки 14, Костенки 17, а также для разреза (без вулканического пепла), вскрытого стратиграфическим шурфом.

Спорово-пыльцевые диаграммы второго типа опубликованы М. П. Гричук, В. П. Гричук, Р. В. Федоровой и Г. М. Левковской для ряда разрезов стоянки Костенки 1, разреза на Костенках 17, а также для двух разрезов (1975 и 2001 гг.) Костенок 12. Второй тип диаграмм — это диаграммы, фиксирующие в отложениях ниже слоя с пеплом на разных уровнях доминирование пыльцы различных древесных пород — не только хвойных, но также ольхи, или березы древовидной, или вяза, или орешника, или микротермов: ольховника, карликовой и кустарниковой берез, а также присутствие экзотов: пыльцы граба» (Аникович и др. 2004: 34). Чтобы успешно коррелировать соответствующие части диаграмм, вначале необходимо было разобраться в отмеченном противоречии. Продвинуться в данном направлении помогли комплексные исследования стоянок Костенки 12 и 14, проведенные в 1999—2004 гг. и позволившие, в частности, осуществить детальные реконструкции палеоклимата на каждом этапе формирования «подпепловых» отложений Костенок 12 (Левковская, Хоффекер, Аникович и др. 2005; Поспелова, Аникович, Хоффекер 2005: 132—137).

4. Опыт корреляции палеолитических стоянок Костенковско-Борщевского района

На основании совокупности данных, полученных в предшествующие годы, и в особенности в это десятилетие, мною была предложена хроностратиграфическая корреляция памятников Костенковско-Борщевского района. Разумеется, она имеет предварительный характер.

Учитывая более или менее детальные публикации на эту тему (Аникович 2005; Аникович, Анисюткин, Виняцкий 2007; Аникович, Попов, Платонова 2008), я здесь не буду останавливаться на деталях этой корреляции. Предварительно отмечу, что наименьшие трудности в этом отношении вызывают памятники II хронологической группы. Несколько большие сложности возникают с хронологической группой III (в особенности в том, что касается подгруппы IIIa) и группой III. Наиболее серьезные проблемы возникают при корреляции памятников древнейшей, I хронологической группы.

В основу, очевидно, следует положить взаимную корреляцию двух наиболее интенсивно изучавшихся в последние годы памятников: Костенки 12 и Костенки 14. На основе комплексных данных, в частности, осуществлены детальные реконструкции палеоклимата на каждом этапе формирования «подпепловых» отложений Костенок 12 (Левковская, Хоффекер, Аникович и др. 2005; Поспелова, Аникович, Хоффекер 2005: 132—137). Полученные результаты позволяют предположить, что древнейшие палеопочвы Волковской стоянки (Костенки 12) В, С и D (и, соответственно, культурные слои IV и V, зафиксированные в нижней части разреза), по-видимому, не имеют аналогов в стратиграфической колонке Маркиной горы (Костенки 14).

По опубликованным данным 1970—1980-х гг., господство пыльцы хвойных древесных пород (ели или сосны) прослеживается на Костенках 14 уже с основания разреза (Малясова, Спиридонова 1982: 240—241; Левковская, Бердовская, Хомутова 1983: 53—57). В настоящее время на Маркиной горе появился

новый хорошо стратифицированный, палинологически охарактеризованный разрез (колонка образцов, отобранная А. А. Величко и В. В. Писаревой в 2002 г. из северной стены раскопа). По этим последним данным, I спорово-пыльцевой комплекс, включающий культурный слой IVb, отложился в период «существования лесных формаций, в составе которых преобладала ель». Залегающий выше II комплекс, включающий слой IVa, «позволяет предполагать существование <...> перигляциальной лесотундры». Палинологические характеристики других отложений нижней гумусированной толщи Костенок 14, вплоть до спорово-пыльцевого комплекса VI, приуроченного к уровню с вулканическим пеплом, демонстрируют, в целом, сходную картину достаточно холодного климата — растительности типа северной тайги или тундры (Величко, Писарева, Тимирева 2005: 37—38).

Напротив, в разрезе Костенок 12 первая фаза господства пыльцы ели зафиксирована лишь с середины литологического горизонта 12 (палеопочва А, вмещающая культурный слой III) (Левковская, Хоффекер, Аникович и др. 2005: 107—109). Выше этой палеопочвы в разрезе, вероятно, наблюдается стратиграфическая лакуна. Залегающий над ней горизонт 11, содержащий частицы вулканического пепла, явно переотложен, а местами замещен эрозийным врезом. Некоторые следы размыва зафиксированы и в основании самого горизонта 12. Таким образом, можно предполагать, что отложения, сформировавшиеся в эпоху доминирования в регионе таежных, лесотундровых и тундровых сообществ, предшествовавшую выпадению вулканического пепла (верхняя часть нижней гумусированной толщи), значительно полнее представлены на Костенках 14, чем на Костенках 12.

Формирование почвенных горизонтов В, С и D на Костенках 12 происходило в периоды теплых климатических осцилляций — термомеров с лесостепным типом климата, чередовавшихся с недолговременными похолоданиями. В поймах Среднего Дона в указанный период доминировали вязовые, вязово-дубовые и черноольховые леса (Левковская, Хоффекер, Аникович и др. 2005: 110—114). По совокупности естественнонаучных данных, включая данные абсолютного датирования, указанный этап в целом может быть сопоставлен с интерстадиалом Моерсхофд-Гражданский проспект (ок. 50—40 тыс. л. н.), а нижняя палеопочва D, вмещающая культурный слой Костенки 12/V, — с оптимумом межстадиала Глинде (51—48 тыс. л. н.).

Из сказанного выше можно сделать вывод, что разрезы стоянок Костенки 12 и 14 взаимно дополняют друг друга. Древнейшие («подпепловые») отложения Маркиной горы, включающие не менее трех почвенных горизонтов, представляют собой верхнюю часть нижней гумусированной толщи. На Волковской стоянке соответствующие горизонты сохранились ущербно: их верхняя (и нижняя?) часть размывта. Сохранившаяся часть представлена в разрезе одной палеопочвой А, вмещающей культурный слой Костенки 12/III. Палеопочвы В, С и D относятся к более раннему периоду. Очерченная картина не вполне соответствует имеющимся на сегодняшний день результатам палеомагнитного анализа. Корреляция с другими многослойными стоянками, имеющими подпепловые культурные слои, еще более спорна. Мои предварительные соображения на этот счет отражены в таблице 1.

Таблица 1

Геологический возраст стоянок Костенковско-Борщевской группы

Возраст	Геологическое время ¹	Стратиграфия	Хрон. группы	Стоянки Костенковско-Борщевского района
12 000 В.Р.	последне-ледниковые <i>климатический минимум</i>	бурый суглинок с горизонтами побурения	ПИС	
13 000 В.Р.				Б 2/III-1 (?)
14 000 В.Р.				
15 000 В.Р.				Б 1
16 000 В.Р.				
17 000 В.Р.				
18 000 В.Р.				К 2; К 3; К 11а,б; К 19; К 21/1
19 000 В.Р.				
20 000 В.Р.				
21 000 В.Р.	интерстадиал	гмелинская почва	ШВ	К 1/1; К 4/1-II; К 5/III (?); К 9; К 11/II; К 13; К 14/1; К 18; Б 5/1
22 000 В.Р.				
23 000 В.Р.	Начало позднего валдая	бурый суглинок	ША	К 1/1; К 8/1-1а; К 11/III
24 000 В.Р.				
25 000 В.Р.	Дунайский (Брянский) интерстадиал	верх верхней гумусированной толщи	ПВ	К 1/II; К 12/1; К 17/1
26 000 В.Р.				
27 000 В.Р.		средняя часть верхней гумусированной толщи		К 8/1; К 11/IV; К 14/II; К 15; К 16
28 000 В.Р.				
29 000 В.Р.		основание верхней гумусированной толщи	IIA	К 1/IV; К 11/V; К 12/1а; К 14/II-IV
30 000 В.Р.				
31 000 В.Р.				
32 000 В.Р.				
33 000 В.Р.	стадиал	суглинки с линзами вулканического пепла	I/II	К 12/II; К 14/ГВП-IVа; Б 5/II
34 000 В.Р.				
35 000 В.Р.	Кашинский интерстадиал (Хенгело, Подградех)	верх нижней гумусированной толщи; погребенная почва (перезлаж.)	IA	К 6 (?); К 8/IV (?); К 12/III; К 14/ГП; К 17/II
36 000 В.Р.				
37 000 В.Р.				
38 000 В.Р.				
39 000 В.Р.	стадиал	средняя-нижняя часть нижней гумусированной толщи; погребенная почва В	IV	К 12/IV; К 14/IV6+ГО; Б 5/IV
40 000 В.Р.				
41 000 В.Р.	интерстадиал Гражданский проспект (Моерсхоф)	низ нижней гумусированной толщи; погребенные почвы С+D	ICD	
42 000 В.Р.				
43 000 В.Р.				
44 000 В.Р.				К 12/V
45 000 В.Р.				
46 000 В.Р.				
47 000 В.Р.	серо-палевый суглинок			
48 000 В.Р.				
49 000 В.Р.				
50 000 В.Р.				

¹ В основу положена восточноевропейская геохронологическая схема Е. П. Зарриной — И. И. Краснова — Е. А. Смирлядиной (см.: Заррина и др. 1980).

5. Итоги

Таким образом, в результате совместных работ последнего десятилетия, опиравшихся на предшествующие многолетние полевые исследования в Костенках, были достигнуты следующие принципиально новые результаты.

Установлено, что в основе формирования костенковских гумусированных отложений (так называемые верхняя и нижняя гумусированные толщи) лежали не процессы переотложения, а целая серия почвообразовательных процессов. Иными словами, здесь фиксируется целый ряд погребенных почв, в сравнительно небольшой степени смещенных по склону. Подлинными процессами переотложения отсчитаются как весьма редкие исключения (Костенки 6, отдельные участки Костенок 12).

Можно считать доказанным, что время формирования гумусированных отложений в Костенках, в целом, отвечает всему периоду среднего валдая: от Глинде — Моерсхоф до финала Брянского (Дунайского) интерстадиала. Поэтому древнейшие памятники Костенковско-Борщевского района (Костенки 12/IV—V), скорее всего, являются древнейшими верхнепалеолитическими стоянками Европы.

Аникович 1993 — *Аникович М. В.* О значении Костенковско-Борщевского района в современном палеолитоведении // *Петербургский археологический вестник*. 1993. № 3. С. 3—19.

Аникович 2003 — *Аникович М. В.* Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // *АЭАЕ*. 2003. № 2 (14). С. 15—29.

Аникович 2005 — *Аникович М. В.* О хронологии палеолита Костенковско-Борщевского района // *АЭАЕ*. 2005. № 3 (23). С. 70—86.

Аникович 2007 — *Аникович М. В.* Отчет о работах Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН в с. Костенки в 2006 г. Архив ИА РАН. Ф. Р-1.

Аникович и др. 2004 — *Аникович М. В., Хоффекер Дж. Ф., Попов В. В., Кузьмина И. Е., Левковская Г. М., Постелова Г. А., Форман Ст., Холлидей В. Т.* Новые данные о многослойной стоянке Костенки 12 (Волжская) // *Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное*. Воронеж, 2004. С. 18—38.

Аникович, Анисюткин, Вишняцкий 2007 — *Аникович М. В., Анисюткин И. К., Вишняцкий Л. Б.* Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб., 2006.

Аникович, Попов, Анисюткин и др. 2006 — *Аникович М. В., Попов В. В., Анисюткин И. К., Хоффекер Дж. Ф., Холлидей В. Т., Форман Ст. Л., Картер Б., Ловат Р., Дудин А. Е., Кузьмина И. Е., Платонова Н. И., Макарова С. С.* Новые данные о хроностратиграфии многослойной стоянки Костенки 1 (стоянка Подякова) // *Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное*. Материалы Международной конференции к 125-летию открытия палеолита в Костенках. СПб., 2006. С. 81—100 (ТКБЭА. Вып. 4).

Аникович, Попов, Платонова 2008 — *Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И.* Палеолит Костенковско-Борщевского района в свете основных проблем генезиса верхнего палеолита Европы. СПб., 2008 (в печати).

Аникович, Попов, Хоффекер и др. 2005 — *Аникович М. В., Попов В. В., Хоффекер Дж. Ф., Дудин А. Е., Левковская Г. М., Постелова Г. А., Кузьмина И. Е., Платонова Н. И., Форман Ст., Холлидей В. Т., Картер Б.* Новые данные о хроностратиграфии многослойной стоянки Костенки 1 (стоянка Подякова) // *Поздний палеолит Десны и Среднего Дона: хронология, культурогенез, антропология*. Воронеж, 2005. С. 5—20.

Аникович, Хоффекер, Попов и др. 2005 — *Аникович М. В., Хоффекер Дж. Ф., Попов В. В., Дудин А. Е., Левковская Г. М., Постелова Г. А., Кузьмина И. Е., Платонова Н. И., Форман Ст., Холлидей В. Т.*

Картер Б. Хроностратиграфия многослойной стоянки Костенки 12 (Волковская) в контексте хроностратиграфии палеолита Костенковско-Боршевского района // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Боршевского района и сопредельных территорий. СПб., 2005. С. 66—86 (ТКБАЭ. Вып. 3).

Борисковский 1963 — Борисковский П. И. Очерки по палеолиту бассейна Дона // МИА. 1963. № 121.

Величко 1961 — Величко А. А. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. М., 1961.

Величко 1973 — Величко А. А. Природный процесс в плейстоцене. М., 1973.

Величко, Грибченко, Куренкова и др. 1999 — Величко А. А., Грибченко Ю. Н., Куренкова Е. И., Новикова Е. Ю. Геохронология палеолита восточноевропейской равнины // Ландшафтно-климатические изменения, животный мир и человек в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1999. С. 19—50.

Величко, Писарева, Тимирева 2005 — Величко А. А., Писарева В. В., Тимирева С. Н. Интерпретация условий формирования толщ, вмещающих памятники ранней поры позднего палеолита Костенковско-Боршевского района в свете новых данных // Поздний палеолит Дона и Среднего Дона: хронология, культурогенез, антропология. Воронеж, 2005. С. 35—39.

Григорьев 1970 — Григорьев Г. П. Верхний палеолит // МИА. 1970. № 166. С. 43—63.

Грищенко 1950 — Грищенко М. Н. Палеогеография Костенковско-Боршевского района эпохи верхнего палеолита // КСИА. 1950. Вып. 31. С. 75—88.

Грищенко 1976 — Грищенко М. Н. Плейстоцен и голоцен бассейна Верхнего Дона. М., 1976.

Заррина и др. 1980 — Заррина Е. П., Краснов И. И., Спиридонова Е. А. Климатогеографическая корреляция и хронология позднего плейстоцена Северо-Запада и центра Русской равнины // Четвертичная геология и геоморфология, дистанционное зондирование: Доклады советских геологов к XXVI сессии Международного геологического конгресса. М., 1980. С. 46—50.

Лазуков 1957 — Лазуков Г. И. Природные условия эпохи верхнего палеолита в Костенковско-Боршевском районе // СА. 1957. № 3. С. 84—104.

Левковская, Бердовская, Хомутова 1983 — Левковская Г. М., Бердовская Г. Н., Хомутова В. И. Морфологическая изменчивость пылецы или — возможный источник ошибок при палеогеографических реконструкциях // Материалы IV Всесоюзной палинологической конференции: «Палинология и палеогеография». Свердловск, 1983. С. 53—57.

Левковская, Хоффекер, Анникович и др. 2005 — Левковская Г. М., Хоффекер Дж. Ф., Анникович М. В., Форман С. Л., Хагайдей В. Т., Пастелова Г. А., Попов В. В., Карцева Л. А., Степанцова В. Я., Савько А. Ф. Климатогеографическая древнейших палеолитических слоев стоянки Костенки 12 (Волковская) // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Боршевского района и сопредельных территорий. СПб., 2005. С. 93—130 (ТКБАЭ. Вып. 3).

Лисицын 2004 — Лисицын С. Н. Хроностратиграфия стоянки Боршево 5 по данным раскопок 2002—2003 гг. // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Путеводитель и тезисы докладов конференции, посвященной 125-летию открытия палеолита в Костенках. Воронеж, 2004. С. 66—79.

Лисицын 2006 — Лисицын С. Н. Третий культурный слой стоянки Боршево 5, связанный с горизонтом вулканического пепла // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Материалы Международной конференции к 125-летию открытия палеолита в Костенках. СПб., 2006. С. 114—124 (ТКБАЭ. Вып. 4).

Малышева, Спиридонова 1982 — Малышева Е. С., Спиридонова Е. А. Палеогеография Костенковско-Боршевского района по данным палинологического анализа // Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону. 1879—1979 гг. Л., 1982. С. 234—245.

Мелекесцев, Кириянов, Праслов 1984 — Мелекесцев И. В., Кириянов В. Ю., Праслов Н. Д. Катастрофическое извержение в районе Флугрейских полей (Италия) — возможный источник вулканического пепла в позднплейстоценовых отложениях Европейской части СССР // Вулканология и сейсмология. 1984. № 3. С. 35—44.

Палеолит... 1982 — Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону. 1879—1979 / Ред. Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачев. Л., 1982.

Поспелова 2005 — Поспелова Г. А. Революционированные палеомагнитные исследования пород палеолитической стоянки Костенки 12 // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Боршевского района и сопредельных территорий. СПб., 2005. С. 87—92 (ТКБАЭ. Вып. 3).

Поспелова, Анникович, Хоффекер 2005 — Поспелова Г. А., Анникович М. В., Хоффекер Дж. Ф. Реконструкция палеоклимата времени формирования пород разреза палеолитической стоянки Костенки 12 по их скалярным магнитным характеристикам // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Боршевского района и сопредельных территорий. СПб., 2005. С. 131—160 (ТКБАЭ. Вып. 3).

Рогачев 1957 — Рогачев А. Н. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. 1957. № 59. С. 9—134.

Синицын 2002 — Синицын А. А. Нижние культурные слои Костенок 14 (Маринна Гора) (раскопки 1998—2001 гг.) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2002. С. 219—236 (Труды Костенковской палеолитической экспедиции. Вып. 1).

Синицын 2005 — Синицын А. А. Палеомагнитные экскурсы и вулканический пепел Костенок (Воронежская обл.) как реперные горизонты геологической и археологической хронологии неоплейстоцена Восточной Европы // Квартар-2005. Материалы IV Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Сыктывкар, 2005. С. 398—399.

Синицын, Хоффекер, Синицына, и др. 2004 — Синицын А. А., Хоффекер Дж. Ф., Синицына Г. В., Спиридонова Е. А., Гуськова Е. Г., Форман С., Очередной А. К., Бессуднов А. А., Миронов Д. С., Рейнольдс Б. Костенки 14 (Маринна гора) // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж, 2004. С. 39—59.

Anikovich, Sinitsyn, Hoffecker, Holliday, Popov et al. 2007 — Anikovich M. V., Sinitsyn A. A., Hoffecker J. F., Holliday V. T., Popov V. V., Lisitsyn S. N., Forman S. L., Levkovskaya G. M., Pospelova G. A., Kuz'mina I. E., Burova N. D., Goldberg P., Macphail R. I., Giaccio B., Praslov N. D. Early Upper Paleolithic in Eastern Europe and Implications for the Dispersal of Modern Humans // Science. Vol. 315 (12.01.2007). P. 223—226.

Debrosse, Kozlovski 1988 — Debrosse R., Kozlovski J. Hommes et climats à l'âge du mammouth. Le Paléolithique supérieur d'Eurasie Centrale. Masson, Paris; Milan; Barcelona; Mexico, 1988.

Housley, Higham, Anikovich 2006 — Housley R. A., Higham T. G., Anikovich M. V. New AMS Radiocarbon Dates from Kostenki 12 // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Материалы Международной конференции к 125-летию открытия палеолита в Костенках. СПб., 2006. С. 152—155 (ТКБАЭ. Вып. 4).

Pyle, Ricketts, Margari et al 2005 — Pyle D. M., Ricketts G. D., Margari V., Ande T. H., Sinitsyn A. A., Praslov N. D., Lisitsyn S. N. Wide dispersal and deposition of distal tephra during the Pleistocene 'Campanian Ignimbrite/Y5' eruption, Italy // Quaternary Science Reviews. 2005. P. 1—43.

Pyle, Ricketts, Sinitsyn et al. 2003 — Pyle D. M., Ricketts G. D., Sinitsyn A. A., Praslov N. D., Lisitsyn S. N., Margari V., van Ande T. H. Y5 tephra from the Campanian ignimbrite eruption: a key chronostratigraphic marker for the Mediterranean and Eastern Europe // XVI INQUA Congress. Program with Abstracts. Reno, Nevada: Desert Research Institute. 2003. P. 147.

Soffer 1992 — Soffer O. Social transformations at the Middle to Upper Paleolithic transition: The implications of the European record // G. Drauer, F. H. Smith (eds). Continuity or Replacement. Controversies in Homo sapiens Evolution. Rotterdam, 1992. P. 247—259.

Ton-That, Singer, Paterne 2001 — Ton-That T., Singer B., Paterne M. $^{40}\text{Ar}/^{39}\text{Ar}$ dating of latest Pleistocene (41 ka) marine tephra in the Mediterranean Sea: Implications for global climate records // Earth and Planetary Science Letters. 2001. Vol. 184. P. 645—658.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ НА ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ ПОСЕЛЕНИИ ЮДИНОВО (МЕЖЖИЛИЩНАЯ ПЛОЩАДЬ)

Г. В. ГРИГОРЬЕВА

Приднепровье является одним из центров развития палеолита в Восточной Европе. В бассейне Днепра — Десны сосредоточено значительное количество памятников, отличающихся характером материальной культуры от других регионов Русской равнины. Наиболее важные из них: Пушкари I, Хотылево II, Мезин, Межирич, Гошцы, Супосво, Юдиново, Тимоновка. На многих сохранились остатки жилищ из костей мамонта. Особое место занимает поселение Юдиново. Оно расположено на р. Судость, правом притоке р. Десны, в 18 км выше по течению районного центра Погар Брянской области (Россия), на юго-западной окраине села Юдиново.

Памятник открыт в 1934 г. К. М. Поликарповичем, изучавшим его в 1947 и 1961 гг. (Поликарпович 1968: 140—185). В 1962, 1964, 1966—1967 гг. раскопки продолжил В. Д. Будько (Будько 1966а; 1966б; 1967а; 1967б; 1969; 1970; Будько, Вознячук 1969: 16—22; Будько, Сорокина 1969). В 1980 г. после длительного перерыва исследования памятника возобновлены Брянской палеолитической экспедицией ЛОИА АН СССР (с 1991 г. ИИМК РАН) под руководством З. А. Абрамовой, с 1995 г. продолжены Г. В. Григорьевой, с 2004 г. и по настоящее время — Г. А. Хлопачевым (МАЭ) (Абрамова 1995; Абрамова, Григорьева 1997; Абрамова, Григорьева, Кристинен 1997; Григорьева, Хлопачев, 2004; Хлопачев и др. 2006).

Активное заселение Приднепровья по геологическим свидетельствам произошло в период валдайского оледенения. В освоении этой территории в позднем палеолите выделено три периода (Величко и др. 1997). Первый период — более ранний — финал брянского интерстадиала 27—25 тыс. л. н. Время бытования памятников Хотылево II, Новгород-Северское, Бердыж, Юровичи, Зарайск, Сунгирь, Русаниха, Бызовая. Второй период — поздневалдайское оледенение — 20—16 тыс. л. н. Отметим, что во время максимального похолодания (20—18 тыс. л. н.) люди не покидали этих мест — стоянки Пушкари, Елисеевичи и др. Третий период — валдайское позднеледниковье — 15—12 тыс. л. н. К нему относятся две группы памятников: 1 — стоянки, расположенные на высоких террасах и водоразделах, у выходов меловых пород, содержащих кремь (Мезин, Чулатово, Тимоновка I, II); 2 — памятники на первых надпойменных террасах притоков Днепра и высоких участках, удаленные от источников сырья (Юдиново). Таким образом, геологические данные свидетельствуют о том, что, начиная с брянского интерстадиала и включая позднеледниковье, первобытные люди не покидали Приднепровья.

Поселение Юдиново находится в 40—50 м от р. Судость, на слабо выраженном мысу, ограниченном ложбинами, «сложненными позднелейстоценовыми термокарстовыми западинами» (Величко и др. 1999: 33). Ложбины протяженностью 100—120 м заходят своими верховьями в пределы второй надпойменной террасы (Величко 1961: 174—175). В Юдиново выделено три основные пачки отложений: нижняя связана с аллювиально-пойменным этапом седиментации; средняя

относится к переходному циклу — накоплению отложений в результате активных склоновых поступлений обломочного материала во время периодических затоплений территории паводками; верхняя — завершение цикла и стабилизация поверхности — проявилась «в формировании горизонта слабовыраженного почвообразования» (Величко и др. 1999: 33). Культурные остатки приурочены к верхнему горизонту. Для него характерно «наличие мелкополигональной структуры, образованной клиновидными трещинами шириной 2—3 см и глубиной 20—30 см» (Там же: 33—34). Клиновидные трещины связаны с сезонными процессами многолетней мерзлоты. В Юдиново отмечена система «параллельно расположенных микросбросов», позволяющих проследить вертикальное смещение культурного слоя. Эти нарушения направлены не к р. Судость, а к «блюдцеобразному понижению термокарстовой западины», находящейся недалеко от памятника. Указанные деформации имели место, вероятно, после того, как стоянку покинули люди. Во время обитания поверхность была близка современной. Отличие состояло в том, что мыс, на котором жили люди, являлся наиболее высоким участком поймы и не затоплялся благодаря широкому шлейфу склоновых отложений, напоминающих конус выноса балок и оврагов. Происхождение шлейфа «связано с устьевой частью широкого и пологого балочного понижения», слабо выраженного в современном рельефе (Там же).

Споропыльцевые данные указывают на то, что в период существования Юдиновского палеолитического поселения в бассейне Десны господствовали открытые пространства перигляциальной лесостепи при резко континентальном климате и многолетней мерзлоте (Там же: 37).

Юдиново относится к крупным поселениям охотников на мамонтов, о чем свидетельствует преобладание костей этих животных. Исследователи единодушно отмечают в Юдинове доминирование фаунистических остатков мамонта и лошади. Помимо них представлены кости овцебыка, северного и благородного оленей, лошади, волка, бизона, бурого медведя, пещерного льва, лисицы, зайца; грызунов: сурка, суслика, леммингов — сибирского и копытного, полевок — узкочерепной, речной, обьковенной, полевки-экономки, пеструшки степной; птиц: гуся, орла, филина; позвонок рыбы (Поликарпович 1968: 176; Версшагин, Кузьмина 1977: 81—83; Кузьмина, Саблин 1993: 93—104; Маркова 1995: 626—627; Абрамова, Григорьева 1997: 55; Бузова 2002: 196—205, табл. 1; Хлопачев и др. 2006: 271—272).

На стоянке имеются фаунистические остатки животных тундры, леса, степи, однако преобладание среди них субарктических видов и степных грызунов указывает на существование перигляциальной тундростепи.

В Юдиново обнаружены и антропологические остатки: фрагмент правой плечевой кости без нижнего эпифиза и зуб (Поликарпович 1968: 167; Григорьева 1990).

В настоящее время Юдиново исследовано на площади около 1000 м², включая раскопки К. М. Поликарповича и В. Д. Будько. На нем выявлены функционально различные комплексы: остатки четырех жилищ из костей мамонта, зольник, очаг за пределами жилищ, скопления каменных и костяных изделий, участки со скоплениями костей песцов.

Жилища открыты в разные годы различными исследователями. Первое жилище обнаружено в 1947 г. К. М. Поликарповичем (Поликарпович 1968). Второе исследовалось К. М. Поликарповичем в 1947 г. и В. Д. Будько в 1964 г. (Поли-

карпович 1957: 5—29; 1968; Будько 1966а). Третье жилище раскопано и изучено З. А. Абрамовой в 1981—1985, 1987 гг. Четвертое жилище открыто и исследовано также З. А. Абрамовой в 1983—1985, 1987—1989 гг. (Абрамова 1995). Жилища отличаются определенными конструктивными элементами и относятся к аносковско-мезинскому типу, выделенному А. Н. Рогачевым. Распределение материала по площади поселения позволило выявить производственные комплексы по обработке кремня и кости, места утилизации охотничьей добычи. Размеры комплексов по обработке каменных изделий — от 0,20 до 2 м². На них собрано много каменных отходов производства, заготовок, готовых орудий. Выделены места обработки и костяных поделок.

Юдиновцы были не только охотниками, но и искусными мастерами по изготовлению каменных и костяных предметов. Для получения каменных изделий они использовали, главным образом, кремень, черный меловой и прозрачный, серый с темными включениями, изредка цветной; кварцит, плитки сланца, известняка и песчаника. Кремень добывали, вероятнее всего, из меловых отложений берега р. Десны. В Юдиново сырье доставляли в виде желваков и плиток, которые обрабатывали на стоянке. Для памятника характерна призматическая пластинчатая техника расщепления. Для получения заготовок использовали призматические нуклеусы: одно-, двух- и многоплощадочные. Нуклеусы разной формы: удлиненные, подтреугольные, торцовые, единичные дисковидные. Нуклеусы использовались и в качестве отбойников. Для оформления орудий применяли технику резцового скола, притупливающую, полупритупливающую и мелкую краевую ретушь, подтеску. Основные группы каменных орудий представлены резцами, скребками, ретушированными пластиками и пластинами, комбинированными орудиями — скребками-резцами, долотовидными формами, острями, единичными скреблами и геометрическими формами.

Обилие костяных изделий в Юдиново позволяет предположить, что каменные орудия использовали в основном для обработки бивней и костей. Кости служили для разных целей. Крупные кости: черепа, лопатки, тазовые, позвоночники, ребра, кости конечностей употребляли для строительства жилищ. Костным мозгом питались. Костями отапливали: насыщенность культурного слоя костными углями тому доказательство. Бивни и кости являлись сырьем для изготовления различных орудий.

Для Юдиново характерна высокая концентрация костяных изделий, пластинок и пластин бивня, заготовок как внутри жилищ, так и за их пределами. Для производства костяных предметов использовали, главным образом, бивни, реже ребра, трубчатые и плоские кости, рога, эмаль зубов не только мамонтов, но и других животных (Абрамова, Григорьева 1993: 3—12). Особого развития достигла обработка бивней мамонта, очень прочного и эластичного сырья. Продольное членение бивней производили вырезанием длинных сегментов с ровными стенками для объемных изделий; с помощью глубоких пропилов-надрезов поверхности получали крупные и широкие пластины-заготовки. При поперечном расчленении крупных бивней делали глубокие надрезы, а затем обламывали, что хорошо прослеживается на округлых кусках бивней. Заготовки при дальнейшей обработке — резании, строгании, сверлении, заглаживании, скоблении, полировке — превращали в готовые предметы.

Костяные изделия Юдинова представлены несколькими группами: орудия охоты, орудия труда, украшения и др. Наиболее значительную группу составляют орудия охоты, изготовленные из бивней, более 700 экз. их собрано за пределами жилищ. Выделяются три разновидности: наконечники копий, стержни-наконечники дротиков и копий, стрелки (табл. 1). Длинных массивных и средней величины наконечников копий 52 экз. Их размеры: длина от 15 до 37 см, сечение 1,5—1,9 см. Они выделяются оформлением: верхние концы-острия различные — острые, заужено-уплощенные; основания с черешком или намеченным черешком — скошенные, слегка зауженные, а затем надрезанные и обломанные. Поверхности большинства наконечников заглаженные, а острия у некоторых залощены до блеска. Единичные экземпляры орнаментированы, у отдельных на поверхности сохранились продольные и поперечные линии, царапины, вероятные следы обработки и использования. Есть наконечники с пазами. Среди собранных экземпляров преобладают фрагменты средней части, реже — верхние концы-острия и основания.

Таблица 1

Площадное распределение орудий охоты на поселении Юдиново

Линия/ № кв. пратов	Орудия охоты		
	наконечники/заготовки	стержни/заготовки	стрелки
A-53		5 фр.	-/1
A-52		5 фр.	
A-44		1 фр.	
A-43		1 фр.	
a-55	1 фр.		
a-54	-/1	3 фр.	
a-53	2 фр.	20 фр.	
a-52	2 фр.	18 фр.	
a-51		13 фр.	-/1
a-50		1 фр.	
a-49	1 фр.	4 фр.	
a-48		3 фр.	
a-47		3 фр.	
a-46		1 фр.	
б-54	1 фр.	11 фр.	-/2
б-53		17 фр.	
б-52		41 фр.	
б-51	1 фр.	9 фр.	
б-50		3 фр.	
б-49	-/1		
б-48	1 фр.	3 фр.	
б-46	-/1	1 фр.	
в-59		1 фр.	
в-55		2 фр.	
в-54	1 фр.	15 фр.	
в-53		5 фр.	
в-52	1 фр.	14 фр.	

Продолжение табл. 1

Линия/ №№ квадратов	Орудия охоты		
	наконечники/заготовки	стержни/заготовки	стрелки
в-51		5 фр.	-/1
в-50	1 фр.	9 фр.	-/1
в-49	1 фр.	5 фр./1	1 фр.
в-48	1 фр.	6 фр.	
в-47		-/1	
в-46		1 фр.	
в-45		6 фр./2	
в-44		1 фр.	
г-60/59		1 фр.	
г-53		1 фр.	
г-54		1 фр.	
г-53		15 фр.	
г-52	1 фр.	6 фр.	
г-51		5 фр.	
г-50		15 фр.	
г-49		58 фр.	
г-48	-/1	27 фр.	-/1
г-47		17 фр.	
г-46	-/1	11 фр./2	
г-45		2 фр./1	-/1
г-44	2 фр.	2 фр.	-/2
д-58		1 фр.	
д-57		1 фр.	
д-56		1 фр.	
д-54	-/1	11 фр.	
д-53	-/1	5 фр.	
д-52		2 фр.	
д-51		5 фр.	
д-50		4 фр.	-/1
д-49		14 фр./2	1 фр.
д-48		36 фр.	-/1
д-47	-/2	9 фр./1	
е-53		4 фр./2	
е-52	1 фр.	7 фр.	
е-51		5 фр.	1 фр.
е-50	1 фр.	11 фр.	
е-49		10 фр.	1 фр.
е-48	1 фр.	8 фр.	
е-47	2 фр.	3 фр.	
е-46			-/1
е-45		1 фр.	
ж-55		1 фр.	
ж-54		2 фр.	
ж-53	-/1		
ж-52	-/1	3 фр.	-/1
ж-51	1 фр.	3 фр.	

Окончание табл. 1

Линия/ №№ квадратов	Орудия охоты		
	наконечники/заготовки	стержни/заготовки	стрелки
ж-50	-/2	3 фр.	
ж-49		4 фр.	
ж-48	1 фр.	1 фр.	
ж-47		6 фр.	-/1
ж-46	1 фр.		
ж-44	1 фр.		
з-54		3 фр.	
з-53		1 фр.	
з-52	1 фр.	8 фр.	
з-51	2 фр.	7 фр.	
з-50		15 фр.	-/1
з-49	1 фр.	4 фр.	
з-48		4 фр.	
з-47		1 фр.	
з-46		2 фр.	
и-52		2 фр.	
и-51		-/1	
и-50		2 фр.	
и-49	-/1	10 фр.	
и-48	4 фр./1	15 фр.	
к-52		5 фр.	1 фр.
к-51		2 фр.	
к-50		1 фр.	
к-49	2 фр.		
к-48		1 фр.	
л-52		2 фр.	
л-51		2 фр./1	
л-50		2 фр.	
л-49	-/1		-/1
Итого	36 фр./16	644 фр./12	5 фр./17

Следующую группу представляют стержни (656 экз.). Размеры: длина — 10—14,5 см, сечение — 0,5—0,7 см. Верхние концы-острия — приостренные, заужено-овальные. Сечения — округлые, овально-уплощенные и плоские. Основания с черешком или намеченным черешком — острые, заужено-овальные, надрезанные и затем обломанные, кососрезанные. Отдельные экземпляры орнаментированы. Поверхность заглажена.

Выразительны мелкие наконечники стрел (22 экз.). Большинство — целые, но есть и фрагменты. Наряду с тонкими миниатюрными, имеются толстые массивные экземпляры. Их размеры: длина — 1,5—7,6 см, сечение — 0,4—1,2 см. Верхние концы приостренные или овальные. Сечения округлые, у отдельных — овально-уплощенные. Основания с черешком и намеченным черешком, скошенные, зауженные, а затем обрезанные или надрезанные и обломанные. Единичные экземпляры имеют лаз. Орнаментированные стрелки редки, встречаются экземпляры с единичными прорезанными ромбами.

Итак, все разновидности охотничьих орудий отличаются размерами и оформлением. Многочисленность их — яркое доказательство развитого охотничьего промысла на поселении. Судя по наличию заготовок, составу, степени оформления крупных наколечников, стержней и стрелок, изготавливали их на поселении. В основном они представлены фрагментами, целые орудия единичны. Распространены они по площади поселения неравномерно. Наибольшее количество собрано около очага на кв. а-, б-, в- — 54—52, затем г-, д-, е- — 50—48, в меньшем количестве на кв. А—ж- 60—55 и 46—43 (табл. 1). Преобладание обломков указывает, вероятно, на то, что многие из них ломались при изготовлении. Не исключено, что фрагменты попадали на стоянку вместе с кусками мяса или застревали в шкурах животных. За пределами жилищ собрано мало украшенных орудий. Значительно больше их обнаружено в жилищах.

Следующую группу представляют изделия хозяйственного назначения (табл. 2). Среди них землекопные орудия из ребер, шилья, иглы из костей пещеров, молотки из рогов оленей, «лопаточки» из бивня, острия и др. Значительную серию составляют землекопные орудия из ребер мамонтов. Их собрано 39 экз., включая и мотыгу из бивня. Они отличаются изношенностью рабочего конца и его формой: овальной, слегка зауженной, приостренной. Большинство этих изделий сохранилось во фрагментах. Подобные орудия были выделены С. А. Семеновым в Елсеевичах и Пушкарях (Семенов 1957: 212). Они распространены почти по всей площади поселения, больше их найдено недалеко от очага на кв. в-, г-, д- — 49, 48.

Таблица 2

Поквадратное распределение орудий хозяйственного назначения на поселении Юдиново

Линия/ № кв. квадратов	Земляные орудия-мотыги	Иглы	Шилья/ острия	«Лопаточки»	Молотки	«Светильники»
А-41	1					
а-54—53		2				
а-53		4				
а-52	2	2				
а-51		1				
а-49	2					
а-48		1				
а-44	1					
б-54		1				
б-53		1				
б-52	1	3		1		
б-51		6				
б-50		1				
б-49				1		
б-48	1					
б-47					1	
в-59		2				
в-56			1			
в-55		1				
в-53			1			

Продолжение табл. 2

Линия/ № кв. квадратов	Земляные орудия-мотыги	Иглы	Шилья/ острия	«Лопаточки»	Молотки	«Светильники»
в-52		6				
в-50			1	2		
в-49		2				
в-48	3 (1 бив.)	2	1			
в-47			1		1	
в-46	1		1			
в-45			1			
в-44		3				
г-56	1					
г-55			1			
г-52		7				
г-51			1			
г-50		1	1			
г-49	3		1			
г-48	4	3	1/1		1	
г-47		1	1			
г-45	1		1			
г-44		1	2			
г-43	1					
д-52		1				
д-50			2			
д-49	2	2	2			
д-48	1	6	1			
д-47			2			
д-45	1					
е-54	1		1			
е-53			1			
е-52	3					
е-51	1					
е-50	1					
е-49	1		1			
е-47			1			
е-46	1					
е-44	1					1
ж-53	1					
ж-51			2			
ж-47		2				
ж-46	1					
з-52			2			
з-48	1					
з-47		2				
з-45		1				
и-51			1			
и-49			1			
и-47	1					
к-51			1			
к-50			1			

Окончание табл. 2

Линия/ № кв. квадрата	Земляные орудия-мотыги	Иглы	Шилья/ острия	«Лопы- точки»	Молот- ки	«Светиль- ники»
к-49			1			
л-51			1			
Итого	39	65	37/1	4	3	1

Все землекопные орудия имеют сильно стертые рабочие концы. У двух сохранились оба конца. Большинство орудий сильно фрагментировано. Проследить какую-либо закономерность в распространении их на исследованной площади трудно. Возможно, по мере износа их просто бросали на поселении или они ломались в процессе изготовления.

Большую группу орудий домашнего обихода составляют иглы, изготовленные из костей песка (65 экз.). До нас дошли в основном фрагменты этих изделий. Они встречались по всей исследованной площади, много их найдено около очага и на прилегающих к нему участках.

Следующую группу орудий хозяйственного назначения представляют шилья и острия, изготовленные в основном из костей песка (37 экз.). Шилья изготавливали путем косого среза одного из концов трубчатой кости песка. Возможно, острый конец дополнительно обрабатывался. В коллекции имеются как заготовки шильев, так и законченные целые орудия, но большинство вещей этой группы представлено фрагментами. Единственное острие, найденное за пределами музейного павильона, сделано из пластинки бивня, один конец которой заострен и заглажен почти до блеска. Шилья находили по всей площади поселения, несколько больше их было на кв. в-, г-, д- — 50—47.

Отдельную группу составляют орудия из бивня мамонта овально-удлиненной и прямоугольной формы с прямыми боковыми краями и тонким приостренным концом (4 экз.). Концы различаются по конфигурации: узкие, широкие, овальные и прямые, и иногда даже слегка скошенные, напоминающие шпатель. Они найдены недалеко от очага на кв. б-52, б-49, в-50.

В богатой коллекции Юдиново тремя экземплярами представлены молотки из рогов северных оленей. По количеству рабочих концов можно выделить две разновидности этих орудий: односторонние и двусторонние. У односторонних рабочий конец расположен с одной стороны от рукоятки, у двусторонних рабочие части — по обе стороны от рукоятки. Среди молотков два целых и один с обломанной рукоятью. Все молотки находились на расположенных рядом кв.: б-47 — один самый маленький, двусторонний, орнаментированный по всей поверхности; в-47 — один молоток с орнаментом на рукоятки с двух сторон; г-48 — один с обломанной рукоятью (Григорьева 1997: 191—196). Молотки — редкие изделия в Юдиново. Вместе с фрагментами их обнаружено менее десятка. Забитость концов свидетельствует об их использовании.

Среди бытовых предметов особо следует выделить «светильник» из кости овцебыка со специальной небольшой выемкой, обнаруженный на кв. е-46.

Третью группу изделий после охотничьего оружия и хозяйственных орудий представляют украшения: бусы-нашивки, подвески, пряжки, фибулы, браслеты, пластины и пластинки с отверстиями (табл. 3). Наиболее многочисленны бусы-нашивки, их насчитывается более 17 000 вместе с заготовками и фрагментами.

Они распространены почти по всей площади поселения. Это плоские, тонкие, миниатюрные, разной формы изделия из бивня с прорезанным отверстием (Григорьева 2005: 31—43). Одной из разновидностей украшений являются подвески из бивня (23 экз.). Они отличаются разнообразием форм: овально-удлиненные, овальные, прямоугольные, трапециевидные, фигурные. Среди них есть мелкие и крупные, объемные и плоские экземпляры. Целые подвески единичны, преобладают фрагменты. Подвески имеют отверстие посередине или у одного из концов (Григорьева 2003: 62—65).

Таблица 3

Поквадратное распределение украшений, различных изделий, пластинок и бивней, орнаментированных заготовок на поселении Юдиново

Линия/№ кв. квадратов	Подвески	Пряжки	Фибула	Подвески с отверстием	Пластинки с отверстием	Изображения	Пластинки орнаментированные	Бивни орнаментированные	Рёбра с орнаментом	Рога с орнаментом	Плоские кости с орнаментом	Пластинки с нарезками по краю	Пластинки со следами резания	Бивни со следами резания	Неопределённые изделия	Заготовки
а-54													1			
а-53													1			
а-52																
а-51													1			
а-50												1				
а-48	1			1												
а-47				1												
б-53								1								
б-52								1								
б-51								1					1			
б-50								1								
б-54									1							
в-55													1			
в-53							1						1			
в-52													3			
в-51													6	1		
в-48	2						3									
в-47									1							
в-45								1		1						
г-55													1			
г-54							1						2			
г-53									1				4		1	
г-52													3	13		
г-51							1									
г-50							1							2	1	

Продолжение табл. 3

Длина/Мм: квадратов	Подвески	Пряжки	Фибулы	Подделки с отверстиями	Пластинки с отверстиями	Изображения	Пластинки орнаментированные	Бивни орнаментированные	Ребра с орнаментом	Рога с орнаментом	Плоские кости с орнаментом	Пластинки с нарезками по краю	Пластинки со следами резания	Бивни со следами резания	Неопределенные изделия	Заготовки
г-49		1					3					18		1		
г-48	2	1	1	1	1	1	1	1				2		4		
г-47				1								1		1		
г-46								1				2				1
г-45														1		
г-44							1							1		
д-56							1					2		1		
д-52								1			1					
д-51							1									
д-50							1							1		
д-49							3		2		2	1	2	8	1	3
д-48	3				1			1				6		1		
д-46												1				
е-58														1		
е-54																2
е-53	3											2				
е-51	1											1				
е-50												1				
е-49									1			1				
е-48													2		1	
е-47							1					1				
е-45							1									
ж-59												1				
ж-58																1
ж-55												2				1
ж-54												1	1			
ж-53	1													1		
ж-51							1									1
ж-50													1			2
ж-49	1															
ж-48	1											2				2
ж-44							1					1				
з-52									1			2				
з-51												1				
з-50												2				1
з-48									1							
з-47												1				
з-46	2						1		1							1

Окончание табл. 3

Длина/Мм: квадратов	Подвески	Пряжки	Фибулы	Подделки с отверстиями	Пластинки с отверстиями	Изображения	Пластинки орнаментированные	Бивни орнаментированные	Ребра с орнаментом	Рога с орнаментом	Плоские кости с орнаментом	Пластинки с нарезками по краю	Пластинки со следами резания	Бивни со следами резания	Неопределенные изделия	Заготовки
и-51														1		1
и-50													1		2	8
и-49													1			3
и-48									1							2
и-47	1										1					
к-49	2												1			
к-48	1											1				
л-51									1							
Итого	23	2	1	1	4	1	23	9	13	1	4	2	81	30	17	30

Другие изделия, отнесенные условно к украшениям, представлены единичными экземплярами. Среди них две подделки, названные пряжками. Они изготовлены из бивня. Одна из них овально-прямоугольной формы с просверленным отверстием. Лицевая поверхность пряжки орнаментирована в виде елочек, которые, соединяясь, образуют иногда зигзаги. Внутренняя поверхность гладкая со следами обработки. Пряжка была сломана и собрана из фрагментов частично. Вторая пряжка сделана из пластинки бивня, обломанной на обоих концах, со специально вырезанными парными выемками по обоим краям. На лицевой стороне имеются двойные продольные и тонкие косые поперечные линии. Внутренняя сторона без обработки. Оба изделия отличаются формой. Обнаружены они на соседних квадратах г-49 и г-48.

Среди единичных предметов — две фибулы из бивня. Одна из них найдена в зольнике в павильоне. Вторая — на кв. г-48. Она представляет собой удлиненный стержень, заканчивающийся на одном конце округлым навершием с просверленным отверстием. Другой конец сужен и приострен.

Любопытен предмет из пластинки бивня, найденный на кв. к-48. Это изделие овально-удлиненной формы, плоское, широкое с одного конца и сужающееся к другому, с просверленными вдоль длины несколькими отверстиями. Одно из них сохранилось полностью, три других — частично. Подделка напоминает отдельные предметы из мадленских стоянок. На четырех пластинках бивня, слегка заглаженных с внешней стороны, прорезаны отверстия на конце. Они происходят с кв. а-48, 47 и г-48, 47. Выделены пластинки и фрагменты бивней с прорезанным орнаментом и обломок плоской кости с изображениями. Изображения, даже единичные, дают представление о творчестве палеолитических охотников. В Юдиново пока известны два произведения искусства: орнаментированная головка птицы, вырезанная из рога северного оленя, и фрагмент плоской кости с тремя прорезанными

Окончание табл. 4

Длина/№ междурядов	Кости с продольными линиями	Зубы с продольными линиями	Кости с обрезаемыми концами	Кости пазов с обрезанными концами	Кости с негатирами скелов	Кости со стертой поверхностью	Кости-наковални с линейными следами	Осколки эмали зубов	Планинги/осколки отщепы бивней
д-51									135/8 ос.
д-50									51/2 отщ.
д-49	1								65/8 ос.
Итого	12	4	6	38	8	10	2	5	30251/2008/132

В Юдиново найдено восемь фрагментов зубов животных и один почти целый зуб животного с обрезанными концами. На этом зубе и трех фрагментах прорезаны продольные линии. Кроме того, найдено пять осколков эмали без обработки.

Пять фрагментов черепа мамонта имеют заглаженную внешнюю поверхность, из них у трех — прорезаны тонкие линии. На 10 фрагментах плоских костей наблюдаются стертость поверхности и следы от резания. Две плоские кости были использованы, вероятнее всего, в качестве наковален при обработке костей. Их поверхности с обеих сторон испещрены линейными следами и вмятинами.

Итак, обилие костяных поделок в Юдиново — это свидетельство широкого распространения и высокого уровня развития костерезного производства. Костяные изделия определяют и подчеркивают своеобразие памятника. Костяная индустрия, схематизм и стилистика произведений искусства характеризуют важные стороны хозяйственной, культурной и духовной деятельности древних охотников на мамонтов. Костяные предметы Юдинова находят больше соответствий в европейских мадленских памятниках, чем в материалах стоянок других культур.

Абрамова 1995 — Абрамова З. А. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб., 1995. Вып. 1.

Абрамова, Григорьева 1993 — Абрамова З. А., Григорьева Г. В. Обработка бивня на палеолитическом поселении Юдиново // АВ. 1993. № 2. С. 5—12.

Абрамова, Григорьева 1997 — Абрамова З. А., Григорьева Г. В. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб., 1997. Вып. 3.

Абрамова, Григорьева, Кристинсен 1997 — Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Кристинсен М. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб., 1997. Вып. 2.

Будько 1966а — Будько В. Д. Верхний палеолит Северо-Запада Русской равнины // Древности Белоруссии. Минск, 1966. С. 6—21.

Будько 1966б — Будько В. Д. Верхний палеолит Северо-Запада Русской равнины // VII Международный конгресс доисториков и протодисториков: Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966. С. 38—40.

Будько 1967а — Будько В. Д. Новое сооружение из костей мамонта в тунд्रे Юдиново I // Доклады АН Белорусской ССР. Минск, 1967. Т. 11. № 7. С. 651—653.

Будько 1967б — Будько В. Д. Юдиновское верхнепалеолитическое поселение // Археологические открытия 1966 года. М., 1967. С. 27—29.

Будько 1969 — Будько В. Д. Юдиновское верхнепалеолитическое поселение // Конференция по археологии Белоруссии: Тезисы докладов. Минск, 1969. С. 16—19.

Будько 1970 — Будько В. Д. Палеолит // Очерки по археологии Белоруссии. М., 1970. С. 30—31.
Будько, Вознячук 1969 — Будько В. Д., Вознячук Л. Н. Палеолит Белоруссии и смежных территорий (итоги исследования за годы Советской власти) // Древности Белоруссии. Минск, 1969. С. 16—22.

Будько, Сорокина 1969 — Будько В. Д., Сорокина Р. А. Поздний палеолит северо-запада Русской равнины // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М., 1969. С. 127—136.

Бурова 2002 — Бурова Н. Д. Особенности формирования костного скелетона остатков млекопитающих на верхнепалеолитическом поселении Юдиново // Костенки в контексте палеолита Европы. Вып. 1. Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2002. С. 196—205.

Велячко 1961 — Велячко А. А. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. М., 1961.

Велячко и др. 1997 — Велячко А. А., Грекова Л. В., Грибченко Ю. Н., Куренкова Е. И. Первобытный человек в экстремальных условиях. Стоянка Елисейевича // XV Международному конгрессу INQUA (Дурбан, ЮАР 1999). М., 1997. С. 165—168.

Велячко и др. 1999 — Велячко А. А., Грибченко Ю. Н., Куренкова Е. И., Новенко Е. Ю. Геохронология палеолита Восточно-Европейской равнины // Ландшафтно-климатические изменения, животный мир и человек в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1999.

Верещагин, Кузьмина 1977 — Верещагин Н. К., Кузьмина И. Е. Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и верхней Десне // Труды ЗИН. Л., 1977. Т. 72. С. 81—83.

Григорьева 1990 — Григорьева Г. В. Отчет Брянской палеолитической экспедиции за 1990 г. // ИИМК РАН, РА, ф. 35. 1990 г.

Григорьева 1995 — Григорьева Г. В. Работы на верхнепалеолитической стоянке Юдиново в 1995 г. СПб., 1995.

Григорьева 1997 — Григорьева Г. В. Молотки из поселения Юдиново // Памятники старины. Концепция. Открытия. Версии. СПб.; Пенза, 1997. Т. 1. С. 191—196.

Григорьева 2003 — Григорьева Г. В. Подвески из бивня мамонта верхнепалеолитических памятников Среднего Поднепровья // Пушкарский сборник. СПб., 2003. Вып. 2. С. 62—65.

Григорьева 2005 — Григорьева Г. В. Планиграфия бус-нашивок верхнепалеолитического поселения Юдиново (1988—1990, 1995—1997, 2000—2003 гг.) // АВ. 2005. № 12. С. 31—43.

Григорьева, Хлопачев 2004 — Григорьева Г. В., Хлопачев Г. А. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново: исследования 2001—2002 гг. // Деснянские древности. Брянск, 2004. Вып. 3. С. 50—58.

Кузьмина, Саблин 1993 — Кузьмина И. Е., Саблин М. В. Пещеры позднего плейстоцена зерково-Десны // Материалы по мезозойской и кайнозойской истории наземных позвоночных. СПб., 1993. С. 93—104.

Маркова 1995 — Маркова А. К. Остатки грызунов позднепалеолитической стоянки Юдиново // Первое Международное мамонтовое совещание: Тезисы докладов. СПб., 1995. С. 626—627.

Полыкарпович 1957 — Полыкарпович К. М. Археологические исследования в БССР в 1945—1953 гг. // Материалы по археологии Белорусской ССР. Минск, 1957. Т. 1.

Полыкарпович 1968 — Полыкарпович К. М. Палеолит верхнего Поднепровья. Минск, 1968.

Семенов 1957 — Семенов С. А. Первобытная техника // МИА. 1957. № 45.

Хлопачев и др. 2006 — Хлопачев Г. А., Григорьева Г. В., Кузьмина И. Е., Саблин М. В. Исследования верхнепалеолитического поселения Юдиново (2000—2005 гг.) // Радловские чтения. СПб., 2006. С. 269—274.

В. В. ПИТУЛЬКО

Введение

Много лет назад З. А. Абрамова (1989: 252), завершая обзор палеолита северо-востока Сибири, пришла к заключению, что наиболее достоверной из причисляемых к палеолиту находок в этой области является самая северная из них — стоянка Берелех, открытая в 1970 г. во время работ экспедиции Н. К. Верещагина на знаменитом Берелехском костыще. Эти два объекта неразрывно связаны в археологической (Верещагин, Мочанов 1972; Мочанов 1977; Абрамова 1989) и палеонтологической литературе (Барышников и др. 1977; Верещагин 1977; Верещагин, Украинцева 1985; Жерехова 1977; Лазарев, Томская 1987; Медведев, Воронова 1977). Казалось бы, это обстоятельство должно было бы пойти на пользу обоим объектам в плане понимания их каждого в отдельности, а также поиска возможной взаимосвязи между ними. На деле же публикации, касающиеся как одного, так и другого, дают во многом противоречивую, путаную информацию об их геологии, из которой следует только то, что этот важнейший аспект полноценному изучению не подвергался.

История открытия Берелеха восходит к концу 40-х гг. XX в. Первое научное описание костыща в урочище Угамыт, хорошо известного местным жителям в качестве участка для сбора бивней мамонтов как минимум с начала XX в., было составлено геологом Н. Ф. Григорьевым (1957), посетившим его в 1947 г. Известно, что впоследствии оно посещалось геологами Ю. Н. Куляковым (НИИГА) и Б. С. Русановым (ИГ ЯКФ АН СССР), соответственно в 1966 и 1967 гг.

В 1970 г. силами ряда подразделений АН СССР (ЗИН, Якутский филиал АН СССР, СВКНИИ ДВНЦ) была организована комплексная экспедиция по изучению этого природного феномена. В 1970—1971 и 1980 гг. работа по изучению Берелеха возглавлялась Н. К. Верещагиным, в 1972 г. были проведены работы П. А. Лазарева и Б. С. Русанова (Верещагин, Украинцева 1985: 104). Н. К. Верещагиным были также проведены сборы археологического материала в 1980, 1987 и 1988 гг. (переданы в МАЭ РАН — Кунсткамера, Санкт-Петербург). Четыре предмета из них помещены в первичной публикации (Верещагин, Мочанов 1972: рис. 3), часть публиковалась впоследствии Н. К. Верещагиным (1977: рис. 32, 33; Верещагин, Украинцева 1985: рис. 5). Предметы из сборов Н. К. Верещагина после 1980 г. не публиковались.

Уже в 1970 г. стало очевидно, что Берелех представляет собой не только палеонтологический, но и археологический феномен. Первые находки предметов, связанных с деятельностью человека, были сделаны Н. К. Верещагиным. В 1971 г. были предприняты поиски культурного слоя стоянки и попытка оценить ее связь с костыщем (Верещагин, Мочанов 1972). Судя по приведенным в итоговых публикациях характеристикам материала (как качественным, так и количественным),

после 1974 г. никаких дополнительных археологических работ на памятнике не производилось (Мочанов 1977; Mochanov, Fedoseeva 1996).

Общая последовательность и методика работ размытом на Берелехском костыще подробно освещены Н. К. Верещагиным (1977), который также уделит внимание анализу последствий применения этого метода (Верещагин, Украинцева 1985). Как и следовало ожидать, они оказались катастрофическими. В какой мере эти способы применялись для работы на *стоянке* Берелех, неизвестно: ни текст отчета Ю. А. Мочанова (1974), ни документация к нему не дают вообще никакого представления о том, что и как было сделано и где зафиксировано, а также и о методике работ.

Таким образом, для выработки правильного понимания Берелеха как геоархеологического объекта представляется необходимым проанализировать доступные данные с точки зрения его геологии, хронологии и археологии. Палеонтологические материалы рассматриваются в рамках настоящей работы лишь в той мере, в которой они имеют значение для обсуждаемых вопросов.

Р. Берелех, урочище Угамыт: характеристика разреза и хронология Берелехского комплекса

Как и большинство рек Восточной Сибири, р. Берелех не имеет выраженного на всем ее протяжении террасового комплекса. Различные террасовые уровни наблюдаются, как правило, фрагментарно в различных отрезках долины, что связано как с деятельностью самих рек, так и с иными, прежде всего термокарстовыми, процессами. По полевым наблюдениям А. Э. Басильяна и В. Е. Тумского (2004 г., личное сообщение), в окрестностях урочища Угамыт выше объектов Берелехского комплекса представлен низкий (7 м) террасовый уровень, примыкающий к останцу высокой (25—30 м) поверхности, к которому в свою очередь примыкает ниже по течению 12—14-метровый уровень второй террасы (рис. 1).

Голоценовое происхождение отложений низкого террасового уровня сомнений не вызывает. Отложения высокой поверхности для изучения недоступны в связи с плохой обнаженностью. В определенном смысле строение долины на этом отрезке напоминает таковое для района Янской стоянки — и здесь, и там имеется высокая поверхность, к которой прислонены (?) отложения второй террасы (Pitulko et al. 2004). Для района Янской стоянки время накопления отложений второй террасы определяется в интервале 35—11 тыс. л. н. Вопрос о времени формирования второй террасы на р. Берелех специально не изучался, но, скорее всего, оно отвечает региональному циклу террасообразования.

Б. С. Русанов, на мнение которого сослался Ю. А. Мочанов (1977: 76), высказал предположение о ее каргинском возрасте. В ее строении принимают участие мощные повторно-жильные льды, в той или иной степени отмеченные всеми, писавшими о берелехском разрезе (рис. 2, 3), а А. В. Ложкин называет его «классическим едомным» (Андерсон, Ложкин 2002: 74). Они пробивают также и верхнюю часть отложений террасы, поверхность которой, как пишет Е. М. Катасонов (1979: 65—66), осложнена байджарахами. Предположение об их сартанском возрасте выглядит вполне правдоподобным, что косвенно подтверждает единственная датировка из основания разреза (> 42 000 л. н., Ле-1112, табл. 1).

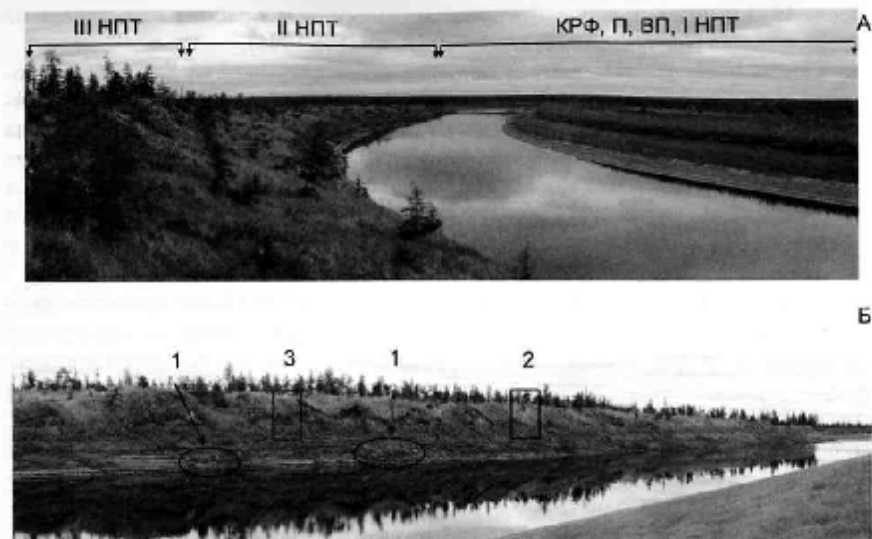

Рис. 1. Р. Берелех, урочище Утымыт. А — террасовый комплекс (вид с ЗСЗ): КРФ, П, ВП, I НПТ — комплекс русловых форм, пойма, высокая пойма, первая надпойменная терраса; II НПТ — вторая надпойменная терраса; III НПТ — третья надпойменная терраса. Б — местоположение Берелехского кладбища мамонтов: 1 — высыпки местного материала из костища; 2 и 3 — предположительные местонахождения археологических раскопок 1971 и 1974 гг. (соответственно)

Как уже было отмечено, полного описания разреза второй террасы р. Берелех не существует. Ее высота оценивалась в 12—13 м (от уреза воды) и, соответственно, может несколько варьировать в зависимости от сезона наблюдения и рельефа поверхности. Описание геологии костища и стоянки известно в трех версиях — от Н. К. Верещагина (Верещагин, Мочанов 1972; Верещагин 1977; Верещагин, Украинцева 1985), от П. А. Лазарева (Лазарев, Томская 1987) и от Ю. А. Мочанова (1977). Понимание разреза у всех писавших о нем было различным (рис. 2, 3, 4). С. М. Цейтлин (1979: 248) попытался совместить опубликованные сведения. В его представлении разрез террасы, вмещающей как культурные отложения, так и само костище, выглядит следующим образом:

Горизонт	Мощность	
1	Дерн и комковатая сугесь (голоценовый покровный комплекс)	0,5 м
2	Горизонтально-слоистая сугесь с прослоями растительных остатков, с наибольшим обогащением на уровне 2,5 м от поверхности, на уровне соответственно 2,52 и 2,55 м находятся культурный слой и костеносный горизонт	4,0 м
3	Горизонтально-слоистые пески и сугеси, вся толща обнажения на всю мощность пронизана многочисленными телами жильных льдов	8 м

Близкое описание приведено П. А. Лазаревым (2002: 20—21), с той разницей, что верхние две пачки, по П. А. Лазареву, представлены лессовидными суглинками.

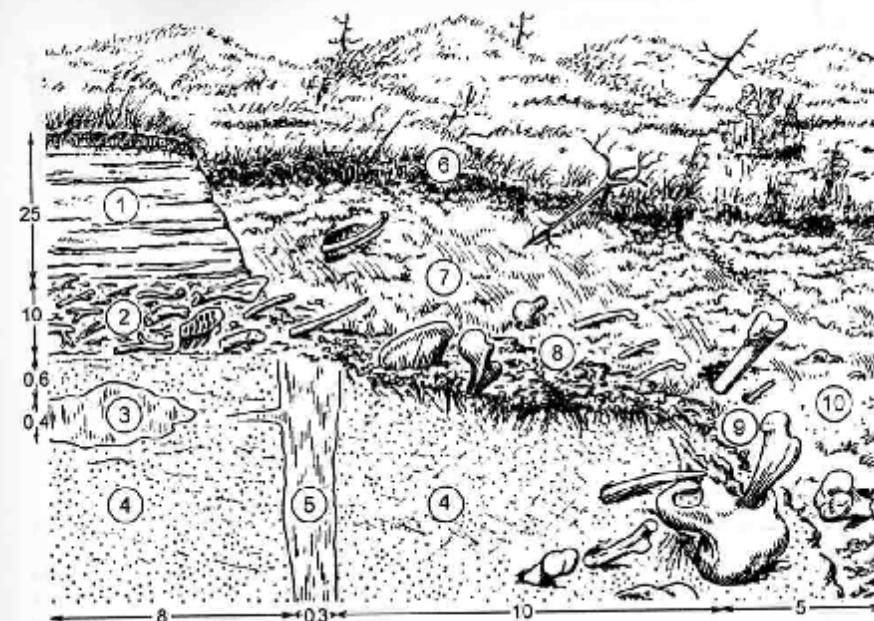

Рис. 2. Схема разреза Берелехского костища (по Верещагину 1977). 1 — горизонтально-слоистая бурая тонца с обилием детрита; 2 — слой с жорнами ив и горизонтально заматыми костями мамонтов; 3 — линия прозрачного льда; 4 — однородная толща серо-бурого ила («перемытого лесса»); 5 — вертикальная мелкошнурованная жила льда; 6 — дерновина, сплывающая по мерзлой толще; 7 — толща мутного льда типа наледи или замленного фирна; 8 — слой некропаемого дерна с костями, кусками волос мамонта и задней ногой мамонта; 9 — завал черепов и костей мамонтов с трупом ро-сиомиха; 10 — трупики куропапки

Верхняя часть разреза описана гораздо более подробно (Верещагин, Украинцева 1985; Андерсон, Ложкин 2002). Так, А. В. Ложкин выделяет в ней несколько горизонтов, отмечая для всей толщи льдистость и наличие повторно-жильных льдов:

Горизонт	Глубина от поверхности	
1	Современная почва	0—0,3 м
2	Серые опесчаненные суглинки с остатками ветвей кустарников, стеблями травы, включающие прослой погребенных почв мощностью 10—12 см	0,3—2,1 м
3	Пылеватые серые опесчаненные суглинки, включающие беспорядочно ориентированные кости, бивни, черепа мамонтов и других животных	2,1—3,7 м
4	Серые опесчаненные суглинки с обилием горизонтальных и ориентированных под разными углами прослоев тонкозернистого песка	3,7—4,95 м
5	Буровато-серые тонко- и средне-зернистые пески	4,95—5,05 м
6	Серые, буровато-серые опесчаненные суглинки с прослоями и линзами (мощностью 3—6 см) светло-бурого тонкозернистого песка	5,05—5,7 м

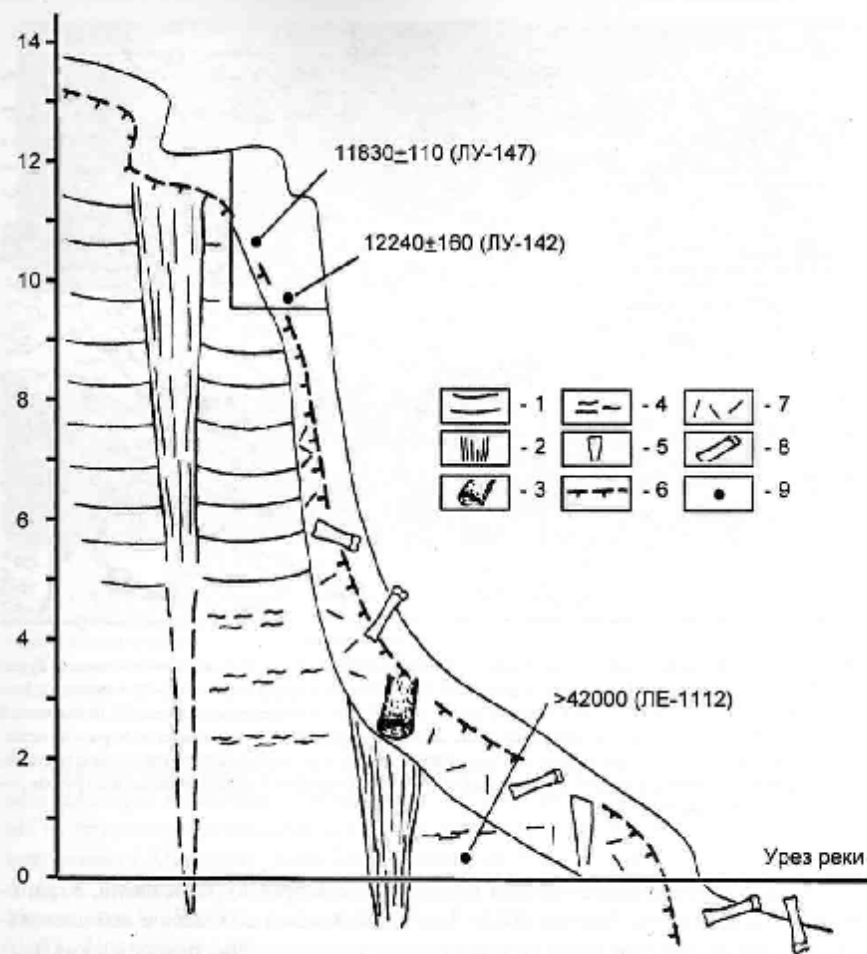

Рис. 3. Разрез обнажения р. Берелех (по Катасонов 1979). Условные обозначения: 1 — аллювий со слоистыми криогенными текстурами; 2 — аллювий с линзовидными и поясковыми криогенными текстурами; 3 — слюшистые и слюшистые породы с игольчатыми (не таличными) криогенными текстурами; 4 — ледяные жилы в аллювии; 5 — молодая ледяная жила в переложенных суглинках; 6 — кости животных, залегающие беспорядочно; 7 — нога мамонта с мягкими тканями; 8 — граница сезонно-протавяющего слоя; 9 — места отбора образцов на C^{14} датирование

Горизонты 5 и 6, очевидно, соответствуют верхней части толщи горизонтально-слоистых песков и супесей общей мощностью 8 м, упоминаемой в описании С. М. Цейтлина. Все, когда-либо писавшие о разрезе Берелеха, определяют положение костеносного горизонта на уровне примерно 2,5 м от поверхности, т. е. в средней части четырехметровой толщи пылеватых лессовидных суглинков. А. В. Ложкин определяет мощность костеносного горизонта около 2 м (Андерсон, Ложкин 2002: 164). В работах Н. К. Верещагина положение основного костеносного горизонта указывается на уровне 8 м над урезом Берелеха, или на глубине 3,5—4 м от бровки (Верещагин 1977).

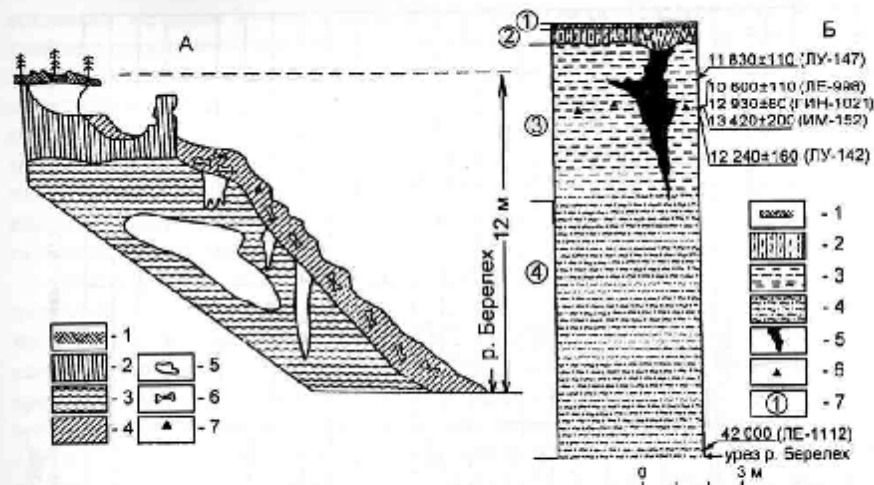

Рис. 4. Схематический разрез отложений Берелехского местонахождения (по Верещагину, Мочанов 1972) (А) и сводный стратиграфический разрез стоянки Берелех (по Мочанов 1977) (Б). Условные обозначения: для А — 1 — деревья; 2 — лес; 3 — аллювий; 4 — оползень; 5 — живыиый лед; 6 — кости животных; 7 — место находки орудий. Для Б — 1 — деревья; 2 — комковатая супесь; 3 — горизонтально-слоистая супесь; 4 — горизонтально-слоистые пески и супесь; 5 — ледяная жила; 6 — верхнелепесточные палеолитические изделия; 7 — номер и граница геологического этажа

Относительно положения культурного слоя ясности нет. Н. К. Верещагин (1977) определяет его положение на уровне 1,5 м от поверхности, тогда как Ю. А. Мочанов (1977: 79) пишет о 2,5 м. Результаты радиоуглеродного датирования верхней части разреза костица и стоянки (табл. 1) свидетельствуют скорее в пользу высказываний Ю. А. Мочанова и убеждают в том, что и в районе костица, и в районе стоянки были датированы одни и те же отложения, формировавшиеся в интервале от примерно 13—14 до 10 тыс. л. н.

Для Берелехского комплекса имеется некоторое количество радиоуглеродных датировок, характеризующих как собственно костица, так и участок, содержащий культурные остатки. В большинстве своем они уже публиковались и обсуждались ранее различными авторами (Верещагин, Украинцева 1985; Мочанов 1977; Цейтлин 1979 и др.).

Возраст костеносного горизонта, формировавшегося в интервале от примерно 14 до 12 000 л. н., на основании приведенных датировок может быть определен в среднем около 12 700 л. н. Судя по разнице положения датировок в разрезе костица и стоянки, образцы, скорее всего, отбирались из оплывин или наклоненных участков слоя на протявшем склоне террасы. Данному предположению не противоречит и фотодокументация (Мочанов 1977: рис. 14), согласно которой раскопки проводились на склоне террасы в пределах мощности сезонно-талого слоя, не превышающей нормально 0,7—0,8 м, а на склонах с южной экспозицией — примерно в два раза большей.

Из практики полевых исследований в криолитозоне известно, что мощность осыпи в нижней части склона, сложенного многолетнемерзлыми отложениями,

Датировки Берелекского комплекса

Берелех, костяшице			Берелех, стоянка						
Глубина	Значение	Индекс лаборатория	Материал	Цит. по ¹	Глубина	Значение	Индекс лаборатория	Материал	Цит. по ¹
осапь?	10 370 ± 90	СОМН-327	мамонт, позвонки	8					
1,1—1,5 м	10 260 ± 155	МАГ-118	дерево	7					
1,3 м	10 440 ± 100	МАГ-119	дерево	3					
1,7 м	11 870 ± 60	МАГ-117	дерево	4					
2,0 м	11 830 ± 110	ЛУ-147	дерево	2					
2,0 м	12 240 ± 160	МАГ-149	мамонт, бивень	8	2,5 м	10 660 ± 90	Ле-998	дерево	5
					осапь	11 450 ± 150	Вега-190 085	заяц, нижняя челюсть	1
3,5 м	12 000 ± 130	ЛУ-149	мамонт, бивень	2	осапь	12 200 ± 40	Вега-216 796	мамонт, тазовая кость	1
3,5 м	12 850 ± 110	ЛУ-1055	мамонт, бивень	2	2,5 м	12 930 ± 80	ГИН-1021	дерево	5
3,5 м	13 205 ± 150	Ле-2335	мамонт, бивень	6	2,5 м	13 420 ± 200	ИМ-152	дерево	5
3,5 м	13 700 ± 400	МАГ-114	мамонт, ткани	4					
костяшице, сборы	12 380 ± 150	ГИН-12 973	бизон, металлург	9					
костяшице, сборы	31 790 ± 400	Вега-216 794	посорок, таранная кость	1					
костяшице, сборы	36 500 ± 1000	ГИН-12 978	мамонт, нижняя челюсть	9					
костяшице, сборы	41 740 ± 1190	Вега-216 793	пещерный лев, бедренная кость	1					
12 м	>42 000	Ле-1112	торф	3					
Слоев III террасы, выше по течению от костяшице									
	35 280 ± 570	Вега-216 795	мамонт, череп № 4	1					

¹ Условные обозначения источников: 1 — данная работа; 2 — Арселин и др. 1980; 3 — Верещагин, Украинцева 1985; 4 — Ложкин 1977; 5 — Мочапов 1977; 6 — Vashchuk et al. 1997; 7 — Алдерсов, Ложкин 2002; 8 — Лавров, Сулейманский 1992; 9 — Никольский и др. 2008.

составляет не менее 3—4 м, в верхней — около 1 метра (Катасонов 1979), т. е. заведомо превышает мощность сезонно-талого слоя. Соответственно, мерзлое состояние материала в таких ситуациях не гарантирует его нахождение *in situ*, что может быть опознано по свойственным вторично промороженным отложениям криотекстурам. Типичные для подобной ситуации игольчатые криотекстуры, согласно наблюдениям Е. М. Катасонова (1979) на Берелехе, позволяют говорить о том, что, по крайней мере, костеносный горизонт полностью или частично является вторичной концентрацией, образовавшейся в результате деятельности реки и склоновых процессов.

Начало формирования пачки отложений, вмещающих костеносный горизонт, относится, возможно, приблизительно к 14—15 тыс. л. н. На уровне верхней части костеносного горизонта располагаются и культурные остатки, возраст которых на самом деле достоверно не установлен. Датировки, полученные по древесным макроостаткам, характеризуют, прежде всего, возраст самих макроостатков и, косвенно, возраст тех отложений, в которых они встречены. Даты $10\,260 \pm 155$ (МАГ 118) и $13\,420 \pm 200$ (ИМ 152) определяют интервал формирования верхней части толщи, частично перекрывая хронологический отрезок, связанный с формированием костеносного горизонта.

На основании этих датировок, однако, можно говорить как об одновременности (примерной) культурного слоя стоянки костеносному горизонту, так и об их несоответствии во времени. Обе точки зрения высказывались теми, кто принимал участие в работах на Берелехе. Так, Н. К. Верещагин, убежденный в том, что культурный слой стоянки залегает примерно на метр выше костеносного горизонта, говорит об их несовместимости, а Ю. А. Мочапов, напротив, склоняется к мысли об их одновременности и близком положении в разрезе. Это предполагает эксплуатацию обитателями стоянки не только костяшица, но и самой берелехской популяции мамонтов. Как представляется, проблему датировки культурного горизонта не решает даже дата, полученная по кости зайца из археологических сборов Н. К. Верещагина вблизи участка с культурным слоем (табл. 1).

В фаунистических характеристиках костяшица и стоянки подчеркивалось (Верещагин 1977; Мочапов 1977 и др.), что кости зайца (850 экз.) найдены исключительно на участке с культурным слоем. Ценность данного наблюдения несколько снижает то, что изучение костяшица проводилось размывом из мощного гидромонитора, а участок с археологическим материалом исследовался вручную лопатой и, очевидно, ножом. Разница между методами не могла не отразиться на результате.

Механизм формирования берелехского костеносного горизонта — его старичное происхождение — был предложен Н. К. Верещагиным (1977). Он выглядит вполне реалистично, поскольку так или иначе формирование костяшица связано с процессом обогащения костным материалом какого-то участка реки. Каким именно был этот процесс, можно только предполагать. Гораздо важнее условия, в которых это происходило. В этой связи необходимо отметить, что Берелехское местонахождение является лишь одним из многих объектов такого рода, известных в Северной Евразии, формирование которых относится к данному хронологическому рубежу — 12—13 тыс. л. н.

Их обоснованно связывают с изменением природных условий, предопределивших массовое вымирание ряда представителей позднелайстоценового фаунистического комплекса, и в первую очередь — мамонта. В отношении севера Яно-

Индибирской низменности можно предполагать, что этот процесс был обусловлен как интенсивным развитием на обширных площадях термокарстовых процессов, так и увеличением влажности в этот период, прежде всего — увеличением мощности снегового покрова.

В этой связи необходимо вспомнить строение разреза Берелехского костяка, в особенности его верхней части, которую слагают покровные осадки. Мощность этой пачки составляет 4 м, а время накопления — интервал примерно от 13 до 10—10,5 тыс. л. н. Аналогичная пачка венчает разрез одного из участков второй террасы на Янской стоянке, расположенной на той же широте приблизительно в 400 км к западу от Берелехского костяка. Между двумя этими образованиями имеются заметные гипсометрические различия: вторая терраса р. Яны в районе Янской стоянки имеет высоту 16—18 м над урезом, тогда как на Берелехе уровень второй террасы заметно ниже (12—14 м). Это вполне закономерно, поскольку данные водостоки совершенно различны по своим возможностям и водосбору: Яна, как известно, является одной из крупнейших рек Восточной Сибири, а Берелех — приток первого порядка р. Индибирки.

Условия, необходимые для того, чтобы накопление осадков верхней части разреза второй террасы на Яне и Берелехе происходило с одинаковой скоростью, могут возникнуть в случае значительного возрастания мощности снегового покрова. Для Берелеха это означает кратковременные высокие паводки, связанные со сбросом снеговых вод. Даже современные паводки в этом районе составляют 6—7 м. Параллельное развитие термокарстового процесса обеспечивало поступление достаточного количества «строительного материала», использованного для формирования отложений верха второй террасы с костеносным горизонтом. Характерно, что и для Яны формирование аналогичной толщи связано с экстремальными паводками. Таким образом, формирование берелехского костеносного горизонта связано с развитием на севере Яно-Индибирской низменности короткого, порядка 1—2 тыс. лет, периода природных условий, в течение которого случаи массовой гибели мамонтов были обычным явлением. Это могло происходить в ходе паводков и, в особенности, в периоды схода снежниц и вскрытия реки.

В. В. Украинцевой (Верещагин, Украинцева 1985) и А. В. Ложкиным (Андерсон, Ложкин 2002) опубликованы данные по природным изменениям в районе костяка и условиям существования берелехской популяции мамонтов. Перекрывающиеся участки диаграмм обнаруживают значительное сходство и идентичным образом описывают тренд развития растительности в районе Берелехского комплекса. Очевидно, это свидетельствует о достоверности интерпретаций спорово-пыльцевых спектров.

Спорово-пыльцевая диаграмма, опубликованная А. В. Ложкиным (Андерсон, Ложкин 2002: 170), более полно характеризует разрез верхней части отложений второй террасы р. Берелех. Выделено три зоны, из которых зона BR1 (злаковая тундра с участием кустарниковых берез и ивы) отвечает времени формирования «мамонтового» горизонта, BR2 отражает лиственничную лесотундру с широким распространением кустарниковых берез, ольховниками и осоково-сфагновыми болотами, а зона BR3 отвечает современной лесотундре. Начальный этап зоны BR2, судя по положению в разрезе датировок, соответствует примерно 12 500 л. н., т. е. тому времени, к которому принадлежит большинство датировок погибших мамонтов (Андерсон, Ложкин 2002: рис. 3, 67). Увеличение увлажненности, от-

раженное в диаграмме возрастанием количества пыльцы осок и спор сфагновых мхов, очевидно, можно рассматривать как косвенное свидетельство существовавших периодов с избыточной влажностью и высокими паводками, вызванными бурным таянием мощного снегового покрова.

Р. Берелех, урочище Угамыт: археологические данные и их интерпретация

Известно, что археологические раскопки на Берелехе проводились в два приема, но при этом по работам 1971 г. отчетной документации не имеется, а в отчете за 1974 г. этому памятнику уделено три страницы текста (Мочанов 1974: 119, 122, 125) и четыре иллюстрации: две с находками (Мочанов 1974: табл. 17, 18), схема с расположением расчистки (Мочанов 1974: рис. 48) и сводная стратиграфическая колонка (Мочанов 1974: рис. 49). В 1974 г. работы, согласно отчету, выполнялись в пределах зачистки шириной 4 м, тогда как работы 1971 г., более масштабные, с раскопом в 25 м², пигде и никак не освещены, и остается неизвестным ни распространение материала в плане, ни его высотный профиль, ни прочие детали, включая строение разреза. Читателям предлагается сводная колонка (Мочанов 1977: рис. 15), но она явно не отражает всех главных элементов разреза, хотя бы в отношении участка в его строении сингенетических сартапских (?) повторно-жилых льдов, многократно упомянутых различными авторами.

Кроме того, имеются необъясненные противоречия между изображениями и описаниями материала, разрезов и топографии, опубликованными в сводке 1977 г. (Мочанов 1977: 79—81, табл. 24) и в более поздних работах (Мочанов и др. 1991: табл. 140—142; Mochanov, Fedoseeva 1996: 218—221, fig. 4, 2), на что уже обратил внимание В. А. Кашин (2003: 81). Так, например, абсолютно неясным является происхождение длинного медиального сегмента тонкой, узкой, прямой в профиль призматической пластинки, резко диссонировавшей с контекстом стоянки (Мочанов и др. 1991: табл. 140, 9), и клиновидного ядрища, опубликованного дважды в позднейших сводках (Мочанов и др. 1991: табл. 140, 15; Mochanov, Fedoseeva 1996: fig. 4, 2). Первая из них не содержит вообще никаких текстовых сведений о стоянке Берелех, и можно было бы предположить, что этот рисунок был в ней размещен ошибочно. Вторая содержит пояснение, указывающее на происхождение данного ядрища из сбросов вкуче с коллекцией, которая содержит 178 костей мамонта и 62 каменных предмета, в их числе отмечены ядрище, фрагмент бифасиального ножа, двустороннеобработанный нож или наконечник дротика, 3 фрагмента двустороннеобработанных орудий, долотовидное орудие, подвеска и 54 отщепы (Mochanov, Fedoseeva 1996: 221).

Эта информация воспроизводит текст итоговой сводки о раскопках на Берелехе (Мочанов 1977: 79) и, видимо, отражает суммарную характеристику подъемного материала, собранного в 1971 и 1974 гг. на урезе воды и в основании осыпи, поскольку текст отчета (Мочанов 1974: 125) сообщает о находке на склоне террасы 18 отщепов, 9 чешуек, одного одностороннего одноплощадочного призматического нуклеуса и 178 обожженных и расколотых костей мамонта. Таким образом, справедливо будет заключить, что никакие дополнительные работы на стоянке не проводились и ничто не поясняет происхождения клиновидного ядрища,

появившегося в позднейших публикациях. Два других ядрища — призматическое и потенциальное клиновидное, относительно которого наиболее разумно предположение о его функциональной принадлежности к резцам, которое разделяет и Ю. А. Мочанов (1977: 79), действительно происходят из сборов и расчисток на Берелехе. Говоря о материале в целом, я хотел бы заметить, что он не производит впечатления однородного. Я вернусь к обсуждению этого вопроса несколько позже, а в данный момент хочу всего лишь обратить внимание на эту возможность. Мнение о неоднородности берелехской коллекции высказывалось также Н. К. Верещагиным (Верещагин, Украинцева 1985: 105—106) и Д. Стэнфордом (личное сообщение, март 2004).

В цитируемой сводке (Мочанов 1977) приведены также и данные о материале, извлеченном из расчисток культурного слоя, среди которых значительное место занимают фаунистические остатки (1003), кости со следами обработки (40), 127 каменных предметов, большинство из которых — отщепы и чешуйки (108). При этом данные отчета о раскопках в 1974 г. (Мочанов 1974: 125) позволяют понять, что в расчистке слоя было собрано 8 отщепов, 4 пластинки (т. е. все, найденные на памятнике за все годы), подвеска и некоторые другие предметы, в том числе из бивня и кости. Среди них имеются как искусственным образом полученные отщепы и сколы, так и щепки «мерзлотного» происхождения. Среди каменных орудий представлены обломки двусторонних форм (4), долотовидные орудия (2), включая одно дулезвийное с оппозитным расположением рабочего края, пластины с ретушью (2), отщепы с ретушью (2), интерпретированные как «ножи», скребла с двусторонне ретушированным рабочим краем (2), а также 5 каменных украшений-подвесок. Очевидно, при обсуждении берелехских материалов имеет смысл ориентироваться на их полную сводку, первую по времени (Мочанов 1977). Необходимо, однако, отметить, что даже если клиновидное ядрище, фигурирующее в более поздних публикациях, достоверно связано с этим памятником, это не играет существенной роли для его оценки в культурно-историческом плане (Питилько 2006).

Археологический материал Берелеха, относимый в указанной сводке к «находкам из культурного слоя», скорее всего, в своей значительной части добыт при разборе береговой осыпи террасы, сложенной многолетнемерзлыми породами с мощными сингенетическими (плейстоценовыми) повторно-жильными льдами (Лазарев, Томская 1987: 22), а также, очевидно, маломощными эпигенетическими голоценовыми жилами (Мочанов 1977: рис. 16). Мощность осей в ситуациях, подобных берелехской, достигает 3—4 м в основании склона, а в его средней части составляет обычно 1—2 м. Судя по иллюстративному материалу (Мочанов 1977: рис. 14), 25 м² раскопа 1971 г. охватывают участок склона террасы в пределах двух соседних грунтовых столбов. Ни плана, ни высотного профиля для находок, извлеченных при раскопках в 1971 и 1974 гг., не имеется. Культурный материал в подобных ситуациях образует шлейфы, в пределах которых имеются его вторичные концентрации, приуроченные к межблочным трещинам, линиям отрыва и другим подобным образованиям. Подобная картина наблюдалась и документировалась в ходе поисков и последующего изучения культурного слоя палеолитической Ян-ской стоянки (Pitulko et al. 2004).

В оценке положения в разрезе «превосходно сохранившегося культурного слоя» (Верещагин, Мочанов 1972: 336) существуют некоторые разногласия. Так,

Н. К. Верещагин (1977; см. также Верещагин, Украинцева 1985) неоднократно подчеркивает положение уровня находок на глубине 1,5 м от дневной поверхности, подтверждая тем самым сведения, опубликованные изначально (Верещагин, Мочанов 1972). Ю. А. Мочанов, напротив, впоследствии уточнил оценку положения культурного слоя до 2,5 м от поверхности, указав на досадную «опыску» в первичной публикации. Видимо, ошибки такого рода имели систематический характер, поскольку двумя годами раньше им же была предложена цифра 2,2 м (Цейтлин 1979: 249). Данная ситуация скорее отражает разногласия между непосредственными участниками работ.

В этой связи Н. К. Верещагин указывает на то, что ошибка в оценке положения уровня культурного слоя Берелехской стоянки в вертикальном разрезе может быть связана с тем, что на этом уровне мог находиться оплывший (или наклоненный) участок слоя. Эта ситуация, в общем, типична при раскопках в условиях ледового комплекса, и ее следует принимать во внимание. Отложения ледового комплекса подвержены термическим воздействиям, они могут протаивать и промерзать вновь. В этом случае определяющим фактором при решении вопроса о возможности залегания *in situ* является оценка криотекстуры как слоя, так и вмещающих отложений, осуществляемая одновременно с анализом элементов разреза. Существенную помощь в решении вопроса могли бы оказать также продольный и поперечный высотные профили распределения материала. Эти данные отсутствуют. Представляется, что либо положение культурного слоя стоянки Берелех в разрезе определено недостоверно, либо же речь в описаниях Н. К. Верещагина и Ю. А. Мочанова идет о различных культурных горизонтах.

Эти предположения, разумеется, носят в значительной степени умозрительный характер. Проверить их трудно. В настоящее время наиболее верным представляется оценивать возраст культурного материала стоянки, ориентируясь на датировку по кости зайца — $11\,450 \pm 150$ (Beta-190 085). Соответственно, бытование стоянки Берелех не пересекается во времени с моментом формирования Берелехского костища (см. выше). Условия залегания культурного материала — так, как они описаны и задокументированы (Верещагин, Мочанов 1972; Мочанов 1977), говорят прежде всего о том, что он получен из сборов и раскопок склонового шлейфа материала. В какой мере и какие именно даты могут быть с ним связаны, неясно. В тех случаях, когда говорится о находках, встреченных *in situ*, можно предполагать, что они захоронены в пойменных или старичных отложениях и оказались включены в них при размыве горизонта, имеющего возраст несколько древнее, чем костеносный слой Берелехского костища. Произошло ли при этом включение в него какого-то более древнего материала, сказать в настоящий момент сложно. Тем не менее определенное ощущение архаичности части комплекса остается.

Оно, однако, необязательно связано с привнесением в него более древнего материала. Необходимо напомнить, что, начиная с момента открытия археологического материала на Берелехе, его понимание основными исследователями (Верещагин, Мочанов 1972; Мочанов 1977), а вслед за ними и авторами различных обзоров и сводок связывается с диоктайской культурой. Оснований же для этого, в общем, никогда не было, поскольку в археологическом комплексе памятника отсутствуют зримые параллели с диоктайской культурой: в нем нет ни клиновидных ядрищ, ни «полулунных бифасов», ни удлиненных листовидных, подтреугольных и овальных двусторонних форм. Каменный материал Берелеха на первый взгляд

универсален и может быть встречен где угодно, в любой, в том числе и в дюктайской, культуре и в широком хронологическом диапазоне. Беллого взгляда на примерно синхронные Берелеху древности Северо-Востока Сибири — например, материалы слоев V и VI стоянки Усть-Тимптон с возрастом в интервале 10—11 тыс. л. н. (Мочанов 1977: рис. 30; табл. 64—68) вполне достаточно, чтобы убедиться в их резком отличии от Берелехского комплекса, это уже практически готовая унифасиальная пластинчатая индустрия того облика, который прекрасно известен в раннеголоценовых (уже сумнагинских) памятниках, чье происхождение на протяжении ряда лет справедливо связывается с Усть-Тимптоном.

Тем не менее Берелехский комплекс имеет ряд интересных черт, роднящих его с территориально (а иногда и хронологически) удаленными объектами. Так, единственный целый двусторонне обработанный предмет из Берелеха (Верещагин, Украинцева 1985: рис. 5) — наконечник с закругленным и уплощенным основанием — идентичен находкам из стоянки Тарачиха в Северо-Минусинской котловине (Абрамова 1989: рис. 18, 6). Среди предметов, собранных на стоянке Берелех Ю. А. Мочановым (1977: табл. 24, 29), есть, по крайней мере, еще один обломок бифаса, аналогичный находке Н. К. Верещагина. Для стоянки Тарачиха имеются датировки 19 850 ± 180 (Ле-3821), по кости северного оленя и 18 930 ± 320 (Ле-3834), по кости мамонта (Лисицын 2000: 33). В этом же направлении, но в более древних памятниках, находят аналогии и многие предметы, известные из Янской стоянки.

Серия каменных подвесок, открытых в Берелехе, долгое время оставалась практически уникальной для Северо-Востока Сибири. В памятниках дюктайской культуры, охарактеризованных Ю. А. Мочановым (1977), они вообще нигде более не представлены. В то же время разнообразные подвески, в том числе каменные, а также подвески из кости с насечками по периметру (на боковой поверхности) известны на Янской стоянке. Несмотря на территориальную близость, хронологический разрыв и здесь значителен — возраст Янской стоянки составляет около 28 тыс. л. н. Сверленные подвески из камня известны на Северо-Востоке Сибири еще только в двух финальноплейстоценовых памятниках — на стоянке Хета (Верхнее Приколымье) и в слое VI стоянки Ушки (Камчатский п-ов). С. Б. Слободин, сравнивая эти находки, пришел к выводу об их большей схожести между собой, нежели с берелехскими (Слободин 1999: 161).

На Янской стоянке имеются также и гравированные предметы из бивня (в Берелехе им соответствуют щепки разорванного мерзлотой предмета с гравировкой), а также крупные колющие костяные орудия, подобные найденному Н. К. Верещагиным стержню (Верещагин 1977: рис. 32). На основании обнаружения в Берелехе гравированных щепок бивня Ю. А. Мочанов (1977: 83—85) высказал вполне резонное соображение о связи знаменитого «берелехского изображения мамонта», вопрос о достоверности которого вызвал в свое время бурную дискуссию, с комплексом археологических материалов.

Таким образом, наличие черт, представляющихся архаическими, наводит на мысль о возможной двухкомпонентности Берелеха. Вопрос этот вряд ли разрешим в ближайшее время. Тем не менее следует подчеркнуть, что в любом случае берелехские находки представляют собой завершающий отрезок местной линии развития культуры палеолита. Ее ранний этап представлен на Северо-Востоке Сибири янской культурой, происхождение которой связано с кругом памятников каргинского времени, лежащих далеко к югу и юго-западу от Янской стоянки.

Р. Берелех, урочище Угамыт: комплекс фаунистических находок

Люди, эксплуатировавшие костище как сырьевой источник, определенно были современниками мамонтов, завершавших к тому времени свое существование на севере приморских низменностей. Это подтверждается как датированием материалов самого костища, так и коллекцией радиометрических дат, полученных для этих территорий по костным остаткам мамонта.

Фаунистические определения для костища и стоянки выполнялись преимущественно Н. К. Верещагиным. Данные, приводимые исследователями, занимавшимися берелехским феноменом, несколько различаются при этом как в качественном, так и в количественном плане (табл. 2).

Таблица 2

Характеристика фаунистических коллекций Берелехского костища и стоянки Берелех

Вид	Костище	Стоянка	
	(по Верещагину 1977: табл. 12 + Верещагину, Украинцева 1985: 105)	(по Верещагину 1977: табл. 12)	(по Мочанов 1977: табл. Г)
Мамонт	8830	79	78
Волк		18	
Росомаха	8 (+1 мумия)		
Пещерный лев	1		
Шерстистый носорог	1		7
Лошадь	19	1	
Северный олень	34	2	
Перьяблнный бизон	11		39
Овцебык			1
Заяц-беляк		850	827
Белая куропатка	1 мумия	92	
Гусь-гуменник		4	
Различные птицы			92
Различные рыбы			2
Всего	8904	1046	1003

Легко заметить некоторые количественные и качественные различия. В данных, публикуемых Ю. А. Мочановым (1977: 79), не учтены «178 обожженных и расколотых мамонтовых костей» из сборов 1974 г. (сомнений в принадлежности их к комплексу не должно бы быть), и общее количество собранных в раскопках костных остатков несколько отличается от сведений Н. К. Верещагина, в которых учтены фаунистические находки из раскопок только для 1971 г., тогда как данные по стоянке Берелех, представляемые Ю. А. Мочановым, включают в себя, очевидно, и результаты работ 1974 г. Количество их при этом меньше, чем приведенное Н. К. Верещагиным. Далее, имеются некоторые разногласия по списку видов. По данным Ю. А. Мочанова, к слою стоянки имеют отношение кости шерстистого носорога, бизона (?), овцебыка. По современным данным, самые молодые территориально близкие датировки для этих животных составляют — для бизона 8860 ± 40 (Beta-148 623, McPhee et al. 2002), для овцебыка — 3200 ± 80 (ГИН-9872, Kuznetsova et al. 2001). Таким образом, теоретически эти животные могли быть

добываемы обитателями стоянки 11 500 л. н. Что касается носорога, то самые молодые территориально близкие находки этого вида датируются на Северо-Востоке Азии в интервале 14—15 тыс. л. н. (табл. 3).

Таблица 3

Радиоуглеродные датировки остатков носорога на Севере Якутии (по Сулержицкий, Романенко 1997)

	Дата	Индекс лаборатории	Материал и место обнаружения
1	14 260 ± 150	ГИН-6007	обломок таза, Юкатирское плоскогорье, бассейн р. Березовки, деловой, полевые материалы А. В. Шера
2	15 130 ± 50	ГИН-6023	обломок таза, р. Большой Хомус-Юрях, обнажение 88-ЛБ, бечевник, полевые материалы А. В. Шера
3	15 130 ± 90	ГИН-6024	обломок черепа, р. Большой Хомус-Юрях, обнажение 86-Л, русло, полевые материалы А. В. Шера
4	15 850 ± 80	ГИН-6020	обломок берцовой кости, правый берег р. Индигирки, 9 км выше устья р. Тирехтях, полевые материалы А. В. Шера

Присутствие в культурных отложениях стоянки Берелех семи костей носорога позволяет предполагать, что они либо привнесены в него, либо датировка этого комплекса в интервале 13 000—12 000 л. н., предлагаемая Ю. А. Мочановым (1977: 78), не вполне корректна, либо же в данном случае мы имеем дело с одной из позднейших находок этого вида. Костные остатки носорога представлены, наряду с единичными костями пещерного льва, и в фаунистических сборах из Берелехского костяка (Верещагин 1977: табл. 2). Датированных остатков этого вида известно немного, и, как правило, они значительно древнее, однако нельзя исключать и того, что этот зверь доживает на севере Яно-Индибирской низменности практически до конца плейстоцена. На эту возможность указывают датировки культурного слоя VIII Дюктайской пещеры (Мочанов 1977: 11) — 13 070 ± 90 (Ле-784) и 14 000 ± 100 (ГИН-404), 12 690 ± 120 (Ле-860), причем последняя является стратиграфически нижней. Необходимо подчеркнуть, что эти даты относятся к культурному слою Дюктайской пещеры, а не к костным остаткам пещерного льва, происходящим из него.

Как представляется, в данном случае костные остатки перечисленных видов скорее привнесены в «культурный слой» стоянки Берелех, нежели соответствуют ему по возрасту. С целью прояснить этот вопрос было проведено датирование костей носорога и пещерного льва из сборов Н. К. Верещагина на Берелехском костяке, хранящихся в ЗИН РАН, а также одной из немногих находок мамонта (так называемый «черепок № 4»), не принадлежащих костеносному горизонту. Последний найден в осыпи высокой поверхности, к которой прислонены (?) отложения террасы с костеносным горизонтом, в нескольких сотнях метров выше «кладбища» по течению (Верещагин 1977). AMS-методом получены следующие определения возраста: череп № 4, мамонт — 35 280 ± 570 (Beta-216 795), носорог (таранная кость) — 31 790 ± 400 (Beta-216 794), пещерный лев (бедренная кость) — 41 740 ± 1190 (Beta-216 793). Таким образом, в материалах как костяка, так, скорее всего, и стоянки Берелех присутствуют фаунистические материалы, существенно отличающиеся по возрасту от фоновых дат, а источником древнего материала, очевидно, являются осадки, слагающие высокую поверхность.

Списки видов, приведенные для костяка и для стоянки Берелех, в общих чертах повторяют друг друга. В варианте списка Н. К. Верещагина (табл. 2) соответствия между ними является наименьшим. Их главное различие состоит в отсутствии в коллекции из костяка костей мелких животных, в частности зайцев и птиц. По Н. К. Верещагину, это очень выразительно обозначает разницу между этими двумя фаунистическими коллекциями, указывая на охотничьи предпочтения обитателей стоянки. На мой взгляд, это обстоятельство является до известной степени артефактом, обязанным своим появлением разнице в методах изучения костяка и стоянки (разрыв из мощного монитора и ручная разборка дают принципиально различные результаты). В отношении костей животных других видов (например, волка и гуся-гуменника) тоже нет полной ясности. Четыре кости гуся-гуменника происходят из сборов подъемного материала вблизи стоянки, а в отношении костей волка сообщается, что они добыты преимущественно из культурного слоя (Верещагин 1977: 33, 39) — следовательно, были найдены и где-то вне его.

Сводка, предлагаемая Ю. А. Мочановым для стоянки Берелех, дает видовой состав, практически идентичный находкам из костяка (основное различие — мелкие виды). Необходимо отметить, что ее основу составляет сводка Н. К. Верещагина (сборы 1970 и 1971 гг.) с отдельными дополнениями из сборов 1974 г. (кости носорога, бизона, овцебыка). Собранные Ю. А. Мочановым в 1974 г. кости мамонта (178 обломков) в сводную таблицу включены не были — возможно, в связи с отсутствием уверенности в их связи с культурным материалом.

В целом можно отметить, что определенная бедность списка видов фауны из стоянки Берелех вполне закономерна, если иметь в виду ее возраст (примерно 11 500 л. н.). Очевидно, немногие представители мегафауны продолжали к тому моменту существовать в этих местах. Это в полной мере относится и к мамонту, поскольку датировки этого животного, происходящие из культурного слоя (тазовая кость и бивень), старше 12 000 л. н. (табл. 1). Таким образом, кости мамонта в «культурном слое» не связаны с его добычей, а являются результатом собирательства или переноса, так же как кости носорога и бизона. Из осыпи костяка, впрочем, известна единичная молодая дата (СОАН-327, моложе возраста культурного слоя). Не исключено, что это результат лабораторной ошибки, загрязнения и т. д., поскольку измеренный возраст находится в противоречии как с прочими датировками костяка, так и с датами по образцам из вышележащих отложений.

Видовой состав фаунистических остатков из Берелехской стоянки выглядит вообще довольно странно, особенно по списку Н. К. Верещагина (табл. 2). Фактически, это заяц, куропатка, волк и, единично, лошадь и северный олень. По Ю. А. Мочанову, представлены дополнительно бизон, овцебык и носорог, однако присутствие этих костей наравне с мамонтом с высокой степенью вероятности является результатом переноса древнего материала. Исключение, возможно, составляют кости бизона. Так, по новым сборам из костяка получена датировка метакарпальной кости бизона 12 380 ± 150 (ГИН-12 973), соответствующая времени образования костяка (Никольский и др. 2008, табл. 4).

Незначительное количество остатков северного оленя выглядит очень странно. На Янской стоянке, гораздо более древней, этот вид является одним из основных пищевых ресурсов (Pitulko et al. 2004) при одновременной значительной численности костей зайца. Кости птиц и в Янской стоянке и на Берелехе свидетельствуют скорее об их спорадической добыче, нежели о постоянном направленном

промысле. Возможно, данный список видов отражает сезонность. Численность зайца в августе—сентябре довольно высока, а в отдельных местностях настолько значительна, что это некрупное животное может служить основным пищевым ресурсом. Принимая во внимание это обстоятельство, можно предположить, что стоянка Берелех связана с посещением костяца людьми в осенний период низкого стояния воды, когда добыча кости и бивня облегчается низким стоянием уровня воды и облегченным доступом к оттаявшему за лето материалу.

Второй целью пребывания в данной местности можно считать осеннюю охоту на оленя. Современные обитатели реки всдут его настолько успешно, что Яно-Индибирская популяция северного оленя практически прекратила свое существование. Река Берелех на примерно половине своей протяженности течет субширотно, вынуждая мигрирующих оленей пересекать ее. Один из основных участков перехода располагается в непосредственной близости от костяца. Охотничий лагерь (если он вообще имеется в районе костяца) в таком случае должен располагаться симметрично, на ее правом берегу, поскольку стратегия охоты на переправе предполагает атаку на той стороне, куда переходит стадо. В районе костяца, таким образом, мог находиться временный лагерь, пищевые остатки на котором свидетельствуют о кратковременном, но многократном пребывании.

Массивный наконечник из бивня мамонта, найденный в свое время на стоянке Н. К. Верещагиным, может служить практически идеальным оружием для этой цели — острый, тяжелый, круглый в сечении, т.е. легко извлекаемый, длинный, что избавляет жилковое скрепление с древком от разрушительного для него контакта с водой. Весьма интересно, что крупные орудия такого рода (из кости, рога и бивня), длиной до 20—30 см, схожие конструктивно с берелехской находкой, бытовали на Северо-Востоке Сибири вплоть до позднего неолита и известны на таких памятниках, как Бурулино в низовьях Индибирки, Диринг-Юрхский мольник (Федосеева 1980: рис. 86.13; 1992: рис. 11) и др.

Заключение

В настоящей работе была предпринята попытка систематизировать все доступные сведения о берелехском феномене, проанализировать их и выдвинуть некоторые предположения. Степень обоснованности их, разумеется, различна, однако некоторые обстоятельства можно считать установленными.

Так, например, можно предполагать, что возраст культурного слоя стоянки Берелех должен соответствовать датировке $11\,450 \pm 150$ (Beta-190 085), полученной по кости зайца. Этому не противоречит и серия радиоуглеродных датировок, полученных по древесине для верхней части разреза второй (?) террасы. Возраст стоянки исключает предположение об антропогенном характере происхождения костяца, которое эксплуатировалось лишь как источник ценного сырья биогенного происхождения (бивней и длинных костей мамонта). Древние охотники, посещавшие его, были гораздо менее привередливы, чем современные люди, но все же вряд ли были трупосдами.

Вопрос о том, охотились ли обитатели Берелеха на мамонта вообще и какими методами, остается открытым. Своеобразие фаунистического комплекса, связываемого со стоянкой Берелех, и особенности топографии местности позволяют рас-

сматривать ее как сезонную. Она посещалась, скорее всего, в августе—сентябре с целью сборов бивня из естественных обнажений костеносного горизонта и охоты на северного оленя.

В строении разреза берелехского комплекса (и всего участка долины р. Берелех в урочище Угамыт), несомненно, имеются интересные детали, требующие изучения. Представляется, что наиболее полно разрез II террасы Берелеха сохранен на участке с культурным слоем, на что указывают как особенности рельефа ее поверхности (байджараховый), так и наличие в понижениях непосредственно под бровкой верхних частей ледяных жил, описанных Е. М. Катасоновым и А. В. Ложкиным и отраженных в фотодокументации к раскопкам Ю. А. Мочанова. Как представляется, на основании анализа опубликованной информации удалось предложить рациональное объяснение механизма осадконакопления верхней части террасы, связав его с климатическими изменениями, в первую очередь с увеличением снежности зим и соответствующими изменениями гидрологического режима.

Сривные ^{14}C даты, характеризующие возраст костных остатков различных представителей мамонтовой фауны из костяца и стоянки Берелех, позволяют предполагать, что костеносный горизонт образовался в интервале от примерно 14 000 до 11 000 л. п., с привнесением в него части древнего материала. Присутствие в фаунистической коллекции, ассоциируемой с археологическими находками, костей таких видов, как носорог, бизон, овцебык, позволяет предположить, что в данном случае мы, скорее всего, имеем дело с тем или иным механизмом привнесения в комплекс не соответствующих ему по возрасту находок (естественным, в результате перетолжения, или же искусственным, связанным с собирательской деятельностью древнего человека), что подтверждается новыми радиоуглеродными датировками.

Сведения об условиях залегания комплекса археологических находок из Берелеха недостаточны для однозначного решения вопросов об их истинности, а также о хронологической гомогенности и возрасте как таковом. Даты по костям мамонта определяют, очевидно, время формирования костяца.

В археологическом отношении стоянка Берелех принадлежит, скорее всего, к позднему (поздне-/после сартанскому?) этапу местной линии развития верхнепалеолитической культурной традиции, истоки которой восходят к памятникам типа Янской стоянки. Ранний (позднесартанский) этап ее по справедливости должен быть назван янской культурой (Питулько 2006).

Истоки ее неясны, но очевидно, что она предшествует дюктайской на значительной части Северо-Востока Азии, а в северной части этого региона продолжает существовать и после распространения в сартанском криохроме дюктайских памятников, появляющихся вследствие продвижения к северу носителей селенджинской культуры (Деревянко и др. 1998). Достоверной областью их распространения на данном этапе являются районы Южной и Центральной Якутии.

Вероятно, с данной миграцией следует связывать проникновение на Северо-Восток Азии первого мощного потока монголоидного населения, соответствующее по времени сартанскому криохрому. Первопричиной данного события могли стать резкие негативные изменения природных условий в областях, лежащих далеко к югу, вызванные общим усилением континентальности климата в сартанское время, прежде всего усилением аридизации в глубоких континентальных

районах Северной Азии, соответствующей перестройкой ландшафтов, изменением их биологической продуктивности и пространственным перераспределением охотничьих видов.*

* Работа выполнена в рамках проекта «Янские степняки: культурное разнообразие, расселение и адаптации верхнепалеолитического населения Северо-Востока Азии» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Абрамова 1989 — Абрамова З. А. Палеолит Северной Азии // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л., 1989. С. 145—255.

Андерсон, Ложкин 2002 — Anderson P. M., Loshkin A. V. (ред.). Позднечетвертичные растительность и климаты Сибири и Российского Дальнего Востока (палеоэкологические и радиоуглеродная база данных). Магадан, 2002.

Арсланов и др. 1980 — Арсланов Х. А., Верещагин Н. К., Лядов В. В., Украинцева В. В. О хронологии каргинского межледникового и реконструкции ландшафтов Сибири по исследованию трупов мамонтов и их «спутников» // Геохронология четвертичного периода. М., 1980. С. 208—212.

Барышников и др. 1977 — Барышников Г. Ф., Кузьмина Н. Е., Хребрий В. М. Результаты измерений трубчатых костей мамонтов Берелехового «кладбища» // Труды ЗИН. 1977. Т. 72. С. 58—66.

Верещагин 1977 — Верещагин Н. К. Берелеховое «кладбище» мамонтов // Там же. С. 5—50.

Верещагин, Мочанов 1972 — Верещагин Н. К., Мочанов Ю. А. Самые северные в мире следы верхнего палеолита // СА. 1972. № 3. С. 332—336.

Верещагин, Украинцева 1985 — Верещагин Н. К., Украинцева В. В. Происхождение и стратиграфия берелехового «кладбища» мамонтов // Труды ЗИН. 1985. Т. 131. С. 104—113.

Григорьев 1957 — Григорьев Н. Ф. Находки мамонта. Обзор поступивших в редакцию материалов // Природа. 1957. № 5. С. 104—106.

Деревяко и др. 1998 — Деревяко А. П., Волков П. В., Ли Хондэсон. Селемджинская позднелесопитическая культура. Новосибирск, 1998.

Жережева 1977 — Жережева И. Е. Описание и измерения зубов мамонтов Берелеха // Труды ЗИН. 1977. Т. 72. С. 50—57.

Катаонов 1979 — Катаонов Е. М. (ред.). Строение и абсолютная геохронология аляских отложений Центральной Якутии. Новосибирск, 1979.

Кашин 2003 — Кашин В. А. Палеолит Северо-Восточной Азии. История и итоги исследований. 1940—1980 гг. Новосибирск, 2003.

Лавров, Сулержицкий 1992 — Лавров А. В., Сулержицкий Л. Д. Мамонты: радиоуглеродные данные о времени существования // Веконы динамика биогеоценозов (Десятые чтения памяти В. Н. Сукачева), М., 1992. С. 36—52.

Лазарев 2002 — Лазарев П. А. Казвотр мезотонахонский фауны млекопитающих позднего кайнозоя Якутии. Новосибирск, 2002.

Лазарев, Томская 1987 — Лазарев П. А., Томская А. И. Млекопитающие и биогеография позднего кайнозоя Северной Якутии. Якутск, 1987.

Лисицын 2000 — Лисицын Н. Ф. Поздний палеолит Чулыма-Енисейского междуречья. СПб., 2000.

Ложкин 1977 — Ложкин В. А. Условия обитания берелеховской популяции мамонтов // Труды ЗИН. 1977. Т. 72. С. 67—68.

Медведев, Воронова 1977 — Медведев Л. П., Воронова Н. В. Клеооптерологический анализ геологических разрезов мамонтовых «кладбищ» Северной Якутии // Там же. С. 72—76.

Мочанов 1974 — Мочанов Ю. А. Отчет о работе Приленской археологической экспедиции ЯФ СО АН СССР за 1974 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 5882.

Мочанов 1977 — Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977.

Мочанов и др. 1991 — Мочанов Ю. А., Федосеева С. А., Константинов И. В., Антипина Н. В., Арзумов В. Г. Археологические памятники Якутии. Бассейны Вилюк, Анабара и Оленёк. М., 1991.

Никольский и др. 2008 — Никольский П. А., Васильев А. Э., Сулержицкий Л. Д. Алчачгий-Алланка — новое «кладбище» мамонтов в низовьях р. Индигирки (Русская Арктика). 2008 (в печати).

Питкулько 2006 — Питкулько В. В. Культурная хронология каменного века Северо-Востока Азии // II Северный Археологический Конгресс. Доклады. 24—26 сентября 2006 г. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2006. С. 306—321.

Слободин 1999 — Слободин С. Б. Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан, 1999.

Сулержицкий, Романенко 1997 — Сулержицкий Л. Д., Романенко Ф. А. Возраст и расселение «мамонтовой» фауны азиатского Заполярья // Криосфера Земли. 1997. № 4. С. 12—19.

Федосеева 1980 — Федосеева С. А. Бимьяхтаская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1980.

Федосеева 1992 — Федосеева С. А. Диринг-Юряхский могильник. Типология каменного погребального инвентаря и место памятника в древней истории Северо-Восточной Азии // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск, 1992. С. 84—105.

Цейтлин 1979 — Цейтлин С. М. Геология палеолита Северной Азии. М., 1979.

Kuznetsova et al. 2001 — Kuznetsova T. V., Sulerzhitsky L. D., Siebert C., Schirmer L. New Data on the «Mammoth» Fauna of the Laptev Shelf Land (Arctic Siberia) // La Terra degli Elefanti: The World of Elephants. Proceedings of the First Intl. Congress. Rome, 16—20 October 2001. Rome, 2001. P. 289—292.

McPhee et al. 2002 — McPhee R. D. E., Tikhonov A. N., Mol D., de Marliave Ch., van der Plicht H., Greenwood A., Flemming C., Agenbroad L. Radiocarbon Chronologies and Extinction Dynamics of the Late Quaternary Mammalian Megafauna of the Taimyr Peninsula, Russian Federation // Journal of Archaeological Science. 2002. Vol. 29. P. 1017—1042.

Mochanov, Fedoseeva 1996 — Mochanov Y. A., Fedoseeva S. A. Berelekh, Ailakhovsk Region // West F. H. (ed.). American Beginnings. Chicago, 1996. P. 218—222.

Pitulko et al. 2004 — Pitulko V. V., Nikolsky P. A., Giryay E. Ya., Basilyan A. E., Tumskoy V. E., Koulakov S. A., Astakhov S. N., Pavlova E. Yu., Anisimov M. A. The Yana RHS Site: Humans in the Arctic Before the Last Glaciation // Science. 2004. Vol. 303. No. 5654. P. 52—56.

Vasilchuk et al. 1997 — Vasilchuk Y., Panina J.-M., Vasilchuk A. Ages of Mammoths in Northern Eurasia: Implications for Population Development and the Late Quaternary Environment // Radiocarbon. 1997. Vol. 39. No. 1. P. 1—18.

СТРУКТУРА ПОСЕЛЕНИЙ МЕЗОЛИТА — РАННЕГО МЕТАЛЛА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ (БАССЕЙН СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ)¹

И. В. ВЕРЕЦАГИНА

По мере увеличения источниковедческой базы по различным периодам древней истории на европейском Севере России исследователи стали уделять больше внимания анализу поселений, рассматривая их не просто как источники материалов той или иной эпохи, а как целостные системы, важные для изучения древних обществ. Классификация поселений на основе анализа их планиграфии, структуры и взаимоотношения различных объектов (жилищ, очагов, хозяйственных и культовых сооружений и т. д.) при сопутствующем анализе инвентаря позволяет более объективно определить их культурную принадлежность, проследить динамику развития во времени и, в конечном счете, ставить и решать вопросы реконструкции хозяйственной деятельности, образа жизни и социальной структуры древнего населения. Попытки таких реконструкций с различным территориальным и хронологическим охватом неоднократно предпринимались исследователями Северного Приуралья (Стоколос 1979; 1986; 1988; Буров 1993; Косинская 1987; 1990; 1993). Задачей данной статьи является анализ и классификация памятников эпохи мезолита — раннего металла, исследованных под руководством автора в бассейне Северной Двины. Вопросы социальных реконструкций в работе не рассматриваются.

Число археологических памятников, относящихся к разным эпохам, в регионе достаточно велико, но далеко не все они могут быть использованы для решения поставленной задачи. Многие из них являются местами неоднократного обитания в различные периоды с нерасчлененным стратиграфически и планиграфически культурным слоем. В таких случаях, как правило, не удается получить сведения о характере поселений той или иной эпохи, или же эти сведения слишком фрагментарны. Некоторые памятники недостаточно полно исследованы раскопками. Кроме того, следует иметь в виду, что даже отвечающие всем условиям источники являются обедненными, так как в силу залегания в песчаных отложениях с кислой средой не сохранились предметы из органических материалов, фаунистические остатки и постройки, а трасологический анализ каменного инвентаря не проводился. Поэтому в настоящее время вряд ли возможно восстановление полной картины хозяйственной деятельности населения. Анализируя такие показатели, как площадь поселений, характер и размеры жилых и прочих сооружений, насыщенность слоя культурными остатками, их количество, орудийный набор и характер распределения по площади поселения, можно лишь примерно составить представление о длительности существования поселения, характере промысловой деятельности и весьма приблизительной численности населения. В работе использованы только однослойные памятники с чистыми комплексами инвентаря.

¹ Публикация статьи подготовлена Л. Г. Шаяхметовой.

Мезолит

На европейском Северо-Востоке известно более 130 памятников с материалами мезолитического облика, но лишь немногие из них (не более 50) содержат материалы только этой эпохи. Большая часть коллекций получена путем сборов с поверхности, при этом отсутствует должная планиграфическая документация.

В топографии мезолитических памятников много общего. Большинство стоянок² расположено на приустьевых участках борозных террас высотой от 5 до 25 м над межениным уровнем водоемов. На Северной Двине выявлена группа стоянок, расположенных вдоль края верховых болот на значительном удалении от берега реки. В последнее время на верхней Вычегде открыты и исследуются стоянки в пойменных старичных отложениях — Парч 1, 2, 3 (Волокитин 1986). Мезолитические материалы встречаются и на многослойных памятниках водораздельных озер.

Анализируя площади стоянок, характер распределения материалов, его количество и состав, можно выделить следующие группы памятников.

К первой, самой многочисленной группе относятся стоянки с локализацией материала на очень небольшой площади — от 1 до 5 м². Остатки жилых построек и очагов не зафиксированы. Количество находок не превышает 200. Обычно это несколько орудий, иногда встречаются нуклеусы или их обломки и небольшое число отщепов и сколов. На Северной Двине к этой группе можно отнести стоянки Филичаевская 1, 4; Приозерный 5; Сойга 6; Чашовица; стоянки у болот — Черная речка 3, 4, 5; Приозерный 4; Осиново и другие; на Вычегде — Пожег, Палевица 2, Аныб 1, Озыг 4, Ыджид-ты; в бассейне Печоры — Мартюшевская 3, Зареченская, Тибью, Зыбун-нюр 2 и другие, а также подавляющее большинство стоянок в Большеземельской и Малоземельской тундрах, на реках Колве, Колве-Вис, Сандибей-ю, Адзьве.

Это кратковременные промысловые стоянки теплого периода, на которых производился частичный ремонт и пополнение орудийного инвентаря.

Вторую группу составляют памятники, отличающиеся от предыдущих большей площадью (но не более 50 м²), заметно большим количеством инвентаря (от нескольких сотен до нескольких тысяч предметов), четкой локализацией материалов в виде округлых или овальных пятен диаметром от 3 до 6—7 м. За пределами этих скоплений находки редки. В центре некоторых из них выявлены очаги, которые в ряде случаев фиксировались только по наличию мелких обломков кальцинированных косточек, костной крошке и обожженному кремню. Характер залегания материалов, наличие очагов позволяют предполагать существование легких наземных жилищ типа чумов.

Основную часть инвентаря составляют пластины и их обломки, сечения-вкладыши, использованные чаще всего без преднамеренной обработки, много резцов на углу пластин. Редко встречаются накопечники стрел, проколки, долотца, рубящие орудия. Отходов производства орудий много, но они, как правило, мелкие или средних размеров. Запасы кремневого сырья отсутствуют, как и нуклеусы в начальной стадии их использования. Последние обычно сработаны до очень малых размеров.

² По отношению к мезолитическим памятникам, учитывая их небольшие площади и кратковременный характер обитания, используется термин «стоянка», а не «поселение».

На Северной Двине наиболее показательными для этой группы являются стоянки Филичаевская 2, 3, 5 (Верещагина 1977а; 1996). На Вычегде к ней можно отнести, по всей вероятности, стоянки Курьядор и Пезмог, точнее, отдельные скопления материалов на этих стоянках (Буров 1961). В бассейне Печоры более показательны в этом отношении Турун-нюр I (Лузгин 1972), Адак 2 (Канивец 1973) и, с определенной долей допуска, стоянки Петрушинская, Мартюшевская 4, Колванис 14, Адзьва 13, 42 (Канивец 1965; Чернов 1962).

Стоянки второй группы, по всей вероятности, можно отнести к числу сезонных промысловых охотничьих стоянок. Время их существования определяется в пределах теплого периода. В ряде случаев, очевидно, это время можно уточнить. На указанных северодвинских стоянках обращает на себя внимание почти полное отсутствие скребков, в отличие, например, от стоянки Турун-нюр I, где при большом сходстве остальной индустрии хорошо представлены и скребки различных типов, в том числе и на отщепках. Вряд ли эти различия можно объяснить причинами культурного плана. Объяснения этому факту скорее кроются в различных объектах охоты, а следовательно, в различных хозяйственно-бытовых операциях, связанных с переработкой продуктов охоты. Основным объектом охоты обитателей северодвинских стоянок была, видимо, боровая и водоплавающая дичь. Не противоречит этому и природное окружение — основные боры с обилием верховых болот, а также многочисленные пойменные озера. В очажном заполнении отсутствуют обломки крупных костей. Кроме того, при исследовании периферии стоянки Филичаевская 2 были выявлены три скопления мелких отсортированных галечек. Такие же гальки неоднократно встречались при просеивании культурного слоя на стоянке Филичаевская 3, хотя в литологическом слое, мелкозернистом песке, такие гальки не встречаются. Вместе с тем они очень напоминают содержимое желудочков тетеревиных. Если допустить, что наше предположение верно, то более вероятным временем обитания на северодвинских стоянках был летне-осенний период.

К третьей группе можно отнести стоянки, площадь которых достигает нескольких сотен квадратных метров. На фоне более или менее равномерного распространения материалов по всей площади стоянок отмечались и скопления, связанные с очагами или предполагаемыми легкими жилищами, местами расщепления кремня и производства орудий, хозяйственные ямки. Каменный инвентарь их характеризуется большим разнообразием как в группе отходов, так и в орудийном наборе.

На Северной Двине такие памятники пока неизвестны. На нижней Вычегде к их числу отнесены стоянки Ярега и Ветью II (Косинская 1993: 56), на верхней Вычегде — Кузьвомы, Ульяново (Буров 1967: 196), в Большеземельской тундре — Сандибей-ю I (Чернов 1978; Верещагина 1973).

Это также сезонные стоянки теплого периода обитания, которые отличаются от памятников второй группы более продолжительным функционированием и большим разнообразием хозяйственно-бытовой деятельности.

К четвертой группе относятся стоянки с остатками углубленных жилищ. Жилища имеют овальную или прямоугольную форму и площадь от 10 до 30 м². Основная часть материалов сосредоточена в пределах жилищ, и лишь незначительное количество пахонок встречено в непосредственной близости от них. На Северной Двине памятники этой группы пока не найдены. На Вычегде к ней можно отнести

стоянки Чертае II (Логинова 1985: 19—29) и Ветью II (Косинская 1993: 41—58), на Печоре — Топыл-нюр V, VIIa (Канивец 1973; Волокитин 1987). Памятники этого типа можно отнести к числу сезонных промысловых стоянок зимнего периода.

Предложенная систематизация мезолитических памятников во многом условна и, возможно, является слишком дробной, но она отражает состояние изученности этого обширного региона в настоящее время. Не исключено, что будут найдены стоянки, сочетающие признаки памятников третьей и четвертой групп, т. е. базовые, длительного обитания, функционировавшие как в теплый, так и в холодный периоды. Примером такого памятника является Колупаевская в бассейне Сухомы, где выявлены два горизонта обитания, представляющие собой стоянки сравнительно большой площади с углубленными жилищами, очагами и хозяйственными ямами, расположенными как в жилищах, так и за их пределами, а также с разнообразным каменным инвентарем (Ошибкина 1983: 13—74). Обнаружение такого рода стоянок на Северо-Востоке европейской части России представляется более вероятным не на крупных реках, а на их притоках и, возможно, в иных топографических условиях.

На основе аналогий и немногочисленных пока радиоуглеродных дат рассмотренные мезолитические памятники можно отнести к периоду позднего мезолита в пределах VII—V тыс. до н. э. Намечались некоторые предположительные тенденции развития индустрии во времени (Верещагина 1990). В культурном отношении они мало отличаются друг от друга. При современном состоянии изученности территории представляется преждевременным выделение отдельных культур, хотя попытки такого рода имеются (Буров 1986). Различные особенности культурного плана только намечаются, проявляясь в характере расщепления кремня, обработке орудий и конкретных их типах. Пользоваться такими общепринятыми критериями, как индекс пластинчатости, соотношение различных категорий орудий, в том числе на различных типах заготовок, при культурной интерпретации памятников нужно весьма осторожно и при неизменном условии — учете особенностей самих стоянок. В противном случае можно прийти к неправильным выводам культурного плана.

Неолит

Памятники неолитической эпохи в бассейне Северной Двины пока еще немногочисленны. Они представляют две культурные традиции. К первой группе относятся стоянки черноторского типа (черноторской культуры, по Г. М. Бурову) с ямчато-гребенчато-накольчатой керамикой и пластинчато-отщеповым характером каменного инвентаря. Сюда можно отнести стоянку Прилуцкая и почти полностью разрушенную стоянку Вонгода I (Верещагина 1977б), расположенные на высоких бортовых речных террасах. Площадь стоянки Прилуцкая, которая в настоящее время исследована полностью, — около 250 м². Здесь выявлены два слабонасыщенных кострища, а несколько в стороне от основной зоны обитания — очаг, выложенный из камней. Он имел кольцевую структуру с устьем, обращенным в противоположную от берега сторону, и, возможно, перекрытие, так как кольцевая кладка выявилась только после снятия множества более мелких обожженных камней. Внутри кольца фиксировалась мощная углистая прослойка,

а поверх и между камнями встречались в большом количестве кальцинированные кости. Такие же кости повсеместно встречались и на остальной части поселения в виде скоплений различной насыщенности или разрозненно. По определению Н. М. Ермоловой, они принадлежали на 3/4 северному оленю и на 1/4 — лосю. На стоянке предполагается существование как минимум двух построек легкого наземного типа, хотя форма и размеры их четко не фиксируются. По всей вероятности, памятник относится к числу сезонных промысловых стоянок теплого периода.

Вторую группу неолитических памятников составляют поселения с ямочно-гребенчатой керамикой льяловского облика и отщеповым характером кремневого инвентаря. Топография их существенно отличается. Все поселения такого типа найдены пока только на проточных или водораздельных озерах и расположены на низких, в ряде случаев подтопляемых террасах в непосредственной близости от водоема. Материалы получены в основном с многослойных нестратифицированных памятников, поэтому сведения о характере поселений очень фрагментарны. Можно лишь отметить, что среди них встречаются как поселения большой площади с мощным культурным слоем и большим количеством керамического материала, так и кратковременные стоянки небольшой площади. Первые из них свидетельствуют об относительно продолжительном оседлом обитании. Жилища на поселениях пока не выявлены. Можно лишь предположить их существование, обращаясь к родственным культурам с ямочно-гребенчатой керамикой западных территорий Каргополя и Карелии, где на поселениях известны жилища как наземного типа овальной или подчетырехугольной формы небольших размеров, так и углубленные прямоугольные, среди которых предполагаются жилища срубной конструкции (Ошибкина 1978: 42—44, 61—62; Лобанова 1988: 50—66).

Причины столь существенных различий между этими двумя группами памятников кроются, скорее всего, в различном соотношении охоты и рыболовства в хозяйственной деятельности населения. Роль рыболовства в хозяйстве населения с ямочно-гребенчатой керамикой, очевидно, была значительно больше, что и объясняет обитание коллективов преимущественно на водораздельных озерах, где этот вид промысла был более продуктивным.

К востоку от северодвинского бассейна в северном Приуралье этнокультурная ситуация в неолитическую эпоху выглядит значительно более сложной (Буров 1986; Верещагина 1989). Здесь представлены памятники с преобладанием традиций ямочно-гребенчатой, гребенчатой камского типа и гребенчато-ямочной гибридной керамики. Топография и характер поселений с ямочно-гребенчатой керамикой близки северодвинским. Сведения о жилищах пока отсутствуют. Две другие группы поселений располагаются на более высоких террасах и характеризуются наземными и полуземляночными жилищами прямоугольной формы. Некоторые из них имели каркасно-столбовую конструкцию, но не исключается наличие и срубных жилищ. Такого же типа жилища выявлены на памятниках с ямочно-накольчатой керамикой Черноборской группы (Стоколос 1988: 82). Поселения этой территории в достаточной мере проанализированы Л. Л. Косинской (1993). С подавляющим большинством выводов относительно их типа можно согласиться.

Эпоха раннего металла

Характер поселений и приемы домостроительства сохраняются в эпоху энеолита и ранней бронзы, становясь более устойчивыми.

На европейском Северо-Востоке достаточно много памятников, относящихся к различным культурам раннего периода эпохи бронзы, в том числе и поселений с остатками жилых построек наземного или полуземляночного типа различной формы и целым рядом других объектов хозяйственно-бытового назначения. Они достаточно полно опубликованы и проанализированы с точки зрения структуры домостроительства, хозяйственной деятельности и социальной организации оставившего их населения (Лузгин 1972; Стоколос 1986; 1987; 1989; Косинская 1987; 1990; 1993; Буров 1993). Материалы поселений этого периода, исследованные на Северной Двине (Верещагина 1987), до сих пор не введены в научный оборот. К числу памятников, которые хорошо сохранились и достаточно полно исследованы раскопками, можно отнести пять поселений, открытых на левобережье среднего течения Северной Двины — Приозерный 1, Сойга 5, Черная речка 1, Юмиж 1, Талта-речка (табл. 1).

Топография поселений почти стандартна. Они располагаются у края боровой террасы высотой 5—7 м или на некотором удалении от него, в непосредственной близости от небольшой речки или ручья. Лишь поселение Юмиж 1 находилось на более высоком (около 20 м) останце боровой террасы.

Стратиграфия за пределами основной зоны обитания типична для боровых террас, а на площади поселения обусловлена характером построек и хозяйственных объектов.

На всех поселениях, площадь которых колеблется в пределах 250—400 м², выявлены остатки одного жилища, ориентированного во всех случаях параллельно берегу Северной Двины. Жилища имели удлиненно-прямоугольную форму и площадь от 33,8 до 63,3 м² (табл. 1). Контуры пола во всех случаях фиксировались довольно четко по более темному углисто-охристому заполнению или распространению находок. Все жилища относятся к типу полуземлянок. При их сооружении вырывался котлован, глубина которого, зафиксированная от древней поверхности, погребенной под выбросом (валом), до нижней границы заполнения пола, составляла 0,4—0,5 м на поселениях Сойга 5, Приозерный 1 и Талта-речка и 0,8—1,1 м на поселениях Черная речка 1 и Юмиж 1. Учитывая четкие контуры пола, а также отсутствие системы ямок от столбов вдоль стен внутри и снаружи, можно предположить бревенчатую конструкцию стен, т. е. срубный характер жилищ. Правда, остается открытым вопрос о способе крепления бревен венца: или посредством врубок, или бревна прижимались к песчаным стенкам с помощью нескольких кольев. Единичные ямки от кольев иногда отмечались, но чаще всего они фиксировались около входов-выходов. Наличие венца из бревен в какой-то мере подтверждается полосой ожелезнения, которая прослеживалась за границами пола, окаймляя его (рис. 1). Ожелезнение часто встречалось в жилищах, но, как правило, в центральной части или в выходах, и никогда не отмечалось около стен. Полоса ожелезнения могла образоваться под каким-то настилом, которым и мог быть венец из бревен. В ряде случаев — Черная речка 1 (рис. 1, II), Талта-речка — вдоль предполагаемых стен были зафиксированы бесформенные участки древесного тлена или углистые полосы. Ямки от столбов более крупного диаметра

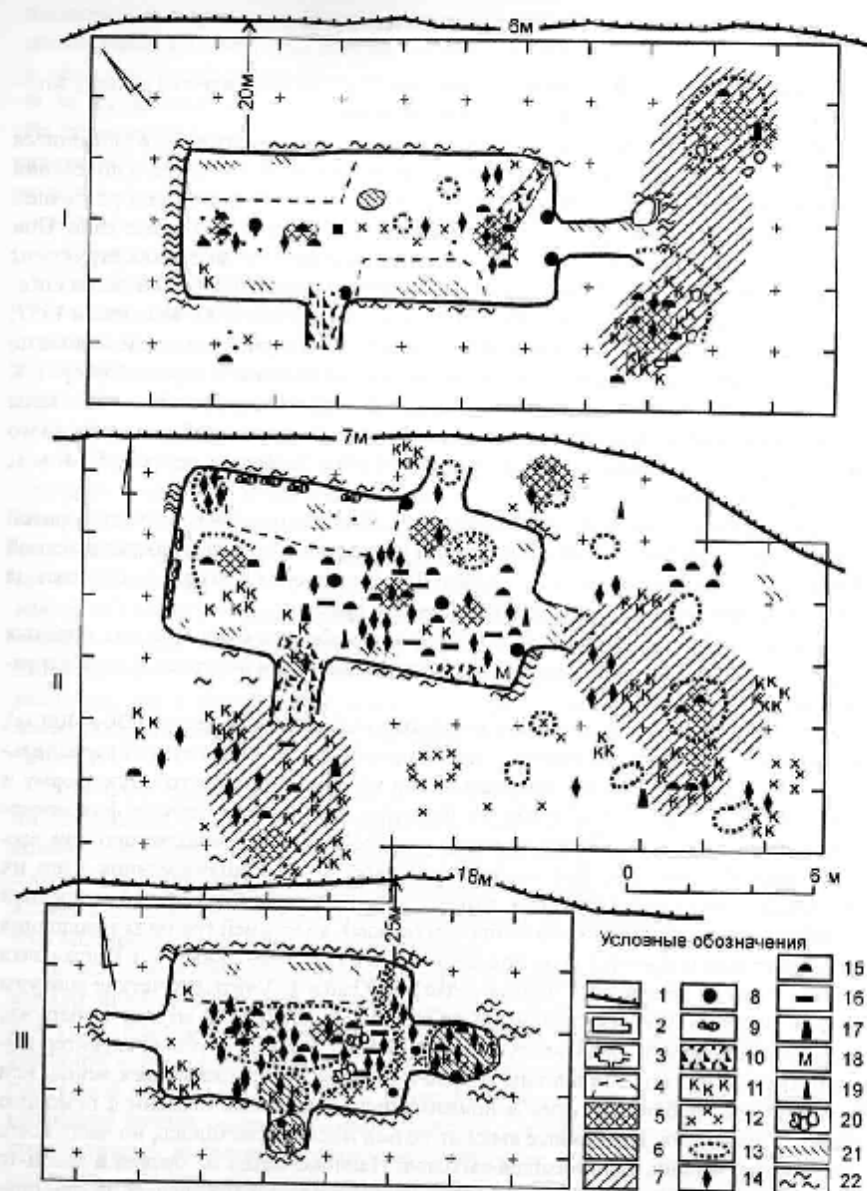

Рис. 1. Планы поселений эпохи ранней бронзы: I — Приозерный 1; II — Черная речка 2; III — Южик 1.

Условные обозначения: 1 — кромка террасы; 2 — очертания раскопа; 3 — контуры жилища; 4 — возвышенные участки в жилищах; 5 — очаги; 6 — хозяйственные ямы; 7 — участки золито-гумусированного слоя; 8 — ямки от столов; 9 — древесный тлен; 10 — мелкие угли; 11 — фрагменты керамики; 12 — крупные обломки и скалы, кремневые конкреции; 13 — отщепы, чешуйки и осколки кремня; 14 — наконечники: стрел и дротиков; 15 — скребки; 16 — ножи; 17 — рубящие орудия; 18 — изделия из меди; 19 — проколки; 20 — камни; 21 — охристые пятна; 22 — участки ожелезнения

(до 10 см) в некоторых жилищах были выявлены по продольной оси построек. Это имело место только в тех случаях, когда отсутствовало ожелезнение, что может в какой-то мере свидетельствовать о двускатном характере перекрытия. Жилища имели чаще два, а иногда и три входа-выхода (табл. 1), расположенных посередине торцовой или боковой (в различных сочетаниях) стен и представлявших собой коридорообразные выступы длиной от 1 до 2 м и шириной от 0,8 до 1,5 м (рис. 1). В большинстве случаев они имели горизонтальное простирание на уровне пола и заканчивались ступенькой в виде плоского широкого камня (Приозерный 1) или настила, под которым сформировалось ожелезнение (рис. 1, Л). Иногда (Черная речка 1) выходы плавно поднимались от пола к поверхности.

Во всех жилищах выявлены два или три очага (табл. 1), расположенные по продольной оси помещения и представлявшие собой линзы коричневого-бурой супеси диаметром около 1 м. В ряде случаев напротив боковых входов зафиксированы небольшие пятна с углито-зольным заполнением небольшой мощности. Эти кострища, очевидно, имели другое назначение и служили для дополнительного обогрева или были кострами-дымовухами. Во всех жилищах зафиксированы участки, более высокие по отношению к остальной части пола (рис. 1). Чаще всего они располагались вдоль глухой стены, обращенной к реке, а иногда — около обеих продольных стен. Находки на этих участках почти отсутствовали, иногда отмечались охристые прослойки. Скорее всего, их можно интерпретировать как нары.

Жилища заметно различаются по характеру и мощности заполнения пола. Тем не менее во всех случаях в центральной части помещения около очагов отмечалась наибольшая мощность и насыщенность культурного слоя. На остальной площади материалы распределялись или равномерно, или скоплениями, которые были связаны с расщеплением кремня и изготовлением орудий. Такого рода скопления помимо центральной части встречались чаще всего поблизости от выхода. Хозяйственные ямы располагались около бокового выхода или в нем. По мере увеличения мощности культурного слоя в жилищах поселения располагаются в следующем порядке: Приозерный 1, Талга-речка, Сойга 5, Черная речка 1, Южик 1. Таким образом, самым слабонасыщенным является пол жилища Приозерного, а самым мощным — культурный слой жилища Южик 1 (рис. 1, III), хотя площадь последнего самая маленькая. Наиболее мощным культурный слой был в центральной и восточной частях помещения. Здесь около стенок и в углах жилища были выявлены огромные скопления кремневого инвентаря, главным образом отходов различного характера: от кремневых конкреций и нуклеусов в различной стадии сработанности, отщепов и сколов различной величины до заготовок орудий и их обломков. В жилище выявлены три хозяйственные ямы с заполнением, напоминающим очажное. Две из них были расположены в восточном торцовом и боковом выходах. Глубина первой составляла более 0,5 м. Культурный слой поверх ямы мощностью 0,2 м заполнял практически всю площадь выхода. Вторая яма была менее глубокой и не перекрывалась культурным слоем. Третья яма выявлена уже после разборки заполнения пола жилища. Она находилась около бокового выхода и была пересыпана чистым песком, который фиксировался на некотором расстоянии вдоль стенки. Поверх этой подсыпки отложился новый культурный слой. Один из очагов, расположенный напротив восточного выхода, фиксировался на большей глубине по сравнению со вторым очагом. Поверх него отложился культур-

ный слой мощностью около 0,1 м. По всей вероятности, очаги функционировали не одновременно.

Наличие стерильной прослойки, одновременность очагов позволяют предполагать, как минимум, двукратное использование этого жилища. В связи с этим важно рассмотреть вопрос о трех входах-выходах с точки зрения их целесообразности при относительно небольшой площади жилища. По всей вероятности, первоначально использовались по прямому назначению лишь два входа — восточный торцовый и боковой. В это же время функционировали очаг напротив торцового входа и яма около бокового входа. Во второй период обитания восточный вход был перекрыт, в нем сооружена хозяйственная яма, произведена частичная подчистка пола, в частности, засыпана хозяйственная яма около бокового входа. В это время функционировали западный торцовый вход, в котором не обнаружено никаких отходов, и второй очаг.

При исследовании территории поселений за пределами жилищ также выявлены существенные различия. На поселении Юмиж 1 (рис. 1, III) вне жилища не было обнаружено никаких объектов и даже артефактов, за исключением нескольких мелких отщепов напротив бокового входа. Малочисленными были находки около жилища на поселении Сойга 5. На остальных поселениях за пределами жилищ были выявлены очаги и получено много разнообразных материалов. В тех случаях, когда очаги и скопления материала располагались в непосредственной близости от входа (очаг напротив бокового входа на поселении Черная речка 1 — рис. 1, II; два очага с материалами по обе стороны от торцового входа на поселении Приозерный 1), есть основания предполагать существование пристроек наземного характера или навесов, непосредственно связанных с жилищем. На этих поселениях очаги и скопления инвентаря выявлены и на значительном расстоянии от жилищ. В ряде случаев, в зависимости от локализации материалов, можно предполагать существование самостоятельных легких построек хозяйственного назначения (Черная речка 1, Талта-речка). Самым насыщенным выглядел культурный слой за пределами жилища на поселении Черная речка 1 (рис. 1, II), где почти по всей территории вокруг жилища встречались скопления керамики, а также участки, где производилось расщепление кремня и изготовление орудий.

Подводя итоги анализа поселений эпохи бронзы, следует отметить, что, несмотря на многие черты сходства в топографии поселений, планировке, конструкции жилых сооружений, составе инвентаря, выявляются и некоторые различия. Они заключаются в деталях конструкции и интерьера жилищ, наличии или отсутствии других хозяйственных объектов, характере распределения материалов в жилищах и за их пределами, мощности культурного слоя и количестве инвентаря. Эти различия находят свое объяснение в разносезонности и в различной продолжительности функционирования поселений. Так, поселение Черная речка 1 представляется памятником круглогодичного обитания. Поселения Приозерный 1 и Талта-речка, учитывая, с одной стороны, углубленный характер жилищ, а с другой — наличие объектов и материалов за пределами жилищ, очевидно, функционировали как в зимний, так и в теплый период, но менее продолжительное время, чем Черная речка 1. Поселения Сойга 5 и Юмиж 1, по всей вероятности, были обитаемы только в зимнее время, о чем свидетельствует почти полное отсутствие объектов и материалов за пределами жилищ. Для поселения Юмиж 1 предполагается двукратное использование жилища.

Таблица 1

Характеристика поселений эпохи энеолита — ранней бронзы в бассейне Северной Двины

Поселение	Площадь поселения и раскопа	Размеры и площадь жилища	Количество входов/выходов	Количество очагов		Количество хозяйственных ям в жилище	Количество кремневого инвентаря и орудий (без челуек)			Количество сосудов		Характер поселения, продолжительность и время обитания
				в жилище	вне жилища		всего	в жилище	вне жилища	в жилище	вне жилища	
Приозерный 1	400 (288)	12 × 4,5 м (55,2 м ²)	2	3	2	1	1060 (198)	412 (110)	578 (88)	3	5	Сезонное промысловое, лето—зима
Сойга V	250 (156)	11,6 × 4,4 м (54 м ²)	2	2	—	1	4000 (175)	3080 (172)	20 (3)	3—4	1	Сезонное промысловое, зимнее
Юмиж 1	(112)	7,5 × 4,5 м (33,8 м ²)	3	2	—	3	5700 (750)	5700 (750)	—	5—6	—	Сезонное промысловое, зимнее, двукратного обитания
Талта-речка	300 (160)	13 × 4,6 м (59,8 м ²)	2	3	1	1	4125 (425)	2640 (374)	1485 (51)	3—4	2	Сезонное промысловое, лето—зима
Черная речка 1	400 (336)	11,5 × 5,5 м (63,3 м ²)	3	4	3	1	4398 (517)	2806 (335)	1592 (182)	7	12	Круглогодичное

Анализ орудийного набора, в котором на всех поселениях преобладают наконечники стрел и дротиков и многочисленные их заготовки, свидетельствует об основном занятии их обитателей — охоте. Основными объектами промысла, по всей вероятности, были северный олень и лось, а также боровая и водоплавающая дичь и пушная зверь. Природное окружение подтверждает это предположение: боры-беломошники, простирающиеся на многие десятки километров, со множеством верховых болот и озёр, широкая пойма, также изобилующая озерами.

Прямых доказательств занятия рыболовством и собирательством нет, но, учитывая те же природные богатства, эти виды промысла представляются очевидными.

Хозяйственно-бытовая деятельность включала переработку и обработку продуктов охоты и рыболовства, пополнение орудийного набора, изготовление керамики. Доказательством тому служит большое количество разнообразных ножей, скребков, проколов. Производство орудий осуществлялось в больших масштабах. На всех поселениях представлен полный цикл обработки кремня, которая осуществлялась как за пределами жилищ, так и в жилищах, либо же только в жилищах (в зависимости от времени обитания).

Типологический анализ керамики и каменного инвентаря также выявил существенные особенности, которые могут свидетельствовать о культурной принадлежности и направлении культурных связей. В этой работе эти данные не приводятся. Отметим лишь, что памятники принадлежат обширной общности культур эпохи неолита и ранней бронзы, носителей гребенчатой керамики. Время бытования их в эпоху раннего металла доказывается единичными медными предметами, каплями меди и обломками льячек, которые были найдены на трех из пяти поселений. Они датируются в пределах второй половины III—начала II тыс. до н. э. Этой датировке не противоречат и радиоуглеродные даты, полученные по углю из жилищ двух поселений: Юмюк 1 — 4220 ± 40 л. н. (ЛБ-2597), 4320 ± 40 л. н. (ЛБ-2599), 4530 ± 40 л. н. (ЛБ-2598), Черная речка 1 — 4370 ± 240 л. н. (ЛБ-4001), 4360 ± 370 л. н. (ЛБ-4002).

На Северной Двине известны и другие памятники подобного типа. Их материалы или не введены полностью в научный оборот, или эти памятники сильно разрушены: Кирокса (Буров 1990), Вонгода 3, Сужга (Верещагина 1973). Часто встречаются подобные материалы и на водораздельных озерах на нестратифицированных памятниках.

Эпоха бронзы в рассматриваемом регионе представлена и другими памятниками, которые датируются в пределах II тыс. до н. э., но однослойные поселения, площадь и структура которых поддаются оценке, пока неизвестны.

Железный век

Ранний железный век на европейском Севере, в том числе и на Северной Двине, представлен, пожалуй, самым большим числом памятников. Некоторые из них были открыты и частично исследованы много лет назад. По итогам первых исследований складывалось впечатление о небольшой их площади, сезонном и сравнительно непродолжительном обитании на них. Причиной такого ошибочного представления являлась прерывистость культурного слоя, т. е. не сплошное его распространение. Использование, наряду с шурфовкой, простого метода — зонди-

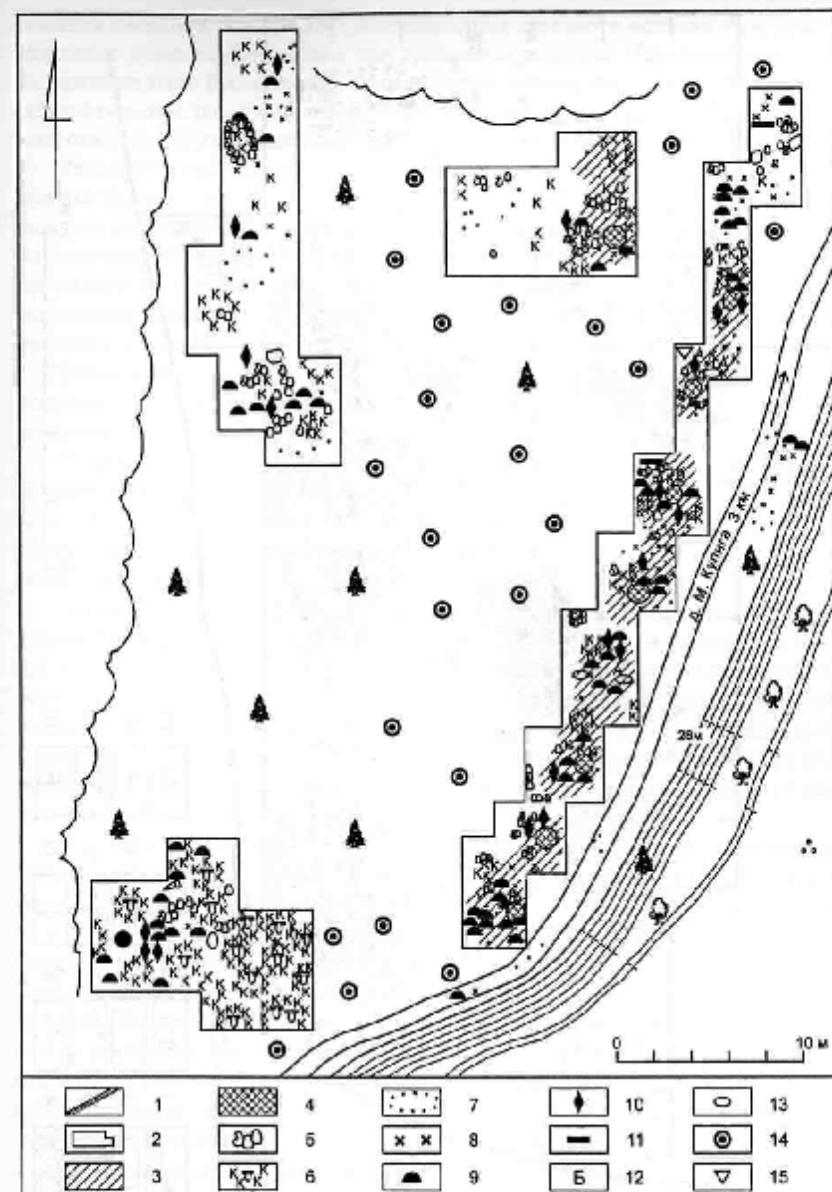

Рис. 2. План поселения Кулига 2.

Условные обозначения: 1 — склон террасы; 2 — очертания раскопов разных лет; 3 — участки с более темным гумусированным слоем; 4 — очаги; 5 — камни и их скопления; 6 — фрагменты керамики; 7 — отщепы, чешуйки, осколки; 8 — крупные обломки и сколы кремня; 9 — скребки; 10 — наконечники стрел; 11 — ножи; 12 — фрагменты бронзовых изделий; 13 — обломки тигельков; 14 — пункты, в которых зондированием выявлены артефакты; 15 — нуклеусы

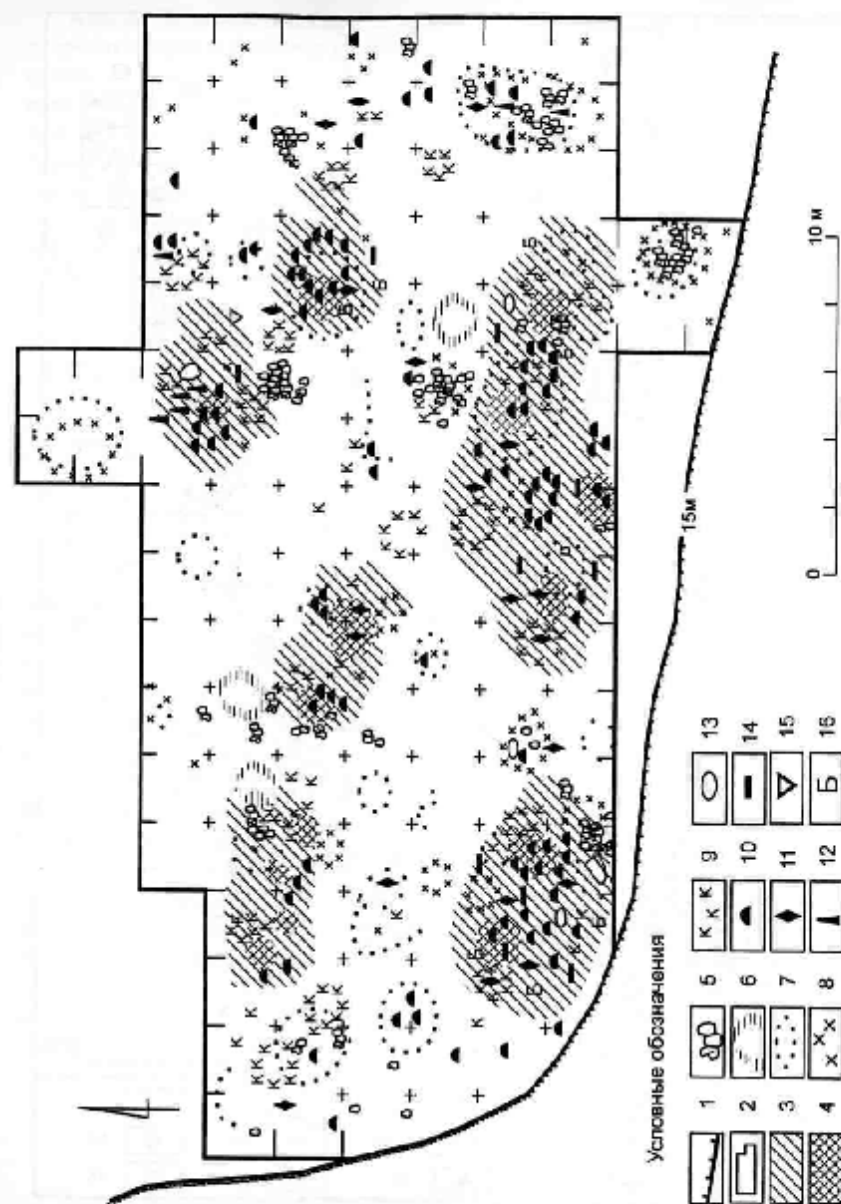

Рис. 3. План поселения Ноза 2.

Условные обозначения: 1 — кромка террасы; 2 — контуры раскопа; 3 — участки с более темным зольно-гумусированным слоем; 4 — очаги; 5 — скопления камней; 6 — линзы глины; 7 — отщепы; 8 — конкреции кремня, заготовки нуклеусов, крупные обломки; 9 — фрагменты керамики; 10 — скребки; 11 — наконечники стрел; 12 — проколки; 13 — обломки тигельков; 14 — заготовки орудий; 15 — нуклеусы; 16 — фрагменты бронзовых изделий

рования песчаных отложений с помощью приостренного металлического штыря, оказалось очень эффективным при выявлении площади поселений такого типа. Вследствие этого были произведены дополнительные исследования некоторых из ранее открытых памятников не столько для получения дополнительных материалов, сколько для уточнения их площади и структуры.

Речь идет о пяти поселениях, открытых в бассейне среднего течения Северной Двины: Кулига 2 (рис. 2), Пермогорье, Приозерный 2, Сойма 2, Ноза 2 (рис. 3). Материалы их частично введены в научный оборот (Верещагина, Ашихмина 1980). Анализ многочисленной керамики позволил уточнить их датировку и культурную принадлежность. Они относятся к обширному ареалу ананьинской общности западновожского и вятского локальных вариантов и датируются раннеананьинским временем в пределах VIII—VI вв. до н. э.

Топография памятников очень похожа. Поселения занимали ровные участки боровых речных террас, высотой от 6 до 26 м над уровнем водоема. Площади памятников от 1,5 до 4 тыс. м².

Основными объектами этих поселений являлись многочисленные очаги открытого типа, которые на большинстве памятников были расположены строго в один ряд параллельно краю террасы на одинаковом (3—4 м) расстоянии друг от друга. Количество их на поселениях различно (от 5 до 12), что в какой-то мере может быть следствием неполноты исследования.

Лишь на поселении Ноза 2 строгая планировка нарушена. Четыре очага из десяти были расположены по одной линии, но на большем расстоянии друг от друга, а остальные — за пределами этой линии. Это объясняется неоднократным обитанием на поселении, что подтверждается и другими данными. Отмечается различная сохранность очагов и других объектов, в частности, наблюдалось перекрытие одного очага околоочажным культурным слоем соседнего. Кроме того, в скоплениях кремня неоднократно встречались нуклеусы с негативами от сколов различной «свежести».

Очаги на поселениях, скорее всего, связаны с жилищами легкого наземного типа, но форму их пока точно установить не удалось. Выраженный более темной окрашенностью культурный слой был представлен в основном вокруг очагов, но он, как и распространение находок, не имел четких контуров. Иногда, правда, можно было наблюдать попарную связь очагов, особенно заметную на поселении Пермогорье и в ряде случаев отмечавшуюся на поселении Кулига 2 (рис. 2). Между этими очагами наблюдался сплошной окрашенный культурный слой, а один из очагов такой пары имел более мощное заполнение. Если допустить существование жилищ овальной или прямоугольной формы с двумя очагами, то невероятно малым представляется расстояние между ними. Столь же невероятным кажется существование одного большого длинного жилища. На поселении Кулига 2 (рис. 2) длина его должна была бы быть более 70 м (представить себе конструкцию такого жилища просто невозможно). Скорее всего, они были наземными переносными, типа чума. На поселении Ноза 2 в ряде случаев культурный слой вокруг очагов имел округло-овальные в плане очертания диаметром 3—4 м (рис. 3).

На всех памятниках повсеместно встречались обломки гранитных галек, обожженные и необожженные, залегавшие разрозненно или скоплениями. На поселении Ноза 2 (рис. 3) выявлены большие и компактные скопления камней различной величины (кучи). Камни были принесены, очевидно, с отелей р. Нозы. Запас их

создавался преднамеренно, чтобы использовать для различных хозяйственных нужд. Нередко встречались кольцевые кладки из камней, чаще всего около очагов, поверх и внутри которых залегали фрагменты одного сосуда. Возможно, что камни использовались для подогрева пищи или для придания устойчивости круглодонной посуде. Некоторые из них, подходящей формы, использовались как наковальни при расщеплении кремня. Кроме того, будучи предварительно прокаленными на огне, гранитные булыжники давали сырье (дресву) для добавления в качестве отощителя к глиняному тесту. Не исключено, что они использовались для обкладки жилищ по периметру и закрепления их перекрытия, но прямых доказательств этому пока не зафиксировано.

На всех поселениях найдено очень много керамики с гребенчато-пунуровым орнаментом, которая залегала скоплениями или разрозненно. Тот факт, что керамика изготавливалась на поселениях, доказывают запасы глины в виде расплывшихся линз. В юго-западной части поселения Кулига 2, на периферии основной территории обитания, был выявлен участок (раскопанная часть его более 70 м²), где кремневые и прочие предметы были единичными, а слой содержал компактные скопления фрагментов более чем 30 сосудов, расположенные одно возле другого (рис. 2). Кремневый инвентарь на всех поселениях очень разнообразный и многочисленный и насчитывает иногда более 10 тыс. единиц без учета чешуек и мелких осколков, которыми были буквально насыщены все очаги.

Создавались и постоянно пополнялись запасы кремневого сырья. Кремневые конкреции, нуклеусы в различной стадии использования, сколы и отщепы различных размеров встречались в виде скоплений чаще всего за пределами основной зоны обитания, но иногда и поблизости от очагов. На поселениях представлены все стадии расщепления камня и изготовления орудий. В центральной части поселений выявлены участки по изготовлению отдельных категорий орудий, в частности скребков. Скопления их, насчитывающие иногда несколько десятков, а также отщепы, отобранные для их изготовления, неоднократно встречались на всех поселениях.

Орудийный набор разнообразен. Преобладающими категориями являются наконечники стрел и дротиков, представленные чаще всего обломками, и скребки, разнообразные по размерам и форме, но характеризующиеся высокой степенью стандартизации в рамках одного типа. Часто встречались ножи, проколки, различные комбинированные орудия. Состав орудий говорит об охотничьем промысле и хозяйственно-бытовой деятельности, связанной с переработкой продуктов охоты. Большие площади поселений и относительная многочисленность коллективов, их оставивших, свидетельствуют о том, что, наряду с индивидуальными, по всей вероятности, использовались и другие способы охоты, которые носили коллективный характер и были более продуктивными. К числу их, возможно, относится покол оленей при переправах их через водные преграды во время массовых сезонных миграций.

Учитывая характер памятников и предполагаемый легкий переносной тип жилищ, казалось бы, можно интерпретировать их как охотничьи лагеря сравнительно продолжительного, в ряде случаев неоднократного обитания в течение всего теплого периода. Однако такой вывод представляется поспешным, так как неясным остается вопрос о характере и местонахождении зимних поселений. Памятники такого типа с аналогичной или очень похожей керамикой известны в большом

количестве на обширной территории европейского Севера от Урала до Восточной Карелии (Канивец 1974; Ашихмина 1985: 20—33; Косменко 1988: 98—120), но ни на одном из них не выявлены стационарные утепленные жилища. Возможно, ответ на этот вопрос кроется в социальной организации и образе жизни общин, которые могли, например, объединяться на сезон охоты, а с завершением его распадаться на более мелкие подразделения. Помимо крупных поселений известно большое количество небольших по площади памятников с такими же материалами, но и на них не выявлены стационарные жилища. Нельзя полностью исключить предположение, что в зимнее время население могло обитать на городищах более южной территории — в бассейне средней Волги, Вятки, Ветлуги, где встречены почти идентичные материалы. Однако более вероятной, на мой взгляд, все же представляется интерпретация этих памятников, или некоторых из них, как круглогодичных. В этой связи понятными становятся богатые запасы различного сырья, зафиксированные на большинстве памятников. Зимние жилища, очевидно, были такого же типа, что и летние, но имели утепленное перекрытие. Подтверждение этому предположению, возможно, удастся получить при более детальном анализе микростратиграфии и характера распределения материалов по площади поселений.

Заключение

Все рассмотренные разновременные группы памятников разнотипны. Говорить о генетической преемственности на данной территории в рамках столь большого временного периода пока не приходится в силу недостаточной ее изученности. Истоки культурных традиций следует искать, прежде всего, в Волго-Уральском регионе, а близкие аналоги — на территории Северного Приуралья.

Сопоставляя наши памятники с поселениями более западных территорий Архангельской, Вологодской областей и Восточной Карелии, можно отметить также многие общие черты и тенденции в развитии поселений и домостроительства, особенно если это касается памятников родственных и синхронных культур, например, культур с ямочно-гребенчатой керамикой, посудой волосовского и ананьинского облика. Каждый период представлен как базовыми поселениями продолжительного обитания, так и кратковременными сезонными промысловыми стоянками. В целом, независимо от культурной принадлежности, заметна тенденция увеличения площади поселений во времени, усложнение их структуры, а следовательно, и численности коллективов, их оставивших. Наибольшей стабильностью и оседлостью характеризуются поселения эпохи неолита и энеолита, особенно в периоды расцвета культур.

В домостроительстве прослеживается тенденция развития жилищ от легких наземных или слабоуглубленных округлой или четырехугольной формы к наземным или полуземляночным срубным жилищам большей площади. Правда, эта тенденция не носит характера закономерности, присущей памятникам всех периодов. Так, при наличии сложных больших жилищ на поселениях культуры с ромбо-ямочной керамикой (Журавлев 1991) таковые отсутствуют на одновременных энеолитических поселениях с асбестовой керамикой (Панкрушев 1988) и поселениях эпохи бронзы и раннего железного века (Косменко 1988). Очевидно, в

данном случае мы имеем дело с иной и довольно устойчивой традицией, обусловленной, скорее всего, особенностями промысловой деятельности.

Наряду со сходствами имеются и заметные отличия, проявляющиеся в размерах, пропорциях жилых построек, деталях их конструкции, характере интерьера. Сами поселения, по сравнению с северодвинскими и более восточными, характеризуются большими площадями и разнообразием различных объектов, более выраженной стабильностью и оседлостью. Причина, скорее всего, кроется в некоторых природно-географических особенностях региона. Наличие большого количества больших и малых озер и небольших рек в Карелии и Восточном Прионежье и практическое их отсутствие в северодвинском крае и Приуралье обусловило иное соотношение роли охоты и рыболовства в хозяйственной деятельности населения этих регионов. При сохранении ведущей роли охоты рыболовство в озерном крае, начиная с эпохи мезолита, играло значительно большую роль, что и приводило к большей оседлости населения. Кроме того, развитие металлургического производства на базе самородной меди в эпоху энеолита также способствовало стабильности поселений.

Еще более заметными являются различия с поселениями Прибалтийского региона. Правда, генезис некоторых мезолитических культур Восточного Прионежья (памятники типа Нижнего Веретья) и Северного Приуралья (первый Висский торфяник) связывается исследователями с Восточной Прибалтикой (Ошибкина 1983; Буров 1986). В первом случае это предположение кажется достаточно убедительным, хотя и базируется в основном на типологическом сопоставлении материалов. Сведения о структуре памятников и домостроительстве в эпоху мезолита на территории Прибалтики практически отсутствуют.

В неолитическую эпоху этнокультурная ситуация территории Восточной Прибалтики выглядит не менее сложной, чем на Севере Европы. Подавляющее большинство поселений располагается в иных топографических условиях и характеризуется сложной стратиграфией. При общих сходных тенденциях увеличения площади поселений и развития жилищ от легких наземных сооружений округлой и овальной формы к прямоугольным и длинным домам существенными являются и различия. На протяжении всей неолитической эпохи и в последующее время здесь жилища имеют столбовую каркасную конструкцию и заметно отличаются от северных. Усложняются их конструкция и способы укрепления и утепления стен (Яхито 1973: 203—209; Лозе 1979; Римагтене 1973: 218—225). Эти изменения и, в частности, появление укрепленных поселений исследователями связываются с изменениями в экономике и социальной организации обществ. При сохранении в основном присваивающего характера экономики, включающей охоту, речное и озерное рыболовство и, возможно, морской промысел, достаточно рано, уже в позднем неолите, особенно в южных районах, фиксируются зачатки производящего хозяйства (Гирнинкас 1987: 74—75; Римагтене 1987: 212).

Ашихмина 1985 — Ашихмина Л. И. Культуры эпохи раннего железа в этногенезе народа Коми // Проблемы этногенеза народа коми. Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ, Сыктывкар, 1985. Вып. 36. С. 23—34.

Буров 1961 — Буров Г. М. Стоянки с микролитическим инвентарем на Верхней Вычегде // СА. 1961. № 1. С. 247—255.

Буров 1967 — Буров Г. М. Древний Сидор. М., 1967.

Буров 1986 — Буров Г. М. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1986.

Буров 1990 — Буров Г. М. Поселение Кирокка и мармугинский тип энеолитических поселений в Северодвинском крае // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск, 1990. С. 105—115.

Буров 1993 — Буров Г. М. Нео-энеолитические полуплемяники Крайнего Северо-Востока Европы в аспекте социальной организации его древнего населения // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993. С. 23—41.

Верещагина 1973 — Верещагина И. В. Памятники с микролитическим инвентарем Большеземельской тундры // Археологические исследования в бассейне Печоры. МАЕСВ. 1973. Вып. 5. С. 3—21.

Верещагина 1977а — Верещагина И. В. Мезолитические памятники на Северной Двине // КСИА. 1977. Вып. 149. С. 89—93.

Верещагина 1977б — Верещагина И. В. Ранний неолит на Северной Двине // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени. МАЕСВ. 1977. Вып. 6. С. 11—21.

Верещагина 1987 — Верещагина И. В. Итоги исследования поселений энеолита в среднем течении Северной Двины // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тезисы докладов Всесоюзной конференции (Суздаль, 1987 г.). М., 1987. С. 62—63.

Верещагина 1989 — Верещагина И. В. Мезолит и неолит крайнего европейского Северо-Востока: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.

Верещагина 1990 — Верещагина И. В. Мезолит на крайнем европейском Северо-Востоке // 200 лет арктической археологии. КСИА. 1990. Вып. 200. С. 48—53.

Верещагина 1996 — Верещагина И. В. Новая стоянка в группе мезолитических памятников Печанского поля Северной Двины // Древности Русского Севера. Вологда, 1996. Вып. 1. С. 27—34.

Верещагина, Ашихмина 1980 — Верещагина И. В., Ашихмина Л. И. Разновременные поселения в бассейне Северной Двины // Древнейшие памятники Северного Приуралья. МАЕСВ. 1980. Вып. 8. С. 42—70.

Волокитин 1986 — Волокитин А. В. Новые данные по мезолиту европейского Северо-Востока // Памятники материальной культуры на европейском Северо-Востоке. МАЕСВ. 1986. Вып. 10. С. 22—34.

Волокитин 1987 — Волокитин А. В. Особенности индустрии мезолитических памятников Тольдунор 5 и 7а на Средней Печоре // Материальная и духовная культура населения европейского Северо-Востока. Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ, Сыктывкар, 1987. Вып. 40. С. 6—15.

Волокитин, Коноваленко 1988 — Волокитин А. В., Коноваленко Л. А. Новый мезолитический памятник (Парч 3 на Вычегде) // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. МАЕСВ. 1988. Вып. 11. С. 19—32.

Гирнинкас 1987 — Гирнинкас А. Неолитические строительные сооружения в Литве // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тезисы докладов Всесоюзной конференции (Суздаль, 1987 г.). М., 1987. С. 74—75.

Журавлев 1991 — Журавлев А. П. Петрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск, 1991.

Канивец 1965 — Канивец В. И. Древние поселения Южно-Печорской равнины // Древние поселения на Печоре и Вычегде. МАЕСВ. 1965. Вып. 3. С. 3—101.

Канивец 1973 — Канивец В. И. Мезолитические стоянки на Средней Печоре и Усе // МАЕСВ. 1973. Вып. 4. С. 3—23.

Канивец 1974 — Канивец В. И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М., 1974.

Косинская 1987 — Косинская Л. Л. Жилища эпохи ранней бронзы в бассейне Вычегды // СА. 1987. № 1. С. 243—250.

Косинская 1990 — Косинская Л. Л. К вопросу о характере хозяйства населения бассейна р. Вычегды в эпоху энеолита — ранней бронзы // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск, 1990. С. 120—131.

Косинская 1993 — Косинская Л. Л. О типах поселений эпохи камня на европейском Северо-Востоке // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993. Вып. 21. С. 41—59.

Косменко 1988 — Косменко М. Е. Поселения периода бронзы и железного века в Карелии // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 98—121.

Лобанова 1988 — Лобанова Н. В. Поселения с ямочно-гребенчатой керамикой // Там же. С. 50—66.

- Логинава 1985 — *Логинава Э. С.* Мезолитическое стоянка Средней Вычегды // Археологические памятники Северного Приуралья. МАЕСВ. 1985. Вып. 9. С. 16—30.
- Лозе 1979 — *Лозе И. А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.
- Лузгин 1972 — *Лузгин В. Е.* Древние культуры Ижмы. М., 1972.
- Ошибкина 1978 — *Ошибкина С. В.* Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
- Ошибкина 1983 — *Ошибкина С. В.* Мезолит бассейна Суханы и Восточного Прионежья. М., 1983.
- Панкрушев 1988 — *Панкрушев Г. А.* Поселения с асбестовой керамикой // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 79—98.
- Римангеле 1973 — *Римангеле Р. К.* Неолит Литвы и Калининградской области // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. МИА. 1973. № 172. С. 218—225.
- Римангеле 1987 — *Римангеле Р. К.* Начало земледелия в Прибалтике // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тезисы докладов Всесоюзной конференции (Суздаль, 1987 г.). М., 1987. С. 212—213.
- Стоколос 1979 — *Стоколос В. С.* Древние поселения на оз. Чойновты. Опыт социологического анализа // Вопросы финноугроведения: Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финноугроведов. Сыктывкар, 1979. Т. 2. С. 55.
- Стоколос 1986 — *Стоколос В. С.* Древние поселения Мезенской долины. М., 1986.
- Стоколос 1987 — *Стоколос В. С.* Поселение Конечелье — первый на Мезени памятник с напольной керамикой // Материальная и духовная культура населения европейского Северо-Востока. Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ, Сыктывкар, 1987. Вып. 40. С. 16—27.
- Стоколос 1988 — *Стоколос В. С.* Культура эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988.
- Стоколос 1989 — *Стоколос В. С.* Работы Печоро-Мезенского отряда в 1986—1988 годах // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 35—36.
- Чернов 1962 — *Чернов Г. А.* Стоянки в бассейне р. Адзвы // Большеземельская тундра. МАЕСВ. 1962. Вып. 1. С. 65—102.
- Чернов 1978 — *Чернов Г. А.* Мезолитическая стоянка Сандибей-ю // СА. 1978. № 2. С. 135—147.
- Яните 1973 — *Яните Л. Ю.* Неолитические памятники Эстонии // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. МИА. 1973. № 172. С. 202—209.

ТРИ МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ РАКОВИННЫХ ОТЛОЖЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹

Ю. Е. ВОСТРЕЦОВ²

Археологические памятники, содержащие раковинные отложения (чаще называемые «кухонными кучами» или «раковинными кучами» — РК), являются уникальным источником для реконструкции различных сторон жизни древнего и средневекового населения. Памятники с РК известны на всех континентах. Наиболее древнюю РК автору удалось наблюдать на юге Африки в пещере Бломбос (Blombos Cave). Датировка ее среднепалеолитических слоев укладывается в интервал 100—80 тыс. л. н. (Henshilood et al. 2001). Количество РК возрастает в голоцене, достигая своего пика в теплом атлантическом периоде. В России наибольшее количество РК известно на юге Дальнего Востока. Их ценность заключается в том, что в условиях доминирования кислых почв РК являются почти единственными видами отложений (кроме пещерных памятников и «зольников» средневековья), где хорошо сохраняются органические материалы — эофакты.

В бассейне Японского моря РК распределены неравномерно. Около 100 куч известно на западном побережье Японских островов, около 100—120 — в заливе Петра Великого и, вероятно, более 50 находятся на южном и восточном побережьях Корейского полуострова. Все они связаны с поселениями неолита — раннего железного века.

РК представляют собой сложный объект для исследований. Наибольший опыт раскопок накоплен в Дании и Японии. О сложности раскопок свидетельствует тот факт, что каждые три года в Центре Нара (Nara, Япония) проходят семинары по методам их изучения. В России не сформировалась исследовательской традиции изучения РК. Поэтому те прецеденты, которые имели место, не реализовывали потенциальных информативных возможностей исследования этих уникальных отложений. В связи с этим мне представляется полезным обобщить опыт, полученный мной и моими коллегами в течение 20 лет раскопок РК в Приморье, Дании, а также наблюдений в Японии.

РК часто хорошо различимы на дневной поверхности памятников и в культурных отложениях, как стратиграфически, так и планиграфически. Раковинные отложения накапливаются относительно быстро, в большинстве случаев в результате обработки собранных и отсортированных на берегу раковин моллюсков. Именно быстрота накопления культурных отложений за счет объема раковин и их дискретность дает возможность реконструировать краткосрочные события в пределах одного дня, года и сезона, а также реконструировать годичный хозяйственный цикл. Ниже мы предлагаем сравнительный анализ трех методов исследования РК, освоенных нами в хронологическом порядке. Рассмотрим типичные варианты их формирования.

¹ Статья выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

² Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Ул. Пушкинская, 82, Владивосток, 690950, Россия. E-mail: vost54@mail.ru.

Обычно РК имеют линзовидное сечение и округлую форму в плане (рис. 1, а). Часто раковинные отложения располагаются в котлованах заброшенных жилищ и ямах и имеют «усеченнолинзовидное» сечение (рис. 1, б). РК состоят из дискретных слоев раковин, имеющих часто также линзовидное сечение и разделенных тонкими слоями почвы. В свою очередь отдельные слои раковин или отдельные раковинные кучи состоят из *единиц отложения* (ЕО) (рис. 1, в). Единица раковинных отложений — это результат, вероятно, одновременной, возможно, дневной, хозяйственной активности отдельных членов доисторической группы населения. Единицы отложения также обычно имеют сечение, близкое к линзовидному. Основная проблема полевого исследователя — выделение в РК отдельных единиц отложения. Это возможно далеко не всегда и, кроме того, требует значительных трудовых затрат, но вместе с тем дает уникальные возможности для реконструкции поведения человека.

Первый метод. Первоначально мы не подозревали о существовании отдельных слоев и единиц отложения в РК. Поэтому раскапывали их искусственными горизонтальными единицами $100 \times 100 \times 5$ см, т. е. по «пластам». В результате мы получали случайные выборки из разных поселений, потому что имело место смешение артефактов и экофактов из разных слоев (рис. 1, а, б). Полученные таким образом материалы позволяли реконструировать усредненную картину системы жизнеобеспечения поселения. Кроме того, это давало возможность сопоставить состав моллюсков с характеристиками зоны хозяйственного использования поселения и сравнить РК между собой по составу экофактов и артефактов.

Второй метод. Когда в процессе накопления опыта нам удалось выделить отдельные слои в РК, мы начали раскапывать их как отдельные образования, сформировавшиеся за дискретный отрезок времени в результате активности конкретной группы населения. Такая методика была применена при раскопках поселения раннего железного века Песчаный-1 (рис. 1, б, в). Каждый раковинный слой представлял собой часть горизонта обитания, образовавшегося около котлована жилища или между жилищами и используемого для хозяйственной деятельности, в основном для приготовления пищи.

Таким образом, в результате анализа содержимого каждого слоя раковинной кучи мы получали только усредненную картину жизнеобеспечения одной семьи, вероятно, за один год. Однако реальное сезонное поведение населения ускользало от нашего внимания.

Третий метод. Этот метод был применен, когда мы исследовали в Приморье три одновременных неолитических РК на поселении Бойсман-1, датированного атлантическим периодом голоцена в интервале около 6000—5400 л. н. У нас появился опыт и возможность выделить единицы отложения по всем дискретным РК (рис. 1, в). Они представляли собой отдельные, однослойные РК, которые можно рассматривать как стратиграфический аналог дискретного слоя в многослойных РК на синхронном поселении Бойсман-2 или поселении железного века Песчаный-1. Процедура раскопок и обработки как раковинного слоя, так и единиц отложения одинакова (Вострецов 1998а). Наиболее критическим аспектом раскопок является выработка критериев выделения единиц отложения. В разных случаях такими критериями могут быть: 1) расположение раковин отдельно лежащей кучкой или степень фрагментарности раковин и их концентрации в отложениях; 2) вмещающая почва, которая в разных единицах отложения может иметь различный

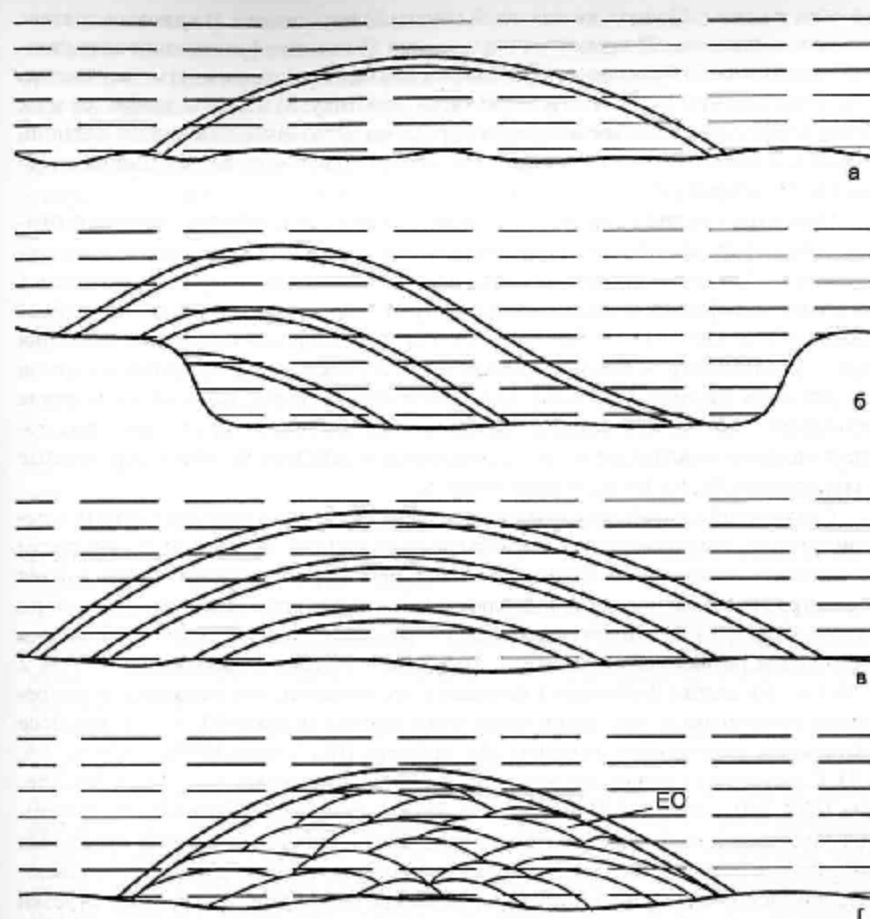

Рис. 1. Схемы различных вариантов структур раковинных отложений (РК): а — нестратифицированная РК; б — стратифицированная РК, состоящая из трех дискретных слоев, разделенных грунтом, сформировавшихся в котловане заглубленного жилища или ямы; в — стратифицированная РК, состоящая из трех дискретных слоев, сформировавшихся на дреней поверхности; г — стратифицированная РК или дискретный раковинный слой, состоящий из отдельных единиц отложения (ЕО)

цвет, консистенцию, соотношение с раковинами моллюсков; 3) наличие прослоек между единицами отложения, что может быть представлено в виде слоя углей, пепла, кострища, скопления керамики, костей рыб и т. п.; 4) форма в плане.

Все эти критерии далеко не всегда наблюдаются в полном наборе при раскопках всех единиц отложения. Поэтому при описании каждой из единиц отложения нами и японскими коллегами используется универсальная схема-таблица, которая максимально полно характеризует каждую единицу отложения и позволяет сравнивать их между собой и с другими слоями (Вострецов 1998а: 81, табл. 2.2). Эта схема включает описание: 1) визуального восприятия соотношения количества

раковин и почвы; 2) цвета вмещающей почвы; 3) типа почвы; 4) видового состава раковин моллюсков; 5) концентрации раковин; 6) степени фрагментарности раковин моллюсков; 7) наличия артефактов (керамика, каменные и костяные изделия) и их качественную и количественную характеристику; 8) наличия экофактов и их качественную и количественную характеристику; 9) взаиморасположения единиц отложения относительно друг друга; 10) максимальной мощности единицы отложения; 11) объема в см³.

Описание каждой из единиц отложения заносится в таблицу, которая позволяет компактно представить информацию, что очень облегчает анализ и интерпретацию. Для детализации и оптимизации описания распределения отдельных категорий артефактов и экофактов используются дополнительные таблицы (Вострецов 1998а: 106 — 117, табл. 2.4—2.7). Так, например, для детального описания стратиграфического и планиграфического распределения артефактов из камня составляется таблица функциональных категорий изделий для всех культурных отложений, включая и стратифицированные РК, что позволяет отдельно рассмотреть кратковременные, сезонные повседневные действия человека, отраженные в содержании РК, на фоне долговременных.

Следующий способ организации и представления информации состоит в реконструкции последовательности образования единиц отложения и структуры раковинных отложений в целом. Для этого используется способ представления стратиграфической информации, известный как матрица Харриса (см., напр.: Deciphering... 1992). Полученная схема отражает степень сложности процесса накопления раковинных отложений. Например, структура раковинных куч № 2 и № 3 на поселении Бойсмана-1 позволяет предполагать, что примерно одновременно существовало две линии накопления единиц отложений, т. е. в процессе накопления участвовало минимум два человека (Вострецов 1998а: 46, рис. 2.6, 2.7). Содержание единиц отложения косвенно подтверждает это (Раков, Вострецов 1998: 250, рис. 5.4, 5.5). Кроме того, такая схема последовательности формирования единиц отложения позволяет проследить динамику изменения отдельных экофактов и артефактов и, таким образом, реконструировать жизнеобеспечивающее поведение людей и состояние окружающей среды в очень короткие отрезки времени. Таким образом, мы получаем «календарную» последовательность хозяйственной деятельности отдельной семьи за дискретный отрезок времени.

Возвращаясь к сравнению разных методов раскопок, мы видим, что отдельные РК, как и отдельные раковинные слои, имели сечение, близкое к линзовидному, и что расположенные по краям участка или единицы отложения образовались в конце периода формирования отдельной РК. Таким образом, если бы мы раскапывали искусственными горизонтальными пластинами (на рис. 1 они показаны горизонтальными пунктирными линиями), то получили бы неадекватную стратиграфическую последовательность образования РК (рис. 1, а, б, в, г). Согласно ей, один пласт объединял бы материалы ранних, средних и поздних слоев и/или единиц отложения, давая усредненную картину эксплуатации ресурсов, не отражающую текущее состояние природной обстановки.

Что даст применение третьего метода, можно рассмотреть на конкретных результатах исследования РК на поселении Бойсмана-1 (Первые рыболовы... 1998). Мы пришли к двум группам выводов. Первая связана с данными из трех отдельных РК на поселении Бойсмана-1. Выяснилось следующее:

Судя по эксплуатации устричника (95 % от всех собираемых видов) и теплолюбивых моллюсков, поселение находилось на берегу лагуны атлантического времени, т. е. примерно на пике трансгрессии моря около 6,5—5,5 тыс. л. н. (Раков, Вострецов 1998).

Каждая отдельная РК сформировалась в течение теплого сезона одного года, это подтверждается тем, что под РК и на ее поверхности были найдены кости рыб, которые подходят к берегу и образуют скопления только в холодный период года. А в единицах отложения самой РК присутствовали виды рыб, которые были максимально доступны в теплый период года (Беседнов, Вострецов 1998).

Из предыдущего стратиграфического наблюдения вытекала возможность реконструкции годичного (сезонного) цикла жизнеобеспечения каждой из групп населения, оставившего отдельную РК.

Кроме того, эта методика давала возможность сделать подсчеты пищевой ценности видов, содержащихся в РК, исходя из выделения минимального количества особей. Выяснилось, что суммарный калорийный выход от каждого из видов животных каждой из РК примерно соответствовал голодной норме потребности малой семьи (Вострецов 1998б: 373, табл. 9.1). Вероятно, моллюски добывались в основном ради пополнения белковой компоненты диеты. В случае использования устриц это делалось от 27 до 54 раз в сезон. Калорийный вклад устриц в диету колебался от 0,74 % до 1,53 % (Там же).

Во всех РК снизу вверх происходило обеднение видового состава моллюсков; уменьшение средних размеров устриц; иногда уменьшение объемов единиц отложения. Таким образом, имела место перексплуатация наиболее доступной части устричной банки.

Вторая группа выводов происходит из результатов сравнения данных из трех разновременных РК на поселении Бойсмана-1. Отметим, что последовательность их образования была прослежена стратиграфически и подтверждена экологическими наблюдениями. Изменение видового состава моллюсков, рыб и млекопитающих от ранней РК к поздней демонстрирует исчезновение теплолюбивых видов моллюсков и появление холодостойких, что свидетельствует о похолодании климата и регрессии уровня моря. Кроме того, можно сделать вывод, что во время регрессии моря происходило заполнение лагуны наносами. В результате указанных событий изменились системы жизнеобеспечения. Это выразилось в увеличении ориентации на морские виды моллюсков, рыб и млекопитающих (Там же). Судя по увеличению количества и объемов единиц отложения от ранней РК к поздней, значение собирательства устриц в системе жизнеобеспечения несколько увеличивается. Обращение к маргинальным ресурсам свидетельствует о кризисном состоянии экономики населения.

Таким образом, на наш взгляд, *первый метод* целесообразен только при первоначальном обследовании групп РК для их сравнения между собой и их зон хозяйственного использования с приблизительной оценкой экологической обстановки того времени.

Второй метод можно использовать только тогда, когда нет возможности использовать третий, т. е. когда нельзя выделить единицы отложения или нет времени это делать.

Третий метод дает максимум потенциальных возможностей для реконструкции окружающей среды, годового цикла жизнеобеспечения, поведения людей и их взаимной динамики. Этот метод наиболее перспективен при исследовании как отдельных РК, так и отдельных слоев в многослойных раковинных отложениях.

Беседнов, Вострецов 1998 — *Беседнов Л. Н., Вострецов Ю. Е.* Рыболовство // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток, 1998. С. 276—320.

Вострецов 1998a — *Вострецов Ю. Е.* Археологические материалы поселений Заречье-1, Зайсановка-3, 4, Хапси-1, Бойсмана-1 // Там же. С. 30—122.

Вострецов 1998b — *Вострецов Ю. Е.* Реконструкция образа жизни, жизнеобеспечения и динамики заселения бухты Бойсмана в неолите // Там же. С. 371—389.

Первые рыболовы... 1998 — Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана / Отв. ред. Ю. Е. Вострецов. Владивосток, 1998.

Раков, Вострецов 1998 — *Раков В. А., Вострецов Ю. Е.* Морское собирательство // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток, 1998. С. 241—275.

Deciphering... 1992 — *Deciphering a Shell Midden.* J. K. Stain (ed.). New York, 1992.

Henshilwood et al. 2001 — *Henshilwood C. S., Sealy J. C., Yates R., Cruz-Uribe K., Goldberg P., Grine F. E., Klein R. G., Poggenpoel C., van Niekerk K., Watts J.* Blombos Cave, Southern Cape, South Africa. Preliminary Report on the 1992—1999 excavations of the Middle Stone Age Levels // *Journal of Archaeological Science*. 2001. Vol. 28. No. 4. P. 421—448.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ПЛЕМЕН ДРЕВНЕЯМНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ

Г. Ф. КОРОБКОВА

Древнеямная культурно-историческая общность (далее — КИО) — это «первая из гигантских общностей, характерных для древней истории степной полосы Евразии» (Мерперт 1982: 326), с которой связано распространение подвижных форм скотоводства и особых форм экономики. Кроме того, значительная территория, занятая древнеямными памятниками, уже подчеркивает культурно-историческую значимость этой первой крупной скотоводческой общности, которую В. М. Массон рассматривает в качестве исходного пласта будущих великих степных обществ (1998: 255). Время ее существования по калиброванным радиоуглеродным датам — последняя треть IV—первая половина III тыс. до н. э. (Бочкарев 2002; Телегин 2004).

Особенности социальной интерпретации древностей эпохи ямной КИО впервые были обозначены в работах исследователей Михайловского поселения. Они писали: «Это общество способствовало созданию мощных оборонительных сооружений, что могло быть достигнуто при условии концентрации усилий большого родового или племенного коллектива, находившегося под властью мощной патриархальной верхушки» (Лагодовська, Шапошникова, Макаревич 1962: 101). Высказанное заключение нашло отклик в обобщающей работе Н. Я. Мерперта (1974: 129—134). В частности, он подчеркивал особую роль племенных вождей. Однако в дальнейшем проблема социальной интерпретации наследия носителей ямной культуры на территории Украины, к сожалению, не получила развития. На первый план вышли проблемы выделения и происхождения локальных вариантов ямной КИО (Шапошникова 1985: 347—349). Культурологическое направление продолжает оставаться приоритетным до сих пор (Пустовалов 1982; Пустовалов, Черных 1982; Рычков 1982а; 1982б). Правда, в рамках этого направления была отчасти затронута проблема социологической интерпретации с использованием статистико-комбинаторной методики, что привело к заключению о существовании патриархальных отношений в среде населения, оставившего памятники ямной КИО (Рычков 1982а; 1982б; 1994). Социологический аспект в изучении ямной КИО нашел продолжение в работах В. М. Массона. Ученый дал историческую оценку этой общности, включив ее, вне зависимости от существовавших локальных вариантов, в состав древнейших великих степных обществ, процесс сложения которых был подразделен им на три больших хронологических периода. Первый датируется IV тыс. — 2600 г. до н. э., второй — 2600—1700 гг. до н. э. и третий — 1700—900 гг. до н. э. (Массон 1998: 255).

К первому периоду, во время которого обнаруживаются предпосылки формирования пастушества в степной зоне, отнесены нижнемихайловская, постмарипольская, хвалынская (Агапов и др. 1990) и другие скотоводческие культуры Евразии. Для них характерны развитие скотоводческой модели хозяйства, появление металлических изделий и кое-где местной металлургии, сложение специфических черт степного образа жизни (Массон 1998: 256).

Расцвет ямной КИО пришелся на второй период развития степных обществ, когда формируются соответствующие культурные эталоны, проявившиеся сна-

чала в Поволжье, а затем распространившись в результате миграции населения ямной КИО на запад. На уже имеющиеся эталоны оказали влияние территориальные культурные комплексы, местное своеобразие которых обусловило локальное многообразие культур ямной общности. По мнению В. М. Массона, основой для древнейшего комплекса степной зоны Украины стали памятники среднестоговской культуры (Массон 1998: 259). Эталонными признаками ямной КИО являлись: скотоводческая модель хозяйства (вариабельность видового состава стада зависла от местной палеоэкологической ситуации — Дергачев 2006: 32—36); курганные могильники; введение особого погребального обряда — захоронения с деревянными повозками (Бочкарев 2002: 48), каменные стелы над курганами (Новицкий 1990), глиняные портретные маски на лицах усопших (Марина 1990: 83, 84; Массон 1998: 259). Рост и миграция населения сказались на широком распространении курганных погребений далеко в степи, вдали от постоянных источников воды.

Крупные поселения типа Михайловки сосуществовали с мелкими временными стоянками пастухов. Для ямных захоронений типична скудость погребального инвентаря. Более богатый набор вещей иногда встречается в погребениях, которые можно отнести к элитным. Их характеризуют: высокие насыпи курганов; наличие повозок; присутствие образцов медных руд и такие предметы престижа, как жезлы (Кузнецов 1991). Мобильность обществ ямной КИО хорошо заметна по многочисленным памятникам, оставленным на обширной территории от Средней Азии до Молдавии, Румынии, Болгарии и Венгрии (Мерперт 1976). По мнению В. М. Массона, создание древнейшего колесного транспорта в Европе явилось прямым следствием динамического развития общества, оставившего памятники ямной КИО (Массон 1998: 259).

Таким образом, представители древнейшей КИО, распространяя новейшие достижения в области хозяйства, идеологии, социально-общественной организации, оказали огромное влияние на развитие культур Восточной Европы и Азии и тем самым сыграли существенную роль в судьбах их носителей.

И. Я. Мерперт подчеркнул сложную структуру степных скотоводческих коллективов, обусловленную рядом моментов, включая «освоение огромных степных пространств, создание сложных укрепленных поселений, трудоемкие погребальные обряды, развитие ряда производств и активных многосторонних связей». Все это привело его к выводу о «наличии у древнейших племен мощных, хотя и недолговечных, племенных объединений» (Мерперт 1982: 329), что делало возможным перемещения на большие расстояния, например, в западные районы Северного Причерноморья, Подунавья, Балканского полуострова и в восточные, азиатские степи. О родоплеменных отношениях с развитой социальной и имущественной стратификацией в среде представителей ямной КИО говорит и В. С. Бочкарев (2002: 47). По его мнению, общество состояло из рядовых членов общины, представителей профессиональных кланов и знати, обладающей властью и богатством (Бочкарев 2002: 50). Близкая схема общества просматривается и у населения Михайловки III (Коробкова, Шапошникова 2005). Здесь наличествуют сложная производственная структура с разветвленной сетью многоочаговых специализированных мастерских; надежно укрепленное поселение с мощной оборонительной системой, требующей постоянного и организованного управления ее поддержанием; разнотипные по площади и характеру жилища (землянки, одно-

камерные и трехкамерные постройки), возможно, отражающие имущественное неравенство; значительные стада домашних животных; массовость производимой продукции, идущей, возможно, не только на удовлетворение потребностей самого населения, но и на обмен, а может быть, и на продажу.

Высокого уровня развития достигло само общество, основанное Михайловское поселение. Стабильная экономика, основанная на скотоводстве, ориентированном на разведение крупного и мелкого рогатого скота, дифференциация многих производств и их многоочаговый общинно-ремесленный характер, массовость и эффективность орудий труда и оружия, мощь оборонительных сооружений — все это говорит о высоком уровне развития михайловского общества. На поселении были найдены каменные булавы и скира, украшенные каннелюрами, — особые символы власти, которые могли принадлежать лидеру, безусловно имевшемуся в подобном обществе. В то же время стабильность экономики способствовала росту населения, что и привело к активному освоению степных пространств и возникновению мелких временных стоянок пастухов. На позднем этапе шемена ямной КИО начинают оттеснять своих менее воинственных соседей-земледельцев. Они проникают на Правобережье Днепра и в пределы лесостепи, а по речным долинам — до лесной зоны.

По мнению исследователей, «ямная культура демонстрирует один из самых ярких примеров крупномасштабного переселения степных скотоводов в западном направлении» (Бочкарев 2002: 48). Сформировался особый степной образ жизни, обусловленный постоянными перемещениями и повлекший изготовление специфической посуды из кожи, дерева и глины. Керамические сосуды имели яйцевидное или округлое дно для большей устойчивости при приготовлении пищи. Основным видом транспорта были деревянные повозки, запряженные волами (определение В. И. Бибиковой) и в отдельных регионах — лошадьми. Обязательными атрибутами степного образа жизни были изделия из шкур и кожи, в том числе подстилки, покрытия, одежда, упряжь и тому подобные вещи, маты из камыша, плетеные циновки, необходимый орудийный набор и прочие предметы.

Велика роль ямной КИО в истории индоиранских племен. Она, по мнению Е. Е. Кузьминой, образовала древнейший пласт крупного этнического объединения (Кузьмина 1994).

Наиболее укрепленным был центральный холм Михайловки III, где на уровне верхнего культурного слоя было обнаружено сосредоточение общественных и производственных сооружений. Здесь в момент опасности можно было укрыться членам общины и защитить скот и производства, от которых зависело жизнеобеспечение и благополучие населения, поскольку благосостояние последнего основывалось на продукции собственного производства.

Подобного рода оборонительные укрепления были также обнаружены в верхнем горизонте поселения в урочище Скеля-Каменоломня (Шапошникова 1960). О. Г. Шапошникова справедливо относит оба поселения к родоплеменным центрам, по соседству с которыми и вдали от них располагались небольшие временные поселки пастухов-скотоводов с бедным культурным слоем (Любимонка, Дурна Скеля, Дремайловка и другие, а также на островах Каменозатом, Похилом и Виноградном) (Шапошникова 1985: 344, 345).

Находки двух типов могильников — курганных и грунтовых — позволили говорить о сложном этническом составе населения ямной КИО. Разница в раз-

мерах курганных и грунтовых погребений, их внутреннем оформлении, а также типе перекрытий (деревянные или каменные), в сопровождающем погребальном инвентаре (при сравнительной скудости последнего), среди которого встречаются и металл, и каменные антропоморфные стелы, и скинеты, и повозки, и челны, и маски, и украшения, и тому подобные вещи, — все это явно указывает на существование имущественного и социального неравенства. А стало быть, еще больше подчеркивает сложность социально-общественного строя носителей ямной КИО.

Находки портретных масок в трех ямных погребениях в курганах эпохи ранней бронзы Левобережного Поднспровья (Ковалева и др. 1987) и одном в Павлоградском районе (Ромашко 1990) позволили высказать предположение о том, что погребенные могли быть вождями или жрецами. Последнюю гипотезу подкрепляют находки нагайки с оплеткой из медной ленты и остатков пояса с парно нашитыми бронзовыми стерженьками, подвесками (Марина 1990: 83, 84). Вероятно, аналогичным социальным статусом обладал погребенный в могиле 7 кургана Вознесенский (Плешивенко, Антонов 2000: 514), относящейся к ямной КИО. Здесь прослежена могильная конструкция с двухступенчатыми заплечиками и двойным перекрытием, состоявшим из бревен и камышового настила. Размеры погребальной ямы превышали обычные стандарты, что также является отражением высокого социального статуса погребенного (Бунятян 1985: 72, 73; Иванова, Цимиданов 1993: 26). Подобные конструкции ям с заплечиками встречены и в Приуралье (Кравцов 1992: 28—42). Эти примеры служат убедительным доказательством в пользу существования в среде носителей ямной КИО института вождества и признаков явной социальной дифференциации. Ее наличие было зафиксировано на основании анализа материалов новоданиловских (Телегин и др. 2001) и хвалынских (Агапов и др. 1990) памятников. Этот процесс имущественного и социального разделения, наметившийся уже в IV тыс. до н. э., шел параллельно с развитием форм власти и управления (Цимиданов 1990: 117). Рассматриваемой проблеме посвящена специальная работа С. В. Ивановой, в которой на основе изучения 2126 погребений ямной КИО, локализованных в Северном Причерноморье, достаточно аргументированно показано развитие данного процесса (Иванова 2000). Формирование социальных групп прослеживается в развитии погребального обряда (Массон 1976: 191). С. В. Ивановой удалось проследить признаки социальной дифференциации, начиная с детских погребений, сопровождаемых неординарными находками. Автор справедливо полагает, что различия в погребальном инвентаре детских захоронений связаны с наследованием социального статуса (Иванова 1998: 37, 38). Примером этого служат погребения детей с металлическими украшениями, подтверждающими их неординарное положение в обществе по праву наследования.¹ Более того, автором высказана идея о непостоянстве последнего в зависимости от возраста и изменения характера трудовой деятельности, что находит объяснение в новых категориях погребального инвентаря (Иванова 2000: 395). К аналогичным выводам пришла и Х. Тодорова, тоже рассматривавшая проблему социальной дифференциации на основе анализа по половозрастным группам погребального комплекса неолитических могильников

¹ Наследование профессионального статуса в формирующемся клане ремесленников-кузнецов у племен ямной КИО подтверждается находкой формы для отливки проушины топора в погребении подростка, обнаруженном в районе крупного Каргалинского центра добычи и переработки медной руды (Черных 2005: 31).

Северо-Восточной Болгарии (Тодорова 1986: 182—192, 217—220). Ее признаки были прослежены и Н. Л. Моргуновой по материалам могильников ямной культуры Приуралья (Моргунова 1992: 14; 1995).

В ряде работ рассмотрены вопросы политогенеза общества, оставившего ямную культуру, по мнению исследователей, оно состояло из жрецов, воинов и рядовых общинников. Эту триаду дополняли ремесленники (Довженко, Рычков 1988: 27—40; Моргунова, Кравцов 1994: 153). Если судить по этнографическим параллелям, в обществе началось формирование специальных скотоводческих групп (Шнирельман 1994: 84), что, возможно, имело место и в ямной КИО. Большинство исследователей склоняется к существованию у общества, оставившего ямную культуру, двух путей политогенеза: военного (Моргунова, Кравцов 1994: 153) для восточного ареала и аристократического (Иванова, Цимиданов 1993: 23, 24) для Северо-Западного Причерноморья.

Нам представляется (и об этом свидетельствует сложная социальная структура верхнего поселка Михайловка III), что здесь прослеживается организационно-управленческий путь политогенеза, который вообрал в себя и организационные, и военные функции. Иначе трудно объяснить, как управлялась эта сложная система дифференцированных специализированных производств с ее внутренними и обменно-торговыми функциями, сочетающаяся с защитой поселения извне. Руководство михайловской общиной осуществлялось, скорее всего, советом старейшин, который руководил обеспечением жизнедеятельности и обороны столь крупного поселка. Незначительное количество предметов вооружения, представленного ядрами для пращи, применяемыми главным образом при обороне, и отсутствие такового в большинстве погребений ямной культуры с социально престижными предметами свидетельствуют о нехарактерности военного пути политогенеза у населения Михайловки III. Судя по огромному числу могильников, их дифференциации по размерам, трудовым затратам, убранству, погребальному обряду, половозрастному составу, сопровождающему инвентарю, в обществе степных скотоводов выявились определенные социальные страты. В результате выделяются три категории погребений: обычные погребения, ремесленные со специфическим инвентарем и элитарные. Последняя категория объединяет захоронения в крупных курганах с неординарным сопровождением, в том числе с портретными масками, антропоморфными стелами, деревянными повозками и металлическими вещами. Это было первое «великое» степное общество, в котором появились социальные страты со сложной внутренней структурой, с дифференцированными организационными функциями. Его нельзя относить к «бедным» эгалитарным обществам, как это звучит в работах некоторых специалистов. Впервые примененный комплексный подход к изучению материалов эталонного памятника ямной культуры — Михайловского поселения показал величие и мощь населяющей его племенной общины. Это было не только крупное, хорошо защищенное поселение, но и производственный и обменно-торговый центр с развитой системой дифференцированных общинно-ремесленных производств, продукция которых была ориентирована не только на внутреннее потребление. Скот, шкуры, кожи, меха, одежда, упряжь, повозки, мелкие медные изделия, а, возможно, и престижные предметы, а также украшения могли служить объектами обменно-торговых отношений, связывавших население Михайловки III с племенами не только своей округи, но и более отдаленных территорий. По сравнению с

племенами майкопской, катакомбной и срубной культур, владевшими более мощным и разнообразным комплексом металлургических и металлообрабатывающих специализированных ремесленных мастерских и арсеналом многочисленных изделий из металла, носители ямной культуры выглядят скромнее. Но нельзя забывать о том, что скотоводческое население этой культуры разрабатывало свою производственную стратегию в более раннее время, не имея своих источников металла и владея меньшими возможностями в приобретении металлического сырья, зачастую пользуясь импортными вещами. Более того, у них выработались свои культурные и хозяйственно-производственные традиции, ориентированные (учитывая возможности населения) на развитие определенного вида продукции, пользующейся особым спросом у соплеменников и соседей. А находки престижных вещей в могилах ямной КИО и обширная, разнообразная выпускаемая населением продукция, при наличии крупных укрепленных поселков со сложной производственной структурой, с разветвленной сетью более мелких пастушеских летовок подчеркивали мощь, величие и богатство ямной КИО, нашедшей свою нишу в общем культурно-историческом процессе и оставившей свое неповторимое культурное наследие.

По справедливому мнению исследователей, отсутствие оружия в могилах лиц высокого социального ранга (учитывая признаки наследования) указывает на аристократический путь политогенеза в среде носителей ямной культуры Северного Причерноморья (Иванова 2000: 401).

При выявлении этносоциальной структуры населения ямной КИО большую роль играет поза погребенного, что зафиксировано в ряде исследований (Дергачев 1986: 222; Рычков 1990: 16; Яровой 1985: 122). Именно этот признак явился показателем этнической принадлежности погребенных ямной КИО (Рычков 1990: 16). С этим фактором, как замечено учеными, согласуются некоторые отличия в погребальном обряде и инвентаре, позе умершего и его антропологическом типе (Зиневич 1970: 156—167; Круц 1985: 527—436). Вместе с тем, исходя из стратиграфии и планиграфии памятника, а также сочетания всех вариантов парных и коллективных захоронений, С. В. Иванова отмечает сосуществование на определенном отрезке времени всех выделяющихся по погребальной обрядности групп, входящих в единое потестарное объединение, или неравноправный союз (Иванова 1999: 52—57; 2000: 401, 402). По данным изучения погребального обряда этот союз образует группа племен или соплеменность (Иванова 1999).

Кроме того, отметим ряд важных факторов. В первую очередь на существование союза племен ямной КИО указывают локальная вариативность и сложная социальная структура общества степных скотоводов, которое создало систему укрепленных крупных поселений типа Михайловки III, Скеля-Каменоломня на Украине и сеть мелких поселков пастухов-скотоводов, сопровождающихся тысячами курганных и грунтовых могильников, принадлежавших разным этническим группам и дифференцированным слоям общества. К этим признакам следует добавить существование сложной социальной и организационно-производственной структуры на территории крупных укрепленных поселений, управляемых советом старейшин, выполняющим и военные и организационные функции. На существование союза племен ямной КИО указывает огромная территория, занятая степняками. Отмеченные факторы нашли отражение в фундаментальных работах Н. Я. Мерперта, В. М. Массона, В. С. Бочкарева и многих других исследователей.

Только крупные племенные объединения были способны стремительно мигрировать в области расселения земледельческих племен Северного Причерноморья, Подунавья, Поднестровья, Потисья и других регионов; вторгаться на территорию Болгарии, Венгрии, Румынии и активно взаимодействовать с местными культурными объединениями. Только такие мощные организационно управляемые и подвижные коллективы степных скотоводов смогли оказать влияние на древнюю историю Карпато-Балканского полуострова, Северного Причерноморья, Поднестровья, не говоря уже о Поволжье и Приуралье, откуда продвигались группы племен ямной КИО на запад. Естественно, в этих мощных продвижениях важнейшую роль играли «племенные вожди» (Мерперт 1974: 129—134), по Е. Ф. Лаговойской, О. Г. Шапошниковой и М. Д. Макаревичу — «мощные патриархальные племенные верхушки» (1962: 101), по нашему мнению, — лидеры племенных общин.

В ряде обществ ямной культуры исследователи отмечают развитие военной функции и обособление элитарного слоя (Пустовалов, Черных 1982; Пустовалов 1990а; 1990б).

По В. С. Бочкареву, в обществах ямной КИО «сохранился родоплеменной строй с развитой социальной и имущественной стратификацией, с введением института вожества, которое сосредоточивало в своих руках политическую, экономическую и религиозную власть (Бочкарев 2002: 47, 48), способную объединить население, создать мощный экономический и военный потенциал, построить монументальные крепости, святилища, курганы. Именно благодаря иррациальной элите (колесничьей аристократии) был создан Волго-Уральский очаг культурогенеза (Бочкарев 2002: 47, 48). Нужно вспомнить огромные курганные захоронения, сооруженные зачастую над одним погребением и выделяющиеся крупными размерами могильных ям и богатым погребальным инвентарем (Моргунова, Кравцов 1994). По предположению В. С. Бочкарева, подобные курганы принадлежали племенным вождям и родоплеменной знати. В нашем понимании — лидерам племенных общин.

Некоторые исследователи допускали существование в обществе ямной КИО крупных племенных союзов во главе с военными вождями (Мерперт 1978), что предположительно указывает на военный путь политогенеза, основанного на усилении военной верхушки (Цимиданов 1990: 117). В то же время чаще встречаются погребения «вождей-жрецов» с жезлами-скипетрами (Кубышев, Нечитайло 1988: 107—118), но без оружия. Поэтому напрашивается вывод о наличии аристократического пути развития, прослеживаемого в отдельных регионах ямной КИО. Общественной жизнью управляла родоплеменная верхушка без формирования военной знати (Куббель 1988). Становление власти вождей отмечали и другие исследователи (Шнирельман 1994: 81).

Михайловское поселение с его укрепленными сооружениями рассматривают как один из центров великого племенного объединения (Давня історія... 1997: 299). Мощь оборонительных стен (необходимость их сооружать и поддерживать), особенности топографии, трудоемкость работ по сооружению сложных жилых многокамерных комплексов и другие факторы показывают не только существование имущественной дифференциации, но и наличие крупных племенных объединений с развитыми стационарными центрами, возглавляемыми племенной верхушкой (Доженко, Рычков 1988: 28). Отсюда следует вывод о функционировании на Михайловском поселении сложной социальной организации, управляе-

мой, скорее всего, советом старейшин во главе с лидером, выполнявшим организационные и военные функции.

Значение этой первой мощной, исключительно мобильной общности племен ямной культуры для исторических судеб многих народов Карпато-Балканского региона, Поднестровья, Северного Причерноморья, Подонья, Поволжья, Приуралья и других ареалов необычайно велико. Под ее влиянием происходили изменения в традициях местных культур, возникали синкретические объединения, исчезали некоторые культурные образования. Менялся и сам характер ямной КИО, постепенно теряющей свои культурные традиции по мере удаления от своих коренных центров и приобретающей черты новационных традиций, почерпнутых от местных абorigенов, на территории которых расположились степные скотоводы. Взаимные инновации обогащали культуры на всем пути следования мобильных групп степняков.

Исторические судьбы групп племен ямной КИО различны. Одна из них — нижневолжская — трансформировалась в полтавкинскую культуру. Причем в Южном Приуралье она продолжала существовать без значительных изменений. По мнению В. С. Бочкарева, ямная и полтавкинская культуры исчезают до начала эпохи поздней бронзы, а эпицентр основных исторических событий перемещается в лесостепную и лесную зоны (Бочкарев 2002: 50).

В Верхнем и Среднем Поволжье в эпоху ранней бронзы в результате миграции, вызванной расселением ранних индоевропейских народов, появились племена фатьяновской культуры. Характер культуры свидетельствует о несоответствии ее местному волжскому населению и принадлежности к иному этносу (Бочкарев 2002: 51).

Во второй половине эпохи средней бронзы на территории Среднего Поволжья произошла смена фатьяновской культуры на абашевскую с двумя территориальными группами, соответствующими двум локальным вариантам, — средневолжской и южноуральской. Именно абашевской культуре принадлежит выдающаяся роль в сложении блока культур в Волго-Уральском регионе в эпоху поздней бронзы.

На Северском Донце памятники ямного типа сменяются катакомбными. В степном Поднестровье, Приазовье, в Крыму племена ямной культуры вступили в контакт с племенами катакомбной, в результате чего возникла смешанная культура типа Перун, представленная поселениями и погребальными памятниками. В Прикубанье в результате смешения населения степной филиации новосвободненской группы (?) и населения ямной КИО формируется новотитаровская культура (Гей 2000). Позднее на территории Приазовья на местном ямном или новотитаровском субстрате (при культурном воздействии Кавказа) возникает ядро будущей ситы катакомбных культур (Братченко 1976; 2001; Смирнов 1996; Кияшко 1999; Гей 2000; Трифонов 1991). Западная экспансия племен ямной КИО повлекла за собой крупные изменения в культурогенезе Юго-Восточной Европы и Балкан.

Бочкарев 2002 — Бочкарев В. С. Эпоха бронзы в степной и лесостепной Евразии // История татар с древнейших времен. Казань, 2002. Т. 1. С. 46—68.

Братченко 1976 — Братченко С. Н. Иезис Подолье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.

Братченко 2001 — Братченко С. Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ, 2001. Ч. 1, 2.

Бунятян 1985 — Бунятян Е. П. Методика соціальних реконструкцій в археології (на матеріалі скифських могильників IV—III вв. до н. е.). Київ, 1985.

Гей 2000 — Гей А. Н. Новотитаровська культура. М., 2000.

Давня історія... 1997 — Давня історія України / Под ред. В. Н. Станко. Київ, 1997. Т. 1.

Дергачев 1986 — Дергачев В. А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев, 1986.

Дергачев 2006 — Дергачев В. А. Изменчивость видового состава домашнего стада неолита — бронзы Восточной Европы к проблеме палеоклиматических изменений пролива // Технології і проблеми культурної адаптації населення південно-східної Європи в епоху енеоліту. Видівиць, 8—10 серпня 2006. С. 32—36.

Довженко, Рычков 1988 — Довженко Н. Д., Рычков Н. А. К проблеме социальной стратификации племен ямной культурно-исторической общности // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Киев, 1988. С. 27—40.

Зиневич 1970 — Зиневич Г. П. Краниологические материалы эпохи энеолита — ранней бронзы в Северо-Западном Причерноморье // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса, 1970. № 6. С. 155—167.

Иванова 1998 — Иванова С. В. Захоронения детей и проблемы наследования социального статуса // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: Тезисы докладов VII Донецкой археологической конференции. Ростов-на-Дону, 1998. С. 37—38.

Иванова 1999 — Иванова С. В. О хронологии и периодизации памятников ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 1999.

Иванова 2000 — Иванова С. В. О социальном устройстве ямного общества Северо-Западного Причерноморья // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000. № 2. С. 388—403.

Иванов, Цимиданов 1993 — Иванов С. В., Цимиданов В. В. О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культурно-исторической области // Археологический альманах. Донецк, 1993. Вып. 2. С. 23—34.

Кияшко 1999 — Кияшко А. В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.

Ковалева и др. 1987 — Ковалева И. Ф., Андросов А. В., Шамбуров В. Н., Шахров Г. И. Исследования курганов группы «Долгая Могила» у с. Терны в Приорелье // Памятники бронзового и раннего железного века Поднепровья. Днепрпетровский, 1987. С. 5—27.

Кравцов 1992 — Кравцов А. Ю. Древние погребения в ямах с заплечными в Приуралье // Древняя история населения волго-уральских степей: Материалы науч. статей. Оренбург, 1992. С. 28—42.

Коробкова, Шапошникова 2005 — Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. Поселение Михайловка — эталонный памятник древнеямной культуры. СПб., 2005.

Круц 1985 — Круц С. И. Антропологический состав населения на территории Украины в эпоху камня, меди и бронзы // Археология Украинской ССР. Киев, 1985. Т. 1. С. 527—436.

Куббель 1988 — Куббель Л. Е. Очерки по этноисторической этнографии. М., 1988.

Кубышев, Нечитайло 1988 — Кубышев А. И., Нечитайло А. Л. Кременевый скипетр Васильевского кургана // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Киев, 1988. С. 107—118.

Кузнецов 1991 — Кузнецов П. Ф. Уникальное погребение эпохи ранней бронзы на реке Кутулук // Древности восточноевропейской лесостепи. Самара, 1991. С. 137—139.

Кузьмина 1994 — Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии. М., 1994.

Лагодовская, Шапошникова, Макаревич 1962 — Лагодовская О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Д. Михайловские поселения. Київ, 1962.

Марина 1990 — Марина Э. П. Погребения ямной культуры с «масками» // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: Тезисы докладов областной научно-практической конференции. Луганск, 1990. С. 83—84.

Массон 1976 — Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.

Массон 1998 — Массон В. М. Эпоха древнейших великих степных обществ // АВ. 1998. № 5. С. 255—267.

Мерперт 1974 — Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.

- Мерперт 1976 — *Мерперт Н. Я.* Древняя культура историческая общность и вопросы формирования культур штуровой керамики // *Восточная Европа в эпоху камня и бронзы*. М., 1976. С. 103—127.
- Мерперт 1978 — *Мерперт Н. Я.* О племенных союзах древнейших скотоводов степей Восточной Европы // *Проблемы советской археологии*. М., 1978. С. 55—63.
- Мерперт 1982 — *Мерперт Н. Я.* Энеолит юга СССР и евразийские степи // *Энеолит СССР*. Археология СССР. М., 1982. С. 321—331.
- Моргунова 1992 — *Моргунова Н. Л.* К вопросу об общественном устройстве древнейшей культуры Приуралья // *Древняя история населения волго-уральских степей: Междуз. сб. науч. статей*. Оренбург, 1992. С. 5—27.
- Моргунова 1995 — *Моргунова Н. Л.* Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.
- Моргунова, Кравцов 1994 — *Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю.* Памятники древнейшей культуры на Илеке. Екатеринбург, 1994.
- Новицкий 1990 — *Новицкий Е. Ю.* Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 1990.
- Плешивенко, Антонов 2000 — *Плешивенко А. Г., Антонов А. Л.* Курган Вознесенский // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000. № 2. С. 505—515.
- Пустовалов 1982 — *Пустовалов С. Ж.* К методике периодизации катакомбной культуры по данным погребального обряда // *Новые методы археологических исследований*. Киев, 1982. С. 87—109.
- Пустовалов 1990а — *Пустовалов С. Ж.* О формах политогенеза в катакомбном обществе Северного Причерноморья // *Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: Тезисы докладов Всесоюзного семинара*. М., 1990. С. 78—81.
- Пустовалов 1990б — *Пустовалов С. Ж.* Об общественном положении катакомбных мастеров-ремесленников // *Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: Тезисы докладов конференции*. Луганск, 1990. С. 97—99.
- Пустовалов, Черных 1982 — *Пустовалов С. Ж., Черных Л. А.* Опыт применения формализованно-статистических методов для половозрастного анализа погребений катакомбной культуры // *Методологические и методические вопросы археологии*. Киев, 1982. С. 105—140.
- Романко 1990 — *Романко В. А.* Предскифский период в пограничье лесостепи и степи Днепровского Левобережья (XII—начало VII вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1990.
- Рычков 1982а — *Рычков Н. А.* Опыт статистической характеристики коллективных погребений степных племен эпохи бронзы // *Методологические и методические вопросы археологии*. Киев, 1982. С. 85—105.
- Рычков 1982б — *Рычков Н. А.* Статистический анализ погребального обряда племен ямной культуры // *Теория и методы археологического исследования*. Киев, 1982. С. 111—136.
- Рычков 1990 — *Рычков Н. А.* Этническая характеристика населения ямной культуры Северного Причерноморья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1990.
- Рычков 1994 — *Рычков Н. А.* Пространственная структура населения ямной культуры // *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э.—V в. н. э.* Тирасполь, 1994. С. 89—91.
- Смирнов 1996 — *Смирнов А. М.* Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М., 1996.
- Телегин 2004 — *Телегин Д. Я.* О хронологии и периодизации культур неолита и медного века юго-запада Восточной Европы. Понятие о нео-энеолитическом времени региона // *Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии*. СПб., 2004. С. 106—130.
- Телегин и др. 2001 — *Телегин Д. Я., Нечитайло А. Л., Полехина И. Д., Панченко Ю. В.* Среднепетровская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона. Луганск, 2001.
- Тодорова 1985 — *Тодорова Х.* Каменные-медные эпохи в Българии (V тысячелетие преди новата ера). София, 1985.
- Трифонов 1991 — *Трифонов Е. А.* Степное Прикубанье в эпоху энеолита — средней бронзы (периодизация) // *Древние культуры Прикубанья*. Л., 1991. С. 92—166.
- Цимиданов 1990 — *Цимиданов В. В.* Общества южнорусских степей эпохи бронзы: пути политогенеза // *Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: Тезисы докладов областной научно-практической конференции*. Луганск, 1990. С. 117—119.
- Черных 2005 — *Черных Е. Н.* Каргалы IV. Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоэтнологические исследования. М., 2005.

- Шапошников 1960 — *Шапошников О. Г.* Поселения древнейшей культуры в Нижнем Поднепровье // *Записки Одесского археологического общества*. Одесса, 1960. Т. 1. С. 15—27.
- Шапошников 1985 — *Шапошников О. Г.* Ямная культурно-историческая общность // *Археология Украинской ССР*. Киев, 1985. Т. 1. С. 336—352.
- Шнирельман 1994 — *Шнирельман В. А.* Модель или модели: некоторые аспекты становления конечного хозяйства в Прикаспийско-Причерноморских степях // *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э.—V в. н. э.*: Материалы I Международной археологической конференции. Тирасполь, 1994. С. 79—81.
- Яровой 1985 — *Яровой Е. В.* Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинев, 1985.

В. М. МАССОН

В истории развития урбанистических цивилизаций Центральной Азии по археологическим данным четко выделяются три больших периода или эпохи. Первая эпоха, которую можно именовать древневосточной, начинается в последней трети III тыс. до н. э. и продолжается большую часть II тыс. до н. э. Территориально городские цивилизации охватывают Бактрию и Маргиану на крайнем юге Средней Азии. Вторая эпоха относится к концу II тыс. до н. э. — IV—V вв. н. э. И наконец, третья эпоха, наиболее известная в литературе как средневековье, — это время после V в. н. э., когда страна преодолевает упадок культуры и выходит на новые рубежи.

Первый период, как показывают новые археологические открытия, характеризуется появлением серии городков и крупных центров, генетически связанных с раннеземледельческим обществом древневосточного типа в Южном Туркменистане, развитие которого шло, в принципе, по месопотамскому пути, но (в связи с бедными водными ресурсами) замедленными темпами. После упадка базисных памятников в подгорной зоне Копетдага население, распространяясь в более восточные районы, формирует там две городские цивилизации, поддерживавшие связи с великими цивилизациями своего времени — индоиранской Хараппой, и особенно тесные — с Месопотамией и Эламом (Массон 2006). Их характерными признаками являются крупные храмовые комплексы основных городских центров, символизирующих важное место жречества в руковождении земледелием, подобно тому, как это было в пору первой цивилизации Шумера и Урука IV. Социальную структуру общества, оставивших протописьменные цивилизации юга Центральной Азии, характеризуют два крупных могильника — более 3000 погребений исследовано в некрополе Гонура — столице древней Маргианы и около 1000 погребений изучено в провинциальном центре Северной Бактрии на поселении Джаркутан. В Гонуре выделяются три вида погребений, в том числе около 5 % принадлежали, вероятно, семьям высшей знати, а около 20 % составляют скромные захоронения людей, которые, видимо, относились к низшей группе древневосточных социумов, близких к лицам полурабского положения.

Бактрия и Маргиана были для Древнего Востока крайним северным рубежом, за которым находился мир степных скотоводов, возглавляемых знатью на колесницах с конскими запряжками. Эти степные племена постоянно продвигались из северных районов и достигали границ южных цивилизаций, а также, судя по всему, входили в состав их населения. Скорее всего, общение двух групп населения протекло по типичной системе взаимодействия смежных коллективов, когда одна из сторон переходила к языку пришельцев, тогда как вторая сторона быстро осваивала достижения цивилизации (Массон 2004). В месопотамском тексте XVI в. до н. э. уже широко использованы термины, связанные с конской упряжью. В этом же тексте названы имена нескольких ведических божеств — Индры, Варуны и Митры. К первой трети II тыс. до н. э. относятся и находки в погребениях типич-

ных конских псалтий, которые обнаружены, в том числе, и в могиле знатного лица в местности Зардчахаалифа к востоку от Самарканда.

Судя по месопотамской надписи и по этой ранней гробнице в долине Зеравшана, можно предполагать, что к первой половине II тыс. до н. э. относится проникновение в состав населения южных цивилизаций ведических племен. Это был первый случай встречной ассимиляции населения. Аналогичный процесс, происходивший в раннем средневековье, назван нами «тюрко-согдийским культурным синтезом» (Массон 2004). Подчинившие местные цивилизации активные пришельцы способствовали установлению своего языка. Вместе с тем высокий уровень городской культуры приводил к полному заимствованию местных ремесленных изделий пришлыми племенами. Судя по всему, именно этот путь, столь обычный для Центральной Азии последующих эпох, был заложен еще во второй половине II тыс. до н. э., когда здесь, вероятно, уже преобладало население, владевшее языками восточноиранской лингвистической группы. Ведические племена были оттеснены на юго-восток, где со временем были образованы местные княжества. Создатели цивилизаций Бактрии и Маргианы, перейдя к новым языкам, сохранили свою замечательную городскую культуру.

К концу II—началу I тыс. до н. э. происходят кардинальные изменения во всем облике древних цивилизаций. Резкая смена климатических условий привела к постепенному упадку ирригационного земледелия как основы экономики Бактрии и Маргианы. Мощные храмы исчезают, прекращается изготовление художественных печатей, падает роль правящего жречества. В материальной культуре преобладает керамика ручной лепки с несложной геометрической росписью. Резко сокращается число городов и поселений, на первое место выходят центры с укреплениями-цитаделями. Изменения этого времени коснулись и обширных пространств между Амударьей и Сырдарьей, где скотоводческие племена переходят к городскому образу жизни. В результате наступает вторая эпоха урбанистических цивилизаций Центральной Азии, охватывающая первую треть I тыс. до н. э., вплоть до IV—V вв. н. э. Формирование городской культуры в этих условиях идет двумя путями. На юге в зоне древних цивилизаций Бактрии и Маргианы происходит возрождение городских цивилизаций со сплошным изготовлением керамики на гончарном круге и ростом городских центров. На севере, в Мавераннахре, происходит формирование новых городских центров в среде скотоводческих племен. Область верхнего Зеравшана, входящая в большой регион, именуемый, начиная с авестийской традиции, Согдом, играла заметную роль уже в пору распространения племен степной бронзы.

Для анализа культурно-социальных процессов в первой половине I тыс. до н. э. очень важно открытое в 20 км от Самарканда городище Коктепа, занимавшее общую площадь в 150 га, окруженную глинобитным забором. Большая часть территории городища лишена застройки. Однако внутренний город площадью в 23 га сплошь занят землянками и окружен обводной стеной. Сама стена сооружена из сырцового кирпича, имевшего в разрезе полуовальные очертания. Из этого же кирпича возведены и два крупных сооружения: одно — на краю обводной стены, другое — ближе к центру городища. Здесь найдена многочисленная лепная керамика, часть которой украшена грубой красной росписью. В принципе эта керамика аналогична архаической посуде Ташкентской области и не имеет аналогий с изящной расписной посудой Ферганы. Найденные

в верхних слоях обломки гончарных сосудов позволяют относить запустение городища к VII в. до н. э.

В целом этот памятник IX—VIII вв. до н. э. представлял собой крупный центр, основу экономики которого, вероятно, составляло скотоводство. Аналогичные укрепления, лишённые внутренних жилищ и предназначенные для содержания скота, известны в Бактрии и в Кашкадарьинском Согде. Постройки на городищах сосредоточены на пространстве внутри обводной стены. Скорее всего, это типичные сооружения ранних земледельцев-скотоводов, заботившихся о сохранности своей продукции. В этой связи стоит вспомнить древнейший текст Авесты, содержащий гимны в честь Митры:

Где храбрые владыки
Сбираются на битвы;
Где на горах высоких,
Укрытых, полных пастбищ,
Пасется скот привольно;
Где на озерах волны
Вздвигаются глубоких
И где рек судоходных
Широкие потоки
Стремят свое течение
И к Ишкате Парутской,
И к Мерву, что в Харайве,
И к Гава, в Согдиане,
Или текут в Хорезм.

(Стеблин-Камский 1990: 57)

Вышеприведенный текст характеризует архаический период согдийской истории — походы воинских соединений, нацеленных на получение обширной добычи. Из перечисленных крупных водных артерий р. Гава, скорее всего, обозначает Зеравшан, с возможным сохранением этого названия для описанного выше городища Коктепа.

К VII в. до н. э. этот Протосамарканд заменило городище, известное как Афрасиаб и также занимающее огромную территорию — 218 га. Древние стены Афрасиаба возведены из тех же полукруглых в разрезе кирпичей. С VII в. до н. э. для строительства используют уже стандартный квадратный кирпич. Именно этот город под именем Мараканды описан в источниках о походах Александра Македонского. Пока обнаружены только отдельные строения этого раннего времени. На Афрасиабе в ту пору изготавливали превосходную гончарную посуду, типичную для этой эпохи. Г. В. Шишкиной удалось выделить для VII в. до н. э.—IV в. н. э. четыре выразительных комплекса (Шишкина и др. 1985). Многие для изучения древнего Самарканда дали и работы узбекско-французской экспедиции. Однако широких раскопок застройки этого времени не проведено. Возможно, на территории огромного города застроенные участки находились в разных местах. В то же время, судя по местоположению дворцовых зданий в Беграме и в Таксиле, при строительстве элитных сооружений предпочтение отдавалось зонам, расположенным вне крупных центров, по крайней мере, в кушанское время. И нам еще предстоит открыть резиденцию согдийских правителей греко-бактрийского и кушанского времени,

в том числе резиденцию Гиркода. Наличие на территории Афрасиаба огромного древнего центра, соединившего оседлое население и соседние кочевые племена, в целом не вызывает сомнений.

Вопрос интерпретации второго периода в истории городов Центральной Азии остается сложным. Традиционно его называли эпохой рабовладельческой формации. Наиболее рациональным представляется определение И. М. Дьяконова, именовавшего этот период «временем древности со сложной социальной структурой, где рабы занимали низшее положение». В хорезмийском архиве Топрак-калы перечислены семейные рабы, входившие в состав отдельных подразделений. В Северной Бактрии выделена группа укрепленных поселений, скорее всего являвшаяся местом обитания полуэксплуатируемого населения. Можно считать вторую эпоху городов Центральной Азии временем бытования древнего общества с обширной группой подневольного населения. Эти же формы подневольного труда вместе с другими видами эксплуатации образовывали один из фундаментов великих государств Парфии и Кушанской державы, составляя, наряду с императорским Римом и ханьским Китаем, единую цепочку цивилизаций между Атлантическим и Тихим океанами.

Третий период по существу аналогичен средневековью Западной и Восточной Европы. Начало его характеризуется согдийской цивилизацией. Затем первое место начинает занимать ислам, прочно утвердившийся с VIII в. после длительной внутренней вражды с движением Абу Муслима. Огромная территория, официально подвластная арабскому халифу, довольно скоро стала распадаться на ряд значительных владений, возглавлявшихся местными правителями, зачастую лишь формально признававшими власть халифата. Крупным таким владением был эмират Саманидов. Фактически именно саманидская держава образовала первое для Мавераннахра централизованное государство. В дальнейшем эмират Саманидов сменили различные государственные образования, из числа которых выделяется огромная империя туркменских Сельджукидов.

Вместе с тем это была пора решительных перемен в сфере культурогенеза. К VI—VIII вв. относится блестящая согдийская цивилизация, оставившая великолепные памятники художественной культуры, наиболее ярко проявившейся в росписях, украшавших дворцы, храмы и богатые дома (Ахунбабаев 1999).

Дальнейшее развитие связано с тем, что, во-первых, основное население Центральной Азии перешло с восточноиранских языков — бактрийского, согдийского и хорезмийского — на западноиранский. Стремительность такого перехода, скорее всего, связана с исламом, который принял этот язык в качестве второго, перевода на него весь цикл богослужения. В результате подданные Саманидов полностью перешли на западноиранский язык, который хотя и был близок к их исконному, но все-таки заметно отличался.

Во-вторых, началось широкое распространение в городах Центральной Азии языков тюркской языковой системы. Во главе отдельных согдийских владений вставали тюркские правители, заключались смешанные браки по аристократической линии. С течением времени число пришельцев множилось, их участие в жизни и воздействие языков тюркской ориентации возрастало. По существу, Саманиды были последней династией, приверженной местным согдийским традициям, правда, персдававшимся в таджикско-иранском контексте. Самарканд, уступивший на короткое время пальму первенства саманидской Бухаре, оставался опло-

том центральноазиатского культурного наследия. Недаром великий Тимур сделал его своей столицей, построив загородные дворцы, названные по именам столиц покоренных им государств. Именно при наследниках Тимура великий узбекский поэт Алишер Навои воспроизвел на родном языке знаменитые пять поэм, до этого излагавшиеся на таджикско-персидском языке. Сменившая Тимуридов династия Шейбанидов привела к распространению и утверждению в Центральной Азии термина «узбек».

Долгое время местное население Самарканда, так же как Бухары и других центров, практиковало двуязычие. Сложные пути культурогенеза, этнических перемен и взаимодействий привели к тому, что в Центральной Азии узбеки, как и таджики, явились подлинными культурными наследниками замечательной согдийской цивилизации, да и ее ранних предшественников.

-
- Ахунбабев 1999 — *Ахунбабев Х. Г.* Дворец ихшидов Согда на Афрасиабе. Самарканд, 1999.
Массон 2004 — *Массон В. М.* Феномен тюрко-согдийского синтеза // *Диалог цивилизаций*. Бишкек, 2004. № 2/5. С. 16—18.
Массон 2006 — *Массон В. М.* Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб., 2006.
Шишкина и др. 1985 — *Шишкина Г. В., Сулейманов Р. Х., Кошелева Г. А.* Согд // *Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии*. М., 1985. С. 273—292.
Стеблин-Каменский 1990 — *Авеста (избранные гимны)* / Перевод И. М. Стеблин-Каменского. Душанбе, 1990.

СТЕПНЫЕ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Ю. Г. КУТИМОВ

Изучение памятников бронзового века Таджикистана ведется начиная с 40-х гг. XX в. Благодаря многолетним исследованиям под руководством Б. А. Литвинского, А. М. Мандельштама, Л. Т. Пьянковой, Н. М. Виноградовой и других ученых, в различных районах Таджикистана (главным образом, на юге и юго-западе) было открыто большое количество археологических комплексов позднего бронзового века.

В настоящее время на территории Таджикистана известно более 50 памятников эпохи поздней бронзы, в число которых входят могильники, единичные погребения, поселения и стоянки. Значительную часть из них составляют поселения и могильники сапаллинского облика, оставленные древнебактрийским населением, а также древности степной бронзы андроновского типа. Отдельную группу составляют памятники смешанного (земледельческо-степного) типа, представленные здесь материалами бишкентской и вахшской культур.

Исследователи неоднократно обращались к вопросам культурного взаимодействия двух различных групп населения — местного древнеземледельческого и пришлого степного. Это взаимодействие в ряде случаев носило принципиальный характер: от изменения способа хозяйствования до появления новых культурных комплексов синкретического типа (Пьянкова 1982а; 1999; Виноградова 2000).

Среди погребальных комплексов эпохи поздней бронзы Таджикистана особое место занимают могильники Дашти-Кози, Кумсай, Тандырбул, Ранний Тулхар и Тигровая Балка, в погребальных обрядах которых смешались различные культурные традиции: земледельческая, генетически связанная с оседлыми культурами южных районов Средней Азии, и степная, связанная с проникновением в глубинные районы Средней Азии в андроновское время кочевых племен из степной зоны Евразии.

Первый из этой группы памятников, могильник Дашти-Кози, расположен на левом берегу р. Зеравшан, в 50 км к востоку от современного Пенджикента. Памятник был исследован в середине 80-х гг. XX в. А. И. Исаковым и Т. М. Потемкиной (Исаков, Потемкина 1989). В конце 1990-х гг. материалы раскопок могильника Дашти-Кози были повторно, с дополнениями, изданы С. Бобомуллоевым (Бобомуллоев 1998: 66—107).

В могильнике Дашти-Кози обнаружено 27 погребений, из которых 21 одиночное, 4 парных, 1 тройное и 1 коллективное, содержавшее 7 захоронений. Общее количество погребенных, таким образом, составляет 39 человек. Все погребения совершены в подбойно-катакомбных могилах, входная яма которых заложена камнями. Погребальные камеры имеют овальную форму, их средние размеры составляют 1,2—1,7 × 0,7—1,6 м. Какие-либо надмогильные сооружения на поверхности отсутствовали. Практически все умершие, независимо от пола, лежали в могилах скорченно на левом боку (на правом боку — только 2 человека), руки

расположены в большинстве случаев перед лицом, либо одна рука находилась перед лицом, а вторая — в области живота. Ориентировки костяков в тех случаях, когда это удалось достоверно определить, имели следующие направления: на запад (5 человек), на запад-северо-запад (8 человек) и запад-юго-запад (8 человек), на восток-северо-восток (2 человека). Во всех парных и тройном погребении только один костяк лежал в анатомическом порядке, кости остальных скелетов были потревожены, что свидетельствует о более поздних подзахоронениях в эти могилы. Коллективное захоронение (погр. № 25) выделяется особенностями погребального обряда из числа других захоронений. Оно расположено на периферии могильника. На уровне древней дневной поверхности погребение было отмечено каменной выкладкой округлой формы (диаметром 2,9 м), сложенной из валунов различных размеров. Камни, составляющие окружность выкладки, были поставлены на торец, образуя оградку, внутри которой остальные камни располагались хаотично: в один-два слоя. Под выкладкой находилась подбойная могила, в которой были погребены 7 человек — 3 женщины и 4 мужчины. Умершие лежали скорченно, на левом боку, головой на восток. Инвентарь отсутствовал. Судя по расположению костяков, все умершие были погребены одновременно. Почти во всех могилах присутствовали следы кострищ, разжигавших до захоронения. Довольно часто на костях и под ними — в области черепа, таза и голеностопных суставов — встречались комочки охры, золы и мела. В некоторых случаях, по мнению автора раскопок, были обнаружены захоронения расчлененных костяков, а также погребение, в котором обнаружен только детский череп. На площади могильника располагались восемь жертвенных ям и несколько групп больших кострищ (Исаков, Потемкина 1989: 145—162).

Погребальный инвентарь могильника Дашти-Кози представлен, в основном, керамикой и бронзовыми женскими украшениями.

Керамический материал составляют две группы посуды — лепная степного облика и гончарная молалинского времени. Лепная керамика насчитывает 25 сосудов серо-желто-оранжевого цвета, изготовленных из теста с примесью раковины, шамота и дресвы. Форма большинства сосудов однообразная — это горшки с широким устьем, округлыми раздутыми боками, короткой отогнутой шейкой и скошенным наружу венчиком. Имеются горшки с раструбовидным горлом и кувшинообразные сосуды с узким горлом. Половина сосудов орнаментирована. Орнамент расположен узкой полосой на плечиках и состоит из заштрихованных треугольников, вертикальной и горизонтальной «елочки», насечек, желобков, выполненных прочерчиванием или оттисками гладкого и гребенчатого штампа. Гончарная керамика представлена двумя сосудами, один из которых — горшок с широким кольцевидным желобком по краю дна, имитирующим поддон, другой — гончарный сосуд с рифленным орнаментом. В погребениях они были найдены вместе с сосудами степного облика. В могилах посуда почти всегда находится у головы умершего, по одному-два сосуда (Исаков, Потемкина 1989: 162, 163).

В состав металлических изделий могильника Дашти-Кози входят бронзовая гривна, серьги с широким раструбом (две из которых золотые), массивные пластинчатые выпукло-вогнутые браслеты, зеркала с петелькой, крюковидная (или S-образная) подвеска с гвоздевидной шляпкой, бусы различных форм и размеров (Исаков, Потемкина 1989: 163).

Антропологические исследования костных останков 12 погребенных показали, что трое мужчин относятся к андроновскому антропологическому типу, а остальные 9, из которых семеро определены как женщины, — к средиземноморскому (Исаков, Потемкина 1989: 162).

Авторы раскопок датировали могильник Дашти-Кози XIII—XI вв. до н. э., отмечая при этом длительность процесса миграционного продвижения степных племен в глубинные районы Средней Азии (Исаков, Потемкина 1989: 163, 164). С. Бобомуллов, в целом соглашаясь с выводами авторов раскопок, датирует данный комплекс XIV—XII вв. до н. э. (Бобомуллов 1998: 96—107).

Могильник Дашти-Кози представляет собой уникальную для Средней Азии картину ярко выраженного смешения различных культурных групп населения — пришлого степного и местного земледельческого. Судя по данным антропологии, пришлыми здесь являлись мужчины — андроновцы (федоровцы), и поэтому в процессе смешения господствующее положение в обществе занял степной компонент, что очень хорошо отразилось в погребальном обряде данного могильника.

Основным датировочным материалом могильника Дашти-Кози является керамика, входившая в состав погребального инвентаря, а именно сосуды с плавной профилировкой, широко открытым устьем и орнаментом в виде нанесенных гребенчатым штампом горизонтальных рядов «елочки», которые в степной зоне четко датируются позднефедоровским временем (Зданович 1988: 114, рис. 40). Наличие пластинчатых выпукло-вогнутых браслетов и, особенно, кованых серег с широким раструбом также указывает на принадлежность пришлого степного населения к андроновской (федоровской) культуре.

Кульм огня, столь ярко представленный в могильнике Дашти-Кози, в степной зоне в наиболее развитых формах характерен только для племен федоровской культуры, в погребальном обряде которых весьма широко практиковалось разведение ритуальных кострищ на погребальных площадках, помещение остатков кострищ в могилы, подсыпки из угля, золы и красной охры (Малотина 1994: 13). Особый интерес вызывает полное отсутствие в могильнике Дашти-Кози трупосожжений, что на фоне широкого применения в погребальном обряде огня можно рассматривать как своеобразное отклонение от традиционных обрядовых норм, связанное с влиянием местных культурных традиций. Положение погребенных в могилах скорченно на левом боку и их ориентировка головой на запад в целом традиционна опять же только для андроновской (федоровской) культуры.

Наряду с этим в погребальном обряде могильника Дашти-Кози присутствуют элементы, связанные с местными оседло-земледельческими традициями захоронения умерших. В первую очередь, это конечно подбойно-катакомбный тип конструкций погребальных сооружений. Катакомба, как и подбой, имела достаточно широкое распространение в погребальных комплексах местных групп населения. Ближайшие аналогии катакомбам могильника Дашти-Кози обнаруживаются в погребальных комплексах земледельческой культуры Сапалли (могильник Джаркутан и др.) на территории Южного Узбекистана, а также в могильниках Кумсай, Тандырыул и погребальных комплексах вахшской (могильник Тигровая Балка) и бишкентской (могильник Ранний Тулхар) культур, расположенных на территории Юго-Западного Таджикистана. Традиция помещать расчлененный труп или отдельные части тела (в данном случае — головы) в могилу также имеет глубокие корни в земледельческих культурах Древнего Востока.

Таким образом, пришлые андроновцы (федоровцы), смешавшись с местными племенами земледельческого облика, заимствовали у них катакомбный обряд погребения, но при этом сохранили большую часть своих привычных традиций захоронения умерших, в особенности те, которые идеологически связаны с культом огня.

В обрядовом отношении материалы могильника Дашти-Кози имеют устойчивую и однообразную систему погребальных признаков. По всей видимости, могильник функционировал непродолжительное время. Датировать погребальные комплексы могильника Дашти-Кози следует по представленной здесь поздней федоровской керамике, время существования которой в степной зоне в настоящее время определяется второй половиной XV в. до н. э.

Следующий погребальный комплекс из данной группы памятников — могильник Кумсай, расположенный в предгорной части Гиссарской долины, был раскопан в конце 80-х гг. XX в. Н. М. Виноградовой и Л. Т. Пьянковой (Виноградова, Пьянкова 1990). В погребальном обряде этого могильника присутствуют лишь некоторые черты степной традиции захоронения, в целом могильник относится к земледельческому кругу культур.

Конструкция погребальных сооружений в могильнике Кумсай совершенно аналогична могильнику Дашти-Кози: это подбойно-катакомбные погребения с входной ямой, плотно забитой камнями. Способ захоронения — труположение скорченное на левом боку (женщины) и правом боку (мужчины).¹ Погребенные в могилах ориентированы головой на северо-восток. Каких-либо следов огня и угля в погребениях не зафиксировано. Погребальный инвентарь представлен большим количеством гончарной керамики, характерной для молаалинского этапа земледельческой культуры Сапалли, а также небольшим числом лепной сероглиняной керамики степного типа. В погребениях посуда стоит около головы умершего, в большинстве случаев по одному сосуду на человека. Из металлических изделий здесь были найдены бронзовые бусы различного вида (с ребром, без ребра, бисерные), бронзовые пластинчатые выпукло-вогнутые браслеты, а также бронзовые крюковидные подвески (S-образные) с гвоздевидной шляпкой. Антропологические исследования костных останков показали, что погребенные относятся к европеоидному восточноевропейскому типу населения (Виноградова, Пьянкова 1990: 98—110).

Исходя из аналогий гончарной керамики могильника Кумсай с глиняной посудой молаалинского этапа сапаллинской культуры Южного Узбекистана, авторы раскопок датировали данный памятник XII—X вв. до н. э. (Виноградова, Пьянкова 1990: 110).

В отличие от могильника Дашти-Кози, присутствие степных признаков в могильнике Кумсай незначительно. Здесь преобладают местные погребальные традиции. К степным элементам относятся керамические лепные сосуды, украшенные горизонтальными рядами зигзагов и треугольниками с внутренним заполнением горизонтальными линиями. Данный тип посуды в степной зоне имеет широкое распространение в федоровское время. Пластинчатые выпукло-вогнутые браслеты, как уже отмечалось выше, также достаточно часто встречаются в фодо-

¹ В могильнике Кумсай мужской пол умершего был зафиксирован только в погребении № 20, где был похоронен мальчик.

ровских комплексах. Наиболее интересными для нас артефактами, из всех обнаруженных в могильнике Кумсай, являются крюковидные (или S-образные) подвески с гвоздевидной шляпкой. Почти такая же подвеска была обнаружена в могильнике Дашти-Кози (Исаков, Потемкина 1989: рис. 8, 3), а также в могильнике Бустон VI сапаллинской культуры Южного Узбекистана, где, что примечательно, подвеска подобного типа была найдена вместе с фрагментом бегазы-дандыбайского сосуда с пастовой инкрустацией (Аванесова 1995: 64, рис. 3, 1).

Все эти факты позволяют отнести погребальные комплексы могильника Кумсай к заключительному периоду существования федоровской культуры и датировать его тем же временем, что и могильник Дашти-Кози, т. е. второй половиной XV в. до н. э.

Последний из данной группы погребальных памятников катакомбного типа Юго-Западного Таджикистана — могильник Тандырйул расположен в Гиссарской долине, на левом берегу р. Каратаг (Виноградова 1991). В культурном отношении могильник в большей степени земледельческий и имеет лишь отдельные степные включения в погребальный обряд.

Всего здесь обнаружено 34 погребения, большая часть из которых оказались разграбленными. Конструкция могил ничем не отличалась от предыдущих: это подбойно-катакомбные захоронения с закладом входной ямы камнями. Также отмечено два случая совершения погребений в обычных грунтовых ямах овальной формы (погр. № 2 и № 4). Способ захоронения — труположение скорченное на левом или правом боку, кисти рук расположены перед лицом умерших. Ввиду плохой сохранности костяков определить связь между полом погребенного и его положением на боку невозможно. В двух случаях отмечено расчленение костяка. Ориентировка погребенных в тех случаях, когда это удалось установить, — на север (1), северо-восток (4) и юго-восток (2). На дне некоторых могильных ям обнаружены уголь и остатки обожженных костей скелета. На черепах иногда встречались следы окрашивания охрой. В некоторых могилах обнаружены плохо сохранившиеся остатки костей животных. Погребенные относятся к восточноевропейскому антропологическому типу (Виноградова 1991: 68—72).

Погребальный инвентарь представлен керамикой, большей частью сделанной на круге, металлическими изделиями (миниатюрные ножички, пластины, пронизки, серьги), украшениями из камня и пасты, фигурками из необожженной глины (Виноградова 1991: 72—74).

Керамика представлена тремя группами: 1) гончарные равномерно обожженные плоскостенные сосуды, сделанные из теста хорошего качества и покрытые зеленовато-белым ангобом со следами горизонтального и вертикального лощения; 2) лепные хорошего обжига сосуды круглодонной и плоскостенной форм, изготовленные из качественного теста с примесью песка, шамота, органики и покрытые в некоторых случаях беловатым ангобом; и 3) лепные плоскостенные сосуды горшковидной формы, с широко открытым устьем, некоторые с орнаментом в виде каннелюров, нанесенных на плечики. В погребениях при умершем находилось от одного до девяти сосудов.

Большинство сосудов первой группы аналогичны молаалинской керамике культуры Сапалли, в то время как сосуды второй группы имеют близкое сходство с керамическими формами могильников Ранний Тулхар и Тигровая Балка.

В погребениях могильника Тандырйул количество степных элементов минимально, по их присутствию позволяет уточнить датировку этого памятника. Все изделия степного типа найдены в одном погребении (№ 25). Прежде всего следует назвать серьгу с раструбом из тонкого листа, свернутую в полую трубочку, один конец которой заострен и входит в полый трубчатый замок, и подвеску «арочной» формы, с отогнутыми наружу краями (Випоградова 1991: рис. 7). Данные типы украшений в степной зоне относятся, как уже отмечалось, к федоровской культуре. Горшковидный сосуд с каннелюрами (керамика третьей группы) находит прямые аналогии в керамике федоровской культуры. Ритуальную роль огня в погребальном обряде — комочки угля на дне могильных ям, обожженные кости скелетов, следы охры на черепах также следует рассматривать как заимствование степных федоровских традиций. Датировать могильник Тандырйул следует тем же временем, что и Дашти-Кози и Кумсай, т. е. второй половиной XV в. до н. э.

Как показывают материалы раскопок могильников Дашти-Кози, Кумсай и Тандырйул, в эпоху поздней бронзы на территорию Южного Таджикистана проникли степные племена, генетически связанные с андроновским (федоровским) кругом степных культур. Наиболее ярко степные традиции погребального обряда прослеживаются в могильнике Дашти-Кози, где федоровское влияние весьма выразительно. В значительно меньшем количестве федоровские элементы присутствуют в погребальном обряде могильников Кумсай и Тандырйул. Различный коэффициент присутствия степных признаков в погребальных комплексах данных могильников говорит о разных формах культурных контактов пришлого степного и местного оседлого населения на территории Южного Таджикистана в эпоху поздней бронзы. Степень отражения степных федоровских традиций в погребальном обряде этих комплексов прямо пропорциональна количеству погребенных. В могильнике Дашти-Кози процент умерших андроновского антропологического типа достаточно высок, вследствие этого такие основные элементы погребального обряда, как способ положения в могилу (92 % погребенных лежат на левом боку), ориентировка (западная), а также интенсивное использование огня при совершении захоронения, имеют ярко выраженную федоровскую принадлежность. В то же время пришлые федоровские племена, вступив в тесный контакт с местным земледельческим населением, со своей стороны полностью воспринимают подбойно-катакомбную конструкцию погребального сооружения, почти не пытаясь внести в нее свои традиционные элементы погребального обряда, такие, например, как курган, каменная обкладка могил и пр. Только в погребении № 25 могильника Дашти-Кози на уровне древней поверхности захоронение было обложено округлой каменной выкладкой, столь характерной для федоровских памятников степной зоны Евразии.

Традицию расположения посуды в погребениях могильников Дашти-Кози и Кумсай около головы покойника (по одному-два сосуда в могиле) также следует рассматривать в качестве признака культурного влияния степных погребальных традиций на местное оседлое население. В земледельческих комплексах количество посуды в одном погребении в среднем составляет 5—10 сосудов, а в некоторых случаях достигает 30 сосудов (Аскаров, Абдуллаев 1983: 11, 13, 15). На ранних этапах развития сапаллинской культуры в большинстве случаев внутреннее пространство погребальной камеры полностью заполнялось керамическими приношениями таким образом, что умерший лежал в окружении сосудов. На

могильнике Дашти-Кози количество степных элементов минимально, по их присутствию позволяет уточнить датировку этого памятника. Все изделия степного типа найдены в одном погребении (№ 25). Прежде всего следует назвать серьгу с раструбом из тонкого листа, свернутую в полую трубочку, один конец которой заострен и входит в полый трубчатый замок, и подвеску «арочной» формы, с отогнутыми наружу краями (Випоградова 1991: рис. 7). Данные типы украшений в степной зоне относятся, как уже отмечалось, к федоровской культуре. Горшковидный сосуд с каннелюрами (керамика третьей группы) находит прямые аналогии в керамике федоровской культуры. Ритуальную роль огня в погребальном обряде — комочки угля на дне могильных ям, обожженные кости скелетов, следы охры на черепах также следует рассматривать как заимствование степных федоровских традиций. Датировать могильник Тандырйул следует тем же временем, что и Дашти-Кози и Кумсай, т. е. второй половиной XV в. до н. э.

Весьма интересными представляются сравнительные наблюдения положения умерших в могилах и направлений их ориентировок в могильниках Дашти-Кози, Кумсай и Тандырйул. В могильнике Дашти-Кози практически все умершие лежат на левом боку, головой на запад, с некоторыми, по всей видимости, сезонными отклонениями на север и юг. В двух могилах погребенные имеют северо-восточную ориентировку. Положение на левом боку вне зависимости от пола и западное направление умерших в этом могильнике следует связывать с андроновским (федоровским) влиянием. В могильнике Кумсай практически все умершие ориентированы головой на северо-восток, а в могильнике Тандырйул — на северо-восток, юго-восток и север. Северо-восточная ориентировка умерших характерна для всех этапов развития сапаллинской культуры, однако ни на одном из них она не являлась господствующей (Аскаров, Абдуллаев 1983: 10—14). В могильнике Кумсай, судя по данным антропологических исследований, умершие женского пола в могилах лежали на левом боку, мужского — на правом. Данный принцип погребальной практики являлся основополагающим в погребальном обряде сапаллинской культуры, где мужчины всегда укладывались в могилу на правом боку, а женщины на левом. К сожалению, плохая сохранность костяков в могильнике Тандырйул не дает возможности рассмотреть взаимосвязь между полом умершего и его положением в могиле, однако судя по общему облику погребального обряда могильника здесь мы имеем аналогичную картину.

Таким образом, данные археологические комплексы генетически связаны, с одной стороны, с земледельческими племенами молалинского этапа культуры Сапалли, а с другой — с племенами федоровского облика степной зоны Евразии. Погребальный обряд могильника Дашти-Кози отражает непосредственное смешение двух групп населения, в могильниках Кумсай и Тандырйул мы видим лишь небольшое включение степных элементов в погребальный обряд данных памятников.

Погребальные комплексы бишкентской и вахшской культур наиболее хорошо изучены по материалам двух памятников — могильника Ранний Тулхар, исследованного А. М. Мандельштамом (Мандельштам 1968), и могильника Тигровая Балка, исследованного Б. А. Литвинским и Л. Т. Пьянковой (P'yankova 1986; Пьянкова 1989). Данные памятники расположены на территории Юго-Западного Таджикистана — могильник Ранний Тулхар в низовьях р. Кафирниган, могильник Тигровая Балка в низовьях р. Вахш.

В могильнике Ранний Тулхар представлены четыре типа могильных сооружений: 1) яма со спуском — 44 погребения; 2) яма с углублением в южной части — 9 погребений; 3) катакомба — 7 погребений; 4) каменная оградка с ямой внутри — 2 погребения. Все они принадлежат к различным хронологическим периодам, и из

всего числа погребений к эпохе поздней бронзы относятся только могилы первого и третьего типа (ямы со спуском и катакомбы).

Могилы первого типа (ямы со спуском) представляют собой овальную яму глубиной не более 1 м, в которую ведет прямоугольный пологий спуск. В некоторых могилах в пределах входного спуска были зафиксированы камни — остатки развалившейся выкладки. Длинная ось погребальной камеры в большинстве случаев ориентирована по линии З—В. Положение умерших в могилах однообразное: скорченное, на боку — мужчины на правом, женщины на левом, кисти рук лежали перед лицом. Ориентировка погребенных различная, преобладают западное и восточное направления. В состав погребального инвентаря входят лепная и гончарная посуда, металлические изделия — бронзовые ножи, бритвы, кинжал и серга, а также каменные бусины (Мандельштам 1968: 8—46).

Могилы третьего типа (катакомбные) состоят из погребальной камеры, направленной в большинстве случаев длинной осью по линии СЗ—ЮВ, и двухступенчатой входной ямы, заполненной камнями до уровня первой ступеньки. В двух случаях был зафиксирован заклад входного отверстия в погребальную камеру деревянными жердями, в одном — каменными плитами. На уровне дневной поверхности катакомбные могилы были отмечены выступами каменных закладок входных ям. Умершие в могилах лежали скорченно, женщины на левом боку (2 человека), мужчины на правом (3 человека) и на левом (2 человека) боку, кисти рук расположены либо перед лицом, либо одна рука перед лицом, а вторая между голенищами. Все умершие, как мужчины, так и женщины, лежали лицом ко входу в камеру. Ориентировка погребенных: на север (2 человека), на запад (1 человек) и северо-запад (4 человека). Около головы умерших, на полу погребальной камеры, располагалась модель миниатюрного очага — каменная прямоугольная плоская плитка с остатками угля и золы. Следы разжигания огня в виде пятен золы также встречались на верхних ступеньках входной ямы погребений. Во всех могилах присутствовали кости животных (ребра и ножка барана), которые в могилах лежали либо у стоп умершего, либо рядом с очагом. Погребальный инвентарь состоял из глиняной посуды (лепной и гончарной, всего 6 сосудов — 5 лепных и 1 гончарный), а также единичных находок каменных бусин. Во всех погребениях инвентарь располагался около головы умершего (Мандельштам 1968: 8—52).

Погребения могильника Тигровая Балка представлены курганными захоронениями. Под курганом во всех случаях была только одна могильная яма. Всего в могильнике обнаружено 130 курганов (раскопано 116), где были обнаружены остатки 82 погребенных различной сохранности. Все погребальные сооружения могильника Тигровая Балка являются подбойно-катакомбными и имеют различный внешний облик. Представлено пять основных типов погребальных сооружений: 1) могила с входной ямой овально-прямоугольной формы и погребальной камерой катакомбой (32 погребения); 2) могила с входной ямой овально-прямоугольной формы и погребальной камерой подбосом (26 погребений); 3) могила с входной ямой Т-образной формы и погребальной камерой подбосом (8 погребений); 4) могила с дромосом подтреугольной формы и погребальной камерой катакомбой (7 погребений); 5) могила с дромосом дугообразной формы и погребальной камерой подбосом (6 погребений). Во всех случаях входные ямы имели ступеньки для спуска (одну или две, в зависимости от глубины) и были полностью до уровня дна заполнены крупными камнями. В катакомбных могилах спуск в яму устраивался

с противоположной от погребальной камеры стороны, в подбойных погребениях спуск в яму находился по бокам входной ямы (Пьянкова 1989: 18—24).

Курганные насыпи могильника Тигровая Балка состояли преимущественно из галечника, иногда с включениями галечника и мелких камней. Различают 4 вида формы насыпи: 1) округлая насыпь с одним каменным кольцом по основанию либо по склону насыпи (49,1 % от общего числа); 2) округлая насыпь с двойным каменным кольцом — одно кольцо по основанию или склону насыпи, второе — вокруг насыпи за ее пределами (11,2 %); 3) округлая насыпь без колец (35,4 %); 4) насыпь подквадратной формы, ориентированная углами по сторонам света (4,3 %) (Пьянкова 1989: 16).

О положении умерших в могилах можно судить только по 54 хорошо сохранившимся погребениям. Способ захоронения — скорченное труположение, мужчины почти всегда на правом (только в 4 случаях на левом), женщины — как на левом (19 человек), так и на правом боку (12 человек). Мужчины в могилах в большинстве случаев лежат лицом ко входу в погребальную камеру (22 человека) и только в 2 случаях — спиной, из 30 женских погребений в 24 случаях умершая лежала лицом ко входу в камеру и в 6 случаях — спиной ко входу. Ориентировка погребенных различная — север (23 человека), восток (14 человек), запад (12 человек), юг (5 человек), северо-восток (5 человек), северо-запад (3 человека), юго-запад (2 человека). Большинство погребений могильника одиночные, но в четырех случаях обнаружены парные одновременные захоронения. Два из этих погребений (погр. № 6 и № 8) разнополые, умершие в могилах лежат на боку, лицом друг к другу. В одном из них мужчина лежит на правом боку, а женщина на левом; в другом, наоборот, — мужчина на левом, а женщина на правом боку. В четвертом парном погребении похоронены двое мужчин, оба лежат на правом боку. В четвертом обнаружено погребение женщины с ребенком, где женщина лежит на левом боку, а ребенок у нее на груди. В некоторых могилах погребенные покоились головами на глиняных возвышениях — «подушках» (Пьянкова 1989: 26—32).

Отдельную группу погребальных конструкций могильника Тигровая Балка составляют сооружения, не содержащие захоронений, — 29,2 % от общего числа раскопанных курганов. В их число входят четыре типа сооружений: 1) простая насыпь на поверхности древнего горизонта (53 %); 2) насыпь с каменной выкладкой под ней (20,6 %); 3) насыпь с вырытой под ней ямой, имитирующей входной дромос, заполненной крупными камнями (17,6 %); 4) насыпь с вырытым под ней входным дромосом и погребальной камерой (8,8 %), в одном случае в таком сооружении были обнаружены 4 сосуда и миниатюрный очажок, сложенный из трех камней, на котором стоял один из сосудов. Л. Т. Пьянкова все данные типы сооружений называет кенотафами (Пьянкова 1989: 24—26).

Одной из наиболее характерных черт погребального обряда могильника Тигровая Балка является использование огня. Его следы выявлены в 25 % погребений могильника, исключая кенотафы. Зафиксировано главным образом помещение углей в могилу (11 случаев), при этом ни разу огонь не разжигали в самих могилах. В погребениях также представлены миниатюрные очажки, сложенные из трех камней поблизости от входа в погребальную камеру (6 случаев), на которых стояли круглодонные закопченные сосуды (Пьянкова 1989: 119—125).

Центральную часть могильника Тигровая Балка занимают два кургана, так называемые захоронения вождей (погр. № 7 и № 8). Их насыпи, диаметром 13 м и

8 м соответственно, окружены каменными кольцами. Кроме того, вокруг обоих курганов располагались небольшие каменные курганчики, образуя внешнее каменное кольцо всего погребального комплекса. Диаметр курганчиков составлял 2—3 м. Вокруг кургана № 7 сложено 20 таких кургалчиков (диаметр внешнего кольца достигал 40—43 м), вокруг кургана № 8 — 41 курганчик (диаметр внешнего кольца равнялся 50—52 м). Под насыпями курганчиков были обнаружены следы костров в виде пятен с остатками золы и угля, разожженных в неглубоких (10—15 см) прямоугольных или овальных ямках.

Основу погребального инвентаря составляет керамика — лепная и гончарная, а также изделия из металла — бронзовые двулезвийные ножи, бритвы, кинжал, зеркала круглые и с боковой ручкой, булава, подвеска. Встречаются также кремневые наконечники стрел, каменные навершия булав, костяные наконечники стрел и дротиков. Антропологические исследования показали, что погребенные принадлежат к европеоидному, долихокранному и лептоморфному типу (Пьянкова 1989).

А. М. Мандельштам, выделив бишкентскую культуру, отметил существенное отличие погребального обряда могильника Ранний Тулхар от других памятников эпохи бронзы Средней Азии. Исследователь оставил вопрос о происхождении бишкентской культуры открытым, хотя допускал, что в формировании бишкентской общности могли принять участие две группы населения: потомки заманбабинцев, которые принесли с собой катакомбный обряд погребения, и племена андроновской культуры, благодаря которым население бишкентской культуры познакомилось с культом огня. Учитывая возможные связи со степными племенами, А. М. Мандельштам считал носителей бишкентских традиций индоиранцами (Мандельштам 1968: 130—141; 1972: 14). Исследователь сначала отнес ямы со спуском Раннего Тулхарского могильника к XIII—IX вв. до н. э., а катакомбные погребения к IX—VIII вв. до н. э. (Мандельштам 1968: 93—94), но впоследствии передатировал весь могильник серединой—второй половиной II тыс. до н. э. (Мандельштам 1972: 10).

Происхождение вахшской культуры первоначально связывалось с расселением оседло-земледельческих племен культуры Намазга VI с территории Южного Туркменистана (Литвинский 1964: 158), однако в дальнейшем происхождение вахшских комплексов было генетически связано с земледельческими культурами Северного Афганистана, при этом не отрицалось возможное участие в сложении вахшской культуры степного населения (Пьянкова 1982б: 10; 1989: 89—92).

Опираясь на результаты сопоставления бишкентских и вахшских комплексов, Л. Т. Пьянкова сделала заключение об их генетической близости, хотя истоки их формирования, по ее мнению, следует искать в различных культурах: бишкентских — в культуре Сапалли Южного Узбекистана, а вахшских — в древнеземледельческой культуре Северного Афганистана. Исходя из этого, Л. Т. Пьянкова синхронизировала бишкентские и вахшские комплексы и датировала могильники Ранний Тулхар и Тигровая Балка XI—X вв. до н. э. (Пьянкова 1982б: 10—12; 1982а: 56; 1989: 92—100). Синхронное возникновение вахшской и бишкентской культур, по мнению Л. Т. Пьянковой, следует соотносить с процессом перехода части земледельческого населения Северного Афганистана и Южного Узбекистана к занятию скотоводством. Этот процесс был ускорен постоянными контактами со степным населением, частично участвовавшим в сложении скотоводческих культур

тур древней Бактрии (Пьянкова 1989: 99—100; P'yankova 1994: 368—369).² Аналогичного мнения придерживается и исследователь североафганских памятников В. И. Сариниди (Сариниди 1977: 147). А. А. Аскарлов со своей стороны связывает происхождение бишкентцев и нахшцев с расселением племен сапаллинской культуры на молалинском этапе ее развития, которые стали основой для формирования бишкентской и вахшской культур (Аскарлов 1977: 115; 1981: 108, 109).

Кроме этих существуют также и другие точки зрения на проблему происхождения и хронологии бишкентских и вахшских памятников. В. А. Алёшкин связывает появление катакомбного обряда погребения на территории Юго-Западного Таджикистана с проникновением сюда катакомбных племен из степной зоны Евразии (или родственных им заманбабинцев), которые участвовали в формировании бишкентско-вахшских комплексов. Исходя из этого, В. А. Алёшкин придерживается более ранней датировки данных памятников — вторая четверть II тыс. до н. э. (Алёшкин 1986: 100; 1989: 154).

Е. Е. Кузьмина также считает, что в сложении бишкентской культуры приняло участие заманбабинское население, мигрировавшее сюда из низовий Зеравшана (Кузьмина 1972: 134, 135; 1994: 229).

Н. М. Виноградова оставляет вопрос о происхождении бишкентских и вахшских комплексов открытым, но при этом объединяет бишкентскую и вахшскую культуры в одну, с двумя локальными вариантами — вахшским и бишкентским. Исследователь датирует бишкентско-вахшские комплексы второй половиной II тыс. до н. э., выделяя три хронологические группы. В первую группу — XV—XIII вв. до н. э. — Н. М. Виноградова включает ямы со спуском могильника Ранний Тулхар, а также могильники Кумсай и Тандырыул, соотнося их хронологически с молалинским этапом развития сапаллинской культуры Южного Узбекистана; во вторую группу — XIII—XI вв. до н. э. — катакомбные погребения могильника Ранний Тулхар, поселение и могильник Кангуртут и поселение Тегузак (нижний горизонт), соотнося их с бустонским этапом сапаллинской культуры; в третью группу — X—VIII вв. до н. э. — включаются могильник Тигровая Балка, поселение Кангуртут и Тегузак (верхний горизонт) (Виноградова 2004: 99—101).

В. Д. Рузанов предложил датировать могильник Ранний Тулхар в пределах XVI—XII вв. до н. э., исходя из сопоставления химического состава сырья тулхарского металла с сапаллинским (Рузанов 2000: 142—144), однако его схема слабо подтверждается сравнительной типологией материалов.

Несложно заметить, что исследователи базируют свои заключения на различных аспектах проблемы культурной атрибуции бишкентских и вахшских комплексов. Одни исследователи (А. М. Мандельштам, Л. Т. Пьянкова, Н. М. Виноградова) датируют данные памятники, исходя из типологического сопоставления

² Данные антропологии подтверждают теорию Л. Т. Пьянковой о происхождении вахшской и бишкентской культур лишь частично. Сравнительный анализ антропологических материалов показал определенное сходство между населением вахшской культуры и племенами Северного Афганистана и, отчасти, Северо-Западного Пакистана, чего нельзя сказать о населении бишкентской и сапаллинской общности. Антропологический тип носителей бишкентской культуры, судя по представленным выводам антропологов, не имеет близких связей на территории древней Бактрии, истоки происхождения этого населения лежат вне пределов Средней Азии (Князкина 1982: 69, 70). Таким образом, представляется вероятным, что в сложении бишкентской культуры помимо сапаллинцев и степных племен участвовало иное население, происхождение которого остается неясным.

материалов могильников Ранний Тулхар и Тигровая Балка, где обнаруживается достаточно близкое сходство с культурными комплексами оседло-земледельческого населения Южного Узбекистана и Северного Афганистана. Для других исследователей (В. А. Алёшкин, Е. Е. Кузьмина) определяющее значение имеет катакомбный обряд погребения могильников Ранний Тулхар и Тигровая Балка, который, по их мнению, свидетельствует о культурных связях населения, оставившего эти комплексы, со степными катакомбными племенами или с их «потомками» заманбабинцами, выступающими в данном случае в качестве наиболее ранней группы носителей катакомбной традиции обряда погребения в Средней Азии.

При столь широких разногласиях в вопросах культурно-хронологической атрибуции бишкекской и вахшской культур исключительное значение приобретают отдельные признаки погребального обряда и предметы сопроводительного инвентаря (главным образом, изделия из металла), найденные в могильниках Ранний Тулхар и Тигровая Балка, которые могут быть привлечены для абсолютной датировки данных археологических комплексов.

В могильнике Ранний Тулхар все изделия из металла происходят из так называемых ям со спуском, которые А. М. Мандельштам датировал более ранним временем, чем катакомбные (Мандельштам 1968: 92—94). На более позднюю датировку катакомбных погребений указывает их локализация: практически все они находятся на северной окраине могильника, образуя компактную, отдельно расположенную группу захоронений (Мандельштам 1968: 143, табл. II). В одном случае имеется факт нарушения целостности одного погребения другим (погр. № 18 и погр. № 19), однако неясно, какое из этих погребений раннее, а какое более позднее: то ли яма со спуском стратиграфически перекрывает катакомбное погребение, то ли при сооружении катакомбы было нарушено погребение в виде ямы со спуском.

К числу металлических изделий могильника Ранний Тулхар относятся два двулезвийных черешковых ножа: один из них (из погр. № 51) имеет вытянутое лезвие, широкий черешок с асимметричными выступами в средней части и выемками в месте перехода от черешка к лезвию (рис. 1, 1), второй нож (из погр. № 58) характеризуется вытянутым лезвием подтреугольной формы и узким черешком с небольшим выступом в его нижней части (рис. 1, 5). А. М. Мандельштам условно охарактеризовал эти ножи как «ножи срубного типа», указывая на их возможное степное происхождение, и датировал их в пределах второй четверти II тыс. до н. э.—начала I тыс. до н. э., отмечая, что данные ножи можно рассматривать как вариант «ножей с выемкой у основания», широко распространенных в степной зоне в эпоху поздней бронзы (Мандельштам 1968: 62, 77).

Надо полагать, что прототипом ножа из погр. № 51 могильника Ранний Тулхар являются так называемые двулезвийные «ножи с намечающимся перекрестием» федоровской культуры. Согласно классификации Н. А. Аванесовой, федоровские двулезвийные ножи имеют следующие признаки: длина лезвия составляет до 2/3 длины всего ножа, формируется устойчивое перекрестие, выемки смешаются от средней части лезвия к рукоятки (Аванесова 1991: 23, 24). На территории Средней Азии находки двулезвийных ножей с перекрестием немногочисленны: два из них, наиболее архаичные, были найдены в Ташкентском оазисе (Кузьмина 1966: 41, табл. VIII, 7, 15), один нож федоровского времени был найден на р. Узу-Ахмат в Кыргызстане (рис. 1, 2) (Кузьмина 1966: 41). Двулезвийный нож, типологически

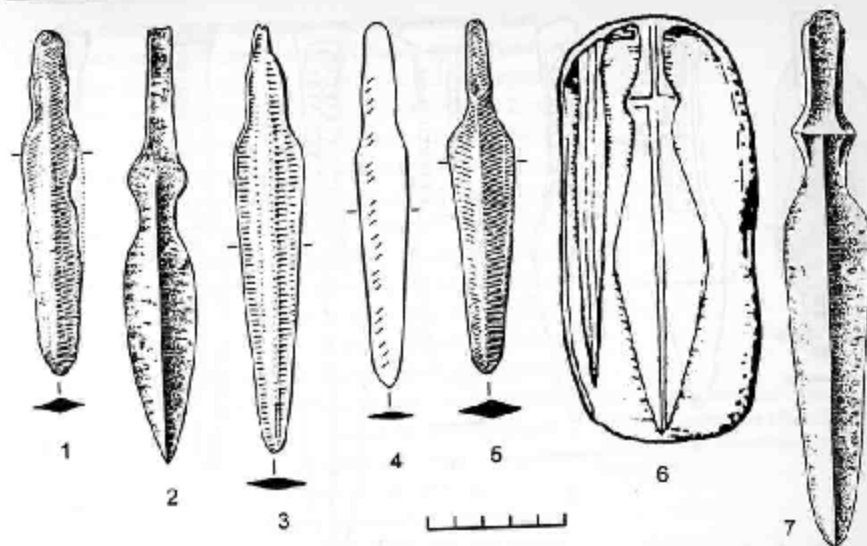

Рис. 1. Двулезвийные ножи с перекрестием (1—4) и упором (5—7): 1 — Ранний Тулхар (по Мандельштам 1968); 2 — Узу-Ахмат (по Кузьмина 1966); 3 — Сумбар I (по Хлопик 1983); 4 — Минусинский край (по Аванесова 1991); 5 — Ранний Тулхар (по Мандельштам 1968); 6 — Кангуртут (по Виноградова 2004); 7 — Ташкентский оазис (по Кузьмина 1966)

очень близкий ножу из могильника Ранний Тулхар, был найден при раскопках могильника Сумбар I в Юго-Западном Туркменистане (рис. 1, 3) (Хлопик 1983: табл. LXI, 14).

Таким образом, по ряду признаков нож из погр. № 51 могильника Ранний Тулхар можно отнести к двулезвийным ножам федоровской культуры. Однако общая невыразительность федоровских признаков на данном ноже — невыраженное перекрестие и слабо выраженные выемки, смещенные к рукоятке, — свидетельствует об его позднем происхождении, что позволяет датировать этот нож саргаринско-алексеевским (постфедоровским) временем (XIV—XIII вв. до н. э.). В степной зоне типологически очень близкие аналогии этому ножу известны в Южной Сибири (рис. 1, 4), где они датируются позднефедоровским-раннесаргаринским временем (Аванесова 1991: 25).

Второй нож, из погр. № 58 могильника Ранний Тулхар, имеет клинок подтреугольной формы, а также длинный и узкий черешок с небольшим выступом при переходе от клинка к черешку (рис. 1, 5). По схеме А. М. Мандельштама, этот нож также можно рассматривать как вариант «ножа с перекрестием», но вполне вероятно, что выступ в нижней части черешка является не перекрестием, а упором. В этом случае данный нож можно считать вариантом «ножа с упором». Согласно типологической классификации, «ножи с упором» являются продолжением линии развития «ножей с перекрестием», имеют различные типы и датируются в степной зоне саргаринско-алексеевским временем (Кузьмина 1966: 44; Аванесова 1991: 25). На территории Южного Таджикистана каменная литая форма для отливки «ножа с упором» была обнаружена при раскопках поселения Кангуртут (рис. 1, 6)

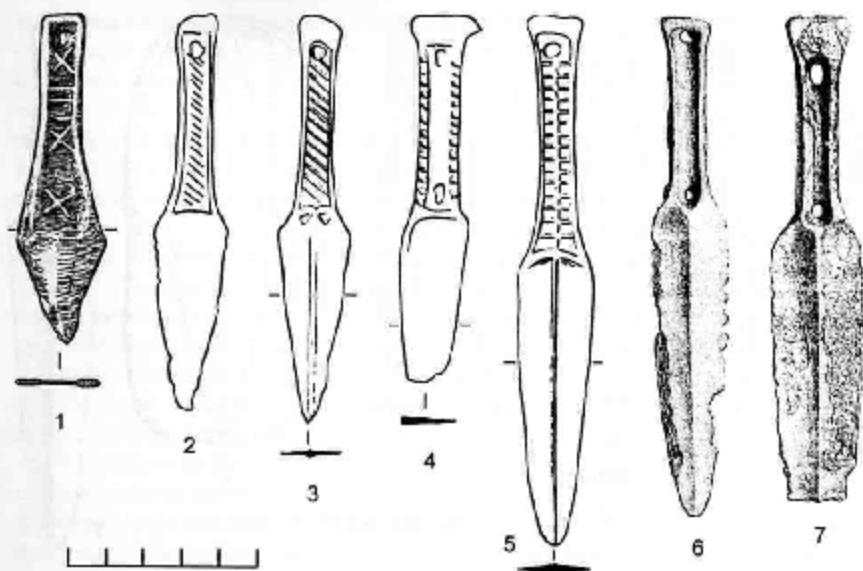

Рис. 2. Кинжалы и ножи с желобчатой рукояткой с отверстием: 1 — Ранний Тулхар (по Мандельштам 1968); 2—5 — Восточный Казахстан и Южная Сибирь (по Черников 1960; Членова 1976); 6, 7 — Западная Сибирь (по Молодин 1993)

(Виноградова 2004: 75), кроме того, двулезвийный нож (кинжал) с упором и подтреугольным лезвием происходит из Ташкентского оазиса (рис. 1, 7) (Кузьмина 1966: 43).

В погр. № 6 могильника Ранний Тулхар обнаружен кинжал со сточенным клинком и желобчатой рукояткой с отверстием и рельефным орнаментом в виде трех крестовидных фигур (рис. 2, 1). А. М. Мандельштам, сославшись на работу С. С. Черникова (Черников 1960), отнес данный кинжал к типу «кинжалов с обо-собленной рукояткой», распространенных в Восточном Казахстане в XIII—XI вв. до н. э. (Мандельштам 1968: 78)

К сожалению, клинок орудия сточен, и поэтому остается неясным его тип — был ли он двулезвийным кинжалом или же однолезвийным ножом. Весьма характерной является желобчатая, с небольшим отверстием, рукоятка кинжала. Подобная форма рукоятей — с желобчатыми углублениями и отверстиями — была достаточно широко распространена в степной зоне во второй половине II тыс. до н. э., причем по форме клинка орудия с такой рукояткой бывают как однолезвийные (ножи), так и двулезвийные (кинжалы). В частности, ножи и кинжалы с плоской двояковогнутой ручкой, орнаментированной рельефным орнаментом, известны на территории Восточного Казахстана, Западной и Южной Сибири (рис. 2, 2—7).

Некоторые исследователи связывали происхождение подобных кинжалов с карасукской культурой и датировали эти артефакты карасукским временем в пределах XIII—XI вв. до н. э. (Черников 1960: 83; Членова 1976: 51). Однако их принадлежность, так же как и принадлежность ряда других металлических изделий к карасукским формам, носит отчасти условный характер (Хаврин 1994).

По представлению ряда исследователей, наиболее ранними орудиями с подобными рукоятками являются кинжалы из погребений кротовской культуры Западной Сибири (рис. 2, 6, 7) и кинжалы 2-го Каракольского клада с зооморфными навершиями, выполненными в сейминском стиле (Винник, Кузьмина 1981: 49), которые датируются федоровским временем (Молодин 1993: 14; Бехтер 1999: 305). Существует также мнение об их более позднем (постфедоровском) происхождении, не связанном с носителями федоровской культуры (Винник, Кузьмина 1981: 51; Кирюшин, Шульга, Грушин 2006: 47). Наиболее близкие типологические параллели кинжалам из могильника Ранний Тулхар имеются среди орудий Восточного Казахстана и Южной Сибири (рис. 2, 2—5), датируемых саргаринско-алексеевским временем (Аванесова 1991: 28).

Одним из датированных предметов погребального инвентаря могильника Ранний Тулхар является также обломок бронзового двулезвийного наконечника стрелы с башневидной головкой (рис. 3, 1). Наконечник стрелы, найденный в Раннем Тулхаре, типологи-

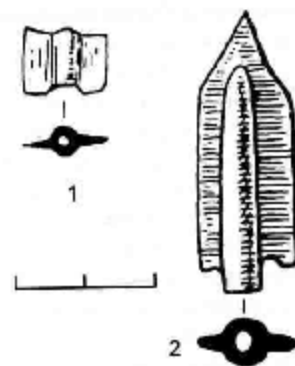

Рис. 3. Наконечники стрел: 1 — Ранний Тулхар (по Мандельштам 1968); 2 — Кайраккумы (по Кузьмина 1966)

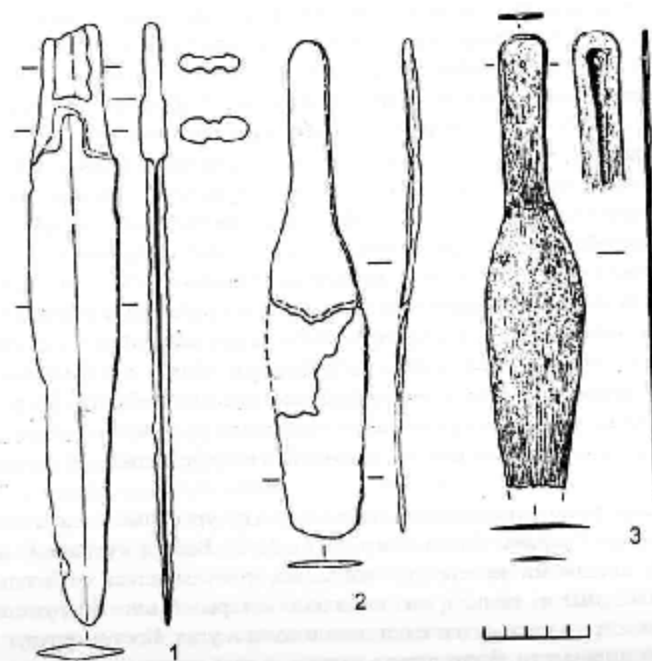

Рис. 4. Двулезвийные ножи: 1, 2 — Тигровая Балка (по Р'уепкова 1986); 3 — Вахшугар (по Р'веладзе 1981)

чески очень близок наконечнику стрелы из Кайраккумского поселения (рис. 3, 2), который в свою очередь восходит к саргаринской культурной традиции (Аванесова 1991: 44, рис. 39).

Интересная серия металлических изделий была найдена в могильнике Тигровая Балка (Р'уанкова 1986: 50—52). Среди прочего в комплексе находок имеется двулезвийный нож, типологически близкий ножу из погр. № 51 могильника Ранний Тулхар, но с несколько видоизмененным черепком (рис. 4, 1), а также кинжал с вытянутой ручкой и расширенным в средней части лезвием (рис. 4, 2). Длинный кинжал морфологически полностью соответствует кинжалу, найденному близ кишлака Вахшчувар в Южном Узбекистане (Ртвеладзе 1981), который имеет весьма интересную деталь — желобчатую рукоятку с отверстием в верхней части (рис. 4, 3). Вполне возможно, что подобное оформление рукоятки является производным от рукоятки кинжала из могильника Ранний Тулхар.

Устройства надмогильных сооружений могильника Тигровая Балка (курганы различных типов с каменными кольцами, выложенными по основанию и склону насыпи) имеют прототипы в аналогичных надмогильных сооружениях федоровских и саргаринских погребальных комплексов Центрального и Северного Казахстана (Зданович 1988; Кадырбаев, Курманкулов 1992). В могильнике Ранний Тулхар, среди прочих типов могильных конструкций, присутствуют два погребения в каменных оградках, традиция сооружения которых в большей степени опять же характерна для федоровского и саргаринского времени.

В могильнике Тигровая Балка имеется довольно большая (около 30 % от общего числа) и разнообразная группа погребальных сооружений, не содержащая захоронений. Л. Т. Пьянкова определяет их как кенотафы (Пьянкова 1989: 24). На наш взгляд, под это определение из данной группы погребальных сооружений подходит только четвертый тип — каменная насыпь с вырытым под ней входным дромосом и погребальной камерой, в которой присутствовали погребальный инвентарь (керамика) и модель очага, сложенная из камней. Остальные типы погребальных конструкций, где отсутствуют и захоронение, и инвентарь, по всей видимости, представляют собой кенотафы с несохранившимся погребальным инвентарем. Погребения такого рода известны в могильнике Бустон VI бустонского этапа культуры Сапалли Южного Узбекистана (Аванесова 1995: 64). Данный тип могильных сооружений широко практиковался в погребальных комплексах федоровской культуры степной зоны Центрального Казахстана (Малютина 1994: 12).

Традиция использования огня в погребальном обряде могильников Ранний Тулхар и Тигровая Балка (помещение углей в могилу в погребениях Тигровой Балки и разжигание огня до захоронения на ступеньках дромоса в Раннем Тулхаре) также относится к андроновской (федоровской и постфедоровской) погребальной традиции.

Весьма интересными являются так называемые курганные «захоронения вождей» могильника Тигровая Балка (погр. № 7 и № 8). Вокруг курганных насыпей, окруженных внешними каменными кольцами, располагались небольшие курганчики, сложенные из камней, под насыпями которых были обнаружены следы разжигания костра в виде пятен с остатками золы и угля. Костры вокруг кургана № 7, по всей видимости, были чем-то залиты, о чем свидетельствует спекшаяся в плотный комок зола; в кострах вокруг кургана № 8 были обнаружены мелкие обгорелые кости животных (козла и барана) (Пьянкова 1989: 17). Аналогичные

типы сооружений были открыты в могильнике Бустон VI сапаллинской культуры Южного Узбекистана (Аванесова 1995). Здесь они были сделаны не из камня, а из глины, что обусловлено строительными традициями оседлых земледельческих культур, и представляют собой небольшие (0,9 × 0,9 м) квадратные или прямоугольные углубления в земле (до 0,5 м) с бортиком, внутренние стенки и пол которых сильно прокалены огнем. В одном из таких сооружений внутреннее заполнение составляла зола, спекшаяся в комок, что свидетельствует о заливании огня какой-то жидкостью; второе сооружение было заполнено золой, угольками и мелкими обгорелыми костями животного, здесь же были найдены фрагменты андроновской керамики. По заключению Н. А. Аванесовой, данные сооружения представляли собой «алтари для культовых возлияний и ритуальной трапезы», происхождение которых следует связывать с проникновением андроновцев, принявших участие в формировании погребальной идеологии бустонского населения (Аванесова 1995: 66, 67, 69). Весьма характерным является одинаковый принцип расположения этих сооружений: и в Тигровой Балке, и в Бустоне VI данные «алтари» располагаются рядом с сакральным центром могильников — в Тигровой Балке они составляют один комплекс с «захоронениями вождей», а в могильнике Бустон VI входят в комплекс так называемого крематория.

Данные параллели в сфере погребального обряда позволяют синхронизировать могильник Тигровая Балка с бустонским этапом развития культуры Сапалли.

Таким образом, наличие в погребальных комплексах могильников Ранний Тулхар и Тигровая Балка довольно большого набора степных признаков дает нам основание отнести памятники бишкентской и вахшской культур к финальной стадии эпохи поздней бронзы. По шкале степной хронологии данные комплексы можно синхронизировать с саргаринско-алексеевским периодом существования андроновской культурной общности, который в настоящее время датируется XIV—XIII вв. до н. э.

Для могильника Тигровая Балка имеется пять некалиброванных радиоуглеродных дат, однако только одна из них подтверждает предлагаемую нами датировку: 3350 ± 60 лет (1380 ± 60 л. до н. э.). Остальные четыре образца, взятые на радиоуглеродный анализ, дали весьма противоречивые результаты: от второй половины III тыс. до н. э. до первой половины I тыс. до н. э. (Пьянкова 1989: 171).

Конструкция погребальных сооружений бишкентских и вахшских комплексов представляет собой несколько модифицированный тип подобно-катакомбных погребений сапаллинской культуры Южного Узбекистана и дашлинской культуры Северного Афганистана. Новшества заключаются в изменении некоторых частных особенностей могильных сооружений, например входная яма вместо сырцовых кирпичей закладывается крупными камнями. Наиболее интересным видом модификации подобно-катакомбных погребений оседлых земледельцев являются так называемые ямы со спуском могильника Ранний Тулхар (Мандельштам 1968: 53—57). Принцип организации погребального пространства «ямы со спуском» абсолютно аналогичен катакомбному погребению, смысл которого заключался в сооружении могильной конструкции, обряд погребения в которую предполагал совершение не просто одноактового захоронения, а отправлений долговременных, возможно имеющих определенную внутреннюю периодичность, ритуальных действий. Таким образом, «ямы со спуском» могильника Ранний Тулхар представляют собой, так сказать, «облегченный» вариант катакомбного погребения:

погребальная камера не заглублялась в землю полностью, а перекрывалась сверху легким навесом на деревянном каркасе (Мандельштам 1968: 57). Надо полагать, что подобное облегчение катакомбной конструкции погребения обусловлено отпавлением более сложных и разнообразных, по сравнению с катакомбой, форм погребальных ритуалов.

Обращает на себя внимание также некоторое различие мужского и женского труположения в погребениях вахшской и бишкентской культур. В могильнике Тигровая Балка четкой закономерности в положении умерших нет: мужчины лежат в большинстве случаев на правом боку, но также и на левом, лицом ко входу в погребальную камеру (22 человека) или спиной (2 человека); женщины в погребениях располагаются как на левом (19 человек), так и на правом боку (12 человек), в большинстве случаев лицом ко входу в погребальную камеру, но иногда и спиной. В катакомбных погребениях Раннего Тулхарского могильника все умершие независимо от пола лежали лицом ко входу в камеру, женщины на левом боку (2 человека), мужчины на правом (3 человека) или на левом (2 человека) боку. В могилах типа «яма со спуском» могильника Ранний Тулхар наблюдается более определенная закономерность: все мужчины неизменно лежат на правом боку, женщины на левом. При этом и мужчины и женщины в одиночных погребениях лежат лицом ко входу, однако в парных погребениях мужчина лежит лицом ко входу, а женщина спиной ко входу, лицом к мужчине. Отсутствие четких правил в отношении мужского и женского труположения, фиксируемое в погребениях вахшской культуры могильника Тигровая Балка и катакомбных погребениях могильника Ранний Тулхар, столь же характерно для погребальных комплексов древнеземледельческих памятников Северного Афганистана, где принцип размещения мужчин и женщин в могилах также не имел определенных норм (Сарианиди 1977: 51). В этом отношении принцип мужского и женского положения в захоронениях типа «ям со спуском» могильника Ранний Тулхар ближе всего стоит к погребальному обряду населения сапаллинской культуры, для которых характерно четкое противопоставление мужского и женского положения в могилу: мужчины всегда лежат на правом боку, а женщины на левом. Разница между данными признаками в погребальном обряде сапаллинцев и бишкентцев заключается лишь в направлении расположения мужчины и женщины относительно входа в погребение, что в наибольшей степени отмечается в парных погребениях. В погребениях сапаллинской культуры парных разнополюх захоронений весьма мало и практически все они одновременные. Большая часть из них «двухуровневые», т. е. в одиночной могиле, где уже лежал один усопший, подсыпался слой земли, на котором размещались останки второго. В тех немногочисленных погребениях, где оба костяка лежат на одном уровне, можно отметить, что по отношению друг к другу в одних случаях они расположены лицом, а в других — спиной (Аскарлов 1973: 52, рис. 23, табл. IV; 1977: табл. II; Аскарлов, Абдуллаев 1983: 10, 48, табл. I). Общая картина парного погребения, таким образом, зависела от очередности захоронений: если первым был похоронен мужчина, то умершие лежат спиной друг к другу, если первой была женщина — тогда лицом. В бишкентской культуре в парных погребениях типа «ям со спуском» мужчина укладывался в соответствии с традицией одиночного захоронения, т. е. вдоль стенки камеры, противоположной входу, лицом ко входу, а женщина рядом с ним, но уже спиной ко входу и лицом к мужчине. Такое положение женщин в могильнике Ранний Тулхар отмечается в том числе и

в символических парных погребениях, где тело мужчины отсутствует, но для него как бы оставлено место в могиле. Весьма интересно, что в бишкентской культуре большинство парных захоронений одновременные, а в тех случаях, когда захоронение разновременное, нет ни одного погребения, где женщина была бы похоронена первой.

Особое внимание следует обратить также на керамические материалы бишкентской и вахшской культур. Подробные сравнительные анализы керамических комплексов могильников Ранний Тулхар и Тигровая Балка в свое время были проведены авторами раскопок (Мандельштам 1968: 87—89; Пьянкова 1989: 57—77). А. М. Мандельштам в своем анализе керамики могильника Ранний Тулхар наибольшее число близких аналогий видел в керамических комплексах периода Намазга VI Южного Туркменистана, главным образом в керамике земледельческих памятников Мургабского оазиса. При этом исследователь отмечал, что «непременным условием получения достоверного и достаточно точного результата является наличие опорных сопоставимых комплексов из той же культурно-исторической области, в пределах которой находится памятник» (Мандельштам 1968: 87). К сожалению, памятники типа Сапалли и Дашлы на территории древней Бактрии были открыты несколько позже, и А. М. Мандельштам имел в своем распоряжении достаточно ограниченный материал для сравнительного анализа. Только в свете новых открытий стало понятно, что столь далекие аналогии керамике могильника Ранний Тулхар, предложенные А. М. Мандельштамом, обусловлены единством культурного облика древнеземледельческих комплексов древней Бактрии и Маргианы времени Намазга VI. Позднее исследовательницей вахшской культуры Л. Т. Пьянковой было доказано, что в комплексе керамических изделий могильника Ранний Тулхар имеются две основные группы сосудов: первая из них находит аналогии в керамическом материале молалинского этапа культуры Сапалли, а вторая имеет близкое сходство в керамике вахшской культуры (Пьянкова 1982а: 44—49). Что касается керамики вахшской культуры, то, по заключению Л. Т. Пьянковой, практически все типы керамики могильника Тигровая Балка (за исключением одного) находят себе достаточно близкие (в некоторых случаях даже тождественные) аналогии в керамике древнеземледельческой культуры Северного Афганистана, где наибольшее сходство отмечается в керамических комплексах памятников Дашлы 17, Дашлы 19 и верхних (постхарапских) слоев поселения Шортугай (Пьянкова 1989: 57—77, 134, 135; P'yankova 1994: 369, табл. 9). Выводы, к которым пришла Л. Т. Пьянкова в своих работах, остаются полностью правомерными и в настоящее время.

Одним из наиболее ярких признаков, представляющих собой хронологический индикатор, является наличие в керамике вахшской культуры сосудов с концентрическим лепным валиком, украшенным косыми насечками. Данный элемент рельефной орнаментации хорошо известен на посуде степных племен, в первую очередь в керамике саргаринско-алексеевской (постфедоровской) и хвалынской (постерубной) культурных групп населения. Валиковая посуда в степной зоне Евразии явление весьма позднее, основное время ее бытования относится к заключительным периодам позднего бронзового века — к XIV—XIII вв. до н. э.

Керамические изделия могильников Ранний Тулхар и Тигровая Балка весьма сходны с керамикой земледельческих памятников эпохи поздней бронзы Южного Узбекистана и Северного Афганистана и представляют собой одну генетическую

линию развития керамического производства, но с ярко выраженной спецификой некоторых форм (орнаментированность валиком, крупнодонность), обусловленную смешением с керамическими традициями степной зоны и кочевым образом жизни. Присутствие в комплексе могильника Тигровая Балка большого числа различных типов керамики свидетельствует о развитой высококачественной технологии производства керамической посуды, при которой вырабатывались определенные типологические стандарты.

Суммируя все вышеизложенные выводы, можно сделать следующие заключения в отношении происхождения и хронологии комплексов вахшской и бишкентской культур. Большое число различных признаков позволяет синхронизировать данные памятники с заключительной фазой эпохи позднебронзового века, которая в степной бронзе характеризуется появлением так называемой «общности культур валиковой керамики», основными носителями которой являлись саргаринско-алексеевские (андроновские) племена.

Происхождение вахшских и бишкентских комплексов следует связывать с проникновением на территорию Южного Таджикистана отдельных групп земледельческого населения даштинской общности Северного Афганистана и сапаллинской культуры Южного Узбекистана на бустонском этапе ее развития.

Первая большая волна переселения племен сапаллинского облика на территорию современного Таджикистана синхронизируется с моладалинским этапом культуры Сапалли и характеризуется появлением здесь таких памятников, как Дашти-Кози, Тандырбул, Кумсай и другие, в комплексах которых отмечается довольно большой процент степных андроновских (позднефедоровских) культурных признаков. Вторая волна земледельческого населения пришла уже с территории Северного Афганистана несколько позднее и, судя по археологическим материалам, встретила здесь со степными племенами саргаринского облика.

Схему синхронизации археологических комплексов степной зоны и Южного Узбекистана с памятниками Южного Таджикистана можно представить пока только в самом общем виде (табл. 1) Границы между этапами различных культурных групп носят условный характер, однако общая картина развития представляется в целом верной.

Таблица 1

Схема синхронизации археологических комплексов эпохи поздней бронзы

Датировка	Степная зона	Южный Узбекистан	Южный Таджикистан
XII век до н. э.	Постандроновские комплексы	Культура расписной керамики	Культура расписной керамики
XIII век до н. э.	Саргаринско-алексеевская культура	Бустонский этап культуры Сапалли	Вахшская культура. Могильник Тигровая Балка
XIV век до н. э.			Бишкентская культура. Могильник Ранний Тупхар
XV век до н. э.	Федоровская культура (поздний этап)	Моладалинский этап культуры Сапалли	Могильники Дашти-Кози, Кумсай, Тандырбул

Смешение двух культурных традиций (пришлой степной и местной оседлой) в эпоху поздней бронзы Таджикистана наиболее показательно проявляется в по-

гребальном обряде могильников Дашти-Кози, Кумсай, Тандырбул, Ранний Тупхар и Тигровая Балка. Основным типом могильного сооружения здесь является подбойно-катакомбная конструкция могилы, имеющая глубокие корни в земледельческих культурах древней Бактрии. В смешанном обществе степные племена полностью перенимают традицию катакомбных захоронений, однако вносят в погребальный обряд собственные, привычные им культурные элементы, выраженные, во-первых, — в интенсивном использовании камня при сооружении погребальных конструкций (каменные курганы, ограды из вертикально поставленных плит, вымостка, захоронения в камennых ящиках, каменное заполнение дромосов погребений и пр.), во-вторых, — в применении в погребальных церемониях ритуальных действий, связанных с культом огня (разжигание огня в погребениях, подсыпка угля, сооружение алтарей для жертвенного сожжения животных, кремация умерших). Смешение различных идеологических представлений двух различных культурных групп населения создавало почву для появления новых форм ритуалов, таких как, например, помещение модели домашнего очага в погребение.

Переход племен сапаллинской и даштинской общности от оседлого образа жизни к подвижному скотоводству был обусловлен благоприятными для разведения и содержания домашнего скота природными условиями, в которых они обитали. Скотоводство имело значительный вес в экономике оседлых племен. На поселениях сапаллинской культуры найдено большое количество костей домашних животных, судя по которым в скотоводческом хозяйстве сапаллинцев основное внимание уделялось разведению мелкого рогатого скота (55%), на втором месте — крупного рогатого скота (36,4%) (Аскарлов 1973: 130). Приоритет скотоводства в укладе хозяйственной деятельности населения сапаллинской общности свидетельствует об их достаточно высокой мобильности (Алехин 1975: 51). Однако весьма показательно, что переход оседлого населения к пастушеству протекал в рамках слияния с племенами степной зоны Евразии.

Аванесова 1991 — Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, 1991.

Аванесова 1995 — Аванесова Н. А. Новое в погребальном обряде сапаллинской культуры // АВ. 1995. № 4. С. 63—72.

Алехин 1975 — Алехин В. А. Сапаллитела // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1975. Вып. 2. С. 49—51.

Алехин 1986 — Алехин В. А. Проблема происхождения археологических культур неолита — бронзы Средней Азии (по данным погребальных обрядов) // ИБМАИКЦА. 1986. Вып. 11. С. 96—103.

Алехин 1989 — Алехин В. А. Культурные контакты древних племен Средней Азии (неолит — эпоха бронзы) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 150—157.

Аскарлов 1973 — Аскарлов А. А. Сапаллитела. Ташкент, 1973.

Аскарлов 1977 — Аскарлов А. А. Древоземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.

Аскарлов 1981 — Аскарлов А. А. К датировке культуры Заманбаба // Культура и искусство Древнего Хорезма. М., 1981. С. 99—110.

Аскарлов, Абдуллаев 1983 — Аскарлов, А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан. Ташкент, 1983.

Бехтер 1999 — Бехтер А. В. Сейминское и андроновское клинковое оружие: к проблеме взаимодействия традиций // Stratum Plus. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. № 2. С. 298—306.

- Бобомулов 1998 — *Бобомулов С.* Верховья Заравшана во II тысячелетии до н. э. Душанбе, 1998.
- Витвик, Кузьмина 1981 — *Витвик Д. Ф., Кузьмина Е. Е.* Второй Каракольский клад Киргизии // КСИА. 1981. Вып. 167. С. 48—53.
- Виноградова 1991 — *Виноградова Н. М.* Могильник Тандырйул в Южном Таджикистане // ИБМАИКСА. 1991. Вып. 18. С. 68—88.
- Виноградова 2000 — *Виноградова Н. М.* Исследование контактов земледельческого и степного населения на юге Средней Азии (Южный Таджикистан) в эпоху поздней бронзы // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000. С. 89—109.
- Виноградова 2004 — *Виноградова Н. М.* Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004.
- Виноградова, Пьянкова 1990 — *Виноградова Н. М., Пьянкова Л. Т.* Могильник Кумсай в Южном Таджикистане // ИБМАИКСА. 1990. Вып. 17. С. 98—112.
- Званович 1988 — *Званович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.
- Исаков, Потемкина 1989 — *Исаков А. И., Потемкина Т. М.* Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА. 1989. № 1. С. 145—167.
- Кадырбаев, Курманкулов 1992 — *Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж.* Кулхура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата, 1992.
- Кирюшин, Шульга, Грушин 2006 — *Кирюшин Ю. Ф., Шульга П. И., Грушин С. П.* Случайные находки бронзовых предметов в Северо-Западных предгорьях Алтая // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006.
- Кияткина 1982 — *Кияткина Т. П.* Палеоантропология Средней Азии в эпоху неолита и бронзы // Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). Душанбе, 1982. С. 65—72.
- Кузьмина 1966 — *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия неолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966. САИ. Вып. В 4-9.
- Кузьмина 1972 — *Кузьмина Е. Е.* К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии // Вестник древней истории. 1972. № 1. С. 131—147.
- Кузьмина 1994 — *Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии? М., 1994.
- Литвинский 1964 — *Литвинский Б. А.* Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов) // Индия в древности. М., 1964. С. 143—165.
- Малюткина 1994 — *Малюткина Т. С.* Федоровская культура Урало-Казахстанских степей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
- Мандельштам 1968 — *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. 1968. № 145.
- Мандельштам 1972 — *Мандельштам А. М.* История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.; Л., 1972.
- Молодин 1993 — *Молодин В. И.* Новый вид бронзовых кинжалов в погребениях хэровской культуры // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 4—16.
- Пьянкова 1982а — *Пьянкова Л. Т.* Древние скотоводы Бактрии (о захшкской и бишкектской культурах) // Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). Душанбе, 1982. С. 42—64.
- Пьянкова 1982б — *Пьянкова Л. Т.* Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильников эпохи бронзы низовий Вахша и Кызылсу): Автореф. дис. ... канд. вет. наук. М., 1982.
- Пьянкова 1989 — *Пьянкова Л. Т.* Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильника Тигровая Балка). Душанбе, 1989.
- Пьянкова 1999 — *Пьянкова Л. Т.* Степные компоненты в комплексах бронзового века Юго-Западного Таджикистана // Stratum Plus. СПб., Казань; Одесса, 1999. № 2. С. 286—297.
- Ртвеладзе 1981 — *Ртвеладзе Э. В.* Бронзовый кинжал из Южного Узбекистана (Вахшувар) // СА. 1981. № 1. С. 285—286.
- Рузнов 2000 — *Рузнов В. Д.* Новые данные о дате погребений типа «ямы со слуском» Тулхарского могильника // Взаимодействие культур и цивилизаций. СПб., 2000. С. 142—144.
- Серваниди 1977 — *Серваниди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
- Хаврин 1994 — *Хаврин С. В.* Карасукская проблема? // Петербургский археологический вестник. СПб., 1994. Вып. 8. С. 104—113.
- Хлопин 1983 — *Хлопин И. Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л., 1983.
- Черников 1960 — *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 88.
- Членова 1976 — *Членова Н. Л.* Карауекские кинжалы. М., 1976.
- P'yankova 1986 — *P'yankova L. T.* Jungbronzezeitliche Gräberfelder im Vachš-Tal, Süd-Tadžikistan. München, 1986.
- P'yankova 1994 — *P'yankova L. T.* Central Asia in the Bronze Age: sedentary and nomadic cultures // Antiquity. 1994. Vol. 68. No. 259. P. 355—372.

**ЛОКАЛИЗАЦИЯ НАРОДОВ VI—III ВВ. ДО Н. Э.
НА СЕВЕРНЫХ ГРАНИЦАХ КИТАЙСКИХ ГОСУДАРСТВ
(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ПИСЬМЕННЫМ
ИСТОЧНИКАМ)**

А. А. КОВАЛЕВ

Китайские исторические источники содержат наименования ряда народов, принимавших участие в истории государств Янь, Чжао и Цинь в эпоху Чжаньго (конец V—конец III вв. до н. э.). Вопросы о территории обитания этих народов в различные периоды, их происхождении и дальнейшей судьбе еще далеки от разрешения. В археологической литературе последних десятилетий было сформулировано немало предположений об этнической атрибуции памятников раннего железного века, исследованных на землях юго-востока Внутренней Монголии, севера провинций Шэньси, Шаньси, Хэбэй (Линь Юнь 1993; 1996; Бэйцзин Яньцин... 1989; Цзинь Фэнъи 2001: 211—213; Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 2004: 181—195; Ян Цзяньхуа 2004: 80—83), однако эти предположения не находятся в прямой связи с текстологическими штудиями китайских ученых, подвергших тщательному анализу письменные источники, повествующие о событиях эпохи Чжаньго. Выявляется настоятельная необходимость в исследовании ситуации на северных границах царств Янь, Чжао и Цинь на основе синтеза всех доступных данных при условии применения соответствующих методов исследования для каждой из разнородных групп источников.

К письменным источникам, по данным которых может быть проведена такая работа, относятся памятники эпохи Чжаньго либо более поздние сочинения, в состав которых включены тексты доциньского времени, в том числе и в изложении. К нарративным памятникам такого рода, содержащим информацию, непосредственно относящуюся к предмету исследования, относятся следующие.

«Ши цзи» («Записи историка») (ШЦ 1996) — историческое сочинение конца II—начала I в. до н. э., созданное на основе более ранних хроник, документов, исторических и философских произведений, в большинстве своем не дошедших до нашего времени. По общему мнению, Сыма Цянь стремился к дословному воспроизведению используемых текстов (Кроль 1970: 204—353; Крюков 1972: 49—50; Hulsevė 1993: 405—407).

«Чжаньго цэ» (ЧГЦ 1995), «Шо юань» (1976) — составленные во второй половине I в. до н. э. Лю Сянем компиляции анекдотов военно-политической, моральной и философской тематики, избранных, в том числе, из текстов доханьского времени. В своем труде «Бе лу» Лю Сян подчеркивает стремление к аутентичному изложению текстов более ранних сочинений с использованием метода «двойного сличения» (взаимной проверки двумя людьми текстов оригинала и копии) (Васильев 1968: 7—9, 45; Tsuen-hsui Tsien 1993: 1—4; Knechtges 1993).

«Чжу шу цзи нянь» (Гу бэнь... 1997) — сочинение, составленное непосредственно из фрагментов хроник, обнаруженных в гробнице правителя царства Вэй, захороненного не позже середины III в. до н. э. (БА 2005: 5—17).

«Чжаньго цзунхэн цзя шу» («Книга школы цзунхэн эпохи Чжаньго») (название условное) (ЧГЦ 1995: 1337—1366) — сборник историко-политических анекдотов, относящихся к эпохе Чжаньго, содержание которого частично совпадает с «Чжаньго цэ» и эпизодами «Ши цзи». Был найден в 1973 г. в могиле западноханьского времени в Мавадуй (Чанша, провинция Хубэй). Редакция сборника отличается от тех, которыми мог пользоваться Лю Сян при составлении «Чжаньго цэ» и Сыма Цянь при создании «Ши цзи», что открывает широкие возможности для реконструкции первоначального облика текстов (Tsuen-hsüan Tsien 1993: 8—9).

Ряд текстов, восходящих к эпохе Чжаньго, сохранился в составе сборников и энциклопедий постханьского времени. Так, фрагмент утраченной части «Чжаньго цэ» с рассказом о подвигах чжаоского полководца Ли Му в борьбе с северными варварами, имеющий текстуальные расхождения с аналогичным фрагментом из «Ши цзи», оказался включенным в энциклопедию «Тай-пин юй лань» (Ян Куань 2001: 1066—1067).

Непосредственно к рассматриваемому периоду относятся эпиграфические памятники, из которых для настоящей работы особый интерес представляют прежде всего надписи на предметах вооружения царств Цинь, Чжао, Янь, нередко с указанием года правления соответствующего вана, имен низестоящих правителей, места дислокации арсенала и т. п. (см., напр., Чэнь Пин 2003), а также надписи на предметах, изготовленных китайскими мастерами для представителей «варварских» племен (Хуан Шэнчжан 1985: 340—348).

Ряд дошедших до нас исторических, философских и литературных трудов ханьского времени и более позднего периода содержит суждения авторов о военно-политической ситуации в эпоху Чжаньго, о локализации соответствующих населенных пунктов и укреплений варварских племен, а также толкования «темных мест» в тексте источников. Можно полагать, что отчасти позиции авторов этих сочинений основаны на знании текстов эпохи Чжаньго, не дошедших до нашего времени. Однако во многих случаях, несомненно, мы имеем дело с субъективной позицией автора либо с изложением не менее субъективной точки зрения его предшественника. Бывает, что автор опирается на сложившуюся к его времени традицию или передает так называемую «народную этимологию». Из сочинений данного вида для настоящей работы интерес представляют прежде всего «Хань шу» («История династии Хань») (Бань Гу, вторая половина I в.) (XIII 1997), географические труды «Шуй цзин чжу» (Ли Даюань, конец V—начало VI в.) (Шуй цзин чжу... 1999), «Ко ди чжи» (Ли Тай, VII в.) (Ко ди чжи... 2005), «Юань-хэ цзюнь сянь ту чжи» (Ли Цифу, 813 г.) (Юань-хэ... 2005), комментарии к «Ши цзи» (см. ШЦ 1996): «Цзи цзе» (Пэй Инь, V в.), «Со инь» (Сыма Чжэнь, первая половина VIII в.), «Чжэн и» (Чжан Шоуцзе, VIII в.); комментарии Ху Саньсиня к «Тун цзянь» (XIII в.) (Тун цзянь... 1986).

Работа с письменными источниками по истории Древнего Китая невозможна без применения методов источниковедческого анализа, внешней и внутренней критики. Основной путь для извлечения исторической информации — сравнительные исследования всей совокупности доступных текстов в широком историческом контексте. Сугубо источниковедческий анализ не является главной целью настоящей работы. Перечень литературы, посвященной датировке, верификации, реконструкции и толкованию письменных источников по эпохе Чжаньго, необозрим; в последние годы появилось несколько новых фундаментальных трудов по

этой теме (Чэнь Пин 1995; Ян Куань 2001; Синь Дэюн 2005), на которые можно опираться при проведении синтеза данных письменной истории и археологии, что, впрочем, не освобождает нас от обязанности критического подхода к выводам историков, источниковедов и лингвистов.

Археологические источники, использованные которых для разрешения вопросов локализации «варварских народов» на границах китайских государств необходимо, можно разделить на две основные группы. К первой относятся сохранившиеся фрагменты «длинных стен», а также иных укреплений периодов Чжаньго, Цинь и Хань, строящихся по северным границам китайских государств (см. обзор археологической литературы о стенах царства Янь — Чэнь Пин 2006: 406—408; свод сведений об археологически прослеженных длинных стенах на территории Внутренней Монголии и севера Хэбэй — Ли Юю 2001; описание сохранившихся фрагментов стен царства Цинь и Ши-хуана на северо-западе — Пэн Сичжу 1990). Если локализация стен, построенных по северной границе царствами Чжао и Янь, не вызывает особых сомнений, то проблема северо-западного отрезка длинных стен царства Цинь в совокупности с вопросом о пределах завоеваний Цинь Ши-хуана в Ордосе еще далека от общепризнанного решения. Вероятно, выявленные китайскими исследователями длинные стены, идущие от сегодняшнего Юйлина к Токото, были построены только лишь при Ши-хуанди, а северо-западные пределы царства Цинь обозначались оборонительной линией, выстроенной ранее Чжао-сян ваном от Линьтао до Суйдэ (Ковалев 2002: 161—175). Вторая группа источников охватывает погребения, клады, случайные находки и поселения, относящиеся к «варварским» культурам этого времени, а также отдельные предметы «северных типов», встреченные в комплексах, относящихся к культуре населения царств Янь, Чжао и Цинь. Материалам раскопок памятников «северных культур» и аналогичным находкам на Центральной равнине посвящены несколько монографий, изданных в последнее десятилетие (Miyake Toshihiko 1999; Ли Хайжун 2003; Ян Цзяньхуа 2004; Уэньлюэсыту 2007). К сожалению, в обобщающих работах по так называемым северным культурам отсутствует собственно выявление археологических культур. Китайские исследователи подразумевают под «культурой» набор памятников одного региона, датирующихся приблизительно одним периодом. В чем заключается типологическое единство этих памятников и чем данная типологическая общность отличается от сопредельных и синхронных «культур», остается не раскрытым. Этот подход нашел воплощение и в последней сводной работе Института археологии Академии общественных наук Китая по археологии эпохи Чжоу (Чжунго каогусюэ... 2004: 515—547). Ряд западных ученых предпочитает говорить о «группах памятников», локализуемых в отдельных «зонах» (Linduff 1997: 33—75; Bunker 2003). Для целей нашего исследования не было необходимости в группировке всего археологического материала, обнаруженного на «северных территориях» и относящегося к рассматриваемому периоду. Главной задачей работы является определение земель, занимаемых различными народами, упомянутыми в письменных источниках. Археологическая культура (общность, субкультура) в целом как продукт археологической типологии, так же как и любая устойчивая совокупность типов и стилей, естественно, связана с деятельностью населения, имевшего в древности определенные этнонимы. Однако никаких заведомо определенных «этнических» черт материальной культуры, пригодных на все случаи, выявить невозможно; недопустимо заранее постулировать, является ли

выделенная нами типологическая единица продуктом деятельности одного либо нескольких народов, пользовавшихся одним или несколькими наименованиями; неизвестно и то, насколько наименования народов, употреблявшиеся их соседями (в данном случае — китайцами), отражают реальное этническое членение «варваров». Кроме того, как выясняется, с этническими общностями могут коррелировать самые различные признаки материальной культуры, причем зачастую такие, которые не считаются «ведущими», «основными» в процессе выделения культур. Таковы, например, различные типы височных колец, маркировавшие в древнерусской культуре племенную принадлежность владелицы (дискуссию об этническом содержании археологической культуры см. Клейн 1991: 145—153). Проблемы определения ареалов обитания различных бесписьменных варварских племен на периферии империи и выявления «этнических признаков» этих племен в материальной культуре путем синтеза данных письменных и археологических источников давно и успешно разрабатываются специалистами по римскому времени Европы (Eggers 1950; Nachmann et al. 1962). Выясняется, что разрешению задачи локализации народов, известных по письменным источникам сопредельного им государства (государств), и при этом подтверждению реальности существования этих «народов» как самостоятельных этнических общностей, могут помочь любые признаки материальной культуры, если они хронологически и территориально коррелируют с указаниями письменных источников, а также с археологическими памятниками, этническая принадлежность которых сомнению не подлежит.

Для целей настоящей работы были отобраны фрагменты письменных памятников, восходящих к эпохе Чжаньго и содержащих упоминания о племенах «дунху», «линху», «лоуфань», «сюнну», о северных пограничных территориях царств Янь, Чжао, Цинь: Юйчжун, Гасюэ, Юньчжун, Цзююань, Яньмэнь, Дай и других, а также о выстроенных указанными царствами «длинных стенах» по северным границам.

1. «Ши цзи», цзюань 110 «Сюнну лечжуань».

«На севере от Цинь жили жуны, (называвшиеся) линху и лоуфань, а на севере от царства Янь — дунху и шаньжунь» (ШЦ 1996: 2883; цит. по Таскин 1968: 36). Это сообщение, несомненно, является авторским пассажем Сыма Цяня, обобщающим его представления о расселении варварских племен на определенный момент. Скорее всего, таким образом охарактеризована ситуация VII в. до н. э. (см. Комиссаров 1988: 88), поскольку ранее приведено описание деяний циньского Му-гуна, а после цитируемого текста следует фраза: «Через сто с лишним лет после этого Дао-гун, правитель царства Цинь...» (ШЦ 1996: 2883); циньский Му-гун правил с 659 по 621 г. до н. э., а циньский Дао-гун — с 572 по 558 г. до н. э. (ШЦ 1996: 581—602, 629—636). К сожалению, никаких исторических свидетельств пребывания линху, лоуфань и дунху на границах китайских государств в столь ранний период, могших послужить источниками для автора «Ши цзи», не выявлено, что вызывает недоверие к тексту Сыма Цяня. Историкограф вполне мог экстраполировать сведения о дислокации варварских племен в конце IV—начале III в. до н. э. на ситуацию периода Чунью.

2. «Ши цзи», цзюань 43 «Чжао шицзя». «...В день бин-ской третьей луны мы даем тебе возможность, совершив переворот, уничтожить род Чжи. Ты также утвердишься в сотне наших селений, мы пожалуем тебе земли линху. В будущих поколениях появится сильный ван...» (ШЦ 1996: 1795). Перевод Р. В. Вяткина (Сыма

Цянь 1992: 55), в отличие от перевода Э. Шаванна (Chavannes 1905: 44—46), искажает смысл оригинала. Отрывок представляет собой часть письма-предсказания, адресованного некими «небесными посланниками» чжаоскому Сянь-цзы. Получено это предсказание было, судя по контексту цзюани «Чжао шицзя», в 454—453 гг. до н. э. (ШЦ 1996: 676—677). Контекст предсказания указывает на то, что чжаоский Сянь-цзы должен был лично овладеть территориями линху.

3. «Шо юань», цзюань 1 «Цзюнь дао». «Яньский Чжао-ван, спрашивая Го Вэй, сказал: «Мои земли утеснены, населения мало. Цисцы отобрали и уничтожили восемь (трих) крепостей, сюнну из всех сил стремятся покорить лоуфаней» (Шо юань 1976: 33; Сюн Цуньжуй 1981: 112). Перевод уточнен мною по сравнению с ранее предложенным (Ковалев 2002: 153). Судя по контексту, совещания Чжао-вана с Го Вэем на эту тему имели место сразу после воцарения вана, т. е. в 312 г. до н. э. (см. Чэнь Пин 1995, т. 2: 2—4).

4. «Ши цзи», цзюань 69 «Су Цинь лечжуань» (ШЦ 1996: 2243), «Чжаньго цэ», цзюань 29 «Янь 1», параграф «Су Цинь цзян вэй цун, бэй шо Янь Вэньхоу» (ЧГЦ 1995: 1039). «(Су Цинь) <...> обращаясь к яньскому Вэнь-хоу, сказал: «У Янь с востока Чаосянь, Ляодун, с севера — линху, лоуфань, с запада — Юньчжун, Цзююань <...> Кроме того, если Цинь нападет на Янь, (его войскам будет необходимо) перевалить через Юньчжун, Цзююань, пройти через Дай, Шангу...». В тексте перевода Р. В. Вяткина (Сыма Цянь 1996: 96), в отличие от перевода Дж. Крампа (Chan-Kuo Ts'e 1970: 506), имеется ряд неточностей. Этот разговор Су Циня с яньским Вэнь-хоу Сыма Цянь отнес в «погодных таблицах» (цзюань 15) к 28 году правления последнего, т. е. к 334 г. до н. э. (ШЦ 1996: 727; см. Сыма Цянь 1984: 275). Чэнь Пин предполагает, что рассматриваемые поучения Су Циня были произнесены в 310 г. до н. э., поскольку именно тогда к яньскому Чжао-вану съехались мудрецы для совета о дальнейшей борьбе с Ци (см. выше пункт 3); в это же время состоялись беседы Су Циня и яньского Чжао-вана о противодействии циской угрозе, которые нашли отражение в «Шо юань» (цзюань 1 «Цзюнь дао») и в «Чжаньго цэ» (параграф «Су Цинь сы, ци гэ Су Дай юй цзи чжи»), причем в последнем отрывке слова Су Циня приписаны ошибочно его брату Су Даю (Чэнь Пин 1995, т. 2: 20—21).

5. «Ши цзи», цзюань 69 «Су Цинь лечжуань» (ШЦ 1996: 2249), «Чжаньго цэ», цзюань «Чжао 2», параграф «Су Цинь цун Янь чжи Чжао ши хэ цун» (ЧГЦ 1995: 641). Слова Су Циня: «... Если Цинь нападет на Хань и Вэй, то Чу отрезает противнику тылы, Ци посылает отборные войска им на помощь, [войска] Чжао переходят реки Хуанхэ и Чжанхэ, а [войска] Янь обороняют [район] Юньчжуна» (квадратные скобки добавлены мною. — А. К.) (цит. по Сыма Цянь 1996: 100, см. также Chan-Kuo Ts'e 1970: 290). Судя по последовательности событий в цзюани 69 «Ши цзи», беседа правителя Чжао с Су Цинем, по мнению Сыма Цяня, должна была произойти в 334 г. до н. э. (см. ШЦ 1996: 2250; Сыма Цянь 1996: 101). Однако хронология событий в «Ши цзи» нарушена. Чэнь Пин утверждает, что Су Цинь мог попасть к чжаоскому правителю только лишь в период с 308 по 306 гг. до н. э. (Чэнь Пин 1995, т. 2: 16). Представляется, что данный диалог мог состояться не ранее 306 и не позднее 295 г. до н. э., поскольку в его контексте упоминается уход к тому времени от дел (а не смерть!) фэньян-цзюня Чэна, до 306 г. находившегося у власти, а с 295 г., после убийства своего племянника, «Чжуфу» Улин-вана, вернувшего себе былое могущество (ШЦ 1996: 1809—1813).

6. «Ши цзи», цзюань 70 «Чжан И лечжуань» (ШЦ 1996: 2298), «Чжаньго цэ», цзюань 29 «Янь 1», параграф «Чжан И вой Цинь по цун лянхэн, вэй Янь ван» (ЧГЦ 1995: 1052). (Слова циньского Чжан И, обращенные к яньскому Чжао-вану). «Если сейчас вы, Великий ван, не станете служить Цинь, циньский [правитель] (в оригинале — «Цинь». — А. К.) пошлет своих латников на Юньчжун [и] Цзюань, он также принудит чжаоские [войска] (в оригинале — «принудит Чжао также». — А. К.) напасть на Янь, и в результате ни река Ишуй, ни Великая стена (в оригинале — «чан чэн» (длинные стены). — А. К.) не помогут вам» (квадратные скобки отсутствуют в переводе Р. В. Вяткина) (цит. по Сыма Цянь 1996: 136). Этот разговор происходил, судя по тексту «Ши цзи», накануне смерти циньского Хуйвана (310 г. до н. э.), скорее всего, в 311 г. до н. э. (ШЦ 1996: 733—734; Сыма Цянь 1996: 137; Чэнь Пин 1995, т. 2: 12—13).

7. «Ши цзи», цзюань 43 «Чжао шицзя» (Слова чжаоского Улин-вана, обращенные к Лоу Хуаню). «Мой покойный предшественник <...> разбил линь жэнь в Жэнь <...> Сегодня Чжуншань [сидит болью] в моем нутре, на севере [у меня] Янь, на востоке — ху, на западе — граница с линьху, лоуфань, Цинь, Хань...» (ШЦ 1996: 1806). Использованы переводы Э. Шаванна (Chavannes 1905: 70—71) и Р. В. Вяткина (Сыма Цянь 1992: 61) с уточнениями. Согласно комментарию «Чжэн и» этнонимом «линь жэнь» («народ Линь», «лесные люди»?) обозначено племя линьху (см. ШЦ 1996: 1806). Контекст речи Улин-вана говорит о том, что «линь жэнь» были разгромлены не пекинами «предшествующими ванами», а конкретно отцом Улин-вана Су-хоу, правившим с 349 по 326 г. до н. э. На восток от Чжао во время произнесения рассматриваемой речи Улин-ваном располагались царства Чжуншань и Ци (ЧГЛШДТЦ 1982, т. 1: 37—38), никаких варваров «ху» в этих местах источники не упоминают. Чжаном Шоуцзэ была сделана попытка объяснить слова «дун ю ху» («на востоке [от Чжао] — ху»). Комментатор предположил, что под этими «ху» подразумеваются дунху и ухуани, заселявшие в эпохи Чжоу и Хань земли на границах современного ему танского округа Инчжоу (ШЦ 1996: 1806). Однако этот танский округ охватывал запад современного Ляонина (ЧГЛШДТЦ 1982, т. 5: 50—51), а варвары, жившие на столь отдаленной территории, вряд ли могли быть предметом сентенции Улин-вана, перечислившего именно соседние государства и народы — непосредственную угрозу для Чжао. Поскольку выражение «дун ю ху» не имеет никаких подтверждений в историческом контексте, представляется правомерным предположить ошибку при переписке источника. Наиболее вероятна ошибочная вставка иероглифа «ю». Без этого слова начало фразы приобретает вид: «на север [от Чжао] — Янь, дунху». Этот отрывок относится к девятнадцатому году правления Улин-вана, приходящемуся на 307 г. до н. э. (ШЦ 1996: 734, 1805).

8. «Ши цзи», цзюань 43 «Чжао шицзя» (Слова чжаоского Улин-вана, обращенные к фэньян-цзюню Чэну). «...На востоке нашего государства текут воды Хуанхэ и Боло, разделяемые (нами) вместе с Ци и Чжуншань, [однако мы] не используем весельные суда. [К нашим землям, простирающимся] от [гор] Чаншань до Дай [в одну сторону и] до Шандана [в другую сторону], с востока [прилегают] пределы Янь, дунху, а с запада — граница с лоуфанями, Цинь, Хань, однако на сегодняшний день [мы] не подготовили верховых стрелков. Если я не буду использовать весельные суда, каким образом население, живущее по обоим берегам реки, сможет защитить воды Хуанхэ и Боло? Верховые стрелки в из-

мененной амуниции [необходимы] для обеспечения защиты [наших] рубежей с Янь, “тремя ху”, Цинь, Хань» (ШЦ 1996: 1809). Аналогичный пассаж содержит «Чжаньго цэ», цзюань «Чжао 2», параграф «Улин-ван пин чжоу цзянь цзюй», в дополнение к «трем ху» здесь упомянуты еще и «лоуфань» (ЧГЦ 1995: 657). Переводы Э. Шаванна (Chavannes 1905: 80—81), Д. Крампа (Chan Kuo Ts'e 1970: 299), Б. Прушека (Prusek 1971: 224), Р. В. Вяткина (Сыма Цянь 1992: 64) содержат ряд неточностей, в связи с чем приводим здесь наш перевод. В «Ши цзи» диалог между фэньян-цзюнем Чэном и Улин-ваном, из которого взят рассматриваемый отрывок, отнесен к девятнадцатому году Улин-вана, что соответствует 307 г. до н. э. (ШЦ 1996: 734, 735, 1809).

9. «Чжаньго цэ», цзюань 19 «Чжао 2», параграф «Ван по Юаньян». «Вслед за тем ван ввел (в армии) одеяния ху, повел конные [отряды] против ху». Он вышел из «Ворот Забвения», преодолел преграды «Девяти пределов», пересек труднодоступные места «Пяти троп», достиг «центра [расселения] ху» (в настоящее время признан аутентичным вариант из издания Яо Хуна — «чжи Юйчжун» («до Юйчжуна»)) (Чжан Циньчан, Ван Яньдун 1993: 481), однако переводчик последовал тексту «Бао бэнь» — «чжи ху чжун» (ЧГЦ 1995: 675, примеч. 4), открыл «земли протяженностью в тысячу ли» (ЧГЦ 1995: 675, цит. по Васильев 1968: 191). Этот поход вплоть до Юйчжуна Улин-ван, согласно «Чжаньго цэ», совершил после того, как он вторгся в район под названием «Юаньян», стремясь превратить его в базу для своей кавалерии. Юаньян же, согласно комментариям из «Бао бэнь», находился в Юньчжуне (ЧГЦ 1995: 672—673, примеч. 2). Если упомянутый в «Ши цзи» поход Улин-вана вплоть до Юйчжуна (см. ниже пункт 10) соответствует описанной здесь кампании, то последняя состоялась в 306 г. до н. э.

10. «Ши цзи», цзюань 43 «Чжао ши цзя». «На двадцатом году [Улин-]ван отнял земли [царства] Чжуншань вплоть до Нинцзя, на западе отнял земли ху вплоть до Юйчжуна. Ван линьху преподнес лошадей. По возвращении [Улин-вана] <...> Первый советник царства Дай — Чжао Гу, управляя племенами хусцев, собрал их войска» (ШЦ 1996: 1811). Из всех переводов этого отрывка на европейские языки наиболее адекватным является перевод Де Грота (De Groot 1921: 35), переводы Э. Шаванна и последовавшего ему Р. В. Вяткина (Chavannes 1905: 84; Сыма Цянь 1992: 66) использовать невозможно (Ковалев 2002: 166—167). Сообщение относится к двадцатому году правления Улин-вана, т. е. к 306 г. до н. э. (ШЦ 1996: 735).

11. «Гу бэнь Чжу шу цзинянь». «На семнадцатом году вэйского Сан-вана в Ханьдане (столице царства Чжао) приказали, чтобы рабы чиновников и сановников были переселены в Цзююань» (цит. по: Васильев 1998: 249).

12. «Ши цзи», цзюань 43 «Чжао ши цзя». «На двадцать шестом году вновь падали на Чжуншань, захватили земли на севере вплоть до Янь, Дай, на западе вплоть до Юньчжуна, Цзююаня» (ШЦ 1996: 1811). Перевод Де Грота (De Groot 1921: 36) ошибочен; переводы Э. Шаванна (Chavannes 1905: 87) и Р. В. Вяткина (Сыма Цянь 1992: 66) неточно передают источник, согласно которому Юньчжун и Цзююань неоднократно оказываются на чжуншаньской границе. Двадцать шестой год правления Улин-вана соответствует 300 г. до н. э. (ШЦ 1996: 736).

13. «Ши цзи», цзюань 43 «Чжао ши цзя». «Чжуфу решил повелеть сыну управлять государством, а сам, одевшись по-хуски, встав во главе командного состава, на северо-западе захватить земли ху; также решил от Юньчжуна, Цзююани напря-

мик на юг внезапно напасть на Цинь, поэтому обманым путем в качестве посланника вступил в Цинь» (ШЦ 1996: 1812—1813). Переводы Э. Шаванна (Chavannes 1905: 88) и последовавшего ему Р. В. Вяткина (Сыма Цянь 1992: 66, 67) представляют поход Чжуфу на северо-запад в качестве инспекционной поездки, Де Грот правильно переводит иероглиф «люэ» как «ergriff Besitz» («захватил») (De Groot 1921: 36). Цитируемый текст, скорее всего, представляет собой авторское обобщение Сыма Цяня. Первым годом правления сына Улин-вана, принявшего имя Хуй-вэнь-ван, является 298 г. до н. э. (ШЦ 1996: 737)

14. «На втором году Чжуфу отправился на новые земли, при этом выехал из Дай, на западе повстречался с ваном лоуфаней на западном отрезке излучины Хуанхэ и получил (набрал (в свою армию). — А. К.) его войска» (ШЦ 1996: 1813). Правильно передают смысл данной фразы переводы Э. Шаванна и Де Грота (Chavannes 1905: 89; De Groot 1921: 36). Перевод Р. В. Вяткина (Сыма Цянь 1992: 67) не может использоваться прежде всего из-за ошибочного толкования иероглифа «чжи», который употреблен здесь в том же смысле, что и в предшествующей фразе о варварских войсках, которые собрал для Чжао дайский сянь Чжао Гу (текст из ШЦ 1996: 1813, см. Сыма Цянь 1992: 66, толкование см. Ян Куань 2001: 684—685). Второй год правления Хуй-вэнь-вана — 297 г. до н. э. (ШЦ 1996: 737).

15. «Ши цзи», цзюань 43 «Чжао ши цзя». «На третьем году уничтожили Чжуншань, переселили его вана в Фуши. Начиная от Линшоу подчинились северные земли, открылся путь в Дай» (ШЦ 1996: 1813). Перевод Р. В. Вяткина (Сыма Цянь 1992: 67) использован быть не может, в отличие от переводов Шаванна и Де Грота (Chavannes 1905: 89; De Groot 1921: 36); о толковании фразы см. Ян Куань 2001: 690—692. Третий год правления Хуй-вэнь-вана — 296 г. до н. э. (ШЦ 1996: 737).

16. «Чжаньго цэ», цзюань 12 «Ци 5. Су Цинь шуй Ци Минь-ван». Су Цинь, увещевая цинского Минь-вана, сказал: «...однажды Ци, Янь сражались в извилинах Хуань, Янь не справилось (с Ци), потеряло сто тысяч рядовых. Хусцы напали на несколько яньских уездов лоуфаней, угнали их быков и лошадей...» (ЧГЦ 1995: 434). Имеющиеся переводы К. В. Васильева (Васильев 1968: 211) и Дж. Крампа (Chan Kuo Ts'e 1970: 198) содержат принципиальные ошибки (Ковалев 2002: 154). Поскольку выражения, использованные Су Цинем, дают основания предполагать, что он обращается к Минь-вану в тот момент, когда правитель Ци принял императорский титул (т. е. в 288 г. до н. э.: ШЦ 1996: 739, Сыма Цянь 1984: 290—291), отрывок должен относиться к 288—287 гг. до н. э. (Чжан Циньчан, Ван Яньдун 1993: 287—288; Ян Куань 2001: 776; Чэнь Пин 1995, т. 2: 133—134). Согласно мнению ряда специалистов (Чжан Циньчан, Ван Яньдун 1993: 294; Ян Куань 2001: 695), указанная в рассматриваемом отрывке битва между Янь и Ци, в которой царство Янь проиграло и понесло значительные потери, могла происходить непосредственно перед тем, как в 295 г. до н. э. (ШЦ 1996: 737) Чжао окончательно захватило Чжуншань.

17. «Ши цзи», цзюань 110 «Сюнну лянжуань». «...Улин-ван, правитель царства Чжао, который, изменив существующие обычаи, стал носить одежду хусцев и обучаться верховой езде и стрельбе из лука, разбил на севере линьху и лоуфаней. [Он] построил длинную стену (в оригинале — «чанчэн». — А. К.), [которая протянулась] от Дай вдоль подножия гор Иньшань до Гаошюэ и служила укрепленной границей, а также учредил округа Юньчжун, Яньмэнь и Дайцзюнь» (ШЦ

1996: 2885, цит. по Таскин 1968: 37). Фраза является авторским обобщением Сыма Цяня, характеризует ситуацию рубежа IV—III вв. до н. э.

18. «Ши цзи», цзюань 43 «Чжао ши цзя». «На двадцать шестом году захватили земли обитания («орды») дунху» (ШЦ 1996: 1821). В своем переводе мы последовали толкованию Накаи Рикен (1732—1817), предположившего, что иероглифами «оу дай» передано слово «варварского» языка, обозначающее название местности. Аналогия слова «оудай» и термина «оуго» (орда), использованного для характеристики местообитания дунху и сюнну в тексте цзюаня 110 «Ши цзи» (иероглифы «оу» обозначают омонимы, а «дай» является рифмой к «то»), позволила Ян Куаню предположить единство значения этих слов (Ян Куань 2001: 897). Двадцать шестым годом правления чжаоского Хуй-вэнь-вана был 273 г. до н. э. (ШЦ 1996: 743).

19. «Ши цзи», цзюань 110 «Сюнну лянжуань». «Позднее в [царстве] Янь появился военачальник Цинь Кай, который был послан заложником к ху, и ху стали доверять ему <...> Возвратившись [в Янь], он внезапно напал на дунху, нанес им поражение и вынудил отойти более чем на 1000 ли <...> [Царство] Янь также построило длинную стену от Цзаояна до Сяпина и образовало для защиты от ху округа Шангу, Юйян, Юбэйпин, Ляоси и Ляодун» (ШЦ 1996: 2885—2886; цит. по Таскин 1968: 37). Фраза является авторским обобщением Сыма Цяня. Судя по контексту повествования, завоевание земель дунху и строительство длинных стен были осуществлены царством Янь после завоевательных походов Улин-вана (рубеж IV—III вв. до н. э.) и не позже середины III в. до н. э.

20. «Ши цзи», цзюань 81 «Лян По, Линь Сянжу лянжуань». «Ли Му, служивший в северных пограничных областях царства Чжао <...> постоянно пребывал в Дай или Яньмэне, готовый отразить нападение сюнну. <...> Вдоль границы были поставлены башни с сигнальными огнями <...> Когда сюнну вторглись малыми силами, то он отошел <...> Узнав об этом, сюннуский шаньюй вторгся в чжаоские земли с огромной массой своих воинов. Но Ли Му <...> развернул свой левый и правый фланги и ударил по армии сюнну, нанеся ей крупное поражение. Погибло более 100 тысяч сюннуских конников. Он уничтожил [племена] даньлян, разгромил [племена] дунху, принудил сдаться [племена] линьху. Шаньюй спасся бегством. В последующие десять с лишним лет племена сюнну уже не решались приближаться к пограничным городам (крепостям. — А. К.) Чжао» (ШЦ 1996: 2449—2450; цит. по Сыма Цянь 1996: 258—260). Переводы В. С. Таскина (Таскин 1968: 63) и Л. А. Боровковой (Боровкова 2001: 39—40) содержат ряд неточностей, в том числе неверную трактовку иероглифов «бянь чэн» («пограничные крепости» — Гудай хань ю цыдань 1998: 85) — «пограничная стена». Цзюань 294 «Тайпин юйлян» содержит (с некоторыми разночтениями) тот же текст о кампании Ли Му против «варваров», однако с указанием, что отрывок взят из состава «Чжаньго цэ» (впоследствии утраченная часть, см. Ян Куань 2001: 1066—1067). Криткое изложение подвигов Ли Му приводится в цзюане 102 «Ши цзи», в том числе: «Ли Му <...> на севере прогнал шаньюя, нанес поражение дунху, уничтожил даньлин...» (ШЦ 1996: 2758). Таким образом, нет оснований оспаривать аутентичность повествования о победе Ли Му над варварами, включенного в текст цзюаня 81 «Ши цзи»; очевидно, что он был заимствован Сыма Цянем из более раннего источника, а не появился в ханьское время, как предположила Л. А. Боровкова (Боровкова 2001: 40). Эти события не могут быть датированы временем позже 244 г. до н. э.,

когда Ли Му направили в поход против царства Янь (ШЦ 1996: 2450; см. Сыма Цянь 1996: 260). Сюн Цуньжуй относит этот разгром кочевников к 265—245 гг. до н. э. (Сюн Цуньжуй 1981: 111).

21. «Чжанын цзэ», цзюань 31 «Янь 3», параграф «Янь тай-цзы Дань чжи юй Цинь ван гуй». Увещевания Цзюй У о необходимости отослать военачальника Фань Уци, бсжавшего из Цинь в Янь, обращенные к наследнику престола Янь принцу Даню: «Для наследника престола желательно срочно направить цзянцзюня Фаня к сюнну, чтобы избавиться от него (как повода для нападения Цинь). Прошу на западе объединиться с тремя Цинь, на юге связаться с Ци и Чу, на севере договориться с шаньюем, после чего будет допустимо осуществить (планы противодействия Цинь)» (ЧГЦ 1995: 1129). Тот же текст мы встречаем в цзюане 86 «Ши цзи» (ШЦ 1996: 2529; см. Сыма Цянь 2002: 38). Бегство Фань Юйци от правителя Цинь относится к 228 г. до н. э. (Сюн Цуньжуй 1981: 111).

22. «Ши цзи», цзюань 110. «Когда Маодунь вступил на престол, дунху были сильны и достигли расцвета <...> Правитель дунху, еще более возгордаясь, начал захватывать земли на западе. Между [дунху] и сюнну пролегла брошенная земля, на которой на расстоянии более 500 ли никто не жил; и те и другие жили по ее краям, образуя оуто <...> [Затем] Маодунь двинулся на восток и внезапно напал на дунху <...> он разгромил дунху наголову, убил их правителя, взял в плен людей из народа и захватил принадлежащий ему домашний скот» (ШЦ 1996: 2889; цит. по Таскин 1968: 38—39). Этот авторский текст Сыма Цяня посвящен событиям, происходившим, видимо, в последнее десятилетие III в. до н. э. (см. Боровкова 2001: 43—45).

Приведенные тексты характеризуют ситуацию на северных границах китайских государств в эпоху Чжанын. Письменные источники по северо-западному пограничью царства Цинь в своем большинстве были мною опубликованы (Ковалев 2002).

Опубликованные данные об археологических исследованиях «длинных стен» царств Янь и Чжао локализуют эти памятники следующим образом. Стена, построенная чжаоским Улин-ваном, обнаружена, в полном соответствии с данными письменных источников, у подножия гор, называемых в древности Иньшань, и простирается от Эршицихао (граница уезда Синхэ АР Внутренняя Монголия и Шаньси провинции Хэбэй) на востоке до центра Улатэ-цзянь аймака на западе, проходя в нескольких километрах севернее Цзинина, Хух-Хото и Баотоу (Гай Шань-линь, Лу Сысянь 1981: 21—24, рис. 1; Ли Синшэи, Хао Липин 1994; Ли Юю 2001: 3—4, рис. 1; ЧГВУДТЦ НМГ 2003: 1, 64—65; 2, 10, 19, 60, 63, 508, 538, 558, 622). Китайские археологи обследовали стену царства Янь в провинциях Хэбэй, Ляонин и в АР Внутренняя Монголия (Оу Янь 1987: 16, рис. 1). Две параллельные стены, северная из которых относится к царству Янь, а южная, видимо, к ханьской эпохе, прослежены ими с востока на запад на территориях современного АР Внутренняя Монголия и провинции Ляонин на протяжении более чем 180 км; яньская стена (использовавшаяся и в циньское время) начинается к востоку от реки Маньхуэ (левый приток Далинхэ) в уезде Фусинь провинции Ляонин, продолжается на запад, входит на территорию АР Внутренняя Монголия близ центра Кулуьн аймака, проходит севернее Чифэна (Сян Чуньсун 1981: 6—20, рис. 1; Ли Юю 2001: 19—23; ЧГВУДТЦ НМГ 2003: 1, 64—65; 2, 94, 400—401, 452, 459). В провинции Хэбэй яньская стена пересекает территорию национального уезда Вэйчан с

северо-востока на юго-запад (Шиниэлинь 1981: 40—44, 51, рис. 1), далее эта стена прослеживается на территории соседнего национального уезда Фэнин и продолжается здесь на запад как минимум до истоков реки Шаньдяньхэ (Чжэн Шаоцзун 1981: 36, рис. 1; Ли Юю 2001: 15—19, 30).

Достаточно хорошо изучены и пределы царства Чжуншань, ограничивающие территории Чжао и Янь. Здесь также сохранились остатки длинных стен, которыми с запада и северо-востока была обнесена территория Чжуншань. На основании изучения этих археологических памятников, письменных источников, географических сочинений и комментариев Чжэн Шаоцзун установил, что крайняя северо-северо-западная оконечность царства Чжуншань находилась в районе горы Хэншань. От этой точки к югу начиналась чжуншаньская длинная стена, идущая вдоль горной цепи Тайханьшань, а к востоку-юго-востоку от этого района отходила еще одна стена, которая огибала территорию Чжуншань для защиты от царства Янь, доходя до района современного Аньсиня (Чжочжоу) (Чжэн Шаоцзун 1992).

На северо-восток от Янь располагались древнекорейские царства Чжэньфань (Чиньбен) и Чаосянь (Чосон), земли которых следом за землями ху были завоеваны яньскими войсками в III в. до н. э. Захваченные корейские территории, как сообщает цзюань 115 «Чаосянь лэчжуань» «Ши цзи», были обнесены пограничными укреплениями («чжэн сай»). После воцарения династии Хань граница была отнесена на запад до реки Пэйшуй (локализация дискусионна) и были восстановлены «старые» пограничные укрепления Ляодуна («Ляодун гу сай»). На территории, заброшенной китайцами с востока от реки Пэйшуй, впоследствии поселился основатель Чосона Ви Ман (Вэй Мань) (см. Бутин 1982: 21—30). Таким образом, земли дунху, отвоєванные Янь, должны с востока оканчиваться не далее линии «старых укреплений Ляодуна», использовавшихся в ханьское время. Эти укрепления достаточно хорошо изучены на местности, они начинаются с востока от города Ляоян и идут на северо-запад по территории Ляонина до границы Внутренней Монголии, проходя несколько севернее Чаосяня (Янь Чжун 1995: 183; Сяо Цзинцюань 2000).

Западные пределы территории, завоеванной, по словам Сыма Цяня (см. выше пункт 17), Улин-ваном у линьху и лоуфаней, определяются с северо-запада точкой окончания чжаоских длинных стен около центра Уратского заднего аймака, южнее чжаоские земли не могли заходить на территорию Юйчжуна (см. выше пункт 10: «захватил земли ху до Юйчжуна»; эти слова означают, что Юйчжун сам захвачен не был). Поскольку под Юйчжуном в этот период мог подразумеваться только лишь юго-восточный угол излучины Хуанхэ (подробно о локализации Юйчжуна см. Ковалев 2002: 168—171), надо полагать, что здесь пределом завоеваний Улин-вана был левый берег этой реки. В границы Чжао далее на юг в начале III в. до н. э. определенно входила территория сегодняшней Шэньси в районе Юйлина (здесь располагался пункт Фуши, куда Чжао «переселило» чжуншаньского правителя, см. выше пункт 15). Как проходила западная граница Чжао на севере Шаньси, определенно сказать невозможно.

Мы привели наиболее достоверные сведения о границах Чжао, Янь и Чжуншань в IV—III вв. до н. э. На основе этих данных можно локализовать (на данный период времени) местности Юньчжун, Цзююань и Дай, упоминаемые приведенными письменными источниками.

Земли царства Дай, завоеванные за 150 лет до походов Улин-вана чжаоским Сян-цзы (см. Сыма Цянь 1984: 237), располагались севернее чжуншаньской тер-

ритории (см. выше пункт 12: «захватили земли (Чжуншань) на севере вплоть до Янь, Дай»), т. е., согласно Чжэн Шаоцуну (1992), севернее горы Хэншань. На северо-востоке земли Дай доходили, как сообщают «Ши цзи» и «Чжаньго цзэ», как минимум до так называемых ворот Учжу («Учжумэнь») (ЧГЦ 1995: 675; Тун цзянь... 1986: 43), которые находились, исходя из комментариев, в районе современного Чжанбэя (см. Чжан Циньчан, Ван Яньдун 1993: 482; ЧГЛШДТЦ 1982, т. 1: 37—38). Стена Улин-вана начиналась, как сообщает Сыма Цянь, «от Дай», археологически она прослежена на запад от Эршицихао (в 30 км западнее Чжанбэя), что подтверждает справедливость этих комментариев. То, что земли Дай доходили на востоке до пограничья Внутренней Монголии и Хэбэй севернее горы Хэншань, подтверждается и словами о том, что с покорением земель «севернее Линшоу» «открылся путь в Дай» (см. выше пункт 15). Линшоу находилось севернее нынешнего города Шицзячжуан (ЧГЛШДТЦ 1982, т. 1: 37—38), а линия от Линшоу на север проходит, оставляя гору Хэншань с запада, прямо на Чжанбэй. С юго-запада земли Дай оканчивались у горы Сяушань, где на тогдашней границе Цзинь (Чжао) и Дай Чжао Сян-цзы убил дайского вана (Сыма Цянь 1984: 237). Эта гора, по сведениям «Ко ди чжи», находится в 35 ли на северо-восток от центра танского уезда Яньмэнь (ШЦ 1996: 1794), ныне — уезда Дайсянь провинции Шаньси (см. ЧГЛШДТЦ 1982, т. 5: 46—47).

Местность, называемая в источниках до начала III в. до н. э. чаще всего «Юньчжун-Цзююань» (лишь по одному разу топонимы «Юньчжун» и «Цзююань» встречаются по отдельности), судя по контексту приводимых фрагментов, находилась под юрисдикцией Чжао накануне походов Улин-вана. В то же время через эту местность проходил путь из Цинь в Янь (см. выше пункты 4—6), Юньчжун и Цзююань прилегали к Янь с запада (см. выше пункты 4, 5), а также с запада и к территории Чжуншань (см. выше пункт 12), причем на пути из «Юньчжуна-Цзююани» в Янь надо было пройти еще «Дай, Шангу» (см. выше пункт 4), на юг от них находились земли Цинь (см. выше пункт 13). Таким образом, название «Юньчжун-Цзююань» в рассматриваемый период относилось ко всей горной местности, занимающей северо-западную часть современной провинции Шаньси юго-западнее Дай (нынешнего уезда Дайсянь) и западнее Чжуншань (гор Тайханшань); собственно это — хребет Люйляншань, являющийся водоразделом Хуанхэ и Фэйхэ. Знаменательно, что название «Цзююань» носила в эпоху Чуньцю местность, где хоронили цзиньских дафу, находящаяся на южной оконечности этого хребта (см. Го юй 1987: 221; ЧГЛШДТЦ 1982, т. 1: 22—23).

Таким образом, остается не так уж много вариантов для локализации земель лоуфаней и линьху, завоеванных Улин-ваном, а также земель дунху, захваченных в ходе завоевательного похода Цинь Кая. Земли, завоеванные Улин-ваном, занимали территорию Внутренней Монголии южнее вышеописанной стены с севера и северо-запада от Хуанхэ: до центра Урад-Цяньци на западе, не далее чем до Цзиньина на северо-востоке, на юго-востоке — до уезда Дайсянь. Земли, отвоеванные у дунху царством Янь, имели на севере границей длинную стену, на западе могли доходить до Чжанбэя (граница Дай), на востоке — до Ляохэ. Земли дунху во время или после завоевательного похода Цинь Кая граничили с Чжао (см. выше пункт 18), скорее всего, граница между Чжао и дунху проходила в районе царства Дай (см. выше пункт 20).

При этом письменные источники не указывают, что лоуфани могли занимать земли к северу от Чжао, это утверждение было сделано лишь Сыма Цянem

в его авторском обобщении (см. выше пункт 1). Лоуфани в «Чжаньго цзэ» (см. выше пункт 16) упоминаются как подданные Янь, расселенные в своих уездах («сянь») — административных единицах, входящих в состав территории государства под «внешним» (столичным) управлением (Steel 1964; Strupfeldt 1970: 159—176). В другом отрывке (см. выше пункт 3) контекст упоминания лоуфаней также указывает на то, что заселенные этими варварами земли служили защитой Янь. Оба этих отрывка относятся к рубежу IV—III вв. до н. э., ко времени, заведомо более раннему, чем война Янь с дунху, так что «уезды» лоуфаней должны были находиться на Центральной Равнине, на север не далее современной Пекина, а на запад — не далее границы Янь и Чжуншань на западе современной провинции Хэбэй. Одновременно, в начале III в. до н. э., лоуфани упомянуты также и на запад от Чжао — на «Западной Реке», т. е. на западном отрезке излучины Хуанхэ (см. выше пункт 14). В 307 г. до н. э. Улин-ван говорит: «...на западе — граница с линьху, лоуфань, Цинь, Хань...» (см. выше пункт 7). Поскольку чжаоская граница с Цинь проходила севернее, чем граница с Янь, можно полагать, что перечисление пограничных народов и государств производится с севера на юг, т. е. лоуфани селились к югу от линьху. В следующей сентенции Улин-ван также говорит о западной границе: «...граница с лоуфанями, Цинь, Хань...» (см. выше пункт 8). Исходя из этого, можно заключить, что земли лоуфаней находились непосредственно с севера от Цинь, граница с Чжао с востока в районе Сихэ. Поскольку северная граница Цинь в это время шла по длинной стене, построенной Чжао-сян-ваном, лоуфани должны были занимать земли Ордоса. Здесь лоуфаньского вана мы и встречаем в конце III в. до н. э.; после захвата Ордоса Маодунем лоуфани продолжают там обитать, войдя в состав хуннского государства (Ковалев 1999: 77). Одновременно лоуфани, причем не только солдаты, но и командиры, несколько раз упоминаются в составе войск царства Чу в ходе ханьско-чуской войны конца III в. до н. э. (ШЦ 1996: 328, 2668—2670; Сыма Цянь 1975: 147—148; 2002: 158—159). Таким образом, в случае, если название «лоуфани» относилось к какому-то одному «народу» и материальная культура этого народа имела какие-либо специфичные признаки, они должны быть выявлены как в памятниках IV—II вв. до н. э. в Ордосе, так и на Центральной Равнине: в яньских памятниках IV—III вв. до н. э. и в собственно китайских комплексах шиньского и раннеханьского времени. Этим требованиям соответствует комплекс черт, присущий пазырыкской культуре (Ковалев 1999; 2002: 156—157): он встречается в элитных погребениях Ордоса позднескифского времени, в элитной могиле 30 (III в. до н. э.) на кладбище Синьчжуантоу нижней столицы царства Янь (Янь ся ду 1996, 1: 684—731), а также в многочисленных памятниках Центральной Равнины более позднего времени, вплоть до могилы правителя царства Наньюэ в Гуаньчжоу. Именно для населения Ордоса (Сигуопань, могила 2; Алучайдэн) и яньских варваров (Янь ся ду Синьчжуантоу, могила 30) с IV в. до н. э. китайские мастера изготавливают прямоугольные поясные пластины с изображениями в зверином стиле. Эти пластины имеют обязательную шнуровую окантовку. Впоследствии пластины со шнуровой окантовкой встречаются только на подконтрольной Западной Хань территории (Пань Лин 2005: 126—129). Видимо, в среде ордосской элиты в конце IV в. до н. э. (Сигуопань, могила 2) (Тянь Гуаньцин, Го Сусинь 1986: 358, рис. 7) появляется образ медведя (его прототипом мог быть гобийский медведь-мадзалай), изображаемого мордой анфас и с четырьмя лапами, распространяющийся и на Алтае, и в ханьском Китае, и на

запад вплоть до Тилля-Тене (Bactrian Gold... 1985: 247—248, рис. 157—161). За последние годы в Китае вышло несколько обобщающих работ, авторы которых связывают появление предметов «северных типов» в собственно китайских погребальных комплексах позднего Чжаньго — Хань с влиянием сюнну (Цао Лян 2005; Го У 2006). Однако в действительности большинство таких предметов и иконография изображений находят аналогии в пазырыкской культуре. В первую очередь, это относится к образу конегрифона («покровителя» пазырыкцев?), манере изображения животных с «вывернутым крупом», стилистике изображения птичьих головок и т. д. (Ковалев 1999). В указанной статье я выдвинул предположение о единстве ордосской элиты («лоуфаней») и пазырыкского Алтая, благодаря которому китайские предметы в позднескифское время появляются в элитных алтайских курганах; обнаружение на пазырыкской мумии из Пятого Пазырыкского кургана татуировок, практически совпадающих по манере изображения нападающих хищников с изображениями на золотых бляхах из Алучайдэн (изготовленных китайскими мастерами), подтверждает мое предположение (ср. Баркова, Панкова 2005: 57—58, рис. 14; Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 1986: 343, рис. 2). Видимо, лоуфань (а никак не хунн!) может быть изображен на конской налобной бляхе из погребения чжуншаньского вана Цина, умершего в 113 г. до н. э. (Лу Чжаоинь 2005: 85—87); на этой бляхе выгравирован человек со «скифским» коротким сложным луком, в «пазырыкской» (Яценко 2006: 89—92) шапке с высоким отгибающимся вперед навершием и длинными лопастями (Маньчэн Хань му... 1980: цв. табл. ХХХ; Лу Чжаоинь 2005: 56; Го У 2006: рис. 12).

Линьху по всем известным текстам, восходящим к эпохе Чжаньго, заселяли территории к северу от Чжао. Самым ранним из таких текстов можно считать предсказание, сделанное чжаоскому Сян-цзы в середине V в. до н. э.: «...мы пожалуем тебе земли линьху...» (см. выше пункт 2). Весьма вероятно, что это предсказание предвосхищает завоевания самого Сян-цзы, который, как известно, захватил царство Дай; в этом случае линьху населяли какую-то часть дайских земель. Последующие сообщения относятся ко второй половине IV—середине III в. до н. э. (см. выше пункты 4, 7, 20). Поэтому поиски археологических памятников линьху необходимо проводить на территории Внутренней Монголии южнее Хух-Хото и севернее Шаньси к западу от Дайсяня.

Здесь были исследованы три могильника северных варваров с комплексами ранее рубежа IV—III вв. до н. э., все в современном уезде Лянчэн (АР Внутренняя Монголия): Маоцингоу, Иннюгоу и Госяньяоцзы (Вэй Цзянь 1984; 1989; Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 1986: 227—341; Gräberkatalog Maoqinggou 1992). Большинство захоронений в этих трех могильниках совершены в подпрямоугольных в плане ямах, ориентированных длинной осью приблизительно по линии запад — восток, на спине, вытянуто, головой в восточный сектор. В головах погребенных (иногда в нишах) были установлены глиняные сосуды и уложены кости крупного и мелкого рогатого скота. Наиболее характерной чертой таких погребений является содержащаяся в них керамика: бомбовидные плоскодонные сосуды с невысоким воронковидным горлом без выделенного венчика и без ручек: Маоцингоу, могилы 3, 5, 6, 9, 11, 22, 29, 30, 33 (?), 37, 41—46, 58, 60, 62, 63, 65, 68, 74, 75 (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 1986: 252—257, рис. 27, 1, 2, 4—9; 28, 1, 3—6; 29, 2; табл. 96, 1, 2, 4; 97, 1—3); Госяньяоцзы, могилы 1, 2, 21, 26 (?), 28, 29 (Вэй Цзянь 1989: рис. 10, 5—8, 12, 13; 14, 2—6; 15, 4, 5); Иннюгоу, могилы 5 и 9 (Вэй Цзянь 1984: рис. 9,

3, 4); либо с двумя ручками на плечиках: Маоцингоу, могилы 3 и 59 (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 1986: рис. 27, 3; 28, 2; табл. 96, 3; 97, 4); Госяньяоцзы, могилы 3, 5, 7, 9, 11—13, 19, 20,³ 22, 23, 27 (с обломанным горлом) (Вэй Цзянь 1989: рис. 9, табл. 12 и 13). В инвентарь таких погребений входили также специфические бронзовые бляхи, изображающие идущего волкообразного хищника — Маоцингоу, могилы 5, 55, 74 (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 1986: 280, рис. 45, табл. 67—68). Видимо, такие же парные бляхи, выполенные из железа и поэтому сильно коррозированные, обнаружены в могилах 27, 31, 38 Маоцингоу (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 1986: 280, табл. 73; Gräberkatalog Maoqinggou 1992: 114). Здесь же найдены бронзовые бляшки в форме одной или нескольких орлиных головок: Маоцингоу, могилы 8—10, 17, 44, 47, 59, 61, 65, 71, 72; Иннюгоу, могила 9; Госяньяоцзы, могилы 1, 2, 5, 8, 12 (Вэй Цзянь 1984: 29, рис. 8, 2; (выполнен неверно); табл. 8, 2 (фото); Вэй Цзянь 1989: 67, 79—80, рис. 11, 1—5; табл. 16, 5—8; Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 1986: 272—276, рис. 42, табл. 87), не встреченные в иных регионах степи. Одна такая бляшка входила в комплекс погребения в Гоулитю соседнего уезда Синхэ (Цуй Лимин 1994). В остальном инвентарь погребений схож с инвентарем могил VI—III вв. до н. э., исследованных на северной и северо-западной границах китайских государств (см. Линь Юнь 1993; Чэнь Пин 1996). Обнаруженные здесь кинжалы с биволотными навершиями, проушные чеканы, пряжки для ремennого набора с изображением центральносимметрично расположенных головок грифонов (либо завитков) заставляют отнести все эти комплексы к позднескифскому времени, к V/VI—III вв. до н. э. (Kossack 1992: 97—106, см. также Семнов 1997: 19, рис. 26). Китайский клевец «гэ» из типичной по погребальному обряду могилы 58 Маоцингоу, где по описанию обнаружен также сосуд с воронковидным горлом, бомбовидным туловом и текстильными отпечатками (тип A11 по Тянь Гуаньцзиню и Го Сусиню — Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 1986: 253), можно датировать по аналогиям самым концом эпохи Чуньцю (Хаяси Миняо 1972: рис. 60; Rhi 1992: 34), схожие экземпляры датируются и эпохой Чжаньго, о чем пишет Г. Коссак, опираясь на типологический ряд «гэ», по Ли Ци, а также на выводы М. фон Деваль (Kossack 1992: 101). На мой взгляд, неправильно сравнивать этот клевец с предметом из комплекса Наньшаньгэнь 1958 г., как это делают авторы китайской публикации (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 1986: 300), поскольку ось бойка «гэ» из Маоцингоу, в отличие от наньшаньгэньского, резко поднята вверх по отношению к оси обука. Таким образом, наиболее вероятной датой комплекса является V в. до н. э. В типичной по обряду могиле 27 Маоцингоу совместно с зооморфной бляхой из железа обнаружен китайский бронзовый наконечник копья, относящийся к III в. до н. э. (Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь 1986: 301; Rhi 1992: 35; Хаяси Миняо 1972: рис. 151—155, приложение 2, рис. 152, 154). Таким образом, можно предположить, что вышеуказанный тип керамических сосудов и бронзовые бляшки в форме орлиной головы являются специфичными для линьху.

На территории, предположительно занимаемой к началу III в. до н. э. племенами дунху, на сегодняшний день раскопаны десятки могильников эпох Чуньцю и Чжаньго, однако большинство добытых материалов не опубликовано и не включено в научный оборот. Большинство памятников скифского времени здесь китайские ученые относят к так называемой «шаньжунской культуре» (Цзинь Фэнъян

³ По опубликованным рисункам и фотографиям.

² Раструб горла сосудов из могил 19 и 20 не показан на рисунке в публикации, но виден на фотографии.

2001) или к типу или культуре «Юйхуанмяо» (Чэнь Пин 1996; Уэйлюэсыту 2007: 276—299). Судя по опубликованным материалам, погребальный обряд и инвентарь этих памятников весьма схож с погребальным обрядом и инвентарем Маоцингоу (Цзинь Фэньи 2001; 2004). Погребенные уложены в подпрямоугольных ямах на спине вытянуто, головой в восточный сектор. В большинстве случаев прослежены деревянные рамы. Керамика находилась в головах погребенного. Кости животных укладывали выше головы покойного с восточной стороны на перекрытие или на площадку, образованную земляным заполнением ямы. В этих могильниках и иных комплексах VI—III вв. до н. э., находящихся на вышеуказанной территории дунху, обнаружены специфичные бронзовые бляхи в форме рельефной фигуры хищника из семейства кошачьих на полусогнутых лапах, причем в половине случаев этот хищник имеет голову лошади либо лошадиную гриву. Такие же бляхи происходят из случайных находок, сделанных на этих землях. Столь же специфичны для данной территории и кинжалы с навершием в виде двух дисков или «колесиков», часто выпуклых. Эти металлические предметы, наряду с керамическими сосудами специфических форм, в подавляющем большинстве встречаются только на землях, принадлежавших, согласно нашим выводам, племени дунху на начало III в. до н. э., и, вероятно, являются «этническими индикаторами» этого народа.

Бляхи в форме «пантеры» встречаются в провинции Хэбэй в могильнике Хаоцзыгоу (уезд Луаньпин), могилы 16 (76), 18 (78) (Чжэн Шаоцзун 1984: 45, рис. 1, 27, 28; 2, 10; 7, 9); в могильнике Сяобайян (уезд Сюаньхуа), могилы 12, 13, 18, 20, 32, 33, 41 (Хэбэй Сюаньхуа... 1987: 50, 51, 52, рис. 6, 1, 6, 7, 16; 13, 3, 4, 10, 11, 13, 16, 24; 14, 8, 12, 16; 15, 3, 5, 6, 9, 12, 16—18, 22, 24, 25, 30, 31); в могильнике Ганьцзыбао (уезд Хуайлай), могилы 1, 3, 8 (Хэ Юн, Лю Цзяньчжун 1992: 36, 38, рис. 9, 6, 7, 8; табл. 3, 25, 30), в могиле в Чжунтунцунь (уезд Синьлэ) (Хэбэй Синьлэ... 1984); в комплексе из Дяоюйтэй (уезд Тансянь) (Хэбэй шэн... 1980: 96, рис. 169, 170); 5 целых блях и три фрагмента найдены в так называемом могильнике Луаньпин (близ деревни Шаньпаньчэнь уезда Луаньпин) (Агте 1933: 156, 168—169, Taf. V, 1, 4, 5, 6); 2 целых и как минимум четыре фрагмента бронзовых блях найдены в так называемом могильнике Сюаньхуа (местность Хуандупу, уезд Сюаньхуа) (Агте 1933: 156, 173, Taf. X, 11, 12, 14, 15, 16, 17); а также в могильнике Юйхуанмяо, как минимум в могиле 129 (Бэйцзин Яньцин... 1989: 27, 30, рис. 17, 4; 24, 1; табл. 3, 4; 4, 1). Еще пять блях из могильников Юйхуанмяо, Хулутоу, Силянгуан (уезд Яньцин, район Пекин) экспонируются в музее на месте раскопок могильника Юйхуанмяо (из них одна золотая опубликована Дж. Со и Э. Банкер — So, Bunker 1995: 50, fig. 18). В провинции Ляонин такие бляхи найдены в могиле из Саньгуаньдяньцзы (уезд Линъюань, Ляонин) (Ляонин Линъюань... 1985: 125—130, рис. 1—8, табл. 1). Бронзовые бляхи такого типа, изображающие кошачьего с головой (гривой) лошади, обнаружены в провинции Хэбэй в следующих комплексах: могильник Сяобайян, могилы 2, 11, 18 (см. выше), 22, 38 (Хэбэй Сюаньхуа... 1987: 51, рис. 6, 5, 15; 13, 2, 8, 17, 18; 14, 1, 5; 15, 7, 8, 15, 21); три бляхи найдены в разграбленных комплексах могильника Лишугоумэнь (уезд Луаньпин) (Хэбэй шэн... 1994: 28, рис. 12, 15, 16); две бляхи и два фрагмента найдены в разграбленном так называемом могильнике Луаньпин (Шаньпаньчэнь, уезд Луаньпин) (Агте 1933: 156, 169, Taf. V, 2, 3, 7, 8); одна бляха происходит из разграбленного так называемого могильника Сюаньхуа (Хуандупу, уезд Сюаньхуа) (Агте 1933: 156, 173, Taf. X, 10). В регионе Пекин такие бляшки обнаружены в мо-

гиле 32 могильника Луцинься (уезд Сипцзянь) (Луцинься бешу... 1994: рис. 6, 1; 12, 2), в могиле 226 могильника Юйхуанмяо (Бэйцзин Яньцин... 1989: 30, табл. 4, 2), еще как минимум семь блях из могильников Юйхуанмяо, Хулутоу, Силянгуан (уезд Яньцин, район Пекин) экспонируются в музее на месте раскопок могильника Юйхуанмяо. В провинции Ляонин (уезд Линъюань) такие бляхи найдены в могильнике Удаохэцзы, могилы 8—10 (Ляонин Линъюань... 1989: 53—60, рис. 1; 2; 4; 5; 7; 8, 2, 3, 6, 7, 10, 11, 12, 13, 17, 21, 24, 25; 10, 4, 8; 12, 1, 3; 13, 2, 3; 16, 9; 17; табл. 8, 4 (слева), 5).

Кинжалы с «бидисковидным» навершием встречаются вместе с бляхами в форме кошачьего животного в комплексах Хаоцзыгоу (могилы 16 и 18) и Сяобайян (могилы 12 и 22). Ножи с навершием такого рода обнаружены в могиле 18 Сяобайян (см. выше), а также в могилах 2, 4 и 6 могильника Лотолуань (волость Саньдаоин, уезд Лунхуа провинции Хэбэй) (Чжэн Шаоцзун 1984: 39, 41, рис. 1, 11, 30; 2, 2, 14; 3, 1; табл. 5, 16), могиле 4 могильника Ганьцзыбао (уезд Хуайлай) (Хэ Юн, Лю Цзяньчжун 1992: 36, 38, рис. 7, 5, 6; табл. 3, 5, 6), в могиле в Фансишань (волость Яошаньин, уезд Луаньпин, провинция Хэбэй) (Чжэн Шаоцзун 1984: 41, рис. 1, 26; 2, 9), в могиле в Сятай (уезд Луаньпин провинции Хэбэй) (Чжэн Шаоцзун 1984: 41, рис. 1, 31). По одному экземпляру таких ножей происходят из могильника Лишугоумэнь (уезд Луаньпин) (Хэбэй шэн... 1994: 18, рис. 7, 3), из могилы 22 в пекинском регионе (Шао Хуйцзо, Сюн Цзэнлун 2005: 12, рис. 7, 10), могилы 70 могильника Юйхуанмяо (Бэйцзин каогу... 1990: рис. 36, 1) и могилы 36 могильника Луцинься (Луцинься бешу... 1994: рис. 9, 1). Известны также четыре экземпляра, происходящие из различных пунктов в провинции Хэбэй: уездный центр Фэннин, город Чэцэ, уездный центр Вэйсянь, деревня Датучэн уезда Хуайлай (Чжэн Шаоцзун 1984: 39, 41, рис. 1, 12, 19, 20, 29; табл. 5, 5, 7).

Найденный в могиле 32 могильника Сяобайян бронзовый кинжал китайского производства датируется эпохой Чжаньго (Хаяси Минао 1972: 230—234, рис. 345, 353). Сосуд «дин» из комплекса Саньгуаньдянь датируется ранним периодом эпохи Чжаньго (Ляонин Линъюань... 1985: 130). Клевец «гэ» из того же комплекса датируется рубежом эпох Чуньцю — Чжаньго (Хаяси Минао 1972: 62, рис. 64, приложение 2, рис. 31). Ножи из этого комплекса могут быть датированы поздним периодом эпохи Чуньцю — ранним периодом Чжаньго (Хаяси Минао 1972: 180, рис. 253, 256). Треножники «дин», сосуды «янь» и «доу» из комплекса Чжунтунцунь, по аналогии с сосудами из могилы 1217 в Чжунчжоулу (Лоань, Хэнань) и из раскопанной неподалеку могилы близ Маньчэна, датируются авторами публикации ранним периодом Чжаньго (Хэбэй Синьлэ... 1984: 973). Сосуд «доу» из Дяоюйтэй датируется эпохой Чжаньго (Чэнь Гуан 1998: 23). Клевец «гэ» из могилы 8 могильника Удаохэцзы можно отнести к первой половине V в. до н. э. (Хаяси Минао 1972: приложение 2, рис. 29, 31, 44), а бронзовые кинжалы с плоской рукоятью и бронзовый нож из того же комплекса датируются ранним периодом Чжаньго (Хаяси Минао 1972: 180, 230, рис. 256; 345; 348, 1). Бронзовые кинжалы из могил 8 и 9 Удаохэцзы следует отнести к концу IV—началу III в. до н. э. (Хаяси Минао 1972: приложение 2, рис. 155—161). Клевец «гэ» (№ 1: 7) из могилы 1 Удаохэцзы датируется IV в. до н. э., другой клевец (№ 1: 43) — III в. до н. э. (Ляонин Линъюань... 1989: 61). Остальные комплексы датируются по китайским импортгам VII—V вв. до н. э. (Ян Цзяньхуа 2004: 73—83). Таким образом, бляхи в форме кошачьего и кошачьего с головой лошади сосуществуют, однако первые можно датировать VII—V вв. до н. э., а вторые — V—IV(III) вв. до н. э.

Вопрос о землях, занимаемых в конце IV—III в. до н. э. народом под названием «сюнну» и о признаках материальной культуры, которые можно считать этническими индикаторами этого племени, был подробно разобран на базе приведенных письменных источников, материалов археологических исследований длинных стен Цинь, Чао, Янь, выводов о локализации народов дунху, линьху, лоуфань и об этнических признаках этих племен (Ковалев 2002). В результате этого исследования был сделан вывод о том, что сюнну до начала экспансии Маодуня занимали территорию севернее гор Иньшань и северо-западные излучины Хуанхэ, а признаками их влияния на материальную культуру более южных народов можно считать (с различной степенью вероятности) появление в погребальных комплексах эпохи Чжаньго костяных наконечников стрел с расщепленным насадом, сосудов с орнаментом в виде «бегущей волны» и костяных концевых накладок лука. Юй Тайшань на основе анализа письменных источников также приходит к выводу о локализации сюнну в эпоху Чжаньго на север от линьху и лоуфань, в степях Внутренней Монголии севернее гор Иньшань (Юй Тайшань 2005: 3).

БА 2005 — Бамбуковые анналы: древний текст (Гу бэй чжу шу цзи нянь) / Изд. текста, перевод с китайского, вступ. статья, коммент. и прилож. М. Ю. Ульянова при участии Д. В. Дюпкина и А. И. Таркиной. М., 2005.

Баркова, Панкова 2005 — Баркова Л. Л., Панкова С. В. Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // АЭАЕ. 2005. № 2 (22). С. 48—59.

Боровкова 2001 — Боровкова Л. А. Царства «Западного края» во II—I вв. до н. э. Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу». М., 2001.

Бутев 1982 — Бутев Ю. М. Древний Чосон (историко-археологический очерк). Новосибирск, 1982.

Васильев 1968 — Васильев К. В. «Планы сражающихся царств» (исследование и переводы). М., 1968.

Васильев 1998 — Васильев К. В. Истоки китайской цивилизации. М., 1998.

Го юй 1987 — Го юй (Речи царств) / Перевод с китайского, вступление и примеч. В. С. Таскина. М., 1987.

Клейн 1991 — Клейн Л. С. Археологическая типология. Л., 1991.

Ковалев 1999 — Ковалев А. А. О связях населения Алтая и Ордоса в V—III вв. до н. э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 75—82.

Ковалев 2002 — Ковалев А. А. Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа — Азия: проблемы этнокультурных контактов. СПб., 2002. С. 150—194.

Комиссаров 1988 — Комиссаров С. В. Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск, 1988.

Крэйль 1970 — Крэйль Ю. Л. Сыма Цянь — историк. М., 1970.

Крюков 1972 — Крюков М. В. Сыма Цянь и его «Исторические записки» // Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / Перевод с китайского и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина; Под общей редакцией Р. В. Вяткина. М., 1972. Т. 1. С. 12—65.

Семенов 1997 — Семенов В. А. Монгун-Тайга. СПб., 1997.

Сыма Цянь 1975 — Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / Перевод с китайского, предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1975. Т. 2.

Сыма Цянь 1984 — Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / Перевод с китайского, предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1984. Т. 3.

Сыма Цянь 1992 — Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / Перевод с китайского и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1992. Т. 6.

Сыма Цянь 1996 — Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / Перевод с китайского Р. В. Вяткина; Коммент. Р. В. Вяткина и А. Р. Вяткина. М., 1996. Т. 7.

Сыма Цянь 2002 — Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / Перевод с китайского Р. В. Вяткина и А. М. Карпетельца; Коммент. Р. В. Вяткина, А. Р. Вяткина и А. М. Карпетельца; Вступ. статья Р. В. Вяткина. М., 2002. Т. 8.

Таскин 1968 — Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по историческим источникам) / Предисл., перевод и коммент. В. С. Таскина. М., 1968. Вып. 1.

Яценко 2006 — Яценко С. А. Костюм Древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006.

Arce 1933 — Arce T. J. Die Funde von Luan Ping und Hsuan Hua // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. 1933. Vol. 5. P. 155—175.

Bactrian Gold... 1985 — Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-Tepe Necropolis in Northern Afghanistan / Text and selection by V. Sarianidi. Leningrad, 1985.

Bunker 2003 — Bunker E. C. Artifacts: Regional Styles and Methods of Production // Nomadic art of the eastern Eurasian steppes: the Eugene V. Thaw and other New York collections. New Haven; London, 2003. P. 15—37.

Chan-Kuo Ts'ie 1970 — Chan-Kuo Ts'ie / Translated by J. I. Crump. Oxford, 1970.

Chavannes 1905 — Chavannes Ed. Les memoires historiques de Se-ma Ts'ien. Paris, 1905. Vol. 5.

Creel 1964 — Creel H. G. The Beginning of Bureaucracy: The origin of the hsien // JRAS. 1963—1964. Vol. 23. P. 155—184.

De Groot 1921 — De Groot J. J. M. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Berlin; Leipzig, 1921. Erster Teil.

Eggers 1950 — Eggers H. J. Das Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte // Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft (Wahl-Festschrift). Heidelberg, 1950. S. 49—59.

Gräberkatalog Maoqinggou 1992 — Gräberkatalog Maoqinggou // Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei). Mainz am Rhein, 1992. S. 110—119.

Hachmann et al. 1962 — Hachmann R., Kossack G., Kühn H. Völker zwischen Germanen und Kelten: Schriftquellen, Bodenfunde und Nahmengut. Zur Geschichte des Nordlichen Westdeutschlands um Christi Geburt. Neumünster-Wachholtz, 1962.

Hulsev 1993 — Hulsev A. P. P. Shih chi // M. Loewe (ed.). Early Chinese Texts: a Bibliographical Guide. Berkeley, 1993. P. 405—414.

Knechtges 1993 — Knechtges D. R. Shuo yuan // M. Loewe (ed.). Early Chinese Texts: a Bibliographical Guide. Berkeley, 1993. P. 443—445.

Kossack 1992 — Kossack G. Dolche und Gürtelzubehör aus Maoqinggou im Vergleich zu anderen Fundstücken // Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei). Mainz am Rhein, 1992. S. 97—109.

Linduff 1997 — Linduff K. M. An Archaeological Overview // Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Sackler Collections. New York, 1997. P. 18—98.

Miyake Toshihiko 1999 — Miyake Toshihiko. Research on the Northern Bronze Culture of Ancient China. Tokyo, 1999 (на яп. яз.).

Prusek 1971 — Prusek J. Chinese Statelets and the Northern Barbarians in the Period 1400—300 B.C. Dordrecht, 1971.

Rhi 1992 — Rhi C.-S. Die Maoqinggou Kultur und ihre Zeitschlung // Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei). Mainz am Rhein, 1992. S. 28—45.

Se, Bunker 1995 — Se J. F., Bunker E. C. Traders and Raiders on China's Northern Frontier. Seattle; London, 1995.

Strumpföldt 1970 — Strumpföldt H. Staatsverfassung und Territorien im antiken China. Über die Ausbildung einer territorialen Staatsverfassung. Düsseldorf; Osnabrück, 1970.

Tsuen-hsün Tsien 1993 — Tsuen-hsün Tsien. Chan kuo ts'ie // M. Loewe (ed.). Early Chinese Texts: a Bibliographical Guide. Berkeley, 1993. P. 1—11.

Бэйцзин каогу... 1990 — Бэйцзин каогу сыши нянь (Сорок лет археологии Пекина). Пекин, 1990 (на кит. яз.).

Бэйцзин Яньши... 1989 — Бэйцзин Яньши Цюньдушань Дун Чжоу шаньжун було мули фанцзю цзидлю (Краткий обзор раскопок могильников шаньжун эпохи Восточного Чжоу в горах Цюньдушань уезда Яньши, Пекин) // Вэньху. 1989. № 8. С. 17—43 (на кит. яз.).

Вэй Цзянь 1984 — Вэй Цзянь. Лянчэн Иньшаньского музая цзинь цзянбао (Упорядоченное краткое сообщение о могильных сооружениях в Иньшань в уезде Лянчэн) // Нэньмогу цзюнь каогу. 1984. № 3. С. 25—32 (на кит. яз.).

Вэй Цинь 1989 — *Вэй Цинь*. Лянчэн Гоеяньлюцзы муди (Могильник Гоеяньлюцзы в уезде Лянчэн) // *Каогу зюэбао*. 1989. № 1. С. 57—81 (на кит. яз.).

Гай Шаньшань, Лу Сисянь 1981 — *Гай Шаньшань, Лу Сисянь*. Иньшань нань лу да Чжао чанчэн (Длинная стена царства Чжао на южных склонах гор Иньшань) // *Чжунго чанчэн ицзи дяоча баогао ицзи* (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981. С. 21—24 (на кит. яз.).

Го У 2006 — *Го У*. Лочжун Хань му 9 хяо кэн со чу буфэн ма цзюй цзи цз санг уань ванли (Фрагментированный коиский убор, происходящий из хяи 9 ханьской могилы в Лочжун, а также связанные с ним вопросы) // *Хань дай каогу юй ваньхуа гоци сюэшу яньтао хуй луньвань цзи* (Сборник статей Международной научной конференции по археологии эпохи Хань и культуре эпохи Хань). Цзинань, 2006. С. 383—401 (на кит. яз.).

Гу Бэнь... 1997 — *Гу Бэнь*. Чжу шу цзи нянь цзи цзю. Цзи бэнь Чжу шу цзи цинь шу чжэи (Древний текст «Бамбуковых анналов», собранный и прокомментированный. Современный текст «Бамбуковых анналов», прокомментированный со ссылками на источники) / Ван Говэй — сост., коммент. Шэньян, 1997 (на кит. яз.).

Гудай хань ю цыдянь 1998 — *Гудай хань ю цыдянь*. (Словарь древнекитайского языка) / Чэн Фухуа — гл. ред. Пекин, Шань Инь шугуань, 1998 (на кит. яз.).

Ко ди чжи... 2005 — *Ко ди чжи* цзи цзю («Всесообщественное описание земель», собранное и прокомментированное) / Ли Тай — автор, Хэ Цыцзюнь — сост., коммент. 2-е изд. Пекин, 2005 (на кит. яз.).

Ли Юэ 2001 — *Ли Юэ*. Чжунго бэйфан чанчэн као шу (Обзор исследований северных длинных стен Китая) // *Нэймэнгу янгу каогу*. 2001. № 1. С. 1—51 (на кит. яз.).

Ли Синьши, Хао Липин 1994 — *Ли Синьши, Хао Липин*. Умэн Чжоуцзы сянь Чжаньго Чжао чанчэн дяоча (Обследование длинных стен царства Чжао эпохи Чжаньго в уезде Чжоуцзы аймака Уланлэбу) // *Нэймэнгу ваньхуа каогу*. 1994. № 2. С. 21—24 (на кит. яз.).

Ли Хайжун 2003 — *Ли Хайжун*. Бэйфан дицю чуо Ся Шан Чжоу шиди цинтун цз яньцзю (Исследование бронзовых предметов периодов Ся, Шан, Чжоу, раскопанных в северном регионе). Пекин, 2003 (на кит. яз.).

Линь Юнь 1993 — *Линь Юнь*. Гуанью Чжунго да дуй сюнну цзю юань да каогусяо яньцзю (Китайские археологические исследования происхождения племени сюнну) // *Нэймэнгу ваньхуа каогу*. 1993. № 1—2. С. 127—141 (на кит. яз.).

Линь Юнь 1996 — *Линь Юнь*. Дунху юй шаньжун да каогу тельсо (Археологические изыскания о дунху и шаньжунах) // *Хуай Бохай каогу гоци сюэшу яньтао хуй луньвань цзи* (Сборник статей Международной научной конференции по археологии окружения Бохайского залива). Пекин, 1996. С. 174—181 (на кит. яз.).

Лу Чжаоинь 2005 — *Лу Чжаоинь*. Маньчэн Хань му (Ханьская могила в Маньчэн). Пекин, 2005 (на кит. яз.).

Лушунся бешу... 1994 — *Лушунся бешу* гуичэн чжун фасянь да Чуньцзю шиди муцзан (Могилы периода Чуньцзю, обнаруженные в ходе строительства дач в Лушунся) // *Бэйцзин ваньхуа юй каогу*. 1994. Вып. 4. С. 32—45 (на кит. яз.).

Ляонин Линьюань... 1985 — *Ляонин Линьюань* сянь Саньгуаньдянь цинтун дуаньцзянь му (Могила с бронзовыми кинжалами в Саньгуаньдянь, уезд Линьюань, Ляонин) // *Каогу*. 1985. № 2. С. 125—130 (на кит. яз.).

Ляонин Линьюань... 1989 — *Ляонин Линьюань* сянь Удаохэцзы Чжаньго му фазцзю цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могил эпохи Чжаньго в Удаохэцзы, уезд Линьюань, Ляонин) // *Ваньхуа*. 1989. № 2. С. 52—61 (на кит. яз.).

Маньчэн Хань му... 1980 — *Маньчэн Хань му* фазцзю баогао (Отчет о раскопках ханьской могилы в Маньчэн). Пекин, 1980. Т. 1, 2 (на кит. яз.).

Оу Янь 1987 — *Оу Янь*. Но го цзю цз да чанчэн (Длинные стены в ранний период истории нашей родины) // *Бэйфан ваньхуа*. 1987. № 2. С. 11—18 (на кит. яз.).

Пань Лин 2005 — *Пань Лин*. Цзюйсин дуньху вань пайши да сянтунь ванли яньцзю (Исследование вопросов, относящихся к прямоугольным пластинам с изображениями в зверином стиле) // *Бяньцзин каогу яньцзю*. 2005. Вып. 3. С. 126—146 (на кит. яз.).

Пэн Сичжу 1990 — *Пэн Сичжу*. Чжаньго Цинь чанчэн каоча юй яньцзю (Детальное описание и исследование длинных стен царства Цинь эпохи Чжаньго). Сиань, 1990 (на кит. яз.).

Синь Дяон 2005 — *Синь Дяон*. Иньшань Гаоцзю юй Яншань Гаоцзю Бяньси — бинлунь Цинь Шан-хуан вань ли чанчэн си дунь цзюйсин ицзи чанчэн чжэ цзюань ванли (Анализ проблемы Гаоцзю в Иньшань и Гаоцзю в Яншань — наряду с локализацией западного отрезка великой стены Цинь Шан-хуан длиной в десять тысяч ли, а также в вопросе о происхождении длинных стен) // *Вань ши*. 2005. № 3. С. 5—64 (на кит. яз.).

Сюй Цуньжуй 1981 — *Сюй Цуньжуй*. Сянь Цинь сюнну цзи цз юй гуань да цингэ ванли (Сюнну в додинастическое время, а также некоторые аспекты касательство к этому вопросу) // *Шэкуй кесжэ чжаньсянь*. 1981. № 1. С. 110—113 (на кит. яз.).

Сян Чуньсуи 1981 — *Сян Чуньсуи*. Чжаоудэ мэи Янь Цинь чанчэн ичжи дяоча баогао (Отчет об обследовании остатков длинных стен царства Янь и династии Цинь в семье Чжаоудэ) // *Чжунго чанчэн ицзи дяоча баогао ицзи* (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981. С. 6—20 (на кит. яз.).

Сяо Цзинцзюань 2000 — *Сяо Цзинцзюань*. Ляодун дицю Янь Цинь Хань чанчэн чжаокай да каогусяо каоча яньцзю (Исследование археологических изысканий пограничных укреплений и длинных стен царства Янь, династий Цинь и Хань в регионе Ляодун) // *Бэйфан ваньхуа*. 2000. № 3. С. 15—23 (на кит. яз.).

Тун цзянь... 1986 — *Тун цзянь* дили чжэ цыдянь (Словарь географических комментариев к «Тун цзянь») / Фэн Хуймин и др. — сост. Цзинань, 1986 (на кит. яз.).

Тянь Гуаньцзянь, Го Сусинь 1986 — *Тянь Гуаньцзянь, Го Сусинь*. Ордоцы ши цинтунци (Бронзы ордосского стиля). Пекин, 1986 (на кит. яз.).

Тянь Гуаньцзянь, Го Сусинь 2004 — *Тянь Гуаньцзянь, Го Сусинь*. Чжунго бэйфан си цинтунци ваньхуа хэ лэйсин да чубу яньцзю (Предварительное исследование культур и культурных вариантов китайских бронз северного стиля) // *Бэйфан каогу луньвань ичжи* (Сборник статей об археологии Севера). Пекин, 2004. С. 160—199 (на кит. яз.).

Уэньцзюэсю 2007 — *Уэньцзюэсю*. Бэйфан цзюань каогусяо ваньхуа яньцзю: цинтун шидяй дао цзю те цз шидяй (Исследование археологических культур северных степей: бронзовый — ранний железный века). Пекин, 2007 (на кит. яз.).

ХШ 1997 — *Хань шу* (История династии Хань) / Вань Гу — автор. Янь Шигу — коммент. 10-е изд. Пекин, 1997. Т. 1—12 (на кит. яз.).

Хаяси Миннао 1972 — *Хаяси Миннао*. Тогоку Инь-Сю цзидай-ю буки (Оружие Китая эпох Инь-Чжоу). Киото, 1972 (на кит. яз.).

Хуан Шэнчжан 1985 — *Хуан Шэнчжан*. Сянь чу Чжаньго цинь инь цз миньвань яньцзю (саян ти) (Исследование надписей, выгравированных на вновь раскопанных золотых и серебряных предметах эпохи Чжаньго (раздел третий)) // *Гу ваньцзю яньцзю*. 1985. Вып. 12. С. 337—353 (на кит. яз.).

Хэ Юн, Лю Цзиньжун 1992 — *Хэ Юн, Лю Цзиньжун*. Хэбэй Хуайлай Ганьцзыбао фасянь да Чуньцзю муцзю (Могильник эпохи Чуньцзю, обнаруженный в Ганьцзыбао, уезд Хуайлай, Хэбэй) // *Ваньхуа чуньцзю*. 1992. № 2. С. 23—40, 75 (на кит. яз.).

Хэбэй Синьлэ... 1984 — *Хэбэй Синьлэ* сянь Чжунтунцунь Чжаньго му (Могила эпохи Чжаньго в Чжунтунцунь, уезд Синьлэ, Хэбэй) // *Каогу*. 1984. № 11. С. 971—973 (на кит. яз.).

Хэбэй Сюаньхуа... 1987 — *Хэбэй Сюаньхуа* сянь Сюабайяи муди фазцзю баогао (Отчет о раскопках могильника Сюабайяи в уезде Сюаньхуа, Хэбэй) // *Ваньхуа*. 1987. № 5. С. 41—49 (на кит. яз.).

Хэбэй шэн... 1980 — *Хэбэй шэн* чуо ваньхуа цзюань цзюань (Избранные объекты культурного наследия, раскопанные в провинции Хэбэй). Пекин, 1980 (на кит. яз.).

Хэбэй шэн... 1994 — *Хэбэй шэн* Луаньлин сянь Лишугоумэнь му цзюнь шенли фазцзю баогао (Упорядоченный отчет о раскопках могильной группы в Лишугоумэнь в уезде Луаньлин, провинция Хэбэй) // *Чуньцзю ваньхуа*. 1994. № 2. С. 15—30 (на кит. яз.).

Цинь Фэнли 2001 — *Цинь Фэнли*. Цзюньдушань Юйхуаньмо муди да тэчжэи цзи ши цзю шу ванли (Признаки могильника Юйхуаньмо в горах Цзюньдушань и вопросы его этнической атрибуции) // *Су Биши юй дадэй Чжунго каогусяо*. Пекин, 2001. С. 194—214 (на кит. яз.).

Цинь Фэнли 2004 — *Цинь Фэнли*. Цзюньдушань Юйхуаньмо муди сянь ши чжэи яньцзю (Исследование обряда жертвоприношения омета в могильнике Юйхуаньмо в горах Цзюньдушань) // *Бэйцзин ваньхуа юй каогу*. 2004. Вып. 6. С. 116—167 (на кит. яз.).

Цуй Лямин 1994 — *Цуй Лямин*. Нэймэнгу синьхэ сянь Гоулитоу сюнну му (Сюннская могила в Гоулитоу уезда Синьхэ, Внутренняя Монголия) // *Каогу*. 1994. № 5. С. 473 (на кит. яз.).

Цю Лян 2005 — *Цю Лян*. Чжуньхэсянь, Наньфан се цзюнь сюнну ваньхуа да инсяи (Влияние культуры сюнну, обнаруживаемое на Центральной равнине и на Юге) // *Дунфан каогу*. 2005. Вып. 1. С. 276—289 (на кит. яз.).

ЧГВУДЦ НМГ 2003 — *Чжунго ваньхуа дигуци*. Нэймэн гу чыжэи цзю фэнцэ (Атлас культурного наследия Китая. Автономный район Внутренняя Монголия). Сиань, 2003. Т. 1, 2 (на кит. яз.).

ЧГЛШДТЦ 1982 — *Чжунго лиши дигуци* (Исторический атлас Китая). Шанхай, 1982. Т. 1—6 (на кит. яз.).

ЧГЦ 1995 — *Чжаньго цз* (Планы сражающихся царств) / Лю Сянь — автор. 4-е изд. Шанхай, 1995. Т. 1—3 (на кит. яз.).

Чжан Циньчан, Ван Яньдун 1993 — *Чжан Циньчан, Ван Яньдун*. Чжаньго цэ шянъичжу (Толкование «Чжаньго цэ»). Тяньцзинь, 1993 (на кит. яз.).

Чжунго каогусюэ... 2004 — Чжунго каогусюэ. Лян Чжоу цзюань (Археология Китая. Обе эпохи Чжоу). Пекин, 2004 (на кит. яз.).

Чжэн Шаоцзун 1981 — *Чжэн Шаоцзун*. Хэбэй шэн Чжаньго. Цинь, Хань шиди гу чанчэн хэ чэнчжань ичжи (Руины длинных стен и укрепленных линий эпох Чжаньго, Цинь, Хань в провинции Хэбэй) // Чжунго чанчэн ичжи дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981. С. 34—51 (на кит. яз.).

Чжэн Шаоцзун 1984 — *Чжэн Шаоцзун*. Чжунго бэйфан шинтун дуаньдэцзинь дэ фэнши цзи сяичэжи хэньцзю (Исследование хронологии и типологии бронзовых кинжалов Северного Китая) // Вэньу. 1984. № 2. С. 37—49 (на кит. яз.).

Чжэн Шаоцзун 1992 — *Чжэн Шаоцзун*. Люэ тань Чжаньго шиди Чжуншань го дэ цзюань чэн вэньти (Обзорное изложение вопросов, касающихся пограничных укреплений царства Чжуншань в период Чжаньго) // Ляохай вэньу сюэкань. 1992. № 2 (14). С. 128—138 (на кит. яз.).

Чэнь Гуан 1998 — *Чэнь Гуан*. Дун Чжоу Янь вэньхуа фэнши лунь (люй вань) (Рассмотрение периодизации культуры Янь эпохи Восточного Чжоу (заключение)) // Бэйцзин вэньу. 1998. № 2. С. 19—28 (на кит. яз.).

Чэнь Пин 1995 — *Чэнь Пин*. Янь ши цзи ши бянъ нань хуй ань (Распределенное по годам собрание материалов по зафиксированным событиям истории Янь). Пекин, 1995. Т. 1, 2 (на кит. яз.).

Чэнь Пин 1996 — *Чэнь Пин*. Люэцзюань «шаньжун вэньхуа» дэ цзюлу цзи сяичуань вэньти (Намного об этнической атрибуции «шаньжунской культуры» и связанных с этим проблемах) // Хуася каогу. 1996. № 3. С. 63—76 (на кит. яз.).

Чэнь Пин 2003 — *Чэнь Пин*. Шилунь Чжаньго син Цинь бин дэ няньдай цзи югуань вэньти (Опыт построения хронологии типов оружия царства Цинь, бытовавших в период Чжаньго, а также относящихся к этому вопросу) // Янь Цинь вэньхуа янцзю — Чэнь Пин сюэшу вэньцзи (Исследования культуры Янь и Цинь — сборник научных трудов Чэнь Пина). Пекин, 2003. С. 222—243 (на кит. яз.).

Чэнь Пин 2006 — *Чэнь Пин*. Бэйфан ю Янь вэньхуа яньцзю (Исследование культуры северных окраин Янь). Пекин, 2006 (на кит. яз.).

Шяо Хуйцзю, Сюан Цзюань 2005 — *Шяо Хуйцзю, Сюан Цзюань*. Цзи бэй динцзю Дун Чжоу шиди бэйфан вэньхуа шинтун дуань цзюань яньцзю (Исследование бронзовых кинжалов эпохи Восточного Чжоу северной части провинции Хэбэй) // Вэньу чуньцзю. 2005. № 4. С. 7—22, 51 (на кит. яз.).

ШЦ 1996 — Ши цзи (Записки историка) / Сыма Цянь — автор. Пэй Инь, Сыма Чжэн, Чжан Шоудэ — коммент. 14-е изд. Пекин, 1996. Т. 1—10 (на кит. яз.).

Шиньцзюань 1981 — *Шиньцзюань*. Хэбэй шэн Вэйчан сянь Янь Цинь чанчэн дяоча баогао (Отчет об обследовании длинных стен царства Янь и династии Цинь в уезде Вэйчан провинции Хэбэй) // Чжунго чанчэн ичжи дяоча баогао цзи (Сборник отчетов об обследовании остатков китайских длинных стен). Пекин, 1981. С. 40—44, 51 (на кит. яз.).

Шо юань 1976 — Шо юань (Сад высказываний) / Лю Сян — автор. Пекин, 1976 (на кит. яз.).

Шуй цзинь чжу... 1999 — Шуй цзинь чжу шу («Речной канон с подсобными текстами «чжу» и комментариями «шу») / Ли Даокань — автор текстов «чжу»; Ян Шоудэ, Сюан Хуйчжэн — авторы комментариев «шу». 2-е изд. Нанкин, 1999 (на кит. яз.).

Юань-хэ... 2005 — Юань-хэ цзюань сянь гу чжи (Описание карты округов и уездов эры правления юань-хэ) / Ли Цифу — автор. 2-е изд. Пекин, 2005. Т. 1, 2 (на кит. яз.).

Юй Тайшань 2005 — *Юй Тайшань*. Сюнну дэ цзюань (Возвышение сюнну) // Оуе сюэцзюань. Вып. 5. 2005. С. 1—7 (на кит. яз.).

Ян Куань 2001 — *Ян Куань*. Чжаньго шилэо бянъ нань цзи чжэи (Распределенное по годам собрание исторических источников по периоду Чжаньго). Шанхай, 2001 (на кит. яз.).

Ян Цзяньхуа 2004 — *Ян Цзяньхуа*. Чуньцзю Чжаньго шиди Чжунго бэйфан вэньхуа дай дэ сяичэн (Формирование пояса северных культур Китая периодов Чуньцзю-Чжаньго). Пекин, 2004 (на кит. яз.).

Янь ся ду 1996 — Янь ся ду (Нижняя столица Янь). Пекин, 1996. Т. 1, 2 (на кит. яз.).

Янь Чжун 1995 — *Янь Чжун*. Янь бэй чанчэн као (Изучение северных длинных стен царства Янь) // Шэньхуй кэсюэ чжаньсянь. 1995. № 2. С. 181—186 (на кит. яз.).

С. В. БЕЛЕЦКИЙ

В отечественной литературе понятия «геральдика» и «гербоведение» применительно к изучению личных и городских эмблем эпохи русского средневековья не употребляются. Действительно, в XIV—XVII вв. Россия не знала гербов западно-европейского типа. Однако имеется большая группа изобразительных символов, принадлежность которых русским князьям никем всерьез не оспаривается. Речь идет о так называемых «знаках Рюриковичей» — двузубцах или трезубцах либо производных от них формах, изображения которых имеются на древнейших русских монетах, на всрительных знаках, на подвесных печатях и пломбах, на прикладных печатях и шерстнях, на предметах вооружения, на произведениях прикладного искусства и орудиях труда, на памятниках монументальной и станковой живописи, на бытовой и строительной керамике.

До самого недавнего времени древнерусские княжеские знаки обозначали в литературе условными кабинетными терминами «знамена», «знаки», «тамги». После обнаружения при раскопках в смоленском Троицком монастыре камня с вырезанным на нем изображением княжеского знака и размещенной вокруг надписью «Степан тивун нап(и)сал пятнь Ростиславль» (Торшин 2000) можно считать установленным, что современники именовали знаки Рюриковичей *пятно*.

Среди исследователей не сложилось единого мнения о том, что такое знаки Рюриковичей. В литературе сосуществуют две основные точки зрения. Согласно наиболее распространенному мнению, знаки Рюриковичей — это знаки собственности, хозяйственные знаки (типа тавра для клеймения скота). Согласно противоположному мнению, знаки Рюриковичей — это гербы русских князей, использовавшиеся как изобразительные символы сословного отличия и политической власти, но употреблявшиеся также и как знаки собственности. В любом случае, знаки Рюриковичей обычно не включают в число источников, изучением которых занимаются *геральдика* или *гербоведение*.

Действительно *гербоведение* — это дисциплина, предметом которой является изучение гербов, а также традиции и практики их использования.¹ Термином «гербы» обозначают составленные на основании строго определенных правил изобразительные символы сословного отличия и политической власти, которые утверждались государством и в большинстве случаев передавались по наследству (Каменцева, Устюгов 1974: 5). Появление первых гербов относят к эпохе крестовых походов (Арсеньев 1997: 18; Медведев 2003: 398—399).

Изобразительные символы более раннего времени (знаки, эмблемы, тамги) традиционно гербами не считают, хотя предполагается, что они предшествовали возникновению гербов, а иногда и служили основой для их создания. Изучение подобных изобразительных символов (в том числе — знаков собственности и хо-

¹ «Геральдику можно определить простейшим образом как учение о гербах <...> Герб является произведением эпохи рыцарства, продуктом крестовых походов и турниров, — одним словом, Средних веков» (Арсеньев 1997: 18). «Геральдика или гербоведение — дисциплина, посвященная изучению гербов. Термин "геральдика" относится также к традиции и практике использования гербов» (Медведев 2003: 398).

зайственных знаков) считается прерогативой другой вспомогательной дисциплины — *эмблематики* (Камешцева, Устюгов 1974: 7), которую одни исследователи рассматривают в качестве самостоятельной вспомогательной исторической дисциплины (Там же), другие — более общей дисциплиной, по сравнению с геральдикой (Медведев 2003: 398), а третьи, напротив, — составной частью геральдики (Вилипбахов 1983: 8).

Отказ считать гербами знаки, эмблемы и тамги связан с убежденностью исследователей в том, что подобные изобразительные символы использовались и передавались по наследству носителями без соблюдения каких-либо правил. Действительно, сведений о существовании правил выбора и наследования тамги и тамгообразных знаков как будто бы нет. Комментируя кабардинские, абазинские, осетинские, венгерские и древнетюркские тамги, а также тамгообразные знаки на ахеменидских печатях и так называемые «сарматские знаки» Северного Причерноморья, В. С. Ольховский отмечал общие черты перечисленных знаковых систем: обереги, знаки принадлежности, присутствия, владения, удостоверения, покровительства и подчинения, в редких случаях — авторства (Ольховский 2001: 107—108). Однако ни о каких правилах наследования знаков, составляющих перечисленные знаковые системы, речи нет. Не выявлены правила наследования тамгообразных знаков в Хазарском каганате и в Золотой Орде.

Правила наследования знаков Рюриковичей также долгое время не фиксировались, хотя благодаря исследованиям нескольких поколений отечественных историков (Орешников 1930; 1936; Рыбаков 1940; Янин 1956; 1957; 1970; 1982; Сотникова, Спасский 1983; Сотникова 1995; Молчанов 1984) установлено, что генезис знака основан на принципе появления или исчезновения «отпятнышей», придававших знаку индивидуальные черты. Исследователи допускали, что при наследовании древнерусского княжеского знака сын владельца трезубца мог пользоваться двузубцем, а его сын в свою очередь мог вернуться к трезубцу. Если бы это было так, то наследование знака при переходе от отца к сыну действительно оказывалось бы бессистемным. В таком случае знаки Рюриковичей ничем не отличались бы от прочих знаковых систем Восточной Европы, Ближнего Востока и Сибири.

Однако вытекающая из существующих в литературе версий генеалогии знаков хаотичность их наследования на самом деле мнимая и объясняется двумя основными причинами. Прежде всего, в литературе обсуждается обычно несколько десятков разнотипных знаков, изображения которых выявлены менее чем на сотне предметов,² что составляет лишь небольшую часть от всего известного фонда источников. Кроме того, подавляющее большинство известных знаков Рюриковичей пока не персонифицировано, так что существующие в литературе генеалогические стеммы строятся на основании догадок относительно принадлежности знаков. Но, коль скоро в основу построения генеалогии знаков положены догадки, сами генеалогические стеммы теряют доказательную силу и не могут считаться основанием для вывода об отсутствии правил наследования знака при переходе от отца к сыну.

В настоящее время мне известно около полутора тысяч предметов с изображениями знаков Рюриковичей. Наиболее ранние из знаков относятся к X в., позд-

² Без учета монет, число которых, по подсчетам М. П. Сотниковой, достигает 340 (Сотникова 1995: 5).

нейшие — к XIII в. Персонификация большинства знаков X—XI вв. и основные наблюдения за их генезисом уже опубликованы (Белецкий 2000а; 2006), поэтому здесь я лишь напомню основные результаты проведенного исследования (рис. 1).

Древнерусские княжеские знаки наследовались по строго определенным правилам. Знак в форме простого двузубца использовался представителями династии Рюриковичей со времен правления, по крайней мере, сына Рюрика, Игоря, а возможно, употреблялся уже самим Рюриком. Вплоть до вокняжения Святослава Игоревича происходило наследование родового двузубца без изменений. Ярополк и Олег Святославичи при жизни отца пользовались двузубцами с усложненной формой ножки, и только после гибели Святослава Ярополк стал пользоваться собственно родовым двузубцем. Владимир Святославич при жизни Святослава получил в качестве личного знака трезубец.

Знак Рюриковичей начал претерпевать изменения с поколения внуков Святослава: Святополк Ярополдич — единственный сын старшего из сыновей Святослава — имел право на родовый двузубец и некоторое время пользовался этим знаком, однако с 1013 г. он стал пользоваться новым типом знака: сохранив в качестве основы двузубец, Святополк изменил форму левого зубца. Старший сын Владимира Святославича, Вышеслав, наследовал отцовский трезубец, усложнив форму ножки, а его младшие братья, Изяслав, Ярослав, Мстислав и Судислав, сохранили без изменений форму ножки отцовского трезубца, но усложнили форму вершины центрального зубца. Принцип наследования знака, при котором старший сын меняет форму ножки отцовского трезубца, а младшие сыновья — форму зубцов, прослежен также для поколения внуков Владимира Святослава.

Для 39 князей V—VII колен рода Рюриковичей, живших в конце X—XI вв., мы располагаем в настоящее время знаками 14 типов. Конечно до нас дошли не все княжеские знаки X—XI вв., и новые находки, вероятно, расширят круг источников. Однако — вряд ли значительно. Таким образом, в XI в. лично-родовыми знаками пользовались не более трети русских князей.

Для представителей шести следующих поколений рода (около 280 человек), живших в XII—XIII вв., известно более 250 разнотипных княжеских знаков. Пока удалось персонифицировать около 50 знаков. Складывается впечатление, что на рубеже XI—XII вв. число известных княжеских знаков по сравнению с предшествующим периодом резко увеличилось. Расширение числа известных знаков можно было бы расценить как свидетельство изменения правил их использования: количество известных знаков стало сопоставимо с числом известных по письменным источникам мужчин рода Рюриковичей. Однако это изменение мнимое. Установлено, что некоторые типы знаков, различавшиеся между собой очертаниями контуров чашки (прямоугольные, колоколовидные) и традиционно приписывавшиеся в литературе разным владельцам, на самом деле принадлежали одним и тем же лицам. Таким образом, в XII—XIII вв., как и в X—XI вв., княжескими знаками на Руси также пользовались около трети князей.

Представители VIII—XIII колен рода Рюриковичей продолжали соблюдать основные правила наследования лично-родовых символов, разработанные в X—XI вв.: старший сын изменял у отцовского знака форму ножки, а младшие сыновья — форму зубца. Это свидетельствует о сохранении прежней традиции использования на Руси изобразительных символов, указывающих на принадлежность владельца к правящей династии. Кроме того, за представителями отдельных

гербоведения сами гербы, а также традицию и практику их использования (Медведев 2003: 398). Но в таком случае гербоведение следует считать частным случаем другой дисциплины, предметом изучения которой являются изобразительные символы сословного отличия и политической власти, которые также могли употребляться (и, безусловно, употреблялись) как знаки собственности. Называть ли эту дисциплину эмблематикой или геральдикой, в конечном счете, вопрос сугубо терминологический. В любом случае предметом данной дисциплины оказываются, среди прочего, знаки и знаковые системы, появляющиеся задолго до формирования института гербов и гербоведения.

В заключение я хотел бы привести еще одну цитату: «Отрывая от геральдики эмблематику, мы лишаем первую генезиса, истоков, т. е. рассматриваем уже сформировавшееся дерево, не проследив его корней и процесса роста; вторая же представляет собой лишь корневую систему, сложную, запутанную, но делающую изучение ее абсолютно бесплодным, так как отсекается ствол с ветками и листьями, т. е. то, чему дает жизнь эта система» (Вилинбахов 1983: 5). Полагаю, сформулированное более двух десятилетий назад Г. В. Вилинбаховым соотношение гербоведения («геральдики», по Вилинбахову) и эмблематики выдержало проверку временем.

Арсеньев 1997 — *Арсеньев Ю. В.* Геральдика. Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907—1908 году. Киев, 1997.

Белецкий 2006a — *Белецкий С. В.* Зарождение русской геральдики // *Stratum plus*. 2000. № 6. С. 366—424.

Белецкий 2006b — *Белецкий С. В.* Знаки Рюриковичей. Часть первая: X—XI вв. // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. СПб., 2000. Вып. 2.

Вилинбахов 1983 — *Вилинбахов Г. В.* Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина (к вопросу о предмете исследования и структуре) // Геральдика: Материалы и исследования. Л., 1983. С. 3—11.

Даль 1882 — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 3.

Каменцева, Устигов 1974 — *Каменцева Е. И., Устигов Н. В.* Русская сфрагистика и геральдика. 2-е изд. М., 1974.

Кочин 1937 — *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937.
Лихачев 1930 — *Лихачев Н. П.* Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Л., 1930. Вып. 2.

Медведев 2003 — *Медведев М. Ю.* Геральдика // Специальные исторические дисциплины. СПб., 2003. С. 398—455.

Молчанов 1984 — *Молчанов А. А.* Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X—XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1984. № 16. С. 66—83.

Ольховский 2001 — *Ольховский В. С.* Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 2001. Вып. 7. С. 100—109.

Орешников 1930 — *Орешников А. В.* Классификация древнейших русских монет по родовым знакам // Известия АН СССР. 1930. № 2.

Орешников 1936 — *Орешников А. В.* Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936.

Рыбаков 1940 — *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси // СА. 1940. Т. 6. С. 227—257.

Словарь русского языка... 1995 — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1995. Вып. 21.

Словарь церковнославянского... 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка. СПб., 1847. Т. 3.

Сотникова 1995 — *Сотникова М. П.* Древнейшие русские монеты X—XI вв. Каталог и исследование. М., 1995.

Сотникова, Спаский 1983 — *Сотникова М. П., Спаский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X—XI вв. Л., 1983.

Срезневский 1893 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 2.

Торшин 2000 — *Торшин Е. Н.* Новая находка древнерусской надписи и изображения княжеского знака в Смоленске // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000. № 6. С. 248—255.

Янин 1956 — *Янин В. Л.* Киевские знаки суздальских Рюриковичей // КСИИМК. 1956. № 62. С. 3—16.

Янин 1957 — *Янин В. Л.* К вопросу о дате Лопастинного креста // КСИИМК. 1957. № 68. С. 31—34.

Янин 1970 — *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 1.

Янин 1982 — *Янин В. Л.* Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 138—155.

О ВНЕСТРАТИГРАФИЧЕСКОМ ДАТИРОВАНИИ КОМПЛЕКСОВ КОЖАНЫХ ИЗДЕЛИЙ В РУССКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДАХ

А. В. КУРБАТОВ

Введение

Согласно одному из общих определений, модой называют «существующее в определенный период и общепризнанное на данном этапе отношение к внешним формам культуры: к стилю жизни, обычаям сервировки и поведения за столом, автомобилям, одежде <...> Историческое развитие одежды человека неразрывно связано с модой и между ними поэтому обычно ставится знак равенства» (Кибалова и др. 1987: 11). Очень точно обозначил моду В. Даль: «Мода — это временная, изменчивая прихоть в житейском быту, в обществе, в покрое одежды и в нарядах» (Даль 1881: стб. 337). В средневековом обществе моду можно видеть в изменениях материальной обстановки, одежды, украшений и др. Историки видят в таких изменениях и развитие местных стилей, и «международные» влияния, передаваемые через многие города и страны (Рабинович 1988: 126).

Наличие обувной моды в средневековой России и определенного динамизма в появлении новых конструкций и стилей обуви в последние годы отмечено на археологических материалах (Курбатов 2004а). В научный оборот введены представительные комплексы находок, получившие в разной степени «узкую» датировку по стратиграфическим признакам, при этом используются возможности естественнонаучных методов, а также учитывается связь комплексов с конкретными историческими событиями. В каждом комплексе кожаных изделий выделены конструктивные и стилистические признаки обувных моделей, бытовавших в ограниченном периоде. При существующей степени изученности русской средневековой обуви в оценке новых представительных коллекций можно использовать опыт внестратиграфической «узкой» датировки комплексов. Примером точности датирования комплексов кожаных изделий по конструктивным и стилистическим признакам служат материалы из раскопок 2007 г. в г. Пскове.

Охранные исследования 2007 г. на ул. Гоголя во Пскове (раскопы Петровский VIII и IX)¹ продолжили изучение восточной части Окольного города, близ Петровских ворот, на площади около 1000 м². С юга участок раскопок примыкал к современной ул. К. Маркса, трасса которой могла соответствовать средневековой Петровской улице, к которой тяготели церкви Иоанна Милостивого и Григория Богослова XVI—XVII вв. Важное место в изучении этой части Окольного города занимают материалы раскопок предыдущих лет. На Петровском IV раскопе 2000 г., у пересечения улиц К. Маркса и Некрасова, были раскрыты 70 средневе-

¹ Автор выражает благодарность руководителям работ на раскопах Петровский VIII и IX, научным сотрудникам Псковского археологического центра Б. Н. Харлашову и Е. В. Салминой, предоставившим материалы для изучения.

ковых погребений городского некрополя, существовавшего с XIII в. до постройки стен Окольного города в 1465 г. По оценкам Б. Н. Харлашова, до постройки стен Окольного города здесь была окраина посада, занятая городским кладбищем. Городская застройка началась по прошествии некоторого времени после завершения последних захоронений (Харлашов 2003: 9, 11). Таким образом, начало городской жилой и производственной застройки на участке исследований 2007 г. можно определять в пределах последней четверти XV в. Это подтверждают и датировки наиболее ранних сооружений, связанных с жилыми дворами на раскопе Петровский IV. Находимые в них кожаные изделия отнесены к XVI—XVII вв. (Курбатов, Харлашов 2008).

На раскопах Петровский VIII и IX в средневековых слоях хорошо сохранились органические материалы. Вместе с остатками деревянной застройки встречено большое число кожаных предметов — целые изделия и отдельные детали, многочисленные обрезки от раскроя. Состав и численность кожаных находок позволяют видеть в этом собрании эталонную коллекцию для г. Пскова на период его присоединения к Московскому государству. Коллекция кожи с Петровских раскопов подтверждает многие наблюдения, оценки и интерпретации подобных комплексов, сделанные на материалах других городов.

Локализация, пластография и состав находок

В настоящее время опыт планиграфического анализа массовых кожаных находок из средневековых слоев русских городов позволяет выделять признаки пяти вариантов использования городской территории.

1). Обычная жилая застройка, включающая жилые дома, дворовые участки и приусадебные огороды. Для нее характерно равномерное распределение кожаных предметов по всей площади, их число не превышает 10—20 на каждый раскопный квадрат (2 × 2 м). Среди находок преобладают обрывки изношенных изделий, назначение которых не всегда определимо, поскольку они часто имеют вторичную затертость, признаки пребывания вблизи огня или горячих предметов (заваривание кожи), разрывы. Как правило, здесь не встречаются обрезки новых кож.

2). Места общего пользования — площади, улицы и переулки. На общественной территории наблюдается минимальное число кожаных предметов, в основном мелких обрывков изношенных изделий. Среди них нет обрезков от раскроя, т. е. отходов профессионального ремесла. Надо полагать, что уже в древнерусский период в городах практиковалась постоянная очистка таких мест от мусора. Надзор за поддержанием чистоты, видимо, осуществляли уличанские и кончанские старосты (Сорокин 1995: 30—31, 65—66).

3). Временно пустующие участки, появляющиеся при отъезде или смерти владельца усадьбы и членов его семьи. Для них характерны локальные, разовые выбросы отходов кожевенного ремесла на дневной поверхности, зафиксированные, например, в Ивангородской крепости и Тверском кремле.

4). Неудобные для застройки места, маркирующие особенности древнего рельефа, — овраги, заболоченные низины, широкая пойма рек. Эти места застраивались в последнюю очередь, а до этого использовались горожанами для выбрасывания бытового мусора и производственных отходов.

5). Производственные комплексы по пошиву кожаных изделий. Значительная концентрация кожаных предметов в площади усадьбы указывает на вероятное место изготовления изделий из кожи. В этом скоплении кожи обрезки от раскроя значительно преобладают над деталями изношенных изделий. Последние могут находиться только в количествах, соответствующих участкам обычного жилого «фона». Другие же обрезки изделий надо рассматривать в связи с производственной деятельностью мастера-кожевника. Количество обрезков возле рабочего участка может достигать нескольких тысяч на каждый раскопный квадрат. По мере удаления от «рабочего места» в площади усадьбы это скопление «рассеивается», но составляет не менее 100 единиц на квадрат. Такое число кожаных предметов признано минимальным при выделении кожаных производственных участков в Смоленске, Ивангороде и Твери (Курбатов 19976; 20046).

Почти на всей площади раскопов Петровский VIII и IX зафиксирован минимальный уровень городского «фона» кожаных предметов, не превышающий 10 единиц на квадрат. Но здесь же выделяются и локальные скопления очень большого числа отходов от раскроя. В пластах 10—13 Петровского IX раскопа они составляют от 2,3 до 15,4 тысяч единиц. На примыкающем к нему участке Петровского VIII раскопа крупное скопление обрезков встречено только в одном квадрате. Все квадраты с максимальной концентрацией кожаных предметов образуют компактный участок прямоугольной формы размерами 8 × 4 м. Это место складирования отходов — в помещении, между двумя постройками или в специальном мусорном «ящике». На окружающих квадратах количество кожаных предметов не превышает общегородского «фона». Другие локальные скопления отходов имеют меньший объем. Так, обрезками были заполнены не менее 3 небольших ям, видимо, специально отрытых для этих производственных отходов и использованных только однажды. Скорее всего, ямы выкапывал сам мастер-кожевник, удалявший отходы ремесла по мере их накопления. Каждый раз мастер засыпал яму с отходами, не оставляя ее до следующего раза. В заполнении одной такой ямы зафиксировано около 900 обрезков, во второй — 496, в третьей — 726. Другие относительно небольшие скопления обрезков можно объяснять выбросом отходов раскроя во двор для засыпания луж и топких участков.

Таким образом, на раскопе Петровский IX имелись значительные скопления кожаных обрезков, показывающие существование именно здесь кожаной пошивочной мастерской. Период функционирования мастерской надо связывать с сооружениями, раскрытыми на уровне 9—10-го пластов. Большая часть отходов ремесла собрана в одном месте — внутри сооружения или между двумя одновременно постройками. Меньшую часть отходов мастер периодически закапывал в специальных ямах или бросал на поверхности двора (усадьбы). Находки кожаных предметов ниже отмеченного уровня следует связывать с неровностями древней дневной поверхности (кроме общего понижения поверхности к руслу р. Псковы) и топкими местами, которые засыпались отходами.

Сырье

Многочисленные обрезки от раскроя новых кож показывают использование разного сырья, а также свидетельствуют о разнообразных способах выделки кож. Визуально (органолептически) выделены кожи крупного рогатого скота (КРС),

мелкого рогатого скота (МРС), немногочисленные кожи лошадей и несколько обрезков кож других животных, предположительно, тюленей или моржей. Кожа морских животных достаточно мягкая, эластичная, толщиной 2,0—3,0 мм, выделана методом жирового дубления, т. е. сыромятная. Выделка шкур морских животных на сыромять является наиболее рациональной, придает шкурам необходимую прочность и эластичность.

На Петровских раскопах VIII и IX основная масса кожи была выделана способом танидного дубления и в документах эпохи Московского государства называлась «краснодубной» или «красной». Мнение историков о том, что название «красная» может означать кожи высшего качества, на наш взгляд, не учитывает использования в то время кож жирового дубления, к которым можно отнести замшу (саамскую кожу), ровдугу, мячину (сыромятные кожи средне-русской выделки), а также кожи квасцового дубления (в алюмокалиевых квасцах) — тим и кордуан. Краснодубная кожа преимущественно выделывалась из шкур КРС, МРС и конских. В зависимости от возраста забитых животных, а следовательно, толщины и качества шкур, надо предполагать использование разных технологических норм выделки. Об этом можно судить только по результату — кожан, находимым в культурном слое. Среди сырья выделяются очень толстые бычьи кожи — до 5 мм и более. Судя по жесткости и малой расслаиваемости эти кожи имели достаточно глубокий и качественный продуб. Надо полагать, что к рубежу XV—XVI вв. в практику кожевников уже внедрились особые методы насыщения толстых подошвенных кож золой, для увеличения их жесткости. В комментарии к лавочной книге Новгорода 1582/83 г. С. В. Бахрушин отмечает шаровников, в которых он видит кожевников, обрабатывающих кожу золой (Бахрушин 1952: 30, 80).

Состав найденных отходов кожевничного ремесла помогает ответить на вопросы о специализации мастера-кожевника, об организации работы и технических нормах пошива. Надо отметить и значительную унификацию качества кожи, использованной для раскроя. Больше всего обрезков принадлежит плотной, хорошо выдубленной коже КРС толщиной 1,1—2,0 мм. Значительно меньше встречается кож МРС (коз или овец). Некоторую часть отходов представляют кожи хорошего качества дубления, толщиной до 4,0—5,0 мм. Основная масса обрезков принадлежит коже, используемой первый раз (рис. 1, 5—21). В данной коллекции этот показатель значительно превышает норму, отмеченную на других памятниках, например в Тверском кремле на материалах конца XIII—первой половины XV вв. Выделяется очень большое число обрезков с края кожевого листа. Эти неровные края обрезались до начала раскроя деталей и, во многих случаях, не несли следов вырезания деталей, хотя имеются и обрезки с негативами раскроя (рис. 1, 9, 18).

Вторая по величине составляющая материала — это голенища сапог и детали рукавиц. Голенища лучше всего сохранялись при износе обуви и всегда использовались вторично (рис. 2, 1—12; 3, 4—12; 4). В составе отходов выделено большое число обрезков этих деталей, кроенных из плотной, жесткой или эластичной кожи КРС или МРС толщиной 1,5—2,0 мм и более. Здесь же найдено много обрезанных деталей изношенных рукавиц-голиц. Их обрезание показывает вторичное использование некоторых частей, не истертых при эксплуатации. Всего выделено более

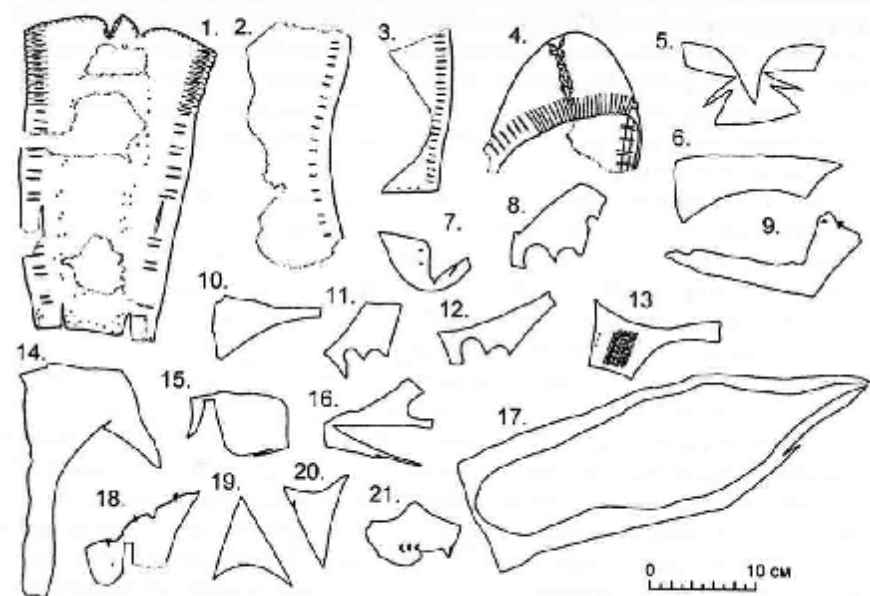

Рис. 1. Псков, раскоп Петровский VIII, кожаные предметы: 1—4 — целые и фрагменты обуви; 5—21 — обрезки от раскопок

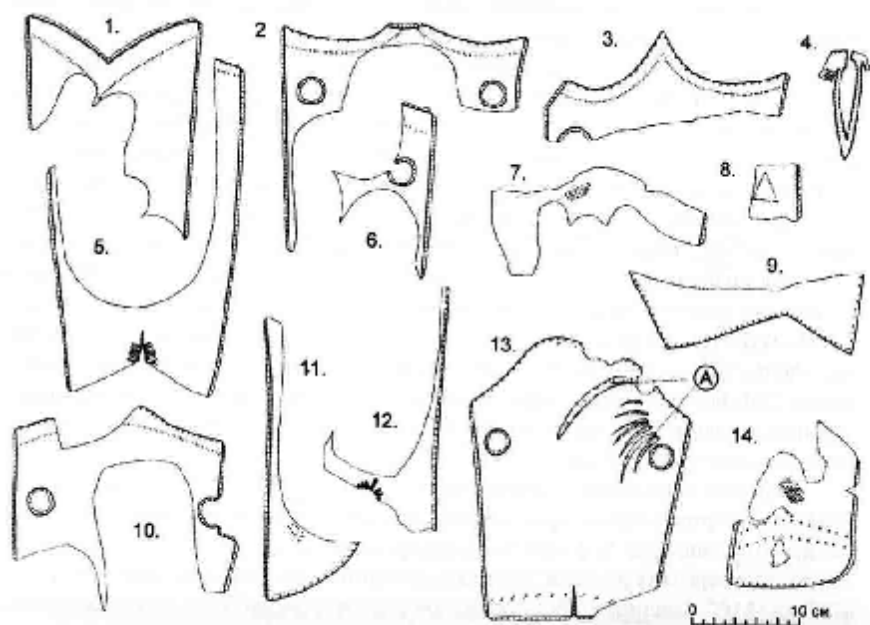

Рис. 2. Псков, раскоп Петровский IX, кожаные предметы: 1—12 — обрезки голенищ; 13, 14 — целая и оборванная детали голенищ

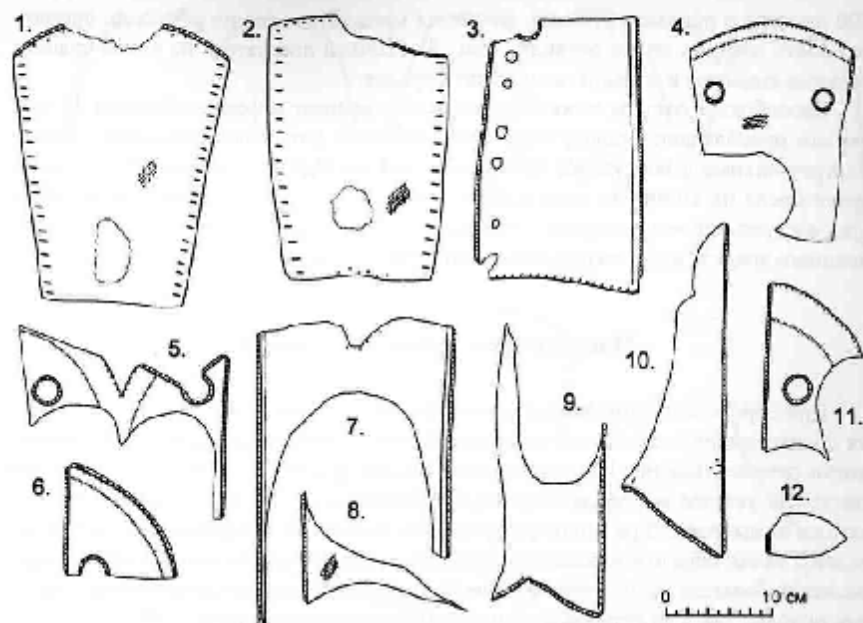

Рис. 3. Псков, раскоп Петровский IX, кожаные предметы: 1—2 — обувь; 3—12 — обрезки голенищ

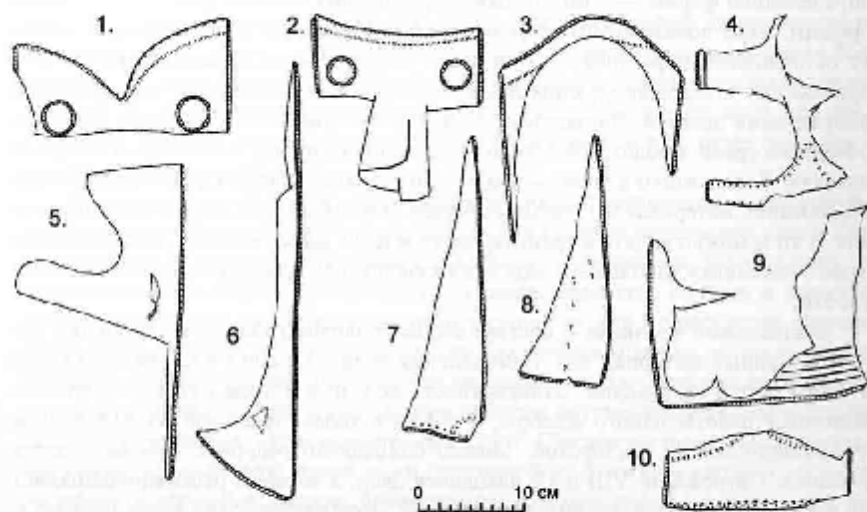

Рис. 4. Псков, раскоп Петровский IX, обрезки кожаных голенищ

600 деталей и обрезков рукавиц, не считая множества мелких обрезков, принадлежность которых менее очевидна (рис. 5). Данный показатель не имеет сравнительных аналогов в материалах русских городов.

Своеобразие состава кожаных отходов показывает и форма обрезков. В коллекции преобладают мелкие нитевидные обрезки, узкие полосы кожи, а также подтреугольные с вогнутыми краями. Первые являются остатками от подгонки краев после их сшивания друг с другом, когда необходимо выровнять оба края шва, а последние — негативами от раскроя определенных видов деталей со скругленными краями, например рукавиц или головок обуви.

Мастерская и ее специализация

При определении специализации мастера-кожевника встает вопрос о критериях оценки его работы. Мы не можем встретить на участке ремесленной деятельности готовые изделия. Они передаются заказчику и используются уже в другом месте. На участке мастерской преимущественно остаются обрезки, несущие негативы от выкроек. В ряде случаев они позволяют видеть формы выкраенных деталей и таким образом определять сферу деятельности кожевника. На Петровских раскопах большая часть материала несет следы выкраивания деталей рукавиц — как основы, так и отдельной детали для большого пальца (рис. 1, 8, 11, 12; 2, 1, 5—7, 10; 3, 4, 5, 7, 9; 4, 3—5, 9). Небольшая часть обрезков, преимущественно толстых кож, показывает негативы от раскроя подошв и подметок, иногда даже их определенной формы — с выгнутым и заостренным носком (рис. 1, 17). Однако процент таких показательных обрезков в общей массе отходов невелик, поскольку остающийся от раскроя негатив часто разрезается на несколько частей. Это происходит в процессе кроения и соответствует пониманию мастером удобства выкраивания деталей. Наглядным признаком специализации является массовое появление среди отходов какой-либо определенной группы изношенных кожаных изделий. В настоящем случае — это детали рукавиц и сапог. Само вторичное использование материала изношенных вещей было обычным в практике кожевников. В этом можно видеть и практику изготовления вещей на заказ, когда заказчик отдает кожевнику изношенное изделие в качестве образца и частичной оплаты его работы.

Выделенные признаки в составе сырья позволяют видеть в скоплении обрезков ценный материал для установления специализации мастера-кожевника и форм пошитых изделий. Стандартность обрезков в этом случае служит показателем работы одного мастера, а объем отходов предполагает длительное функционирование мастерской. Можно однозначно говорить, что на участке раскопов Петровский VIII и IX находился двор, в котором работал специалист по пошиву кожаных рукавиц-голиц (рис. 5). Этот мастер, один или с подмастерьями, в течение продолжительного времени (несколько лет?) шил и ремонтировал кожаные рукавицы, складывая отходы от раскроя на ограниченном участке двора и в ямах. Преобладание в использованном материале новых кож соответствует данному виду деятельности. Изношенные рукавицы, как правило, имеют разрывы по всей лицевой поверхности, вторично могла использоваться деталь

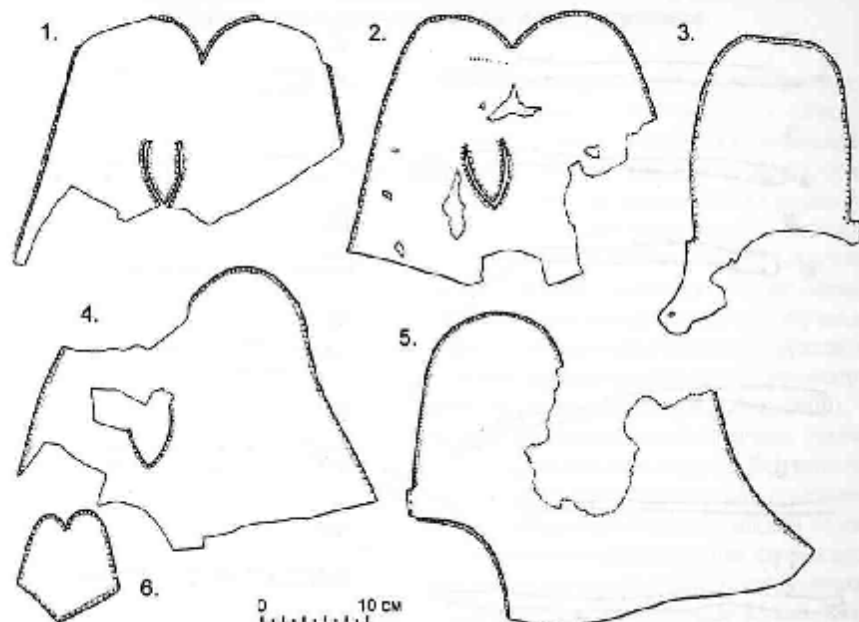

Рис. 5. Псков, раскоп Петровский IX, раскройки кожаных рукавиц

только тыльной стороны. Отдельная деталь большого пальца также подвергалась большой нагрузке и стиралась достаточно сильно. Но рукавицы могли быть не единственным видом изделий мастера-рукавичника. Среди отходов отмечено большое число обшивок края изделий и завязок (с узлами и без них), что предполагает пошив и ремонт различных сумок и мешков, в том числе *тороков* — выюнных мешков (рис. 6).

В рамках деятельности мастера-рукавичника инородными включениями можно считать серии деталей изношенной обуви, преимущественно сапог. Если использование голенищ объяснимо потребностями работы рукавичника, то многочисленные обрезки изношенных головок, задников, подошв и подметок надо воспринимать как показатель работы здесь же или по соседству мастера-сапожника. Отходы его деятельности не так многочисленны и предполагают кратковременность пошива обуви. Тем не менее мастер-сапожник определенно шил новую обувь — сапоги, используя в качестве внутренних и дополнительных деталей обрезанные части изношенных сапог. Свидетельством этого являются многие обрезки толстой новой кожи (толщиной до 5 мм), из которой кроились подошвы и подметки. Можно предполагать, что при пошиве новых сапог мастер сразу ставил толстые подметки и укреплял весь край подошвы железными гвоздями с широкой шляпкой (8—10 мм и более). В деятельности сапожника видна некая особенность — из пошива исключены модели обуви для детей и подростков. Единичны детали таких моделей, отсутствуют негативы от раскроя подобной обуви.

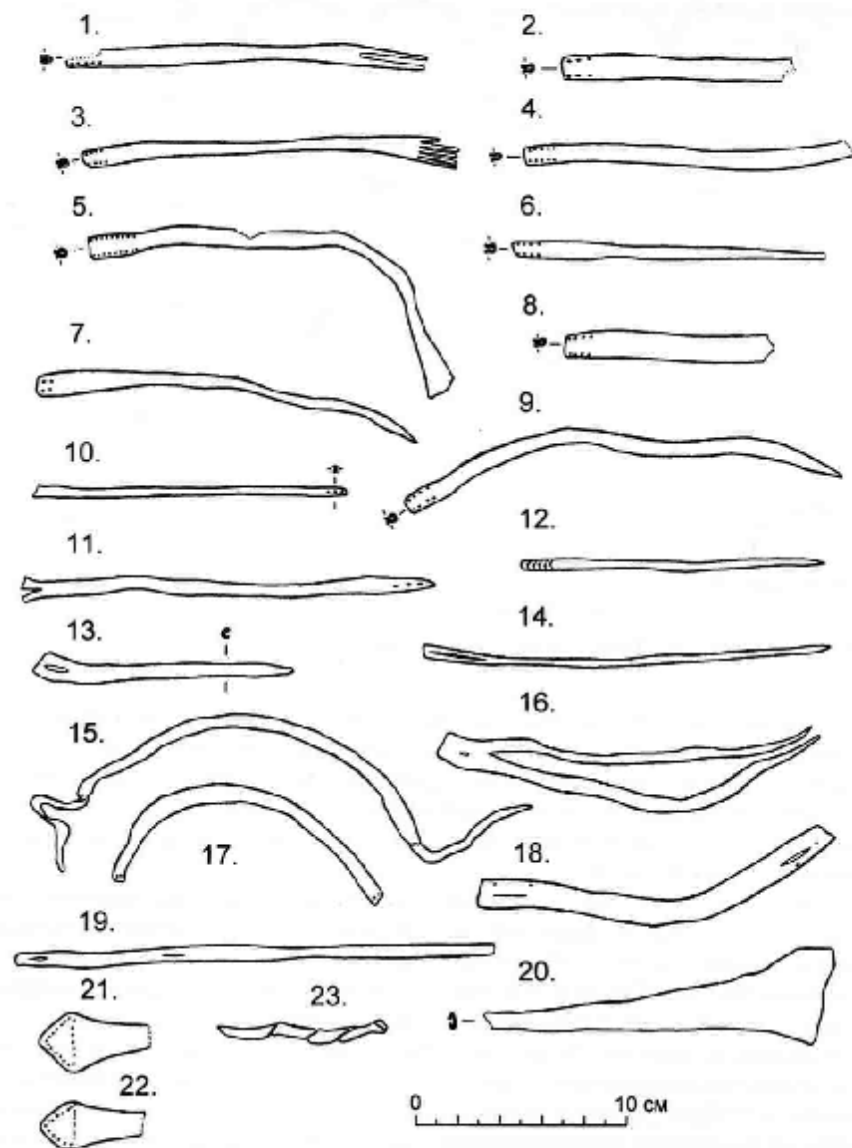

Рис. 6. Псков, раскоп Петровский IX, виды кожаных завязок

Кожаные изделия, их аналоги и датировка

Находки на раскопах Петровский VIII и IX преимущественно связаны с деятельностью одной кожаной пошивочной мастерской, т. е. относятся к одному, достаточно узкому периоду истории города. Отсутствие последовательно сменявшихся строительных горизонтов, в которых прослеживается работа кожевника, указывает на отсутствие преемственности в деятельности кожевников на этом месте. Работа одного (или нескольких) мастера-кожевника по времени ограничивалась, видимо, одним поколением жителей. Основанием для определения времени функционирования мастерской может служить коллекция деталей обуви. В отличие от других видов кожаных изделий, в том числе и рукавиц, обувные модели показывают достаточно динамичную смену конструктивных элементов и приемов. В сочетании с изменениями фасонов и декоративной отделки они могут служить надежным хронологическим индикатором (см.: Курбатов 2004а; 2005).

Данная коллекция обуви включает два специфических вида, имеющих различия в конструкции и по фасонам, — сапоги и поршневидные модели. Все сапоги, происходящие из мастерской, имеют основное соединение «в подтай» (соединение подошвы с деталями верха). Такой способ соединения многодетальной обуви был характерен для Руси XIV—XVII вв. На протяжении этого периода изменялась форма деталей и совершенствовалась техника исполнения данного соединения. В коллекции имеются разные варианты исполнения основного шва в зависимости от фасона обуви. Конструктивным признаком является сравнительно широкая передняя половина подошвы, широкий захват кожи «в подтай» и большой отступ шва от края подошвы. К стилевым признакам обуви можно отнести общую форму подошвы, пропорции ее передней и задней частей, величину сужения в области свода стопы и особенности оформления пятки и носка. По отдельным деталям и немногим полным наборам выделяются три варианта сапог, различающиеся по конструкции и оформлению.

Первый вариант имеет подошвы вытянутых пропорций с длинным, сильно зауженным носком. Под пятку, с внутренней стороны, подложены 3—4 подкладки общей высотой 0,8—1,0 см (рис. 7, 1, 2). Головка имеет узкий, вытянутый носок и поперечно срезанный или слегка вогнутый подъем. Такое оформление носка головки и подошвы приводит к созданию вытянутого «клювовидного» носка, свободно загибающегося вверх. У головки отсутствуют «крылья» — боковые выступы, закрывающие обе стороны стопы. Длинные «крылья» подиаряда не выходят за края головки и соединяются выворотным швом с карманом задника. На подъеме подиаряда имеет вырез, т. е. не распространяется на всю площадь головки, что создает большую эластичность этого участка при сгибании кожи во время хождения. Задник состоит из наружной детали (собственно задника) и внутренней (кармана). Все детали верха кроились преимущественно из эластичной кожи МРС толщиной 1,2—2,0 мм.

Второй вариант сапог имеет подошвы также несколько зауженных пропорций, с заостренным носком, вытянутым в разной степени. Под пятку ставились 3—5 подкладок высотой до 1,2—1,5 см. Для этого варианта характерен особый технический прием в соединении головки с подошвой. Головка имела вырез на носке, куда вшивался заостренный носок подошвы, загнутый вверх и назад. На

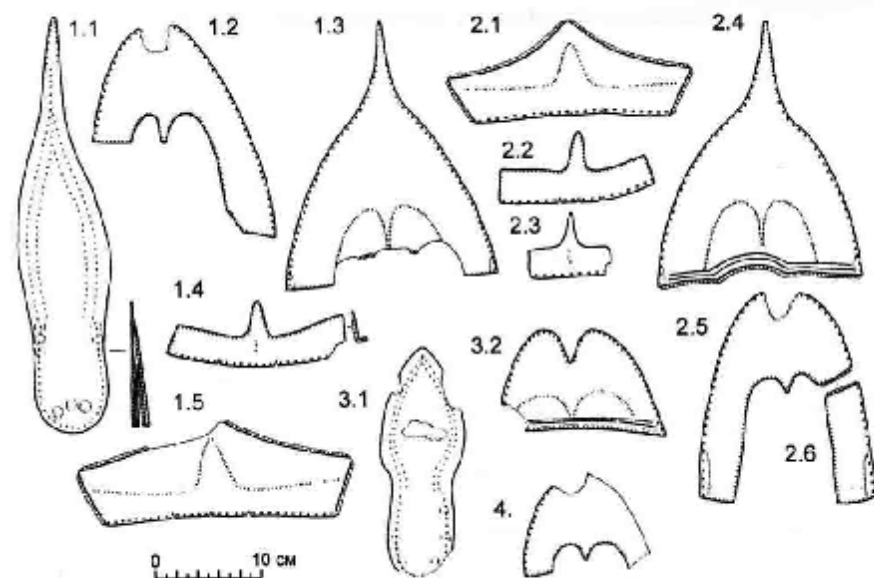

Рис. 7. Псков, раскоп Петровский IX, наборы и отдельные детали кожаных сапог

подъеме головка имела прямой обрез, без крыльев. Поднаряд мог быть однодетальным полным или с вырезом на подъеме (рис. 7, 3; 8, 1, 2, 5; 9, 1—3, 7; 10, 4). Задник, относительно узкий и низкий, имел незначительное скругление по нижнему краю и оформление верхнего края тупым углом. Карман также был относительно низким, охватывая примерно 2/3 высоты задника. Внутренние прокладки в карман, по-видимому, не предполагались. Для этого варианта сапог характерно использование мелких декоративных гвоздей, набитых на носок и пятку подошвы, а также особое оформление некоторых подошв — с узким язычком на пятке.

Третий вариант имеет подошвы большой ширины в пальцах и пятке, с незначительным или отсутствующим перехватом в области свода стопы (так называемая *перейма*), с округлой пяткой и слегка суженным, приостренным или совершенно округлым носком (рис. 9, 4, 5; 10, 1—3; 11, 1—8). Таким подошвам соответствуют головка с округлым носком и короткими боковыми «крыльями». Край на подъеме мог оформляться двояко — с небольшим язычком или с округлым вырезом. С головками использовался только целый поднаряд (т. е. охватывающий всю площадь головки на подъеме), одно- или двухдетальный (из 2 симметричных половин). Задник соответствует форме детали второго варианта, но здесь возможно использование дополнительных внутренних вставок в карман.

Не разделяемыми по описанным вариантам сапог выглядят голенища, встреченные только в обрезках и отдельно от основной части обуви. Можно считать, что почти все голенища были двухдетальными, со швами на боковых сторонах (рис. 2, 1—14; 3, 3—12; 4, 1—10). Одинаковым было оформление нижнего и верхнего краев. В шитом виде голенища имели высокий и округлый передний край и скос назад. На задней половине, у верхнего края, имелись два симметричных

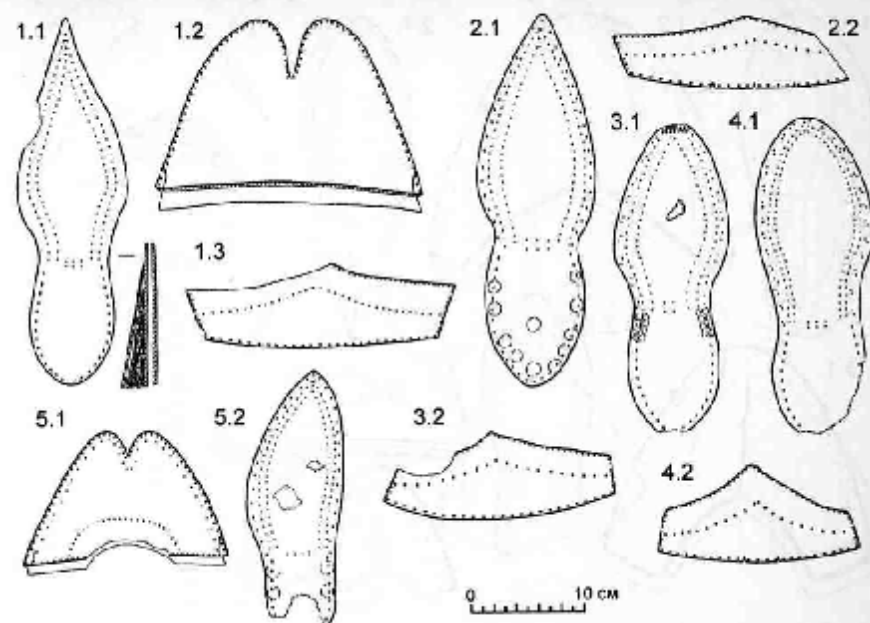

Рис. 8. Псков, раскоп Петровский IX, наборы деталей кожаных сапог

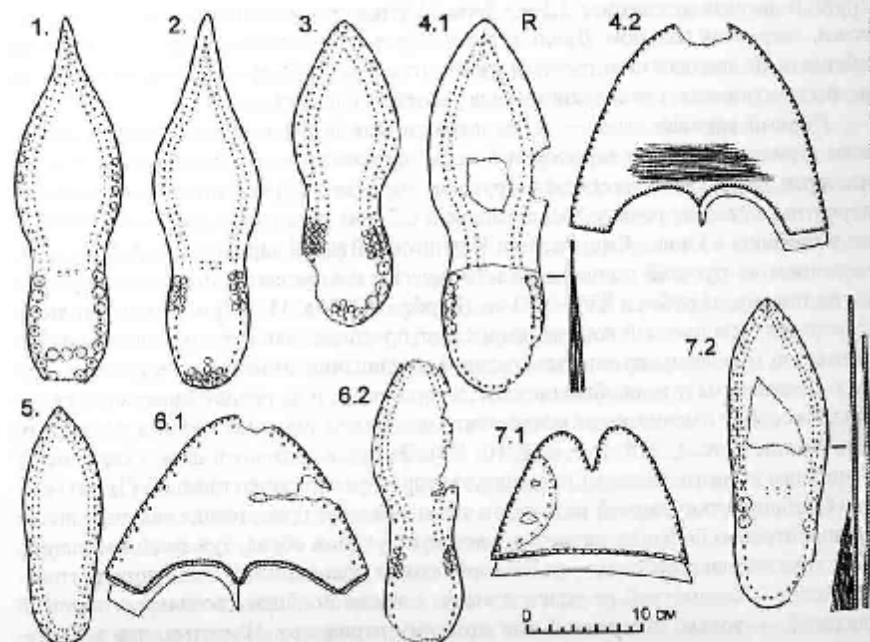

Рис. 9. Псков, раскоп Петровский IX, отдельные подошвы и наборы деталей кожаных сапог

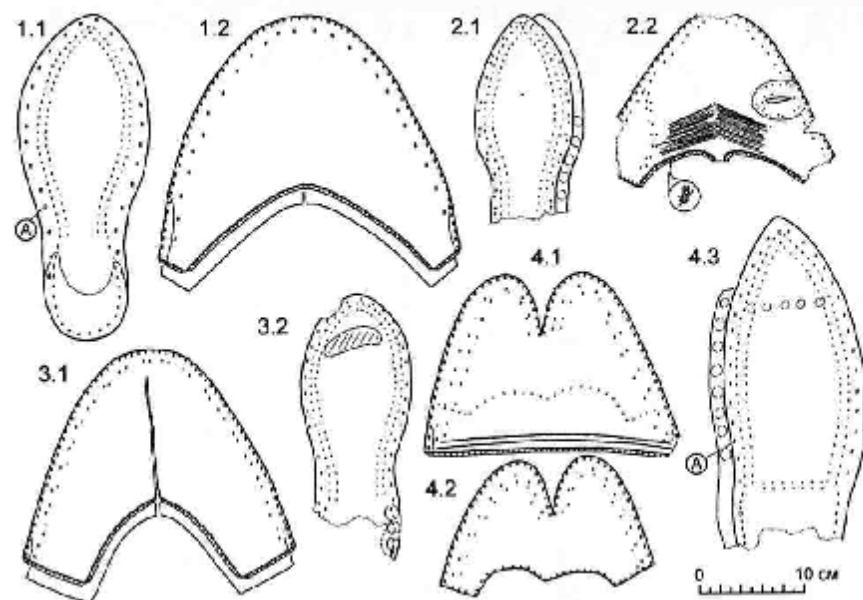

Рис. 10. Псков, раскоп Петровский IX, наборы деталей кожаных сапог

круглых выреза диаметром 2,5—3,3 см. В эти вырезы вшивалась узкая полоска кожи, свернутая кольцом. Вдоль верхнего края всех голенищ сохраняются следы обшивки. В коллекции встречены фрагменты такой обшивки из кожаных полос, но была возможна и несохранившаяся тканевая обивка.

Первый вариант сапог — с «клювовидным» носком является видоизмененным вариантом западноевропейской моды, привнесенным в Россию в последней четверти XV в. Он существовал в русских городах не более одного поколения и, вероятно, к самому началу XVI в. уже исчез. Точно датируемые формы такой обуви встречены в Гдове, Яме, Твери и Чернигове. Второй вариант является видоизменением на русской почве западного аналога и появляется в русских городах, по-видимому, на рубеже XV—XVI вв. (Курбатов 2004а: 111). Третий вариант является развитием русской конструкции сапог предшествующего времени, смыкающимся по основным принципам раскроя и сшивания со вторым вариантом. Для него можно отметить особые приемы декорирования: поперечное линование на голловке и особое декоративное оформление швов, соединяющих голловку с задником и голенище (рис. 4, 2, 6, 9; 9, 4, 2; 10, 2.2). Этот декоративный шов, в отличие от основного тачного, выведен на лицевую сторону и выполнен цветной (?) нитью.

Особенностью данной коллекции сапог является присутствие моделей почти исключительно больших размеров, соответствующих обуви мужского населения. При этом сапоги второго и третьего вариантов, в большинстве, были дополнительно подшиты подметкой из толстой кожи, а также подбиты гвоздями с широкой шляпкой — только под пяткой или по всему периметру. Известно, что в XVI—XVII вв. такие сапоги называли *подшивками* или *подбитками* (Словарь русского

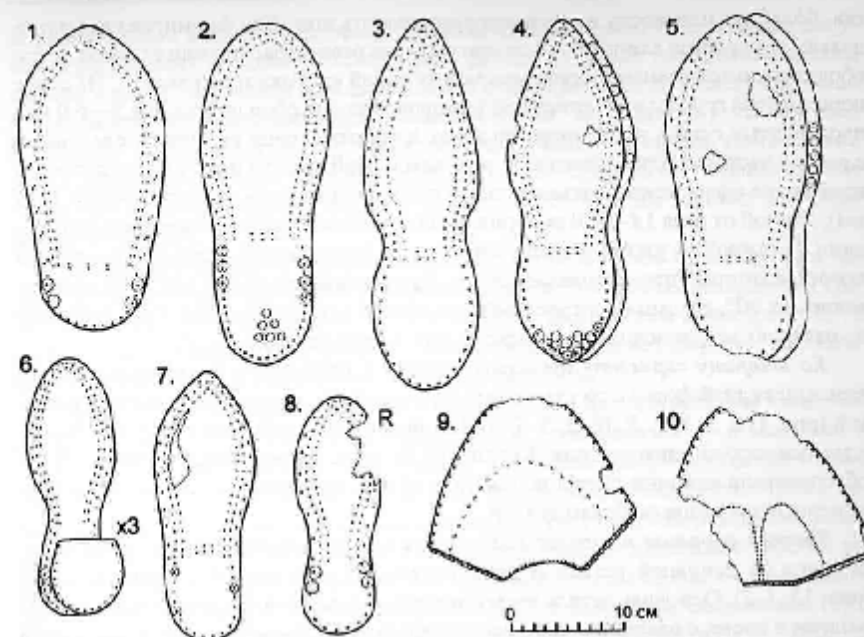

Рис. 11. Псков, раскоп Петровский IX, отдельные подошвы головки кожаных сапог

языка... 1990: 75). При этом подметку могли подшивать изначально при пошиве обуви.

Определяя вероятный период функционирования кожевенной мастерской, прежде всего, можно руководствоваться анализом сочетания форм сапог. Обувь первого варианта в коллекции представлена единичными образцами (всего 4), тогда как обувь 2-го и 3-го вариантов более представительна и разнообразна. Стилистические и конструктивные черты позволяют датировать коллекцию рубежом XV—XVI вв. Дополнительными аргументами в пользу этого служат другие конструктивные и стилевые признаки. Например, в моделях сапог используются двучастные поднаряды с глубокими вырезами на подъеме, не доходящие до верхнего края головок. Модели с таким признаком встречены в ранней группе изделий Васильевского раскопа Пскова (Курбатов, Харлашов 2004: 141—143, 150). О том, что переход от моделей сапог с оформлением носков первой группы к моделям с носками второй группы осуществляется на самом рубеже XV—XVI вв., свидетельствует и тот факт, что в коллекции из ранних горизонтов в Ивангородской крепости вытянутых вперед носков уже нет (Курбатов 1991: 72—73).

Поршневидная обувь представлена 4 вариантами, различающимися по крою и оформлению. **К первому варианту** можно отнести раскройку трапециевидной формы, расширяющейся в носке. В оформлении носка обуви имеется декоративность (рис. 1, 1, 4). Две половины передней стороны раскройки сшивались тачным швом со стороны бахтармы. Передний край имеет фигурный обрис — с центральным язычком и изгибом к углам, что дает при сшивании необходимую полноту но-

ска, большую плотность и влагонепроницаемость шва. Для формирования пятки делали два прореза длиной 3—4 см примерно на равном расстоянии от боков, и три образовавшихся клапана сшивались между собой «встык» и «в наклад». На стопе поршни этой группы крепились при помощи кожаных обор шириной 4,5—6,0 мм, продернутых сквозь ряды прорезов вдоль длинных сторон заготовки, сделанных с разной частотой. Отличительным признаком этой группы поршней является декоративное оформление подъема, где видны группы частых прорезов (через 4—5 мм), длиной от края 1,6—2,0 см, придающих краю вид гребня с выделенными зубцами. В каждой из узких полуотрезанных лент (полос кожи) делался продольный прорез, в который продергивалась обор. При стягивании обора ленты разворачивались на 90°, создавая контрастный рельефный пояс на подъеме. Передний шов на изделиях мог дополняться декоративным *плетешком* (рис. 1, 4).

Ко второму варианту отнесены изделия с раскройкой прямоугольной или трапециевидной формы, со стянутыми или сшитыми «через край» носком и пяткой (рис. 1, 2, 3; 3, 1, 2; 12, 3, 5, 7, 8). Поршни этой группы отличаются большей упрощенностью изготовления. Крепление на ногу, в большинстве такой обуви, обеспечивали кожаные обора шириной 4—6 мм, продернутые сквозь серии разномерных прорезов по бокам детали.

Третий вариант включает два изделия специфического облика и кроя, состоящих из основной детали и дополнительной треугольной вставки в носок (рис. 12, 1, 2). Основная деталь имеет подтрапециевидную форму, сильно расширенную в носке, с овальным обрезом переднего края. В конструкции использован оригинальный метод получения необходимой объемности носка — он стягивал-

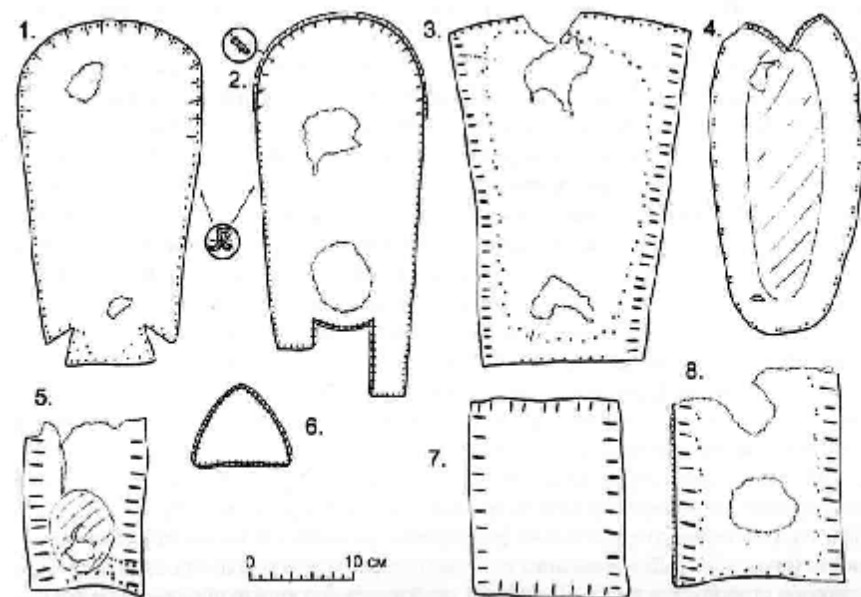

Рис. 12. Псков, раскоп Петровский IX, раскройки кожаных поршней

ся растительной нитью, пропущенной сквозь мелкие парные отверстия до получения регулярных складок по всему краю. Дополнительная треугольная деталь, вшитая в носок, закрывала пальцы и подъем стопы (рис. 12, 6). Между основной и дополнительной деталями, при сшивании носка, вставлялась узкая кожаная прокладка. Задник оформлялся тремя полуотрезными клапанами, сшиваемыми друг с другом «в наклад». На боковых обрезах были сделаны регулярные мелкие отверстия для стягивающего корда — нити из растительного волокна или сухожилий животных.

Четвертый вариант норшневидной обуви представлен единственным экземпляром. Это овальной формы раскройка с неровно обрезанными краями и треугольным вырезом в носке. Края носка сшивались выворотным швом (рис. 12, 4). На боковых сторонах и пятке по краю сделаны парные мелкие отверстия для стягивающего корда, так же как в моделях третьего варианта.

Представленные формы норшневидной обуви находят соответствия в моделях обуви, встреченной на памятниках арктической зоны Евразии — в Мангазее и Пустозерске. В поршнях первого варианта к признакам северных моделей можно отнести треугольный язычок на переднем крае и оформление пятки тремя полуотрезными клапанами. Второй вариант можно считать универсальным, равно встречающимся в разных регионах России в позднем средневековье. Третий вариант поршней является специфической северной конструкцией. Ее экземпляры выделены при раскопках Мангазеи в 1968—1973 гг. (Курбатов, Овсянников 1999: 250—253), а наибольшее число такой обуви найдено в раскопках 2001—2006 гг., проводимых НПО «Северная археология-1» под руководством Г. П. Визгалова (Курбатов, Визгалов 2008). Примером северной обуви можно считать и единственный поршень четвертого варианта. Хотя северные формы обуви изучены в слоях арктического города, относящихся только к первой половине XVII в., но длительное сохранение традиций пошива в одежде народов Севера и рациональность кроя такой обуви позволяют считать возможным ее использование и ранее. Напомним, что отдельные экземпляры северной обуви уже были ранее выделены в городах Северо-Запада России — Пскове, Старой Ладоге и Орешке (Курбатов 2007: 157 и след.).

Другие кожаные изделия. Кроме обуви на раскопанном участке выделены несколько сотен деталей и обрезков рукавиц, много накладных и вшивных заплат, обшивок края, завязок, узлов на ремешках и неопределенных деталей, несколько усилительных накладок, чехлов для ножа, деталей игровых мячей, сумок, кошельков, ремней разного назначения, а также единичные находки — прокладка-шайба, прокладка в шов, пуговицы, петли на ремешках (рис. 5; 6). Многие из них являются обычными в собраниях кожаных изделий в средневековых слоях русских городов. Конкретное назначение некоторых групп вещей установить сложнее. Например, петли на ремешках применялись в разных изделиях и различались по материалу, размерам и способам прикрепления. Индивидуальными были также форма и размеры заплат, подбираемые для каждого случая использования. Заплаты могли сочетать и функции усилительных накладок, с той разницей, что они пришивались всегда только на места выраженного эксплуатационного износа — стертости, пореза и разрывов. Другие предметы, такие как кожаные пуговицы, редко встречаемые в русских городах, могут служить показателем контактов жителей Западной Европы с разными регионами Руси (Курбатов 2004б: 59—60).

Историко-культурная интерпретация

Отмеченные аналогии в моделях обуви позволяют относить деятельность кожевников на раскопанном участке примерно к рубежу XV—XVI вв. Более точно установить время деятельности сапожника можно на основании известных фактов общерусской истории и причастности псковичей к этим историческим событиям. Изложенные доказательства можно разбить на несколько сюжетов.

Первый сюжет объясняет нахождение во Пскове образцов обуви северных народов. Их появление в комплексе конца XV—начала XVI в. можно связывать с конкретно-исторической ситуацией, отраженной в ряде летописей. В Псковской 1 летописи под 1499 г. имеется короткая запись о военном походе на Югру: «В лето 7007 <...> Того же лета послал князь великий воевод своих на Югорскую землю» (Псковская 1 летопись 1848: 271). В Софийской 1 летописи (по списку И. Н. Царского) это событие записано более пространно: «В лето 7007 <...> Того же лета послал великий воевод своих князя Семена Федоровича Коурьского да князя Петра Федоровича Ушатого, да Василья Бражника с силою с оустюжан, з двиняны и с вычегжана, и с вятчяны на Югорскую землю и на гогоуличи. Они же шедше горди поймаша и землю повоеваша, и князи поймав приведоша с собою на Москву, а иных князей и земьских людей к роте приведоша, и по их вере за великого князя, а их князей и многих людей югрич и гогоулич тамо побиша. И приидоша на Москву к великому князю вси здрави» (Софийская 1 летопись 1994: 172). Из летописного сообщения можно понять, что поход «за Камень», т. е. за Уральские горы, был проведен в течение одного года. Однако, учитывая необходимость сбора войск из разных регионов, протяженность маршрута следования войск и особые природные условия района действия, такую быстроту осуществления похода нельзя считать очевидной. Прояснить этот вопрос помогают некоторые сибирские своды. В Устюжской летописи (по списку Л. С. Мацневича) записано, что: «Князь великий Иван Васильевич послал рать в Югру лыжную устюжан, вычегжан, вымич, сысолоч, двиняч, линсжан, а воеводы были с ними князь Семен Федорович Курбский да князь Петр Ушатов. В всю землю повоевали и в полон розвали розно». Почти дословно повторяют эту запись Архангелогородский и Устюжский летописцы (Устюжские и Вологодские летописи ... 1982: 51, 98, 115). Таким образом, становится понятным, что речь идет о зимнем походе. Кроме того, Никоновская летопись помогает уточнить сроки начала и окончания похода. В ней события под 7007 г. перечисляются в календарном порядке. Перед сообщением о походе отмечено иное событие: «Того же лета, июля 14, в неделю, поставлен на епископию Сарскую на Крутищу Трифон игумен Богоявленский Симоном митрополитом всея Русии». Далее следует запись о походе, близкая Софийскому и Воскресенскому спискам, но с добавлением: «И приидоша на Москву к великому князю вси здрави, лета 7008, Марта» (Патриаршая летопись 1897: 249). Время начала похода помогает определить и уточнение времени закрепления прав Василия на Новгород и Псков, что произошло 29 июля 1499 г. (Хорошкевич 1980: 112). Не вдаваясь в разбор, отметим, что К. В. Базилевич указал иную дату этого события: Иван III пожаловал Василию Ивановичу титул «великого князя» с предоставлением в «великое княжение» Новгорода и Пскова 21 марта 1499 г. (Базилевич 1952: 375). В целом, можно принять во внимание, что поход, види-

мо, начался не ранее конца июля—начала августа 1499 г., а завершился в марте 1500 г. Этот поход получил определенную известность среди заинтересованных иностранцев и был отмечен в «Записках» С. Герберштейна, где приводится и подробная дорожная роспись маршрута за Камень, хорошо известного на то время. Дорожник составлялся по распросам участников похода и содержал расстояния между отдельными пунктами (Герберштейн 1988: 156—157, 160—161).

Этот «грандиозный» поход, по словам С. В. Бахрушина, был предпринят Москвой, спешившей воспользоваться выгодой от присоединения Новгорода и закрепить за собой старинные новгородские владения за Уралом. Целью похода историк называет остяцкое княжество Кода (Кулу) на р. Оби, в пределах Березовского уезда. Учитывая неудобство Печерского пути — его удаленность от Москвы, что затрудняет прочное покорение Зауралья, единственным результатом похода было то, что временами отдельные югорские князья обязывались платить дань в великокняжескую казну (Бахрушин 1928: 67—68).

Наиболее подробно история похода изложена в работе К. В. Базилевича. Это был уже второй поход на Югру, и он предпринимался наибольшими силами. В нем участвовали ратные люди, набранные исключительно из северных уездов, знакомые с суровыми природными условиями и трудностями пути по безлюдным пространствам Заполярья. В отряде князя Семена Курбского, начальника всей экспедиции, шли 1304 вятчанина и 500 вычегжан. Отряд князя Петра Ушатого состоял из 1920 ваян и пенсжан, а в отряд Василия Гаврилова входили 200 вятчан русских, 100 арап и отяков (вотяков?). Всего в экспедиции принял участие 4041 человек. Однако, несмотря на то что основная часть воинов набиралась в северных уездах, в каждом отряде были несколько детей боярских и вятчан, «которые живут в московской земле». В их числе могли быть и люди, переселенные во Псков. Непосредственно перед этим походом сын Ивана III Василий официально провозглашается наместником Новгорода и Пскова: «В лето 7007 г. начало государства великого князя Василия Ивановича, столь Великий Новгород и Псковь» (Воскресенская летопись 1859: 236—237). Поэтому участие псковского контингента было весьма вероятным в качестве общего руководства и наблюдения со стороны высшего лица государства.

Начальный сбор отрядов произошел на р. Печоре у Усташа, где воеводы «зарубили» город. В дальнейший путь на лыжах воеводы вышли в день «введения Богородицы» (21 ноября) и 2 недели шли «до Камени». От «Камени» воеводы князь Семен Курбский и князь Петр Ушатый «розвелись» (разделились). Затем от «Камени» шли неделю до первого остяцкого города Ляпина, который находился на р. Сигве, левом притоке р. Сосвы. В целом же, экспедиция обследовала область до р. Сосвы на юге и низовья Оби, до Обской губы — на севере (Базилевич 1952: 403—406).

Таким образом, известные источники позволяют считать, что весной 1500 г. псковский отряд вернулся из похода домой. Длительность похода является основанием для предположения о дополнительной экипировке воинов в Сибири и возвращении их уже в «северной обуви».

Рассмотренные экземпляры «северной обуви» в раскопах 2007 г. позволяют более точно датировать и объяснить появление подобных изделий, ранее найденных на других раскопах во Пскове. Так, два поршня необычного кроя встречены в раскопах на ул. Ленина. Их раскройки, в основе, представляют прямоугольных,

но с сильным расширением в носке. На одной раскройке имелся и треугольный вырез, закрывающий стык краев в носке. Вероятно, по стратиграфическим признакам изделия были отнесены к XIV—XV вв. (Зубкова 2004: 129—130, рис. 1, 3, 4). Также на ул. Ленина в раскопе 1989 г. найдена поршневидная обувь иного вида, состоящая из двух деталей. Основная деталь размерами 26 × 13 см по форме близка прямоугольнику со скругленным носком и с задником, разделенным надрезами на три части. Крайние полуотрезные клапаны на заднике при сшивании накладывались на средний, образуя задник высотой около 4 см. Дополнительная деталь, по форме близкая к полуокружности, пришивалась сквозным вертикальным швом на носке и закрывала пальцы и подъем стопы. При ее ношении, с учетом сшитой пятки, носочный шов располагался над поверхностью почвы, что считается характерным признаком пошива обуви у народов Севера. А манера сборки пятки сближает псковскую находку с обувью из Мангазсы (Курбатов 2007: 158). Ранее высказано предположение, что эта двухдетальная псковская обувь могла быть пошита в XVII—XVIII вв., исходя из условий ее нахождения. Модель была зафиксирована в том же квадрате, что и подошва с клеем в виде круглых отгисков «звездочек» на нижней поверхности. На сегодня установлено, что в русских городах клейменую обувь можно датировать второй половиной XVII—XVIII в. (Осипов 2006: 73—75), а в странах Западной Европы и Скандинавии клейменная обувь появляется, по-видимому, в первой половине XVII в. (Swann 2001: 120—121). Однако наличие в слоях раскопов на ул. Ленина многих позднейших перекопов делает вероятным отнесение описанных предметов к рубежу XV—XVI вв.

Второй сюжет вскрывает историческую подоплеку временного пошива обуви в специализированной мастерской кожевника-рукавичника, которая служит показателем товарного значения кожаных рукавиц-голиц на внешнем и внутреннем рынках. Письменные источники подтверждают вывоз в ливонские города разных русских ремесленных изделий, в том числе и кожаных рукавиц. Псковская торговля с ливонскими городами велась как в самом Пскове, так и Ливонии. Известно, например, что псковичи в конце XV—начале XVI в. торговали в Риге: это кожевник Арсеней, портной мастер Стефан, котельники Моисей и Тимоха, Семен Иголка, Иван и Василий Цюзоновы (Хорошкевич 1980: 29, 58—59).

Среди отходов от раскроя кожи, которые можно признать результатом деятельности рукавичника, имеется немногочисленное скопление обрезков от раскроя подошв и подметок. Они локализованы на усадьбе рукавичника и позволяют предполагать кратковременный пошив здесь обуви, проводимый параллельно с пошивом рукавиц. В подобном пошиве обуви можно видеть одноразовый заказ, возможно, связанный с каким-либо событием в истории Пскова. Здесь шили только сапоги больших размеров из толстой и прочной кожи, подбиваемые железными гвоздями с широкой шляпкой. При пошиве сразу же пришивалась или прибавлялась (деревянными шпешками и железными гвоздями) подметка из очень толстой кожи (до 5—6 мм). Гвозди с широкой шляпкой набивали по всему краю обуви, а не только под пяткой. По негативам от раскроя подошвы можно видеть, что это были широкие и удобные при длительной ходьбе сапоги, в которые вкладывали толстые войлочные стельки, а на ноги наматывали, вероятно, суконные обертки. Невысокие голенища сапог, не доходившие до колен, кроились из толстой (более 2 мм) и жесткой кожи. Пошитая обувь, надо полагать, не предназначалась под размеры отдельных стоп. Такую обувь вполне правомерно определять как «воинскую».

В кратковременной деятельности сапожника можно видеть экстраординарный заказ (властей?) на экипировку воинского подразделения в период подготовки к боевым действиям. Такой заказ на рубеже XV—XVI вв. мог исходить от великого князя московского Ивана III или от наместника Пскова и Новгорода его сына Василия. Срочность заказа надо связывать с военными действиями Пскова и Москвы против Ливонского ордена в 1500—1503 гг. В это же время Иван III вел военные действия против Литовского государства, и принятие мер по подготовке Пскова к отражению возможного нападения противника должно было входить в комплекс необходимых мер московского правительства в 1500 г. Подобная подготовка псковичей к военным действиям логично вытекает из внешнеполитической подготовки к войне на западных границах (Базилевич 1952: 432 и след.). По данным ливонских источников, подготовка к боевым действиям с русской стороны велась уже зимой и весной 1500 г. В письме дорпатского епископа 14 апреля 1500 г. к магистру Ливонского ордена Вольтеру фон Плеттенбергу приводятся сведения, полученные от псковских купцов. Последние сообщали, что, как только сойдет паводок, псковичи по приказу великого князя московского вторгнутся во владения Ордена. Подтверждением этих сведений можно считать тот факт, что посольство магистра, направленное во Псков с предложением продлить перемирие, устоялось только оскорблений со стороны псковского «штатгальтера» (посадника), отказавшего в продлении мирного договора с Ливонией (Бессуднова 2007: 159). Эти факты указывают на достаточно точный период заказной деятельности сапожника — осень 1499 г.—весна 1500 г. Но учитывая, что русские в 1500 г. не начинали боевых действий против Ордена, тогда как сам Орден предпринял нападение весной 1501 г., срок подготовки военного снаряжения можно продлить еще на год. В этом контексте получает объяснение и наличие среди отходов раскроя сапожника деталей обуви, характерной для народов полярных областей. Это изношенная обувь псковских служилых людей, вернувшихся из похода на Югру, которые сразу стали готовиться к войне с Ливонией. Для этого они заказали пошив новых сапог, отдав мастеру в виде частичной компенсации изношенные поршни, в которых они возвратились с берегов Оби.

Экстраординарность сапожной деятельности на исследованном месте определяется ограниченностью объема выполняемой работы, а также фасонами пошитых сапог. Надо учитывать и необычность подбивания всех сапог при пошиве подметками из новой толстой кожи. Особого внимания заслуживает сам факт массового использования самых толстых кож для подметок. Такие кожи, надо полагать, выделялись в ограниченном количестве и стоили достаточно дорого из-за длительности процесса выделки. Кроме того, сбор толстых шкур был несомненно намеренным и занимал определенное время. Толстые кожи в русских городах не были обычным товаром хотя бы потому, что домашний скот в России в XVI—XVII вв. был очень низкорослым, а следовательно, имел тонкую шкуру (Цалкин 1971: 172—179). Низкорослость русского скота неоднократно отмечали иностранцы, посетившие в то время Россию. В первой четверти XVI в. на эту особенность указал С. Герберштейн (Герберштейн 1988: 130, 239), а в конце XVI в. — Дж. Флетчер (Флетчер 1906: 12—13). Павел Алеппский в своих впечатлениях от Московии высказывал предположение о причинах низкорослости домашнего скота: «Коровы в этой стране очень малы, с теленка, по причине сильного холода, <...> у них нет сил для пахоты и они служат для получения молока зимой и летом» (П. Алеппский 1898: 123). Посредственность размеров русского скота отмечает также И. Кильбургер в середине

XVII в. (Курц 1915: 100). В связи с этим не случайными выглядят факты выделки и продажи бычьих кож, отмечаемые в русских деловых записях: «[1581] Меньшой казначей Саватей <...> купил 20 кож воловых больших на красные мехи» (Словарь промысловой лексики... 2003: 95). Из всего сказанного можно сделать вывод, что заказ большого количества прочной «армейской» обуви может быть только государственным заказом в силу большой стоимости этой срочной работы.

Третий сюжет связан с выделением псковского стиля обуви и его развитием после присоединения Пскова к Москве и переселения туда части жителей. В отечественных исследованиях по русской средневековой культуре обычными выглядят данные о местных стилях в произведениях искусства. Одним из последних примеров такого рода можно назвать работу В. М. Сорокатого о складне «Походная церковь» (или «Походный иконостас») из частного московского собрания. Этот складень датирован началом XVI в. и отнесен к элитарному слою искусства Пскова (Сорокатый 2003: 372—374). Однако сводить самобытность художественной культуры Пскова только к единичным произведениям церковного искусства было бы неверно. Элитными могли быть и обыденные бытовые изделия, изготавливаемые по заказам знатных граждан. Выявить их изделия можно только на массовом сравнительном материале, в том числе по формам кожаной обуви. Для псковской обуви рубежа XV—XVI вв. выделяются как формообразующие признаки, так и чисто декоративные. Первые очень показательны в формах сапог с сильно вытянутым и заостренным носком подошвы, которому соответствует такой же вытянутый носок на головках. Эти модели отличаются от одновременных западных моделей большей длиной носка и способом его оформления. Головки западных моделей имели небольшой носок (3—5 см), свернутый в трубочку и вытянутый вперед. Псковские модели имели длинный сужающийся носок как на головке, так и на подошве, сшиваемые потайным швом. Этот носок был загнут вверх. Кроме того, они скроены из местной кожи хорошего качества выделки, а манера сшивания также выдает действия псковских мастеров. По нашим наблюдениям, западные модели с вытянутым носком бытовали в русских городах в последней четверти XV в. (Курбатов 2004а: 106, 108, 111). Во Пскове они уступают место русским вариантам этого стиля к рубежу XV—XVI вв., что демонстрируют находки на Васильевском раскопе (Курбатов, Харлашов 2004: 146—147). На сегодня подошвы с очень длинными заостренными носками кроме Пскова отмечены только в Новгороде. Московская обувь имеет другой вариант оформления длинного носка — он впивался в соответствующий вырез на головке. Это дальнейшее развитие фасона с длинным носком подошвы получило широкое распространение в русских городах в первой половине XVI в. и хорошо прослеживается по формам обуви, например, из Ивангородской крепости (Курбатов 1991: 71—73).

Но этот стилевой признак не является единственным для псковской обуви рубежа XV—XVI вв. К формообразующим надо отнести особой формы голенище, сшиваемое из двух половинок. Верхний край голенища не достигал колена и был срезан по диагонали, с сильным равномерным понижением к задней стороне голени. Весь верхний край обшивался кожаной полосой или цветной материей, но в настоящее время среди кожаных находок выделена только обшивка из кожи. Кроме того, у верхнего края голенища, по бокам его, на некоторых моделях встречаются ровные круглые отверстия диаметром 2,3—3,5 см. По краю отверстий всегда находится точной шов, что предполагает вшивание какого-либо материала. До последнего времени таких впивавшихся деталей не находили. В материалах

Петровского IX раскопа впервые были найдены обрезки голенищ с пришитыми в вырезах тонкими кожаными прокладками, остававшими открытой внутреннюю часть вырезов. Такое оформление позволяет считать вырезы не декоративными, а прагматичным элементом сапог, помогающим при нажигивании голенища на ногу. По предварительным оценкам, сапоги с голенищем, имевшим все три описанные черты, среди всех сапог могли составлять 10—15 %. В настоящее время псковские находки являются наиболее ранними примерами такого стиля, имеющими наиболее точную «узкую» дату существования. Ближкие к ним по стилю изделия из Ивангорода могут датироваться только концом XV—первой четвертью XVI в. (Курбатов 1991: 72—73; 1997в: 118—119), а находки в Москве на ул. Ильинка имеют еще более широкую датировку — весь XVI в. (Векслер, Осипов 2004: 336—338, рис. 4, 6). При этом московская находка целого сапога с 4 круглыми вырезами в верхней части голенища (Осипов 2006: ил. 64—65) имеет несомненное стилистическое сходство с псковскими изделиями рубежа XV—XVI вв. и может быть отнесена к изделиям псковской традиции.

Чисто декоративными элементами псковских сапог можно считать: 1) обшивку верхнего края голенища; 2) подбивку носка подошвы и задника мелкими железными или бронзовыми гвоздиками, имевшими сферическую головку диаметром 1,5 мм; 3) декоративный нитяной шов мелкими стежками, соединяющий детали голенища, головки и задника между собой, вынесенный на лицевую сторону; 4) зубчатые вырезы по нижнему краю передней половины голенища, в которые для герметизации вставлялась узкая кожаная прокладка.

Выводы

Безусловно, этими культурно-историческими сюжетами не ограничивается значение рассмотренной коллекции. Весь комплекс кожаных изделий и обрезков с раскопов Петровский VIII и IX, вместе с сопутствующими им находками, является эталоном археологических коллекций такого рода, помогающим раскрывать многие вопросы изучения русского города и русской средневековой культуры в целом. Массовость найденных кожаных изделий, а также выделение специализированных мастерских конкретизируют особенности жизнедеятельности древних псковичей и могут служить основой для изучения палеоэтнографии Пскова. Здесь мы остановились только на сюжетах, которые помогают уточнить время функционирования мастерской по пошиву рукавиц и обуви. Как показывают историко-культурные сюжеты, деятельность мастера-рукавичника можно относить к самым последним годам XV в. и самым первым годам XVI в. Кратковременная работа в той же мастерской сапожника может быть ограничена осенью 1499 г.—весной 1501 г.

Базилевич 1952 — Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952.

Бахрушин 1928 — Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1928.

- Бахрушин 1952 — *Бахрушин С. В.* Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1952. Т. 1.
- Бессуднова 2007 — *Бессуднова М. В.* Походы магистера Вольтера фон Плеттенберга на Псковщину в 1501 и 1502 годах (по данным ливонских источников) // АИИППЗ. Материалы LI заседания, посвященного памяти проф. А. Р. Артемьева. 2007. С. 157—185.
- Векслер, Осипов 2004 — *Векслер А. Г., Осипов Д. О.* Кожаная обувь из раскопок в историческом центре Москвы // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2004. С. 333—342.
- Воскресенская летопись 1859 — Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8.
- Герберштейн 1988 — *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.
- Даль 1881 — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881. Т. 2.
- Зубкова 2004 — *Зубкова Е. С.* Предварительные итоги изучения коллекции кожаных изделий из раскопок на ул. Лепкина в Пскове // АИИППЗ. Материалы L научного семинара. 2004. С. 123—136.
- Кибалова и др. 1987 — *Кибалова Л., Гербетова О., Лямарова М.* Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага, 1987.
- Курбатов 1991 — *Курбатов А. В.* Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980—1986 гг.) // КСИА. 1987. Вып. 205. С. 71—77.
- Курбатов 1997а — *Курбатов А. В.* Данные этнографии в реконструкции русского средневекового кожаного производства // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб.; Псков, 1997. Т. 1. С. 367—373.
- Курбатов 1997б — *Курбатов А. В.* Кожаные-обувная мастерская в контексте культурного слоя // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1997. Вып. 2. С. 277—290.
- Курбатов 1997в — *Курбатов А. В.* Археологическая реконструкция застройки Большого Болынского города в Ивангородской крепости (Раскол № 1) // Крепость Ивангорода. Новые открытия. СПб., 1997. С. 86—123.
- Курбатов 2004а — *Курбатов А. В.* Обувная мода в средневековой Руси (по находкам из раскопок в Твери) // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. статей памяти проф. И. В. Дубова. СПб., 2004. С. 102—115.
- Курбатов 2004б — *Курбатов А. В.* Кожаное производство Твери XIII—XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993—1997 гг.). СПб., 2004.
- Курбатов 2005 — *Курбатов А. В.* История обувной моды в Скандинавии и восточноевропейские параллели. Рец.: June Swann. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. Stockholm. 2001. 357 p., 443 figs. // АВ. 2005. № 12. С. 231—244.
- Курбатов 2007 — *Курбатов А. В.* Этапы освоения Севера в связи с развитием кожаного ремесла средневековой России // АВ. 2007. № 14. С. 157—165.
- Курбатов, Овсянников 1999 — *Курбатов А. В., Овсянников О. В.* Изделия кожаного производства в городах русского Заполярья (Мангазей) // АВ. 1999. № 6. С. 245—271.
- Курбатов, Харлашов 2004 — *Курбатов А. В., Харлашов Б. Н.* Кожаное производство древнего Пскова по материалам Васильевского раскопа 1990 г. // АИИППЗ. Материалы L научного семинара. 2004. С. 137—153.
- Курбатов, Харлашов 2008 — *Курбатов А. В., Харлашов Б. Н.* Кожаные предметы с раскопа Петровский-4 // АИИППЗ. LI научный семинар, Псков 10—12 апреля 2007 г. (в печати).
- Курбатов, Визгалов 2008 — *Курбатов А. В., Визгалов Г. П.* Кожаные изделия в Мангазее по раскопкам 2001—2006 гг. 2008 (в печати).
- Курц 1915 — *Курц Б. Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915.
- Осипов 2006 — *Осипов Д. О.* Обувь Московской земли XII—XVIII вв.: Материалы охранных археологических исследований. М., 2006. Т. 7.
- П. Алеппский 1898 — *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Махария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским // Чтения в Обществе любителей истории и древностей российских. М., 1898. Кн. 5. Гл. XIII.
- Патриаршая летопись 1897 — Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11.
- Псковская I летопись 1848 — Псковская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4.
- Рабинович 1988 — *Рабинович М. Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.
- Словарь промысловой лексики... 2003 — Словарь промысловой лексики Северной Руси XV—XVII вв. СПб., 2003. Вып. 1.
- Словарь русского языка... 1960 — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1990. Вып. 16.

- Сорокин 2003 — *Сорокин В. М.* Складень «Похудшая церковь» начала XVI в. из московского частного собрания: К вопросу об элитарном слое искусства Пскова // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания). М., 2003. Т. 2. С. 372—374.
- Сорокин 1995 — *Сорокин А. Н.* Благодатное древо древнего Новгорода // Архив архитектуры. Т. 6. Новгородские древности. М., 1995. Вып. 2.
- Софийская I летопись 1994 — Софийская Первая летопись по списку И. Н. Царского // ПСРЛ. М., 1994. Т. 39.
- Устюженские и Вологодские летописи... 1982 — Устюженские и Вологодские летописи XVI—XVIII вв. // ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37.
- Флетчер 1906 — *Флетчер Дж.* О государстве Русском. СПб., 1906.
- Харлашов 2003 — *Харлашов Б. Н.* Петровский 4 раскол // АИИППЗ. Материалы научных семинаров 2001—2002 гг. 2003. С. 5—18.
- Хорошкевич 1980 — *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. М., 1980.
- Цалкин 1971 — *Цалкин В. И.* Некоторые итоги изучения кожаных остатков животных из раскопок Москвы // Древности Московского времени. М., 1971. С. 164—185.
- Swann 2001 — *Swann J.* History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm, 2001.

**РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН,
ПОСВЯЩЕННОЕ ЮБИЛЕЮ В. П. ЛЮБИНА**

С. А. ВАСИЛЬЕВ

14 января 2008 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета, посвященное 90-летию доктора исторических наук, профессора Василия Прокофьевича Любина. Открывая заседание, директор ИИМК Е. Н. Носов остановился на значении беспрецедентной по длительности научной и организационной деятельности В. П. Любина для развития Института. Далее последовало оглашение многочисленных приветствий юбиляру, направленных основными научными центрами нашей страны, а также ведущими учеными-палеолитооведами Украины, Грузии, Польши, Англии, Франции, Бельгии, Канады и США. Серия поздравлений пришла из Армении, а правительство Юго-Осетии удостоило В. П. Любина ордена.

Научную программу заседания открыл развернутый доклад Х. А. Амирханова (Москва), посвященный сенсационным открытиям древнейших (олдувайских) памятников в Дагестане. М. В. Шуньков (Новосибирск) рассказал о результатах исследований последних лет на основном стратифицированном нижнепалеолитическом памятнике Сибири — стоянке Карамы на Алтае.

Многолетние исследования юбиляра на Кавказе всегда проходили в обстановке творческого сотрудничества с представителями естественных наук. Отсюда понятна постановка доклада Г. Ф. Барышниковой об эволюционной истории бурого медведя в диапазоне от раннего плейстоцена до современности. Г. М. Левковская остановилась на вкладе В. П. Любина в изучение палеогеографии Кавказа и вспомнила эпизоды советско-французских полевых семинаров.

В последние годы основные усилия В. П. Любина сосредоточены на изучении памятников северной Армении. Участник Армяно-российской экспедиции Е. М. Колпаков сообщил о раскопках ашельской стоянки Благодарное 4. Продолжаются исследования учеников В. П. Любина на Северном Кавказе. С. А. Кулаков доложил новые данные, полученные при возобновлении раскопочных работ на известной Ахштырской пещерной стоянке. Интересным дополнением к тематике палеолита Кавказа стало сообщение Н. Д. Праслова, собравшего воедино разрозненные сведения о нижнепалеолитическом местонахождении Игнатенков Куток на Кубани. Наконец, А. Е. Матюхин рассказал о способах добычи сырья и характере его обработки в палеолите Северского Донца.

Василий Прокофьевич Любин

Ряд зачитанных на заседании докладов нашел отражение на страницах специальной брошюры (Амирханов 2007) и изданного при поддержке РГНФ юбилейного сборника (Кавказ... 2007), включившего биографический очерк жизни и деятельности В. П. Любина и полный список публикаций ученого. В книге содержатся статьи ведущих специалистов по древнекаменному веку из России, Украины, Германии, Бельгии, Франции и Канады. Изложены новые материалы по ранним памятникам Кавказа, Русской равнины, Ближнего Востока, Сибири. Книга включает масштабные обзоры современного состояния ключевых проблем древнейшей истории человечества — расселения предков человека в Африке и Евразии, периодизации древнекаменного века, сценариев перехода к верхнему палеолиту.

**РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РАН, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
Ю. В. АНДРЕЕВА**

Ю. А. ВИНОГРАДОВ, С. В. КАШАЕВ

В среду 27 февраля 2008 г. в Институте истории материальной культуры РАН было проведено расширенное заседание Ученого совета и Отдела истории античной культуры, посвященное памяти профессора Юрия Викторовича Андреева. Это заседание было приурочено к 70-й годовщине со дня рождения ученого (3 марта 2007 г.), а также десятилетию его смерти (17 февраля 2008 г.). В Дубовом зале Института собралось большое количество специалистов в области античной истории и культуры из различных учреждений нашего города — Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского института истории РАН, Института истории материальной культуры РАН и др.

Заседание открыл директор ИИМК РАН, член-корреспондент РАН Е. Н. Носов, отметивший огромные научные заслуги Ю. В. Андреева. В Институт (тогда еще Ленинградское отделение института археологии АН СССР) он пришел с исторического факультета Ленинградского государственного университета в 1984 г. и через два года стал заведующим Группой античной археологии (позднее переименованной в Отдел истории античной культуры). На протяжении многих лет Юрий Викторович успешно руководил работой этого научного подразделения. Фундаментальные труды ученого, увидевшие свет по большей части уже после его смерти (Андреев 1976; 1989; 1990; 1998, 1999; 2002; 2004а; 2004б), вошли в золотой фонд отечественной науки об античности, стали настольными книгами для нового поколения исследователей. В памяти сотрудников Института Ю. В. Андреев остался не только как выдающийся специалист и яркий ученый, но и как прекрасный товарищ, отзывчивый и доброжелательный человек.

После такого приветствия началась научная часть заседания, состоявшая из семи небольших по объему, но чрезвычайно емких по содержанию сообщений. Первый доклад «Ю. В. Андреев и некоторые аспекты минойской религии» сделал И. Ю. Шауб (ИИМК РАН). Он поделился своими воспоминаниями о Юрии Викторовиче и рассказал о различных аспектах минойской религии, нашедших столь глубокое понимание в трудах ученого. Автор большое внимание уделил трактовке так называемого «кольца Нестора», убедительно показав, что миссия о его поддельности не имеет под собой особых оснований. Это подлинная минойская вещь, на которой изображена культовая сцена в загробном мире.

Д. В. Панченко (редакция альманаха «Nuregobogus») представил сообщение «Погребения северогерманского типа в протогосударственной Аттике», которое было посвящено проблеме появления в Греции погребений, совершенных по обряду кремации. Этот обряд, а также некоторые другие культурные особенности, по мысли автора, могли проникнуть в Аттику из районов Северной Германии в результате морских походов.

А. Н. Васильев (Санкт-Петербургский институт истории РАН) выступил с докладом «Неопубликованная рецензия Ю. В. Андреева на книгу В. А. Белявского», Виталий Александрович Белявский, хорошо известный советской читающей публике благодаря книге о Вавилоне (Белявский 1971), в середине 1970-х гг. подготовил весьма крупное по объему исследование, посвященное греко-персидским войнам. Рецензия на эту монографию была составлена Ю. В. Андреевым в соавторстве с А. И. Доватуром, сейчас она хранится в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. А. Н. Васильев зачитал некоторые выдержки из рецензии, наиболее ярко характеризующие суть разгоревшейся тогда дискуссии. Надо признать, что рецензия была выдержана в вину вольное обращение с источниками, предвзятые трактовки некоторых важнейших событий, целый ряд фактических ошибок и т. д. В. А. Белявскому в целях большей объективности изложения было рекомендовано также обратиться за консультациями в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. Неизвестно, каким образом он отреагировал на критические замечания, по его «История» не была опубликована.

В сообщении «О лакопском килике в собрании Эрмитажа» Л. М. Уткина (Гос. Эрмитаж) рассказала о замечательном памятнике греческого прикладного искусства, хранящемся в Государственном Эрмитаже. Этот лакопский килик с изображением всадника является уникальным в собраниях музеев нашей страны (Горбунова, Саверкина 1975; Кат. 20). Исследовательница подробно рассмотрела характер орнаментации сосуда, сопоставила его с другими аналогичными чашами и высказала весьма обоснованную точку зрения о его датировке и семантике изображений. В связи с сюжетом этого доклада следует добавить, что развитию лакопской расписной керамики, в том числе и творчеству мастера Всадника 550—540 гг. до н. э., Ю. В. Андреев уделил большое внимание в своей последней монографии (Андреев 2008: 129, след.).

М. Ю. Вахтина (ИИМК РАН) в выступлении «Фрагмент чернофигурного лекифа с изображением «скифского лучника» из Порфмия» рассказала об интересной находке, сделанной во время раскопок небольшого боспорского города Порфмий. Она подробно проанализировала сюжет росписи, на которой представлен «скифский лучник» между двумя конями. Углубленный анализ росписи позволил М. Ю. Вахтиной прийти к выводу об ее связи с кругом образов, характерных для представлений о загробном царстве.

Д. Е. Чистов (Гос. Эрмитаж) сделал доклад «Следы производственной деятельности и базовая функция архаической Березани». Автор продемонстрировал новейшие находки и открытия Березанской экспедиции Государственного Эрмитажа, связанные с производством металла на о. Березань. На их основании Д. Е. Чистов сделал обоснованный вывод о функции данного поселения, поддержав гипотезу Я. В. Доманского и К. К. Марченко, что в конце VII—первой половине VI в. до н. э. на Березани функционировали медеплавильные мастерские, продукция которых предназначалась не только для внутреннего потребления, но и на экспорт (Доманский, Марченко 2007: 27).

С последним докладом «Верховная королевская власть Ирландии и женские божества кельтских мифов» выступила Н. С. Широкова (Санкт-Петербургский государственный университет). Она убедительно показала, насколько архаичной была королевская власть в Ирландии. Ее нормальное функционирование было связано с целым комплексом представлений о роли и значении женских божеств.

После завершения научной части заседания слово было предоставлено К. К. Марченко (ИИМК РАН), который поделился воспоминаниями о Ю. В. Андрееве. Для своего выступления ему удалось найти очень верную интонацию, окрасить свою речь волнующими поэтическими образами. Благодаря этому глубоко прочувствованному выступлению собравшиеся еще раз смогли убедиться, насколько масштабной была личность Юрия Викторовича, насколько широким был спектр его научных и культурных интересов.

В заключение заседания слово попросила вдова Ю. В. Андреева — Людмила Викторовна Шадричева. Она поблагодарила собравшихся за добрую память об ушедшем из жизни коллеге, отметила высокий уровень заслушанных докладов. Дав такую оценку, она обратилась к руководству Института с просьбой сделать подобные заседания регулярными и проводить «Андреевские чтения» периодически, возможно, раз в пять лет. Л. В. Шадричева напомнила аудитории, что памяти Ю. В. Андреева был посвящен сборник научных трудов «ΣΥΣΣΕΤΙΑ», вышедший в свет в 2000 г. По ее мнению, настала пора выпустить новый том — «ΣΥΣΣΕΤΙΑ. Π» — основой для которого могли бы стать доклады, заслушанные на данном заседании. Собравшиеся горячо поддержали эту идею.

Далее Л. В. Шадричева продемонстрировала монографию Ю. В. Андреева («Архаическая Спарта. Искусство и политика». СПб.: Шестор-История, 2008), вышедшую из печати буквально накануне заседания Ученого совета. Данная монография, над которой Ю. В. Андреев работал до конца 1980-х гг., осталась незавершенной. Несмотря на это, книга, безусловно, привлечет очень большой интерес специалистов и широких кругов читающей аудитории, поскольку в ней впервые в отечественной научной литературе дается подробный анализ лаконского художественного творчества в его увязке со сложнейшими проблемами исторического развития ранней Спарты.

После официальной части состоялось небольшое дружеское чаепитие.

Андреев 1976 — *Андреев Ю. В.* Раннегреческий поэиз (гомеровский период). Л., 1976 (переизд. 2003 г.).

Андреев 1989 — *Андреев Ю. В.* Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы. Л., 1989.

Андреев 1990 — *Андреев Ю. В.* Поэзия хифа и проза истории. Л., 1990.

Андреев 1998 — *Андреев Ю. В.* Цена свободы и гармонии. СПб., 1998 (переизд. 1999 г.).

Андреев 1999 — *Андреев Ю. В.* Тираны и герои: историческая стилизация политической практики старшей тирании // *Вестник древней истории*. 1999. № 1. С. 3–7.

Андреев 2002 — *Андреев Ю. В.* От Евразии к Европе: Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железного века. СПб., 2002.

Андреев 2004а — *Андреев Ю. В.* Гомеровское общество. СПб., 2004.

Андреев 2004б — *Андреев Ю. В.* Мужские союзы в дорийских городах государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004.

Андреев 2008 — *Андреев Ю. В.* Архаическая Спарта. Искусство и политика. СПб., 2008.

Беляевский 1971 — *Беляевский В. А.* Вавилон: легендарный и Вавилон исторический. М., 1971.

Гербунова, Саверкина 1975 — *Гербунова К. С., Саверкина И. И.* Искусство Древней Греции и Рима в собраниях Эрмитажа. Л., 1975.

Доманский, Марченко 2007 — *Доманский Я. В., Марченко К. К.* К вопросу о базовой функции первоначального Борисфена // *ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я. В. Доманского*. СПб., 2007. С. 22–27.

ЮБИЛЕЙ МАРИАННЫ ВЛАДИМИРОВНЫ МАЛЕВСКОЙ

А. Е. МУСИН, А. А. ПЕСКОВА

4 июня 2008 г. состоялось расширенное заседание Отдела славяно-финской археологии, посвященное 90-летию со дня рождения Марианны Владимировны Малевской (рис. 1). Чествование началось теплыми приветственными словами по адресу юбиляра, которая с 1952 г. трудится в стенах Института.

Доклады, прозвучавшие в этот день, были напрямую связаны с научными интересами Марианны Владимировны, открывшей и исследовавшей многочисленные памятники древнерусского зодчества на территории Галицко-Волинской земли. На заседании преимущественно обсуждались проблемы изучения памятников западнорусской архитектуры XIII—XIV вв. в их взаимосвязи с зодчеством сопредельных стран, и, прежде всего, с памятниками Малопольши, бывшей естественным проводником центральноевропейских традиций в западные области Древней Руси. Сегодня история древнерусской архитектуры второй половины XIII—XIV в. остается все еще недостаточно изученной, и связанные с ней про-

Рис. 1. Марианна Владимировна Малевская, 1985 г.

блемы по-прежнему актуальны. Архитектурно-археологические раскопки памятников этого периода, планомерно проводившиеся М. В. Малевской в конце 1970-х—начале 1980-х гг. в западных областях Украины и Белоруссии, существенно пополнили фонд источников по данной теме и позволили по-новому взглянуть на развитие монументальной архитектуры в регионе. Не случайно на результатах работ М. В. Малевской в значительной степени базируется каталог памятников древнерусской архитектуры второй половины XIII — первой трети XIV в., подготовленный И. В. Антиповым (Антипов 2000: разделы «Галицкая земля», «Волынь» и «Черная Русь»).

Среди исследованных М. В. Малевской архитектурных объектов особый интерес сегодня представляют каменные башни «волынского типа» в селах Спас и Пятничаны Львовской области, тогда впервые раскопанные на территории Галицкой земли. С тех пор в Галицкой земле обнаружено несколько подобных башен. В докладе самого юбиляра «Памятники галицкой архитектуры конца XIII века в монастыре села Спас Львовской области (Украина)», прозвучавшем на заседании (рис. 2), основное внимание было уделено изучению остатков каменной башни, открытой близ Старого Самбора, где некогда располагался загородный монастырь галицко-волынского князя Льва Даниловича (около 1228—около 1301), построенный в 1295 г. От Спасо-Преображенской церкви, возведенной здесь в 1292 г., сохранилась только фундаментная кладка одного из подкупольных столбов.

Интерес к «волынским» башням, этой характерной и до сих пор во многом загадочной группе монументальных сооружений Древней Руси, с годами не ослабевает и лишь возрастает по мере накопления новых данных. Несмотря на то что история их изучения насчитывает уже более 100 лет, здесь остается еще много неразрешенных проблем, особенно в отношении определения культурного круга (романского или русско-византийского) и их функции. Так, наряду с оборонительной и жилой функцией, изучается возможность культового использования башни в Стольпе в округе летописного Холма, ныне г. Хелм, находящийся на территории Польской Республики.

В последнее десятилетие «волынские» башни исследуются в рамках широкомасштабных архитектурно-археологических работ, развернутых в летописном Холме и его округе Институтом археологии и этнологии Польской Академии наук под руководством его директора профессора А. Буко с участием археологов из самого Хелма. Основным результатом этих работ был посвящен доклад самого А. Буко «Холм и Стольпе в юго-восточной Польше и русско-византийская материальная культура». К настоящему времени польскими археологами наиболее полно исследован архитектурно-археологический и природный комплекс, связанный с башней в селе Стольпе (в 9 км от Холма). Всестороннее изучение памятника с учетом природных условий местности — топографических, гидрологических и других особенностей, а также привлечение архитектурных аналогий с территориями Средней и Северной Греции, позволило исследователю создать его убедительную реконструкцию как монастырского комплекса, возведенного на специально подготовленной платформе, со священными источниками вокруг, с каменными стенами по периметру и угловой каменно-кирпичной башней. Конструктивному и плановому решению комплекса А. Буко находит множество аналогий среди византийских монастырей. Этот вывод подкрепляется археологическими находками, представленными, главным образом, керамикой и стеклом, имеющими,

Рис. 2. Доклад Марианны Владимировны Малевской 4 июня 2008 г.

предположительно, византийское происхождение. Наблюдения польского коллеги о влиянии византийской традиции на развитие оборонительного зодчества западно-русских земель, не отмечавшемся его предшественниками, вызвали вопросы к докладчику.

Византийская тема была продолжена в докладе О. М. Иоаннисяна (Гос. Эрмитаж) «Византийские традиции в архитектуре западной Руси», построенном на анализе памятников главным образом церковной архитектуры XII—XIII вв. западно-русских земель и Балкан.

И. В. Антипов (Санкт-Петербургский государственный университет), предпринявший в 2000 г. первую попытку обобщения памятников западно-русской архитектуры рассматриваемого периода, выступил с докладом «Проблемы датирования памятников западно-русской архитектуры второй половины XIII—XIV вв.». Коснувшись состояния изученности вопроса на сегодняшний день, он отметил спорность хронологии некоторых памятников, в том числе ряда датировок, ра-

нее предложенных им самим и ныне пересмотренных. По окончании заседания коллеги еще раз сердечно поздравили Марианну Владимировну с замечательным юбилеем.

Заседание было запланировано и проведено не только в связи с радостным для Института событием, но и в рамках совместного исследовательского проекта ИИМК РАН и Краковского отделения Института археологии и этнологии ПАН (заведующий Отделением Я. Крук, директор головного Института в Варшаве проф. А. Буко). Проект «Запад и Восток в формировании материальной культуры христианства в Северной Руси и Малопольше в X—XV вв.» (соисполнители А. А. Пескова и М. Волошин), поддержанный программой межакадемического обмена между ПАН и РАН, предусматривает поиск археологических параллелей и стадийных культурных аналогий в процессе христианского развития ключевых регионов двух восточноевропейских государств. Отдельный интерес исследования состоит в определении путей взаимопроникновения культурных элементов и роли Галицко-Волынской Руси в этом процессе. Дополнительным интересом проекта оказывается образ адаптации материальной культуры Византии на границах славянского мира. Настоящий проект, который предусматривает равноправное сотрудничество археологов двух стран, способен вывести отношения между академическими сообществами Польши и России на новый уровень. В обеих странах сформировалось новое поколение исследователей, заинтересованное в изучении истории, культуры и языка своих соседей и понимающее, что без исследования древностей сопредельных территорий изучение региональных проблем невозможно. В средние века не только Европа представляла единое культурное пространство, но и территории юго-восточной Польши частично входили в «державу Рюриковичей».

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР «ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРОПЫ: ДИНАМИКА ДОИСТОРИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ИСТОКИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДИВЕРСИФИКАЦИИ»

Г. И. ЗАЙЦЕВА, П. М. ДОЛУХАНОВ

В марте 2007 г. Европейский Совет утвердил проект международных исследований по программе «Формирование Европы: динамика доисторического населения и истоки социально-культурной диверсификации». Основная научная проблематика проекта сводится к объединению усилий археологов, математиков, палеогеографов и палеодемографов с целью построения математической модели, адекватно описывающей распространение на территории Европы культур неолита и первоначальное возникновение различий в сфере экономики и материальной культуры. В проекте принимают участие несколько региональных групп: Ньюкаслский и Манчестерский университеты, Англия (общее руководство проектом, палеогеография); Краковский университет, Польша (неолит Центральной и Юго-Восточной Европы); Королевский музей Бельгии (неолит Западной Европы); группа палеодемографии Национального Центра научных исследований (Париж, Франция), Университет Жироны, Испания (математическое моделирование) и ИИМК РАН Санкт-Петербург, Россия (неолит Восточной Европы, радиоуглеродное датирование).

В апреле 2007 г., непосредственно после утверждения проекта, основные его участники провели рабочее совещание в университете г. Манчестера (Англия) с целью уточнения программы исследований и решения организационных вопросов.

Год спустя, 5—9 апреля 2008 г., в Санкт-Петербурге был проведен семинар участников проекта с целью обмена информацией о результатах первого года исследований и уточнения задач на будущее. Помимо непосредственных участников проекта к работе семинара были привлечены ученые из ряда стран Европы, проводящие исследования по близкой тематике. Заседания проходили в помещениях ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа.

Следует сказать, что математические подходы к исследованию археологических памятников в последние годы все больше находят свое применение. В качестве одного из примеров математической обработки данных можно привести компьютерные калибровочные кривые для перевода радиоуглеродного возраста в кален-

дарную временную шкалу, а также исследования на их основе. Пакет программ Oxcal, разработанный в радиоуглеродной лаборатории Оксфордского университета, позволяет получать усредненное значение возраста с учетом дендрологической калибровочной кривой. Этот пакет предусматривает использование байесовских процедур при обработке множественных радиоуглеродных определений, что получило широкое применение в практике археологических исследований.

Полученные массивы радиоуглеродных дат при их статистической обработке могут служить основой для моделирования динамики доисторического населения с использованием математических процедур, разработанных в демографии. Естественно, при моделировании невозможно обойтись без определенных допущений, но чем профессиональнее будут эти допущения, тем реалистичнее разрабатываемая модель. В связи с этим необходимы тесный контакт и взаимодействие археологов с учеными различных дисциплин, что и было одной из задач проведенного международного семинара.

На первом заседании был прочитан доклад А. А. Величко и Е. И. Куренковой (Институт географии РАН, Москва) «Первоначальное заселение Северной Евразии человеком». На основании обобщения большого количества палеогеографических и археологических данных, а также радиометрических датировок, в докладе была продемонстрирована новая модель освоения человеком территории Северной Евразии (включая арктические районы) на протяжении последнего оледенения.

А. Л. Александровский (Институт географии РАН, Москва) привел данные относительно связи распространения культур неолита в различных регионах Восточно-Европейской равнины с типами почвообразования.

В своем сообщении Г. Мотуцайте-Матуцевичуте (Литва, Англия) привела ранее неизвестные сведения относительно культивации проса на ряде поселений раннего неолита Украины.

И. Н. Езепенко и А. Разлуцкая (Институт истории и археологии Белоруссии, Минск, приглашенные участники) привели новые данные по радиоуглеродной хронологии неолитических памятников Белоруссии. В сравнении с памятниками России, Украины и Балтийских стран радиоуглеродная хронология памятников неолита Белоруссии представлена в основном лишь единичными датировками. Прогресс наметился в последнее время благодаря совместным проектам с ИИМК РАН, а также возможности использовать ускорительную масс-спектрометрию (Университет г. Упсала, Швеция). В 2007 г. получены даты по пищевому нагару на керамике памятников Заденья, Осовец и других, что позволило уточнить хронологические позиции исследованных памятников и внести их в базу данных.

Руководитель польской группы проекта профессор Краковского университета Я. К. Козловский в своем докладе рассказал о разносторонней деятельности этой группы за отчетный период. В контакте с региональными исследователями были проведены работы на островах Эгейского моря, в материковой Греции, а также на территории Венгрии и Словакии. Были получены серии радиоуглеродных датировок (датирование проводилось на ускорительных масс-спектральных установках Познаньского научного центра). Полученные данные в значительной мере проясняют процесс распространения раннеолитических культур Юго-Восточной и Центральной Европы. Помимо этого участники группы подготовили к печати подробный иллюстрированный каталог раннеолитических памятников ряда стран Балкан и Центральной Европы.

В коллективном докладе (П. М. Долуханов, Г. И. Зайцева, Н. Н. Ковалюк, А. А. Выборнов, К. Дэвисон) были сообщены новые данные относительно возраста и палеогеографии раннеолитических (керамических) культур юга России и Украины. В частности, были доложены новые серии датировок, полученные по керамике, происходящей из памятников елшанской культуры (Среднее Поволжье) и Северного Прикаспия. На основании статистической обработки полученных данных было показано постепенное распространение керамической традиции в западном направлении.

А. Н. Мазуркевич, Д. Ю. Гук и С. В. Морозов (Гос. Эрмитаж, Россия) представили принципы формирования компьютерной базы данных неолитических памятников («Monasch»), связанной с географической информационной системой. Предлагаемые разработки включают описание как самого памятника, так и основных категорий материальной культуры: каменной и костяной индустрии, типа керамики и т. д. Это сравнительно новый подход, и его дальнейшее использование предлагается представить в Интернете для возможного пополнения базы данных.

Близкий подход к формированию базы данных неолитических памятников был представлен и в докладе П. Штадлера (Вена, Австрия).

Второй день семинара был посвящен обсуждению различных моделей неолитизации Европы. Джеймс Стил, приглашенный участник семинара, руководитель Центра по изучению культурной диверсификации при Совете по гуманитарным исследованиям (Лондонский университет, Англия), рассказал о модели распространения неолита, разрабатываемой с использованием базы данных радиоуглеродных датировок.

Ж.-П. Боке-Аппель (группа палеодемографии Национального центра научных исследований, Париж, Франция) представил свой вариант модели, основанный на применении формул динамики народонаселения к базе данных радиоуглеродных датировок неолита Центральной и Западной Европы. Эта база данных была подготовлена членом бельгийской группы М. Ван дер Линденом.

Фр. Фежье, член Ньюкаслской группы, представил динамическую модель формирования путей сообщений и перспективы ее использования при моделировании неолитических миграций.

Группа Манчестерского университета (С. Федотов, Д. Кампос и Д. Мосс) представила математическую модель, описывающую рост и кластеризацию народонаселения в условиях кризиса пищевых ресурсов. Основное внимание было уделено памятникам трипольской культуры, где есть наиболее достоверные данные о начале и развитии производящего хозяйства. Данные памятников культуры Триполье-Кукутень легли в основу математической модели, разрабатываемой группой из Университета Ньюкасла и приведенной в докладе К. Дэвисон, Г. Сарсон, А. Шукурова и П. М. Долуханова. Используя данные о колебаниях урожайности культур на новоосвоенных землях Среднего Запада США, авторы предложили оценку размера и урожайности полей, а также плотности поселений трипольской культуры. Обе модели предполагают сходный механизм миграций, вызванный истощением (деградацией) почв вследствие экстенсивной эксплуатации. В докладе В. А. Дергачева (Молдавия) были приведены интересные и ранее малоизвестные данные о сосуществовании мезолитических и раннеолитических поселений на территории Балкан и Юго-Запада Восточно-Европейской равнины.

В тот же день было заслушано сообщение директора Института лингвистических исследований академика РАН Н. Н. Казанского относительно перспектив ре-

конструкции палеоязыков применительно к эпохе неолита. Объективно изложив трудности, неизбежно возникающие при подобных реконструкциях, Н. Н. Казанский заверил участников семинара, что сотрудники института смогут дать экспертную оценку подобных реконструкций в итоговых документах проекта.

На заседании 7 апреля были заслушаны сообщения приглашенных представителей об исследованиях раннеолитических поселений на территории Австрии. В совместном докладе Н. Котова (Украина) и П. Штадлер (Австрия) предложили новую модель распространения неолитического населения на основании данных, полученных при изучении раннеолитического поселения Брунн-ан-Гебирге в пригороде Вены. Широкое распространение линейно-ленточной керамики авторы связали с предполагаемым иссушением климата. Эва Леннайс (университет Ванны) предложила вниманию семинара новые данные относительно пространственной схемы распределения и особенностей хозяйства раннеолитических поселений Австрии. Было отмечено, что на ряде поселений сохраняется высокий процент содержания костей диких животных.

В докладах участников испанской группы проекта, Х. Форт, Х. Перес и И. Неус (университет Жироны), были рассмотрены аспекты ряда математических моделей неолитизации, разрабатываемых этой группой.

Участники семинара ознакомились с работой радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН и ее историей.

В настоящем сообщении упомянуты не все доклады. Предполагается к окончанию проекта издать коллективную монографию, в которой будут отражены все достижения по созданию математической модели неолитизации Европы и компьютерная база данных памятников неолита Европы, включая радиоуглеродные даты.

В общей дискуссии было подчеркнуто большое теоретическое и практическое значение сотрудничества представителей различных дисциплин и национальных школ при решении крупной научной проблемы. При этом отмечена желательность более глубокой разработки практических проблем, в частности, связанных с непосредственной радиоуглеродной датировкой образцов керамики. Было решено принять меры к созданию единой базы данных радиоуглеродных датировок неолита Европы.

9 апреля ряд участников семинара принял участие в экскурсии в Новгород, включавшей осмотр музея, основных историко-архитектурных памятников и археологических раскопок. Участники семинара выразили глубокую благодарность российской группе за прекрасную организацию работы семинара. По предложению испанской группы следующий семинар решено провести в Жироне (Испания) в апреле 2009 г.

НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ИИМК РАН И УНИВЕРСИТЕТА НИЖНЕЙ НОРМАНДИИ (ФРАНЦИЯ)

А. Е. МУСИН, П. БОДУАН

В 2008 г. Институт совместно с Центром исследований древней и средневековой археологии и истории (г. Кан, Нормандия, Франция) приступил к осуществлению исследовательского проекта «Две "Нормандия": комплексное сравнительное исследование скандинавского присутствия во Франции (Нормандия) и на Руси (Новгородская земля) и оценка его культурно-исторического значения». Проект поддержан соглашением о межакадемическом обмене между РАН и Национальным центром научных исследований Франции (CNRS). Он предполагает систематизацию и сравнительную оценку историко-археологических материалов, связанных с аккультурацией скандинавов в различных этнокультурных окружениях, выявление роли различных факторов (этнических, культурных, религиозных, политических) в процессе региональной адаптации и становления идентичности, определение степени влияния исторической памяти на формирование этой идентичности и средневековую историографию вообще. Помимо компаративистского аспекта особое внимание должно быть обращено на взаимную трансформацию культуры этнических групп — участников исторических процессов. Акцент в исследовании переносится с традиционного внимания к «роли», «вкладу» и «влиянию» на внутренние изменения варяжской общины на Руси в сравнении с результатами подобных процессов в Европе. Параллельная эволюция местных обществ оказывается в данном случае важнейшим фактором, определяющим такие изменения. «Норманнский миф» французской историографии и отечественная «легенда о призвании варягов» изучаются и сравниваются в качестве элементов средневекового менталитета. Один из приоритетов проекта — создание аннотированной библиографической базы данных.

Партнер ИИМК РАН — Центр исследований древней и средневековой археологии и истории (CRAHAM), иначе — Центр Мишеля де Буара, основанный в 1955 г., является научным учреждением, организованным совместно Университетом г. Кан (Нижняя Нормандия) и CNRS. Он объединяет более 80 исследователей, исследователей-преподавателей, инженеров, технических специалистов, докторантов и ассоциированных сотрудников.

Его основатель, Мишель де Буар (1909—1989), был выпускником Школы хартий, а затем стажировался во Французской школе в Риме. С 1935 по 1937 г. он преподавал во Французском институте в Неаполе, затем — на филологическом факультете Университета в Каире (1937—1940). В 1940 г. он стал профессором филологического факультета Канского университета. Во время оккупации он участвовал в движении Сопротивления, был сослан в Маутхаузен, а с 1942 по 1960 г. даже был членом компартии Франции. После войны он вернулся в Университет, а в 1954—1967 гг. был деканом филологического факультета. Изначально М. де Буар занимался вопросами средневекового энциклопедизма и историей дипломатии (первый труд: *Les Origines des guerres d'Italie. La France et l'Italie au temps du grand schisme d'Occident*. Paris, 1936), а затем в русле Школы Анналов обратился к экономической истории. После второй мировой войны он расширил свои исследова-

дательские интересы на этнографию и средневековую историю. В рамках реализации первого направления возникли Музей Нормандии (Musée de Normandie) в 1946 г. и журнал «Annales de Normandie», который он основал в 1951 г. Но именно на поприще археологии, в особенности археологии средневековой, талант М. де Буара проявился особенно ярко. Он руководил раскопками замка в Канн с 1949 по 1966 г. и способствовал изучению истории замков во Франции: в 1962 г. им был основан постоянный семинар «Château Gaillard» (первое заседание прошло в Андели [Andelys], откуда и возникло само название), специализирующийся на исследованиях в области истории и археологии средневековых замков. Им же был основан новый журнал «Средневековая археология», первый номер которого вышел в 1971 г.

М. де Буар выступил обновителем средневековой археологии во Франции. Не ограничиваясь лишь архитектурными проблемами, он существенно расширил понятие археологии и привнес во Францию передовую методику исследований и технику раскопок, уделяя особенное внимание археометрии (Manuel d'archéologie médiévale: de la fouille à l'histoire. Paris, Société d'édition d'enseignement supérieur, 1975). Он также основал новое направление в археологии, занимающееся историей средневекового человека в контексте окружающей его материальной культуры. Он был директором Центра археологических исследований CNRS с 1972 по 1976 г. и основателем Центра исследований средневековой археологии (CRAM, предшественник современного центра), созданного в намерении объединить специалистов в различных областях, историков, полевых археологов и исследователей в области археометрии.

Сегодня приоритетами в деятельности Центра являются полевая археология, лабораторные исследования и изучение письменных источников. Она распространяется на различные специализированные области знаний (проблемы миграций и аккультураций, религиозная история, антропология, системы расселения, ремесленное производство, среда человеческого обитания и властные центры), связанные с обширной географией (Северная Африка, скандинавский мир) в древнюю и средневековую эпоху. Сегодня Центр Мишеля де Буара организует свою научную проблематику вокруг исследовательской программы «Культуры, идентичность и пространство от античности до позднего средневековья». Эта открытость античной проблематике выражается сегодня вставкой еще одной буквы «А» (*anciennes*) в аббревиатуру CRAM (Centre de recherches archéologiques et historiques anciennes et médiévales). Здесь существуют два основных направления «Культура и пространство», возглавляемое В. Газо, и «Организация пространства человеческими коллективами», во главе с К. Ханнюс.

Центр Мишеля де Буара сегодня является комплексом подразделений, составляющих фундамент исследований в области гуманитарного и социального знания, практически не имеющий аналогий на севере Франции: палеоантропологическая лаборатория (руководитель А. Альдюк Ле Багусе); лаборатория керамики и археометрии (руководитель А. Боке-Лиенар), которая с 2006 г. получила новые помещения и уникальное техническое оснащение (например, спектрометр плазменной эмиссии); лаборатория нумизматики, существующая с 1975 г. (Ж. Пиле-Лембер); археометрическая служба на стыке археологии и геоматики, возникшая в 2004 г.; художественно-картографический отдел; библиотека в 12 000 томов с прекрасно представленной европейской периодикой. Публикационная деятель-

ность CRAM включает издание журнала «Archéologie médiévale» (единственное издание класса «А» во Франции в этой области знаний) и Интернет-журнала «Tabularia», который также готовится в недрах Центра. Издательской деятельностью Центра руководит А. М. Фламбар-Эришер.

Полевая археологическая деятельность Центра связана преимущественно с раскопками средневековых поселений (Куртсина, Кальвадос; Сан-Тома-д'Эзьер, XII в.); замков (Ганн, Верхняя Нормандия, XI—XII вв.) и церквей (церковь в Таоне, Кальвадос, VII—XI вв.; аббатство Нотр-Дам-де-Ве, XI в.; церковь Шербур-Октевиль, диагностические исследования 2005 г.). Это «программируемые» исследования, которые происходят в рамках летних университетских археологических школ Руана и Кана.

Центр отметил свой 50-летний юбилей серией конференций и круглых столов, которая позволила оценить, но не исчерпать его научную проблематику: «Престижные погребения или престиж погребений? Образ власти в категориях “иног мира”» (23—24.03.2007); «Провинция и провинциальная идентичность в Северной Африке» (16—17.11.2007); «Использование, продукция и керамический обмен в Северо-Западной Европе (XIV—XVI вв.)» (7—8.12.2007); «Организация пространства. Археология и история средневековых территорий» (29.02—1.03.2008); «Города, замки и власть» (10—11.10.2008).

В этом году в рамках проекта состоялся визит французской стороны в Санкт-Петербург. Институт посетили директор Центра, профессор Пьер Бодуан и исследователь-преподаватель университета г. Тур Анна Ниссен-Жобер. 5 июня состоялось расширенное заседание Отдела славяно-финской археологии под председательством А. Н. Кирпичникова. П. Бодуан, специалист по письменным источникам, представил доклад «Становление герцогства Нормандского в Руане: современное состояние проблемы и перспективы сравнительных исследований». Он указал на важность адекватной интерпретации источников с точки зрения культурно-антропологических подходов и рассказал об открытии новых письменных памятников. Современная французская наука отказывается от архаичных взглядов на проникновение норманнов в Нейстрию как одномоментный акт: они появились здесь задолго до подписания договора в Сан-Клер-сюр-Эпт в 911 г. К тому же конунг Роллон к этому времени уже был инкорпорирован в среду франкской аристократии, а сам договор явился желаемым компромиссом между королем, местной знатью и норманнами. А. Ниссен-Жобер, автор наиболее полной сводки скандинавских памятников археологии во Франции, прочла доклад «Скандинавские общины в Европе: археологические подходы». Скучность скандинавских находок во Франции не может объясняться недостаточной исследованностью памятников. Быстрая и активная интеграция скандинавов в местное общество привела к исчезновению в Нормандии специфических черт северной культуры и препятствовала становлению местных вариантов скандинавской художественной орнаментации. В соседней Бретани, где местное население активно противостояло норманнам, их памятники представлены гораздо лучше. Весьма перспективным выглядело и предложение искать «скандинавов» в Европе не по их материальной культуре, а по системе освоения территории и землепользования, известной как «solskifte» и сохранившейся, в частности, в ряде мест в Британии, на Оркнейских островах и, быть может, в Нормандии.

Речь шла и о недавнем кладе в Сан-Пьер-де Флер, открытом, увы, «грабительскими раскопками», который свидетельствует о частичном проникновении скандинавов в Нормандию через Британские острова. К тому же взаимоотношения между скандинавами и местными общинами определялись традициями предшествующих контактов. Наблюдения французских коллег доказывают, что во франкском обществе, по крайней мере с VIII в., существовала интеграционная модель, способствующая проникновению в местный социум иноэтничной знати. Кроме посещения ИИМК французские коллеги побывали в Отделе рукописей РНБ, а также в Старой Ладого и Великом Новгороде, где познакомились с местными памятниками, научными учреждениями и археологическими коллекциями.

Ответный визит в Нормандию состоялся в октябре. Помимо знакомства с подразделениями Центра Мишеля де Буара, его библиотекой и организацией археологических исследований во Франции, в Университете г. Кан было прочитано две лекции: директор Института Е. Н. Носов выступил с докладом «Когда и почему скандинавы оказались на Руси?», а Н. В. Хвоцинская рассказала о скандинавских находках Рюрикова Городища и Поозерья. Также состоялась посещение Университета г. Тур, где Е. Н. Носов повторил свой доклад, а А. Е. Мусин прочел лекцию «Становление церковной структуры Новгорода». Также была принята программа работы на 2009 г., предусматривающая создание аннотированной библиографии и проведение круглых столов по теме проекта.

Н. В. ХВОЩИНСКАЯ

С приобретением независимости Эстонии в 1991 г. в стране произошли изменения в организации науки, в том числе и археологии. Они затронули структуру научных учреждений, подготовку и аттестацию студентов и специалистов, организацию самого научно-исследовательского процесса. Значительно выросло количество публикаций. Если за 70 лет с начала 1920-х гг. до 1990-х гг. в Эстонии археологами было издано 29 монографий и 11 коллективных сборников, то за последние 14 лет (до 2005 г.) опубликовано 19 монографий и 31 сборник.

В советский период единственным периодическим изданием в Эстонии были «Известия АН ЭССР» (историческая серия), статьи в котором публиковались на эстонском, русском или немецком языках. В начале 1990-х гг. в условиях непростой финансовой ситуации и сложной политической конъюнктуры эстонские археологи пытались создать специализированные издания по археологии, отражающие неразрывную связь с наукой как на Западе, так и на Востоке. Этому способствовало то, что у среднего поколения эстонских археологов не было языковой проблемы в общении, как с западными, так и с восточными коллегами. Такими изданиями стали «Eesti Arheoloogiaseltsi Teataja» («Сообщения по археологии Эстонии» — 1990—1991 гг.) и «Stilus» («Археологические полевые работы в Эстонии» — 1992—1997 гг.). Вышло по семь выпусков. Их ценность подчеркивается тем, что многие статьи издавались на английском и немецком языках. Это сразу исключало изолированность эстонской археологии от общеевропейской науки. Особое значение сыграл журнал «Austrveg» («Восточный путь» — 1995—1997 гг.). Его основателями являлись известные специалисты по археологии эпохи бронзы, железного века и нумизматики Эстонии В. Лыугас и В. Сохоловски. Они начали издавать журнал, стремясь сохранить сложившиеся связи между учеными Прибалтики, России, Белоруссии и Польши. К сотрудничеству привлекались исследователи из Финляндии, Германии, Дании, Норвегии и Швеции. Часть тиража выходила на эстонском языке, а часть — на русском. Важнейшие статьи были снабжены резюме на английском языке. Журнал, хотя и вышел в свет только четыре номера, сыграл важную роль в становлении научных контактов между исследователями стран региона Балтики в новых геополитических условиях. К сожалению, после смерти В. Лыугаса плодотворное начинание не удалось продолжить.

Во второй половине 1990-х гг. появились новые серийные издания: журнал «Эстонская археология» (с 1997 г.), ежегодник «Полевые археологические исследования» (с 1998 г.), который сменил «Stilus». С 1991 г. издано 18 выпусков серийных монографий под общим заголовком «Muinasaja teadus/Research into Ancient Time».

В 1990-е гг. эстонские археологи активно участвовали в международном и междисциплинарном сотрудничестве в рамках различных европейских исследовательских проектов. В частности, особую роль для развития эстонской археологии сыграл проект университета Готланда, начатый в 1995 г., «Culture Clash or Compromise?» («Конфликт культур или компромисс?»). Его целью было исследовать процессы европеизации в Балтийском регионе, проанализировать и сравнить

культурные изменения в локальных областях в рамках более широкого контекста. Вторым важным проектом являлся проект «Castella Maris Baltici» («Крепости региона Балтики»). В каждой из стран, прилегающих к Балтийскому морю (Германия, Польша, Норвегия, Швеция, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония), состоялись конференции с обсуждением научных докладов и с одновременным посещением наиболее значимых объектов оборонительного зодчества. В 2007 г. первый цикл проекта завершился в России осмотром крепостей Северо-Запада. Важное значение также имели проекты «Lübecker Kolloquium zur Stadtarchäologie im Hansegebiet» («Любекский коллоквиум по городской археологии Ганзейского мира»), по изучению палеоэкологии и исследованиям изделий из кости и др.

Основным исследовательским учреждением по изучению древней истории в Эстонии в советский период являлся Институт истории республиканской Академии наук в Таллине. В нем было сосредоточено подавляющее большинство проводимых в республике археологических исследований и работало более 20 археологов. В Тарту по данной специальности лекции читала В. Труммал, и периодически привлекались сотрудники Института истории. Только в рамках спецкурса В. Труммал студенты могли получать подготовку по археологии. Дело в том, что в 1950 г. во время кампании против «буржуазного национализма» в Тартуском университете были закрыты кафедры археологии, этнографии и истории искусства, так как, по мнению властей, эти науки были национально ориентированными. Полная специализация по археологии в Тартуском университете возобновляется лишь в 1990-е гг. Сначала в 1990 г. была создана Лаборатория археологии, на базе которой в 1993 г. начал работать археологический Кабинет. В 1992 г. была восстановлена и сама Кафедра археологии. Первым ее профессором стал один из крупнейших эстонских археологов Э. Тылиссон. В настоящее время Кафедру возглавляет профессор В. Ланг, а археологический Кабинет — доктор Х. Валк. Археологический Кабинет включает в себя фонды, библиотеку, архивы и лабораторию консервации. С 2005 г. дополнительно к общеобразовательным археологическим курсам в Тартуском университете ведется подготовка аспирантов по археологии, музееведению и охране культурного наследия.

В начале 1990-х гг. прошла реорганизация Академии наук. Институт истории был переведен в подчинение Министерства образования, а в 2005 г. объединен с вновь утвержденным Таллинским университетом, в котором сейчас существует департамент археологии и налажена подготовка аспирантов. Его возглавляет профессор М. Мяги — специалист в области ранне-средневековой археологии. В структуру департамента археологии входит отдел фондов, которым руководит Ю. Тамла, и лаборатория геоархеологии и древней технологии во главе с доктором Ю. Пээтс.

Таким образом, в современной Эстонии воссоздана научная структура периода 1920—1940-х гг., когда Тартуский университет был не просто образовательным учреждением, но и центром научной мысли, что характерно для многих западно-европейских стран, когда научно-исследовательские изыскания и подготовка специалистов находятся под одной «университетской крышей».

В настоящее время в Эстонии насчитывается около 50 исследователей, активно работающих в области археологии (48% — в университетах Тарту и Таллина, 24% — в музеях, 13% — в органах охраны памятников и 15% — в различных археологических фирмах). Археологические фирмы занимаются охраняемыми раскоп-

ками. Масштабные исследования круглогодично проводятся в городах на местах будущего строительства. Особо интенсивно они ведутся в Таллине под руководством В. Соколовски.

Изменения коснулись не только структуры научных учреждений, но аттестации специалистов. В Эстонии произошел переход от советской системы защиты двух диссертаций на соискание степеней кандидата и доктора наук к европейской, когда защищается одна докторская диссертация с ее предварительной публикацией. В первое десятилетие независимости Эстонии был заметен определенный кризис в эстонской археологии. Ученые, работавшие в советский период, в основном ушли на пенсию, а в новой смене не было специалистов с докторской степенью. Только В. Ланг единственный, кто в 1996 г. защитил диссертационную работу, рассматривающую систему расселения в Северной Эстонии от поздней бронзы до железного века (Lang 1996). В 2000-е гг. кризис кадров был преодолен. Диссертации защитили А. Крийска по теме «Поселения каменного века и экономические процессы в прибрежных районах Эстонии и на островах» (Kriiska 2001); Х. Валк — «Сельские кладбища Южной Эстонии 1225—1800 гг.» (Valk 2001); А. Тваури — «Донстория Тарту» (Tvauri 2001); М. Мяги «На перекрестке пространства и времени. Погребения, изменяющееся общество и идеология на Сааремаа в IX—XIII вв.» (Mägi 2002); Ю. Пээтс — «Сила железа. Железодельное и кузнечное производство в Эстонии и соседних районах в доисторический период и в средние века» (Peets 2003); М. Мандель — «Погребения V—XIII вв. в округе Ляине» (Mandel 2003); Х. Луйк «Костяные и роговые изделия в эстонских археологических находках от периода викингов до средних веков» (Luik 2005). Все диссертации изданы в качестве монографических исследований. Многие из них опубликованы в серии «Muinasaja teadus» («Исследования древних времен»). В этой же серии вышли фундаментальные исследования, выполненные в более ранние годы. В частности, во втором выпуске была опубликована работа П. Лиги, трагически погибшего 28 сентября 1994 г. во время катастрофы парома «Эстония», «Водские погребения в Северо-Восточной Эстонии (IX—XVI вв. н. э.)» (Ligi 1993: 7—175). В ее основе лежит диссертация, защищенная П. Лиги в ЛОИА АН СССР в 1987 г. В девятом выпуске «Muinasaja teadus» вышла монография известного эстонского археолога С. Лаул «Формирование культуры эпохи железа на Юго-Востоке Эстонии» (Laul 2001). Это исследование является итогом многолетних полевых изысканий автора с конца 50-х до начала 70-х гг. XX в. В результате в научный оборот введен целый пласт новых памятников, рассмотренных на широком историческом фоне.

Несколько выпусков серии «Muinasaja teadus» представляют собой сборники статей по различным периодам древней истории Эстонии и соседних стран. Особо отметим, что три из них изданы к юбилейным датам в жизни известных эстонских ученых, являющихся вторым поколением исследователей национальной археологической школы, активно работавших в 1960—1980-е гг. Они посвящены 80-летию В. Труммал (Linnusest... 2004) и 75-летию Ю. Селиранда (Arheoloogiga Läänemere maades... 2003) и С. Лаул (Ethnos... 2006). Основной пик научной деятельности этих ученых пришелся на советский период. Это явилось поводом их критики со стороны многих молодых исследователей, и они были переведены на пенсию, согласно принятому в Эстонии новому социальному законодательству.

Приятно отметить, что в современной Эстонии значительный вклад этих известных ученых в развитие национальной науки по достоинству оценен. К уже названным юбилярам я бы добавила имя Э. Тыниссона — вдумчивого исследователя с широким историческим кругозором, ставшего на возобновленной кафедре археологии Тартуского университета первым профессором. В апреле 2008 г. в Тарту проведен семинар, посвященный, к сожалению, уже памяти этого замечательного человека и ученого. Итогом его будет очередной сборник. К участию в юбилейных сборниках эстонские коллеги широко привлекают исследователей из Финляндии, Латвии, Литвы и России, тем самым способствуя развитию научных контактов.

Следует отметить еще одно явление в научно-издательской жизни Эстонии. С 2003 г. в Таллине начали выходить сборники, посвященные изучению компактного региона Сетумаа (земли Сету), где проживает своеобразная группа эстонцев — народность сету. Частично территория ее расселения заходит и в Печорский район Псковской области. Эта народность отличается по материальной культуре, языку, верованиям от других групп эстов. Целью издания является обобщение разнообразных материалов от древности до современности.

Первый сборник посвящен рассмотрению различных археологических древностей и отдельных элементов материальной культуры сету. Создана археологическая карта памятников, объединяющая территорию Эстонии и России (Setumaa... 2003). Во втором сборнике рассматривается широкий круг проблем с древнейших времен до наших дней (Setumaa... 2004). Значительная их часть посвящена этнографии. Не случайно данный сборник приурочен к юбилею известного этнолога М. Пихо, посвятившей всю свою жизнь изучению и сохранению культуры сету. В последние десятилетия М. Пихо создала 13 фильмов о различных проявлениях культуры жителей Сетумаа и об их судьбах.

Ведущим центром археологических исследований в современной Эстонии является Тартуский университет. Здесь сформировался сильный творческий коллектив молодых исследователей. Не случайно именно в его недрах зародилась идея создания обобщающего труда «Estonian Archaeology» (руководитель профессор В. Ланг). По замыслу авторов, в шести томах предполагается подвести итоги развития археологии в Эстонии и оценить ее нынешнее состояние в различных областях. Из планируемой серии книг опубликовано два тома, но тем не менее мы посчитали важным обратить на это внимание.

В 2006 г. вышел в свет первый том. Данная коллективная монография подводит итог изучению археологических памятников на территории Эстонии с 1865 г. по 2005 г. (Archaeological research... 2006). Его стремились завершить в 2005 г., поскольку с этим годом связаны две юбилейные даты в эстонской археологии. Во-первых, 140 лет назад в 1865 г. был опубликован первый научный труд по археологии Прибалтики. Его автор К. Гревингк обобщил накопленные к тому времени археологические материалы с территории Эстонии и Латвии. Эта работа «Das Steinalter der Ostseeprovinzen» (Grewingk 1865) дала толчок к развитию археологических знаний в Эстонии. Второе крупное событие произошло 85 лет назад, когда в университете г. Тарту появилась кафедра археологии, которая стала центром подготовки специалистов и основным исследовательским учреждением по археологии в Эстонии.

Первый раздел книги написан В. Лангом. В нем он показал, как на протяжении XVIII—XIX вв. зарождался интерес к эстонским древностям. Большую роль в этом процессе сыграли любители старины в основном немецкого происхождения. Это и понятно, так как прибалтийские немцы представляли в то время нобилитет

страны. Собираются частные коллекции, появляются первые научные общества в Риге (1834 г.), Тарту (1838 г.), Ревеле (1842 г.). Однако уже в XIX в. интерес к собственной истории появляется и у представителей эстонской интеллигенции. В. Ланг особо отмечает деятельность школьного учителя Яна Юнга, который, при всем своем дилетантстве, начал собирать словарь археологических терминов на эстонском языке и предпринял первую попытку учета памятников старины. Именно с ним, а не с немецкими профессорами из Тарту, неоднократно встречался известный финский ученый И. Аспелин, стремясь поддержать развитие национальной эстонской школы археологии.

Переломным моментом для эстонской археологии, по мнению В. Ланга, явилось учреждение в 1920 г. в Тартуском университете кафедры археологии. Первым ее руководителем стал приглашенный из Финляндии выдающийся археолог А. Талльгрэн. С этого времени начинается профессиональная подготовка студентов и широкомасштабный учет памятников археологии на территории Эстонии. Благодаря деятельности А. Талльгрэна (1920—1923 гг.) и сменившего его на этом посту Б. Нермана (1923—1925 гг.), была подготовлена первая плеяда эстонских археологов: Х. Моора, М. Шмидехельм, Р. Индреко, Е. Лайд, А. Вассар, Е. Аристз, О. Саадре. Их исследования на долгие годы определили развитие археологии в Эстонии. Лидером эстонской археологии стал Х. Моора, который в 1930 г. возглавил кафедру археологии. Во второй части тома показано, каких успехов достигли эстонские исследователи в изучении различных исторических периодов от каменного века вплоть до современности.

Остальные тома серии «Эстонская археология» изначально было запланировано выпускать по отдельным разделам археологии Эстонии — каменный век, бронзовый и раннежелезный век, поздний железный век, средневековье и современность. Один из них «Бронзовый и ранний железный века в Эстонии» вышел в 2007 г. Автор тома — профессор В. Ланг, который в настоящее время является лидером эстонской археологии (Lang 2007). За последние десятилетия он внес значительный вклад в изучение древностей периода бронзового и железного века в Эстонии. Благодаря его полевым изысканиям были найдены новые памятники, открыты целые поселенческие зоны и первые поля.

В настоящее время археология Эстонии находится на подъеме. Реально она интегрируется в западноевропейскую науку и организационно (объединя академическую науку советского типа и университетскую науку в одну структуру, участвуя в междисциплинарных интернациональных проектах) и по форме подачи результатов исследований (обязательная предварительная публикация докторских диссертаций, издание научных трудов и журналов на основных европейских языках). Можно предвидеть дальнейшее успешное развитие эстонской археологии, учитывая, что в силу географического положения Эстонии и сложившегося хода истории в XX в. ученые этой страны в равной степени прекрасно представляют как западноевропейскую, так и восточноевропейскую науку, не испытывая языковых барьеров.

- Arheoloogiga Läänemere maades... 2003 — Arheoloogiga Läänemere maades. Uurimusi Jüri Seliranna auks. Muinasaja teadus. Tallinn; Tartu, 2003. No. 13.
- Etnos... 2006 — Etnos ja kultuur. Uurimusi Silvia Lauha auks. Muinasaja teadus. Tallinn, Tartu, 2006. No. 18.
- Grewingk 1865 — *Grewingk C.* Das Steinalter der Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurland und einiger angrenzenden Landstriche Dorpat. Schriften der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. Dorpat, 1865. T. 4.
- Kriiska 2001 — *Kriiska A.* Stone Age Settlement and Economic Processes in the Estonian Coastal Area and Islands. Academic Dissertation. Helsinki, 2001.
- Lang 1996 — *Lang V.* Muistise Rõvala. Muistised, kronoloogia ja maaviljeluslike asustuse kujunemine Loode-Eestis, eriti Põlva ja alamjooksu piirkonnas. Kõide 1—2. Muinasaja teadus. Tallinn, 1996. No. 4.
- Lang 2007 — *Lang V.* The Bronze and Early Iron Ages in Estonia. Estonian Archaeology. Tartu, 2007. No. 5.
- Laul 2001 — *Laul S.* Rauaaja kultuuri kujunemine Eesti kaguosas (500 e. Kr. — 500 p. Kr.). Muinasaja teadus. Tallinn, 2001. No. 9.
- Ligi 1993 — *Ligi P.* Vadjapäraseid kalmeid Kirde-Eestis (9.—16. sajand). Muinasaja teadus. Tallinn, 1993. No. 2.
- Linnusest... 2004 — *Linnusest ja linnast.* Uurimusi Vilma Trummali auks. Muinasaja teadus. Tallinn; Tartu, 2004. No. 14.
- Luik 2005 — *Luik H.* Bone and Antler Artefacts among Estonian Archaeological Finds from the Viking Age until the Middle Ages. Dissertationes archaeologiae Universitatis Tartuensis. Tartu, 2005. No. 1.
- Mandel 2003 — *Mandel M.* Läänemaa 5.—13. sajandi kalmeid. Eesti Ajaloomuuseum. Tõid ajaloo aiat. Tallinn, 2003. No. 5.
- Mägi 2002 — *Mägi M.* At the Crossroads of Space and Time. Graves, Changing Society and Ideology on Saaremaa (Ösel). 9.—13. centuries A. D. Tallinn, 2002.
- Peets 2003 — *Peets J.* The Power of Iron. Iron Production and Blacksmithy in Estonia and Neighbouring Areas in Prehistoric Period and the Middle Ages. Muinasaja teadus. Tallinn, 2003. No. 12.
- Setumaa... 2003 — Setumaa kogumik 1. Uurimusi Setumaa arheoloogias, numismaatikast, etnoloogiast ja ajalooast. Tallinn, 2003.
- Setumaa... 2004 — Setumaa kogumik 2. Uurimusi Setumaa arheoloogias, rahvakultuurist, rahvaluulest ajalooast ja geograafiast. Tallinn, 2004.
- Tvaari 2001 — *Tvaari A.* Muinas-Tartu. Uurimus Tartu muinaslinnuse ja asula asustasloost. Muinasaja teadus. Tallinn, 2001. No. 10.
- Valk 2001 — *Valk H.* Rural Cemeteries of Southern Estonia 1225—1800 A. D. Visby; Tartu, 2001.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	— Археологические вести. СПб.
АИЧШЕ	— Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы. М.; Л.
АиИШПЗ	— Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
АН	— Академия наук.
АР	— Автономный район.
АЗАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры.
ЗИН	— Зоологический институт.
ИА	— Институт археологии.
ИБМАИЖЦА	— Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.
ИГ ЯКФ	— Институт геологии Якутского филиала Академии наук СССР.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.; Л.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
ЛИЛИ	— Ленинградский историко-лингвистический институт.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
ЛОИИМК	— Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР.
МАВСВ	— Материалы по археологии европейского Северо-Востока, Сыктывкар.
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. СПб.
МГУ	— Московский государственный университет.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НА	— Научный архив.
НИИГА	— Научно-исследовательский институт геологии Арктики.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей. СПб.; М.
РА	— Рукописный архив (отдел).
РАИМК	— Российская Академия истории материальной культуры.
РАН	— Российская Академия наук.
РАО	— Русское Археологическое общество.
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд.
РНБ	— Российская национальная библиотека. СПб.
РФФИ	— Российский фонд фундаментальных исследований.
СА	— Советская археология. М.
САИ	— Свод археологических источников. М.; Л.
СВКНИИ ДВНЦ	— Северо-восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного научного центра АН СССР.
ТКБАЭ	— Труды Костенковско-Боршевской археологической экспедиции. СПб.
INQUA	— International Association on Quaternary research.
JRAI	— Journal of the Royal Anthropological Institute. London.
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society. London.